СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 3(75), 2026

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, Т.Г. Попова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

16+

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Павлова Л.В., Романова И.В. Как Маяковский поссорил смоленских литераторов (по материалам протоколов писательской организации 1940–1980-х годов) 5
Сунь Ихань Мотив духовного преображения в произведениях И.С. Шмелева «Рассказ доктора», «Стенька-рыбак» и «Однажды ночью» 20
Карнюшин В.А. О некоторых аспектах изучения творческого наследия Бориса Васильева (по материалам архива писателя) 29
Кубарева К.А. Образно-мотивные особенности Старой Смоленской дороги в прозе Евгения Воробьева 36
Скачкова В.А. Лексическая интерференция в белорусско-русском языковом пространстве 46
Подтележникова Е.Н. Креативность номинативного потенциала окказионализмов в конвенциональном текстовом пространстве 57
Заграевская Т.Б., Кусов А.Р., Заграевская С.М. Интонация английского вокативного извинения в условиях интерференции 71
Пасиков С.А. Атрибутный профиль трех поэм Джона Клэра: квантитативный подход 86
Разумных Е.В. О сходстве и различиях в трактовке безличности в русском и английском языках 99
Ситянина Н.В. Когнитивные методы метафорической деривации в номинации природных явлений (на материале поэзии английского романтизма и модернизма) 112
Королькова А.В. Сравнение как средство репрезентации картины мира ребенка-рассказчика в современной английской художественной прозе 122
Шитикова А.В. Прагматическое функционирование структурно-семантически трансформированных немецких пословиц в публицистическом дискурсе 135

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лаптева Е.В. Общественные организации Смоленска в условиях войн 1877–1878 и 1904–1905 годов: сравнительный анализ 149
Денисов А.Е., Невзорова И.В. Жизненный путь историка Н.П. Павлова-Сильванского 161
Жигалова Г.А. Оценка политической активности советского общества: компаративный анализ публикаций в американских журналах «Foreign Affairs» и «Foreign Policy» (1985–1991) 173

Ананьев С.В. Правительственная политика по обеспечению государственной и общественной безопасности на западных окраинах Российской империи (1900–1907) 186
Голаев М.А. Смоленск и его крепость в польских поэтических произведениях XVII века 201
Жигунова И.И. «Великий Монреальский мир 1701 года»: предпосылки и позиции сторон 211
Алентьева Т.В. Визуальная пропаганда в США во время Англо-американской войны 1812–1815 годов 231
Мязин Н.А. Христианство в Непале: миссия в стране богов 245

Сведения об авторах 257

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.В. Павлова, И.В. Романова
Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-5-19

КАК МАЯКОВСКИЙ ПОССОРИЛ СМОЛЕНСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ (по материалам протоколов писательской организации 1940–1980-х годов)

Ключевые слова: *Владимир Маяковский; смоленская писательская организация; литературная репутация; протокол; Михаил Исаковский; Николай Поляков.*

В статье представлен аналитический обзор высказываний о Владимире Маяковском, зафиксированных в протоколах заседаний смоленской писательской организации в 1940–1980-х годах. Эти высказывания стали материалом для реконструкции литературной репутации Маяковского, сложившейся в смоленской писательской среде. Основные характеристики личности и творчества «лучшего поэта советской эпохи», выявленные в протокольных записях, свидетельствуют, что на протяжении десятилетий Маяковский для писателей-смолян – непререкаемый авторитет, эталон для оценки уровня собственных произведений. Однако единодушно высокая оценка не помогла избежать острого конфликта, связанного с именем Маяковского, внутри писательской организации. Зачинщиком выступил поэт Николай Поляков, который противопоставил новаторство Маяковского «консервативной» поэтике Михаила Исаковского, классика песенной лирики, пользовавшегося горячей любовью писателей-земляков. Ситуация, сложившаяся вокруг Маяковского, отражает положение дел не только в смоленской писательской организации, но и в целом в истории советской литературы второй половины XX века.

Понятие «литературная репутация» закрепилось в филологическом обиходе в конце 20-х годов прошлого века благодаря трудам И.Н. Розанова. В своей книге «Литературные репутации» он обосновал необходимость новой литературоведческой дисциплины, содержательный центр которой составят исследования различных факторов литературного успеха. В качестве примера И.Н. Розанов написал несколько статей, в которых воссоздал лите-

ратурные репутации «самого громкого в русской литературе имени» – Пушкина, Тютчева и Бенедиктова, в чьих судьбах произошли «наиболее резкие переходы от безвестности к славе и от славы к осмеянию», и «забытого маленького поэта (Алипанова), приобретшего неожиданный интерес для нашего времени в связи с тем социальным сдвигом, который принесла революция» [Розанов, 1990, *16*].

Интерес к литературной репутации как социокультурному феномену, долгое время остававшемуся в тени, существенно вырос, начиная с последних десятилетий XX века и особенно в XXI веке: опубликован большой ряд статьей, защищены десятки диссертаций, проводятся конференции «репутационной» проблематики [Антипина, 2012; Краюшкина, 2009; Львова, 2000; Попов, 2011; Селезнев, 2008; Сибирцева, 2024; Трунин, 2010; Щербаков, 2022 и др.]. В большинстве случаев понятие литературной репутации исследователи связывают с общественным представлением о месте писателя в литературной иерархии. Формируется это представление «в рамках литературной системы» и свойственно «значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя» [Рейтблат, 2001, *51*].

Одним из источников сведений о литературной репутации автора в определенную эпоху, гораздо более редко попадающим в поле зрения исследователей, чем воспоминания, отзывы критиков и читателей, письма, являются документальные записи различных заседаний, прежде всего протоколы и стенограммы. Именно протоколы заседаний смоленской писательской организации (1940–1980-х годов), найденные в фондах Государственного архива Смоленской области [ГАСО, ф.р. 3473, оп. 1, д. 33] и вошедшие во внушительный том «Полилог в контексте времени» [Полилог, 2019][1], послужили материалом для реконструкции бытующих в среде смоленских писателей представлений о классиках прошлых лет и современниках. Опыт подобной реконструкции писательской литературной репутации на основе протокольных записей ранее излагался в ряде работ [Павлова, Романова, 2022а; 2022б; 2025а; 2025б].

Судя по протокольным записям, поколение, пришедшее в литературу в послевоенные годы, за редким исключением, начитанностью и глубокими историко-литературными знаниями не отличалось. В ходе заседаний звучали высказывания, наглядно демонстрирующие культурный уровень участников: «Меня упрекают в подражании Тютчеву и Фету. Фета я не читал. Так что подражать ему не могу» (*153*), «В каждом районе есть свои Гоголи и Салтыковы-Щедрины» (*251*), «Я лично начал учиться у Маяковского. Не будучи даже хорошо знаком с его творчеством» (*466*) и прочие.

[1] Цитаты из протоколов в статье приведены по этому изданию, в круглых скобках указаны страницы.

Много сил на преодоление «главного зла – художественного бескультурья» (*474*) положил Николай Иванович Рыленков, долгие годы руководивший смоленской писательской организацией. О его благотворном влиянии много лет спустя вспоминала В.А. Звездаева: «Мы, бывало, кипим, обижаем друг дружку, ниспровергаем чужие кумиры и тщимся возвеличить свои. Мы спорим до хрипоты, ругаемся. Когда накал достигает предела, встает Николай Иванович <…>. И все становится на свои места. И мы – это самое главное – вместе с главой нашего смоленского писательского “правительства” начинаем судить обо всем с точки зрения, как любил говаривать Николай Иванович, великой русской литературы. И тогда мы слышали имена Марины Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, Ушакова, Смелякова; имена, составившие гордость мировой литературы, – Пушкина, Лермонтова, Некрасова <…>» [Звездаева, 1987, *65–66*].

На заседаниях в разных контекстах упоминаются имена Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Льва Толстого и других классиков русской литературы. Нередко речь идет не о творчестве того или иного автора, а о «пушкинских местах», «юбилеях Крылова и Тургенева» (*248*), о «хозяйствах области, носящих имена писателей: в Гагаринском районе колхозы имени Радищева, Пушкина, Горького, Маяковского, в Велижском – колхоз им. Пушкина, в Ельнинском – им. Горького, в Сафоновском – совхоз “Пушкинский”, в Темкинском – совхоз “Горьковский”» (*334*), о подготовке к 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя (*30*), о «мемориальных комплексах, посвященных ряду выдающихся советских писателей», в числе которых оказывается и Тютчев («<…> большой Есенинский комплекс в Рязани. В Шахматово – посвящен Блоку, в Сростках – Шукшину, в Вологде – Рубцову, в Брянске – Тютчеву и Алексею Константиновичу Толстому» (*334*) и т.д.

Если же речь заходит именно о творчестве того или иного автора, то, как правило, используются стандартные, постоянные характеристики: Белинский, Добролюбов, Чернышевский – «критики с большой буквы. Критики – отцы русской литературы» (*76*), Некрасов стремился «демократизировать стих, приблизить его к народу» (*467*), Толстой – реалист, пример «органического вживания в материал» (*166*), Тургенев – летописец своего времени, «буквально шел по горячим следам событий, отзывался на все волнующие вопросы времени» (*133*), Горький – пример «заботы о молодых авторах» (*459*) и т.д.

Чаще других – более 100 раз – писатели и литературный актив ссылаются на авторитет Владимира Маяковского, что неудивительно в силу сложившегося в советском обществе отношения к поэту и его творческому наследию: «<…> есть статистика Всесоюзной книжной палаты, подготовленная к 70-летию Революции (то есть по состоянию на 1987 год): за неполный советский период с 1918 по 1986 год книги Маяковского издавались 1319 раз общим тиражом более 171 миллиона экземпляров. Другими словами, в среднем в СССР *ежедневно* печаталось почти 7000 экземпляров

книг Маяковского. По нашим подсчетам, если поставить все эти миллионы книг вертикально друг на друга, они достанут до Луны» [Ромахин, Большухин, Казарцев, 2025, *33*].

XXI век отмечен новой, после некоторого затишья рубежа веков, волной интереса к Маяковскому. Аналитический обзор основных современных исследовательских векторов представлен, в частности, в работе «Творческое наследие В.В. Маяковского в отечественном литературоведении последнего десятилетия: концепции и подходы» [Бестолков, 2012]. С 2008 года ИМЛИ РАН издает серию коллективных монографий под общим заголовком «Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования» (к настоящему времени вышло пять выпусков [Творчество В.В. Маяковского, 2008; 2014; 2015; 2018; 2020; 2024]). Знакомство с указанными и иными многочисленными публикациями позволяет утверждать, что протоколы провинциальной писательской организации ни разу не становились материалом для реконструкции литературной репутации Маяковского.

Маяковский приезжал в Смоленск в январе 1925 года. 26 января он выступал в здании Смоленского городского театра (оно не сохранилось) с чтением ряда стихотворений, например, «Разговор с А.С. Пушкиным», «Париж», «Грядущая война», «Солнце в гостях у Маяковского», «Левый марш», а также поэмы «150 000 000». В тот же день состоялось выступление в губернском партийном клубе, располагавшемся в здании бывшей губернской земской управы. В конференцзале, по свидетельству очевидцев, «присутствовали почти исключительно партийцы и комсомольцы. После выступления, объясняющего недавно написанную им большую поэму “Ленин”, В.В. Маяковский прочитал третью главу этой поэмы... Эта часть поэмы, особенно сильно и прочувствованно написанная, прочитана была автором с большим мастерством и теплотой». Затем поэт прочитал несколько сатирических стихотворений и знаменитый «Левый марш». Отвечая на вопросы присутствующих, он объяснил особенности своей поэтики. На вопрос, почему его стихотворения воспринимаются читателями как непонятные, а при чтении автора этого не происходит, Маяковский сказал: «У меня особый прием письма, особое новое построение стиха, незнакомое еще широкой публике, которая не привыкла к ним. Это бывало всегда в литературе, когда выдвигались новые формы творчества”» [Б.Н., 1925, *3*].

25 марта 1927 года состоялось еще одно выступление Маяковского в Смоленском театре – с докладом «Лицо новой литературы» и чтением стихов. Скрывшийся за псевдонимом «Влас» автор заметки об этом событии в газете «Рабочий путь» раскритиковал поэта за «неприятную развязность», «не изжитое еще самохвальство» и главным образом за доклад, который, по его мнению, «свелся к двум лефовским положениям: литературное наследие, как учебный материал, и творчество новых форм. Все это поэт обосно-

вывал целым рядом веселых, анекдотических примеров. Серьезных доказательств, убеждающих аудиторию, Маяковским приведено почти не было». Мало того, что, по мнению автора заметки, поэт был противоречив и то говорил о необходимости учебного использования литературного наследия, то убеждал, что классиков знать вовсе не надо, нового лица литературы, рассказ о котором ждали все, Маяковский и вовсе не показал, «не охарактеризовал практику Лефа». Зато «стихи на актуальные темы нашей действительности были более выразительны и вразумительны» [Влас, 1927, *4*].

Протоколы писательской организации позволяют более детально воспроизвести литературную репутацию Маяковского в смоленской писательской среде, выделив несколько опорных характеристик:

1) прежде всего, непоколебимая партийность, достойная подражания (например, «Учиться у Маяковского нужно партийности» (*457*), «У Маяковского, как поэта, нужно учиться, прежде всего, партийности» (*458*), «Маяковский – яркий пример поэта, вышедшего на позиции классовой борьбы и идейно вооружающего массы, строящие коммунизм» (*459*), «Что значит следовать традициям Маяковского? Это значит, прежде всего, делать свое поэтическое дело, как Маяковский, зная, видя и претворяя в стихи то главное, что в тот или иной период жизни страны нужней всего, важней всего партии и народу» (*47*), «Маяковский, как ни один поэт, поставил себя на службу советскому правительству, партии, и весь он был сконцентрирован на высоком служении нашему народу, нашей партии. Маяковский может служить примером поэта, всецело отдавшего себя делу построения коммунизма» (*467*));

2) демократизм как продолжение традиций русской классической литературы (например, «Маяковский всегда шел с народом, стремился, чтобы его стихи были бы понятны народу» (*458*), «Маяковский демократизирует стихи, в то же время продолжая Пушкина» (*467*), «Он не разделял поэзию для избранных и для народа. Он демократизацией своей поэзии продолжал традиции Пушкина, Некрасова» (*467*));

3) обусловленная поисками нового оригинальность стиха (речь всегда только о неклассическом графическом оформлении, о «лесенке») и лексики (например, «Учиться у Маяковского нужно партийности, накалу стиха, а не писать лесенкой и вводить в стихи грубые, выдуманные слова» (*457*), «Маяковский вводил в своем произведении неологизмы» (*455*));

4) отличие «раннего» Маяковского как еще не нашедшего себя от «зрелого», вышедшего на правильные творческие позиции (например, «Зрелый период творчества Маяковского свободен от влияния футуризма» (*466*)).

В целом, как свидетельствуют протоколы, Маяковский для смоленской писательской организации – эталон, сверяясь с которым писатели оценивают уровень собственных произведений: «Вспомните, как работал Маяковский, лучший, талантливейший наш поэт, почитайте его статьи <…>. Вот кто должен быть примером для наших молодых поэтов и писателей»

(*95*); «Я, как молодой автор, всегда обращаюсь к классику современной поэзии – Маяковскому. Маяковский – яркий пример поэта, вышедшего на позиции классовой борьбы и идейно вооружающего массы, строящие коммунизм» (*459*) и т.п.

Очевидно, что «смоленские» оценки роли Маяковского в развитии советской литературы напрямую восходят к знаменитой резолюции И.В. Сталина, в 1935 году обнародованной газетой «Правда» в контексте подготовки к Пушкинскому юбилею. «<…> От Пушкина ведут свою родословную лучшие наши поэты. А о значении лучшего поэта нашей советской эпохи, о значении Маяковского, сказал недавно товарищ Сталин: “Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям – преступление”. Эти слова о Маяковском на высочайшую ступень подняли вопрос о значении нашей поэзии, и постановление ЦИК СССР о Пушкинском комитете продолжает линию, указанную в словах товарища Сталина…» [Правда, 1935, *1*].

С этого времени любовь к «лучшему поэту советской эпохи» стала всеобщей и обязательной. Как писал Пастернак, «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он не повинен» [Пастернак, 1967, *231*]. Как не повинен и в том, что с его именем связан конфликт, долгие годы державший в напряжении смоленское отделение Союза писателей и литературную общественность.

По воспоминаниям писателей-смолян, разделение на враждующие группировки, продуманные интриги и козни были нетипичны для смоленской писательской организации, особенно в бытность секретарем Н.И. Рыленкова. «От Николая Ивановича исходила атмосфера порядочности, которая, к сожалению, не так уж часта в местных писательских организациях, но в Смоленской была отмечаема буквально всеми. А ведь он возглавлял нашу организацию без малого двадцать восемь лет» [Звездаева, 1987, *66*] – через много лет напишет В.А. Звездаева. «Заступался за нас, не вымеряя заранее, не повредит ли ему самому такое заступничество. Поэтому не было в нашей организации никаких микрогруппировок. Никаких подсиживаний. В разное время затесывались к нам самые разные люди. Но слишком уж рьяные любители мутить воду у нас не приживались» [Звездаева, 1987, *68*].

Однако даже Рыленкову, с его мудростью и авторитетом, не удалось мирно разрешить конфликт, разгоревшийся в писательской среде вокруг имени Владимира Маяковского.

В большинстве случаев и в 1940-е годы, и в 50-е, и в 60-е писатели-смоляне вспоминали Маяковского по одному и тому же поводу – при обсуждении стихов Николая Варфоломеевича Полякова. Писать он начал еще школьником, до войны, в 1949 году вышел первый сборник «Судьба светла» [Поляков, 1949], получивший доброжелательные оценки критиков и това-

рищей по писательскому цеху. Постепенно тон высказываний о поэтических поисках Полякова изменился: «Мы все радовались его первым стихам, в которых было много юношеской чистоты и зоркости. Немало свежих, по-настоящему взволнованных и проникновенных стихов о судьбе поколения, возмужавшего в годы войны, было и в первой его книжке “Судьба светла”» (*105*), все чаще Полякова упрекают в «желании выразиться повычурней» (*265*), которое, как считают критикующие, понимается автором как эстафета, принятая от Маяковского.

Сам Поляков свое следование яркому поэту-предшественнику не оспаривал, напротив, подчеркивал установку на преемственность различными способами. Так, в качестве эпиграфа к поэме «На товарищеской земле» взяты слова Маяковского: «Если сердце работает, оно не может не проявляться во всем» (отметим, что формулировка этой фразы из письма Лиле Брик от 5 февраля 1923 года «подкорректирована», по-видимому, самим Поляковым: в оригинале – «Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу все остальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но если сердце работает оно не может не проявляться в этом во всем» [Янгфельд, 1991, *113*]. Как и большинство других произведений Полякова, поэма написана узнаваемой «лесенкой», узнаваемы интонация, лексика, приемы создания тропов.

В полдень,
Грудью когда наляжет
Силач-океан
На берег плоский,
В лоске солнечном,
выйдя на пляжики,
ляжки греют
приезжие лос-анжелосски,
У тропиков
Масса услад и нег,
А у негра –
Бесхлебица день за днем.
– Эх, перевернуть бы, –
Смелеет негр, –
все это
вверх дном!
[Поляков, 1957, *97*]

Ощутимое влияние Маяковского на первых послевоенных заседаниях просто констатируют («В поэме чувствуется влияние Маяковского, Грибачева» (*418*)), потом прибегают к сравнению с ним, дабы показать, насколько далеки от достойного уровня творения начинающего автора («У Маяковского чувствуются штыковые удары стихов. А у Полякова стихи – это развязанная метла. Причина: Поляков в стихах идет не от жизненных фактов. А поэтому получается лишь нагромождение громких фраз» (*456*)), потом раздраженно упрекают в «попытках присвоить в поэзии монополию

на наследие Маяковского» (*67*) и настоятельно советуют «начинать писать не под Маяковского, а под Полякова» (*504*).

В 1953 году разговор о роли Маяковского в советской литературе в целом и в творчестве смоленского поэта Николая Полякова в частности достигает наибольшего эмоционального накала.

19 февраля 1953 года на совещании писателей и литературного актива Смоленской области в обкоме КПСС, докладывая об итогах Всесоюзного совещания редакторов русских литературно-художественных альманахов и руководителей местных организаций ССП и задачах писателей Смоленской области, Николай Антонов, в то время редактор «Смоленского альманаха», значительную часть времени уделил осуждению позиции Полякова: «вместо поисков своих средств для поэтического изображения нашей действительности, он все свои силы направил на чисто внешнее, механическое копирование приемов Маяковского. Но мало этого, не зная жизни, оторвавшись от нее, он пошел по линии выдумывания всяческих сверхноваторских трюков, вплоть до того, что заставлял трактористок во время работы на тракторе готовить и сдавать по радио зачеты в заочный институт. Разве после этого удивит кого-нибудь, что молодые колхозники у него изучают по самоучителю китайский язык, европейскими они уже овладели. Что это, как не худший вид лакировки действительности. Лакировки, выдаваемой за чувство нового!» (*105*).

Следующие фразы доклада свидетельствуют о наличии существенных разногласий в среде смоленских писателей, о попытке подключить к разрешению возникшего напряжения сторонние авторитеты: «Мы не раз указывали на это Полякову, но были недостаточно последовательны и время от времени публиковали его вещи, ссылаясь на то, что надо же давать ему какой-то выход к читателю. А в результате, Поляков перестал вовсе считаться с мнением своих товарищей и даже не посещает наших творческих собраний. Рукопись его новой книги издательство вынуждено было послать на рецензирование в Москву, так как знало, что местные критики для него не авторитетны. Надо надеяться, что дружественная, хотя и очень суровая, рецензия Михаила Светлова заставит Полякова задуматься о своем пути. Но мы никак не можем снять с себя ответственности за неудачи и ошибки молодого поэта. Они – свидетельство слабости нашей воспитательной работы с литературной молодежью, в среде которой все еще встречаются проявления зазнайства, мелкобуржуазного индивидуализма, разболтанности. Не успеет человек выпустить одну тощую книжечку, как уже начинает говорить со всеми остальными в покровительственном тоне» (*105–106*).

5 марта 1953 года смоленская писательская организация собралась для обсуждения опубликованной в «Правде» статьи «За марксистское освещение творчества В. Маяковского». В редакционной статье задавался век-

тор научного осмысления творчества автора, безразличие к памяти и произведениям которого, по открывающим статью известным словам Сталина, является преступлением. Обзор и оценка работ, посвященных жизни и творчеству Маяковского, подытоживались призывом к писателям, литературоведам, критикам: «Решительно преодолеть серьезные недостатки в изучении творчества Маяковского, создать больше “хороших и разных”, подлинно научных, марксистских работ о лучшем, талантливейшем поэте нашей советской эпохи <…>» [Правда, 1953, *2*].

Казалось бы, разговор о необходимости воздать должное классику современной советской литературы и всячески развивать его традиции продемонстрирует полное единодушие участников встречи. Однако обсуждение вновь наглядно показало острый конфликт, существующий внутри писательской организации. Как основной докладчик первым заговорил об этом Н. Рыленков, отметив, что «раскольническая, сектантская деятельность Трегуба, противопоставлявшая Маяковского всем остальным советским поэтам, оказывала свое влияние и на периферию, в частности, и на некоторых смоленских поэтов, как, например, Поляков» (*465*). В последующих выступлениях неоднократно заходила речь о существовании в составе смоленской писательской организации некой группы, возглавляемой Николаем Поляковым, который «заявляет, что он единственный последователь творчества Маяковского и что против Маяковского в Смоленске замышлялась идеологическая диверсия» (*465*). О том, что попавший под вредное влияние Поляков, прикрываясь именем Маяковского, ведет подрывающую единство писательской организации деятельность, говорилось и на упомянутом ранее февральском заседании: «<…> тов. Поляков более чем упрям в отстаивании своих ошибок. Он попал к плохим учителям. Он уверяет всех и вся, что учится у Маяковского, а на самом деле оказался в плену или, во всяком случае, под влиянием группы интриганов, спекулирующих на имени Маяковского и развращавших ради своих личных, групповых целей некоторых не в меру доверчивых молодых поэтов и критиков» (*48*).

Поляков на мартовском заседании 1953 года не присутствовал, но его позицию и смысл слов Рыленкова позволяют восстановить протоколы предыдущих заседаний. Так, еще в мае 1952 года в ходе творческого отчета Полякова его отношение к Маяковскому стало лейтмотивом всеобщего обсуждения: «В некоторых местах очень ярко подражает Маяковскому. Даже можно привести стихи, откуда взяты эти строки. Но Поляков подражает Маяковскому только внешне. Его стихи, конечно, не бьют, как стихи Маяковского» (*456*), «Учиться у Маяковского нужно партийности, накалу стиха, а не писать лесенкой и вводить в стихи грубые, выдуманные слова», «он пошел по пути внешнего подражания Маяковскому. Он берет нарочитые слова, увлекается формализмом» (*456*), «Не надо подделываться под Маяковского, надо говорить своим голосом» (*458*), «У Маяковского, как поэта, нужно учиться, прежде всего, партийности. А не нарочито его копировать» (*458*).

Особенно задевает присутствующих неуважительное отношение к знаменитому поэту-земляку Михаилу Васильевичу Исаковскому, чью поэтическую манеру Поляков иронично противопоставляет манере Маяковского: «Больше всего не понравилось, что Поляков восстает против изображения в стихах природы, а также делает выпады против таких поэтов, как М. Исаковский (“Одинокая гармонь”)» (*456*); «В. В. Маяковский старался “уесть покрупнее буржуя”. А кого же “уедает” Поляков? М.В. Исаковского: “Одиноким гармоням в моем краю сегодня нет места”» (*456*); «Непонятно – как может поэт охаивать видных людей, известных своей партийностью в литературе – М. Исаковского» (*457*); «Никто не заставляет Полякова любить Исаковского. Но никто не позволит его и оплевывать, так как это поэт партийный, народный. Исаковский – один из тех поэтов, кто создал замечательную песенную традицию советского народа» (*458*).

Отвечая на критические высказывания собравшихся, Поляков не ограничивается традиционной для творческих отчетов благодарностью и обещанием учесть сделанные замечания. Он оскорблен отношением к себе и не считает нужным это скрывать: «Стихи мои, видно, пришлись не по вкусу. Такое положение, по-видимому, является смоленским выражением горьковской заботы о молодых авторах. Да и нелегко было ожидать всесторонней и бескорыстной помощи от Смоленского отделения ССП, т. к. само отделение нуждается в хирургической помощи от ССП СССР. Смоленские писатели замедленно следуют заветам Маяковского, укрепляющего здоровые тенденции в каждом авторе. <…> Литературные нравы нашего Смоленска, методично оберегаемые старшими товарищами, таковы, что первые мои довоенные стихи и послевоенные – цикл стихов “Романтика” – в Смоленске не встретили поддержки, и только после напечатания их в Москве и других местах были признаны литературным Смоленском. Моя поэма “Первое число” лежит в СмолГизе без движения, несмотря на то, что она признана неплохой. А областное отделение ССП делает вид, что это его мало касается. Пусть молодой автор побьется, чтобы пробить стену местного равнодушия к судьбам молодых, но на “пробивание” больше уходит сил, чем на творческую работу» (*458–459*).

Последующие события показали, что призыв одного из участников обсуждения – «правильно понимать критику, уметь расценивать ее как дружескую помощь, а не видеть в критикующих своих личных врагов» (*457*) – адресатом воспринят не был.

По какой причине Поляков отсутствовал на заседании 5 марта 1953 года, где обсуждалась статья «За марксистское освещение творчества В. Маяковского», неизвестно, остались без ответа предъявленные ему обвинения: «2-е совещание молодых писателей было фактически сорвано группой, возглавляемой Поляковым, которая вела себя возмутительно. Писали в Москву, чтобы приехал не Исаковский, а Трегуб. Жаль, что не присутствует т. Поляков, который мог бы теперь, когда внесена полная ясность в отношении к творчеству, рассказать о группе, которую он возглавлял в Смоленске»

(*465*). Возможно, о последствиях этого конфликта шла речь на одном из заседаний уже в 1954 году: «Нет Полякова, который вообще теперь не ходит на “четверги”» (*477*).

Противостояние Полякова и смоленской писательской организации, изначально возникшее из-за различного понимания преемственности традиции Маяковского, было настолько острым, что его отголоски встречаются в протоколах спустя четверть века. 25 мая 1983 года на отчетно-выборном собрании Смоленской писательской организации приглашенный на встречу Поляков не сдерживал своих обид: «Спасибо за внимание к нашим литераторам и Советскому Правительству, спасибо и нашему обкому партии за приветственный адрес в день моего 60-летия, спасибо за поздравления и читателям. Лишь Смоленская писательская организация обессилела прислать одному из непраздных авторов открыточку. В ответ на все это можно сказать: мы еще поживем, мы еще поработаем, мы еще повоюем, ибо литература не только поле деятельности, но и поле боя» (*298*).

Фрагменты истории Смоленской писательской организации наглядно показывают, как формируется литературная репутация. С одной стороны, это происходит в оценке профессиональной критики и официальных государственных лиц, отраженной в соответствующих публикациях и влияющей на общественное мнение. С другой стороны, протоколы заседаний писательской организации сохранили живую, устную атмосферу обсуждений литераторами авторов первого ряда и друг друга. Высказанные суждения отражают восприятие в провинции Маяковского: он актуален прежде всего в рамках партийных идеологических установок, как поэт революции. Его футуристические инновации в области стиха и стиля не были по достоинству оценены. Молодые авторы ограничивались внешним копированием знаменитой «лесенки» и сочинением окказионализмов. Старшие товарищи осуждали любые футуристические, с их точки зрения, формальные эксперименты. Оценки, высказанные в адрес Маяковского и других писателей-классиков, определяют не в меньшей степени литературную репутацию самих смоленских авторов. В целом можно констатировать их общую слабую филологическую культуру, особенно молодых. Установка на идеологическую выверенность, подменяющую в большинстве случаев критерии художественности, приводила к серьезным перегибам и разногласиям, подозрениям в оппозиционности, противопоставлениям Маяковского другим именитым писателям современности и необъективной оценке их наследия. Так, в восприятии начинающих смоленских поэтов возникла оппозиция Маяковский – Исаковский, в которой яркий представитель песенной традиции стиха стал восприниматься воплощением ретроградности. Прослеживается в протоколах и тенденция недооценивания местных писательских авторитетов, в том числе председателя Смоленского отделения ССП Н.И. Рыленкова, человека разносторонней культуры, и стремление через его голову заручиться поддержкой столичных литераторов.

Работа с протоколами смоленского отделения Союза писателей СССР 1940–1980-х годов показала, что Маяковский и после своей гибели невольно оказывался в центре громких литературных конфликтов, позволяющих судить о положении дел в советской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина З.С. Литературная репутация и творчество В.В. Каменского в историко-культурном контексте 1920–1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 19 с.

Б.Н. В. Маяковский в Губпартклубе // Рабочий путь. 1925. № 23 (29 января).

Бестолков Д.А. Творческое наследие В.В. Маяковского в отечественном литературоведении последнего десятилетия: концепции и подходы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 25 с.

Великий русский поэт // Правда. 1935. № 346 (17 декабря).

Влас. Маяковский в Смоленске // Рабочий путь. 1927. № 69 (27 марта).

ГАСО. Ф.р. 3473. Оп. 1. Д. 33.

За марксистское освещение творчества В. Маяковского // Правда. 1953. № 61 (2 марта). С. 2–3.

Звездаева В.А. Николай Рыленков. М.: Современник, 1987. 253 с.

Краюшкина Н.Н. Литературная репутация А.С. Пушкина в 1830-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.

Львова И.В. Литературная репутация Ф.М. Достоевского в США: 1940–1960-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2000. 18 с.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Все-таки имя Твардовского звучит…» (по материалам протоколов смоленской писательской организации) // Известия Смоленского государственного университета. 2025а. № 3(71). С. 4–15.

Павлова Л.В., Романова И.В. Николай Иванович Рыленков и Смоленская писательская организация // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного университета: межвузовский сборник научных статей. Вып. 25. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2025б. С. 134–148.

Павлова Л.В., Романова И.В. «Нужно писать хорошо, тогда – будут печатать и в Москве»: из жизни Союза советских писателей Смоленской области (по материалам протоколов 1940–1990 гг.) // Русская словесность. 2022б. № 5. С. 106–112.

Павлова Л.В., Романова И.В. Алексей Бодренков на страницах протоколов смоленской писательской организации // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. Смоленск, 2022а. Вып. 22. С. 357–368.

Пастернак Б. Люди и положения // Новый мир. 1967. № 1. С. 204–236.

Поляков Н.В. Судьба светла. [Смоленск]: Смолгиз, 1949. 84 с.

Попов В.Н. Н.Е. Струйский и проблема литературной репутации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 32 с.

Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.

Розанов И.Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1990. 462 с.

Ромахин А.А., Большухин Л.Ю., Казарцев Е.В. Время Маяковского: Смена дискурсов. К 132-й годовщине ключевого актора авангардной эпохи // Slavic Literatures. 2025. Т. 154–156. С. 1–34.

Селезнев М.Б. Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 183 с.

Сибирцева В.Г. Пути формирования литературной репутации: Ф.Г. Клопшток в России XIX века // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 1(65). С. 102–119.

Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования. [Вып. 1]. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 796 с.

Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования. Вып. 2: Проблемы текстологии и биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 607 с.

Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования. Вып. 3: Текст и биография. Слово и изображение. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 598 с.

Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования. Вып. 4. Кн. 1: Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве: материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения поэта. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 560 с.

Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования. Вып. 4. Кн. 2: Владимир Маяковский в контексте мировой культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 719 с.

Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: новые задачи и пути исследования. Вып. 5: Междисциплинарные подходы и мировая рецепция (к 130-летию со дня рождения поэта). М.: ИМЛИ РАН, 2024. 654 с.

Трунин М.В. Литературная репутация М.Н. Лонгинова: 1850–1870-е гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.

Щербаков Д.А. Специфика публицистического осмысления литературной репутации Н.Г. Чернышевского в досоветский, советский и постсоветский периоды: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 28 с.

Янгфельдт Б. Любовь – это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка 1915–1930: Репринт. изд. М.: Книга, 1991. 321 с.

L.V. Pavlova
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of Literature and Journalizm,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

I.V. Romanova
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Head of the Chair of Literature and Journalizm,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

How Mayakovsky Brought the Smolensk Writers to Strife (Based on the Minutes of the Writers' Organization of the 1940s–1980s)

These statements have become the material for reconstructing Mayakovsky's literary reputation as it developed within the Smolensk writing community. The main characteristics of the personality and work of the «best poet of the Soviet era», identified in the minutes, indicate that for decades, Mayakovsky was an unquestionable authority for the writers of Smolensk, a benchmark for assessing the level of their own works. However, this unanimously high esteem did not help avoid an acute conflict associated with Mayakovsky's name within the writers' organization. The instigator was the poet Nikolai Polyakov, who contrasted Mayakovsky's innovation with the «conservative» poetics of Mikhail Isakovsky, a classic of song lyricism who enjoyed the ardent affection of his fellow writers. The situation that developed around Mayakovsky reflects the state of affairs not only

in the Smolensk writers' organization but also in the history of Soviet literature of the second half of the 20th century as a whole.

Keywords: *Vladimir Mayakovsky; Smolensk Writers' Organization; literary reputation; minutes; Mikhail Isakovsky; Nikolai Polyakov.*

REFERENCES

Antipina Z.S. *Literary Reputation and Work of V.V. Kamensky in the Historical and Cultural Context of the 1920s–1930s [*Literaturnaia reputatsiia i tvorchestvo V.V. Kamenskogo v istoriko-kul'turnom kontekste 1920-1930-kh godov*]. Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology.* Perm, 2012. 19 p. (in Russian).

B.N. V. Mayakovsky in the Guberniya Party Club [V. Maiakovskii v Gubpartklube]. *Rabochy Put*, 1925. No. 23, 29 Jan. (in Russian).

Bestolkov D.A. *The Creative Heritage of V.V. Mayakovsky in Russian Literary Studies of the Last Decade: Concepts and Approaches* [Tvorcheskoe nasledie V.V. Maiakovskogo v otechestvennom literaturovedenii poslednego desiatiletiia: kontseptsii i podkhody]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology.* Tambov, 2012. 25 p. (in Russian).

The Great Russian Poet. *Pravda*, 1935. No. 346, December10th. (in Russian).

Vlas. Mayakovsky in Smolensk [Maiakovskii v Smolenske]. *Rabochy Put*, 1927b. No. 69, March 27th. (in Russian).

SASO [State Archive of Smolensk Region]. Collection 3473. Inventory 1. File 33. (in Russian).

For a Marxist Interpretation of V. Mayakovsky's Work [Za marksistskoe osveshchenie tvorchestva V. Maiakovskogo]. *Pravda*, 1953. No. 61, March 2nd. Pp. 2–3 (in Russian).

Zvezdaeva V.A. *Nikolai Rylenkov* [Nikolai Rylenkov]. Moscow: Sovremennik, 1987. 253 p. (in Russian).

Kraiushkina N.N. *The Literary Reputation of A.S. Pushkin in the 1830s* [Literaturnaia reputatsiia A.S. Pushkina v 1830-e gody]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology.* Moscow, 2009. 24 p. (in Russian).

Lvova I.V. *The Literary Reputation of F.M. Dostoevsky in the USA: 1940s–1960s* [Literaturnaia reputatsiia F. M. Dostoevskogo v SShA: 1940–1960-e gody]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology.* Petrozavodsk, 2000. 18 p. (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. 'And Yet the Name of Tvardovsky Resonates…' (Based on the Minutes of the Smolensk Writers' Organization) [«Vse-taki imia Tvardovskogo zvuchit…» (po materialam protokolov smolenskoi pisatel'skoi organizatsii)]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2025a. No. 3(71). Pp. 4–15 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Nikolay Ivanovich Rylenkov and the Smolensk Writers' Organization [Nikolaj Ivanovich Rylenkov i Smolenskaya pisatel'skaya organizaciya]. *Russian Philology: Scholarly Notes of Smolensk State University: an interuniversity collection of scientific articles, issue* 25. Smolensk: SmolGU, 2025b. Pp. 134–148 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. 'You Must Write Well, Then They Will Publish You Even in Moscow': From the Life of the Union of Soviet Writers of the Smolensk Region (Based on Minutes from 1940–1990) [«Nuzhno pisat' khorosho, togda – budut pechatat' i v Moskve»: iz zhizni Soiuza sovetskikh pisatelei Smolenskoi oblasti (po materialam protokolov 1940–1990 gg.)]. *Russian litrature*, 2022b. No. 5, pp. 106–112 (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Alexey Bodrenkov on the Pages of the Minutes of the Smolensk Writers' Organization [Aleksei Bodrenkov na stranitsakh protokolov smolenskoi pisatel'skoi organizatsii]. *Russian Philology: Scholarly Notes of Smolensk State University*, *issue* 22. 2022a. Pp. 357–368 (in Russian).

Pasternak B. People and Propositions [Liudi i polozheniia]. *Novy Mir*, 1967. No. 1. Pp. 204–236 (in Russian).

Polyakov N.V. *A Bright Fate* [Sud'ba svetla]. Smolensk: Smolgiz, 1949. 84 p. (in Russian).

Popov V.N. *N.E. Struysky and the Problem of Literary Reputation* [N.E. Struiskii i problema literaturnoi reputatsii]. *Abstract of the dissertation ... Candidate of Philology.* Moscow, 2011. 32 p. (in Russian).

Reitblat A.I. *How Pushkin Became a Genius: Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era* [Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi]. Moscow: New Literary Observer, 2001. 336 p. (in Russian).

Rozanov I.N. *Literary Reputations: Works from Different Years* [Literaturnye reputatsii: Raboty raznykh let]. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1990. 462 p. (in Russian).

Romakhin A.A., Bolshukhin L.Y., and Kazartsev E.V. The Time of Mayakovsky: A Change of Discourses. On the 132nd Anniversary of the Key Actor of the Avant-Garde Era [Vremia Maiakovskogo: Smena diskursov. K 132-i godovshchine kliuchevogo aktora avangardnoi epokhi]. *Slavic Literatures*, 2025. Vol. 154–156. Pp. 1–34 (in Russian).

Seleznev M.B. The Literary Reputation of F.V. Bulgarin in the Literary-Aesthetic Debates of the 1820s–1840s [Literaturnaia reputatsiia F.V. Bulgarina v literaturno-esteticheskikh diskussiiakh 1820-1840-kh godov]. *Dissertation ... Candidate of Philology.* Chelyabinsk, 2008. 183 p. (in Russian).

Sibirtseva V.G. Ways of Forming a Literary Reputation: F.G. Klopstock in 19th-Century Russia [Puti formirovaniia literaturnoi reputatsii: F.G. Klopshtok v Rossii XIX veka]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2024. Vol. 1. No. 65. Pp. 102–119 (in Russian).

The Work of V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Paths of Research [Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: novye zadachi i puti issledovaniia]. Issue 1. Moscow: IWL RAS, 2008. 796 p. (in Russian).

The Work of V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Paths of Research [Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: novye zadachi i puti issledovaniia]. Issu 2: *Problems of Textology and Biography*. Moscow: IWL RAS, 2014. 607 p. (in Russian).

The Work of V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Paths of Research [Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: novye zadachi i puti issledovaniia]. Issue 3: *Text and Biography. Word and Image*. Moscow: IWL RAS, 2015. 598 p. (in Russian).

The Work of V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Paths of Research [Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: novye zadachi i puti issledovaniia]. Issue 4, book. 1: *Vladimir Mayakovsky in the Global Cultural Space: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 125th Anniversary of the Poet's Birth.* Moscow: IWL RAS, 2018. 560 p. (in Russian).

The Work of V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Paths of Research [Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: novye zadachi i puti issledovaniia]. Issue 4, book 2: *Vladimir Mayakovsky in the context of world culture*. Moscow: IWL RAS, 2020. 719 p. (in Russian).

The Work of V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Paths of Research [Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: novye zadachi i puti issledovaniia]. Issue 5: *Interdisciplinary Approaches and Global Reception (for the 130th Anniversary of the Poet's Birth)*. Moscow: IWL RAS, 2024. 654 p. (in Russian).

Trunin M.V. *The Literary Reputation of M.N. Longinov: 1850s–1870s* [Literaturnaia reputatsiia M.N. Longinova: 1850–1870-e gg.]. *Abstract ... Candidate of Philology.* Moscow, 2010. 24 p. (in Russian).

Shcherbakov D.A. *Specifics of the Journalistic Interpretation of N.G. Chernyshevsky's Literary Reputation in the Pre-Soviet, Soviet, and Post-Soviet Periods* [Spetsifika publitsisticheskogo osmysleniia literaturnoi reputatsii N.G. Chernyshevskogo v dosovetskii, sovetskii i postsovetskii periody]. *Abstract ... Candidate in Philology.* Moscow, 2022. 28 p. (in Russian).

Jangfeldt B. *Love is the Heart of Everything: V.V. Mayakovsky and L.Y. Brik. Correspondence 1915–1930* [Liubov' – eto serdtse vsego: V.V. Maiakovskii i L. Iu. Brik. Perepiska 1915–1930]. *Reprinted edition.* Moscow: Kniga, 1991. 321 p. (in Russian).

Сунь Ихань

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-20-28

МОТИВ ДУХОВНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ШМЕЛЕВА «РАССКАЗ ДОКТОРА», «СТЕНЬКА-РЫБАК» И «ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ»

Ключевые слова: *мотив; философия сердца; духовный кризис; И.С. Шмелев; «Рассказ доктора»; «Стенька-рыбак»; «Однажды ночью».*

Статья посвящена проблеме духовного кризиса человека и его преодоления в творчестве И.С. Шмелева на материале его произведений («Рассказ доктора», «Стенька-рыбак», «Однажды ночью»). Цель исследования – раскрыть философское осмысление И.С. Шмелевым феномена «сердца» как ведущего начала в преодолении духовного кризиса. Проведенное на основе историко-культурного метода и анализа мотивной структуры исследование опирается на идеи русской религиозной философии (А.А. Лебеденко, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин). В результате выдвигаются следующие положения: 1) «сердце» функционирует не только как творческий принцип писателя, но и обладает художественной функциональностью. Оно тесно связано с системой мотивов и сюжетообразованием; 2) ключевые образы (глаза, слезы, пряник) способствуют глубокому раскрытию внутреннего мира и динамики души персонажа: глаза становятся «зеркалом» души, слезы – знаком покаяния или экзистенциальной травмы, пряник – символом веры и духовного опыта; 3) эволюция единства души и тела: в анализе образов персонажей-врачей прослеживается внутренняя эволюция взглядов Шмелева – от понимания души как внешнего морального авторитета к диалектическому единству души и тела, где нравственный поступок определяется глубинной внутренней работой.

Актуальность исследования обусловлена растущим вниманием современного общества к внутреннему миру человека. В связи с доминированием утилитарных ценностей вопрос духовного кризиса становится как никогда злободневным. В современной философии сердце трактуется не только как важный орган познания, но и как единственный путь и центральная движущая сила духовного преображения личности. Как подчеркивает А.А. Лебеденко, «…только открытым, чувствующим сердцем можно постигнуть вселенское триединство Добро – Истина – Красота» [Лебеденко, 2010, *16*]. Более того, совесть является воплощением нравственного начала; ее суть в том, что она побуждает человека начинать или прекращать какие-

либо действия. По мнению Е.К. Спасской, «совесть выступает как внутренний судия <…> диктующий ему, как нужно поступить» [Спасская, 2005, *189*]. При этом он также полагает, что «совесть заставляет человека испытывать сильнейшее чувство стыда <…> удерживая тем самым от падения» [Спасская, 2005, *191*].

Более того, другая главная идея философии сердца заключается в том, что в его глубинах происходит встреча с Богом – именно сердце способно воспринимать божественное откровение. Б.П. Вышеславцев утверждает: «Только в глубине этого “я”, в глубине сердца, возможно действительное реальное соприкосновение с Божеством» [Вышеславцев, 2023, *274*]. Кроме того, А.А. Лебеденко в исследовании пришел к выводу: «…русская религиозно-философская мысль начинает развитие темы сердца с понимания его как глубинного центра сущности человека, в котором сходятся все устремления физической, душевной и духовной жизни» [Лебеденко, 2010, *10*].

Художественный мир Шмелева пронизан ключевыми идеями «философии сердца». Л.А. Спиридонова определяет эту концепцию как «умение почувствовать и изобразить жизнь сквозь призму чужой боли, чужого страдания» [Спиридонова, 2014, *51*]. Важно отметить, что сам писатель признает сердце одним из важнейших способов и средств творчества: «Шмелев не раз признавался, что всегда слушал свое сердце – оно писало» [Спиридонова, 2014, *51*]. И.А. Ильин, называя Шмелева «ясновидцем человеческого страдания» [Ильин, 1993, *117*], видел в его творчестве постижение страдания и единственное его разрешение – Бога: «И не раз уже он касался той точки, где страдающий человек чувствует, что Божья милость и благость начинают сиять ему, зарывшемуся в своем страдании и ожесточении» [Ильин, 1993, *116*]. Как указывает Е.К. Спасская, в периоды исторических потрясений творчество писателя демонстрирует переоценку статуса сердца. В работе И.С. Шмелев характеризуется как «свидетель страшных и трагических лет революции и Гражданской войны» [Спасская, 2005, *191*]. По убеждению исследователя, этот личный опыт не только глубоко повлиял на писателя, но и стал ключевым фактором, определившим проблематику его произведений: «Основное внимание писателя сосредоточено на взаимосвязи совести и веры» [Спасская, 2005, *191*]. Л.А. Спиридонова добавляет: «Судьба России и судьба народа рассматриваются Шмелевым с помощью “философии сердца”, сокровенного понимания души человека» [Спиридонова, 2014, *54*]. Несмотря на обширные исследования идеи «философии сердца», мало внимания уделялось ее связи с морбуальностью. В связи с этим исследование концентрируется на образах врачей и пациентов в произведениях писателя. Целью является анализ и раскрытие сложного внутреннего мира, этических конфликтов и духовного преображения персонажей в условиях болезни.

Духовный кризис персонажа-врача, спровоцированный профессиональным выгоранием, является весьма типичным явлением в морбуальной прозе, под которой мы понимаем следующее: «Литература, “кодирующая”

представление о болезни, образы больных, врачей, медицинские “сюжеты” жизни» [Трубецкова, 2021, *50*]. Необходимость постоянно сталкиваться с болью и смертью в медицинской практике способствует развитию у опытных врачей моделей профессионального поведения, основанных на строго рациональном подходе. Тем не менее процесс профессионализации таит в себе угрозу апатии – равнодушия к страданиям пациента, что ведет к погружению в состояние профессионального выгорания. В русской литературе встречаются подобные образы, в число которых входят «Старцев, Астров, Чебутыкин» [Леонов, 2024a, *203*]. В свою очередь, М.А. Волчкевич обозначает причины указанного явления: «Чеховскому врачу трудно найти душевные и физические силы, чтобы изо дня в день, из года в год принимать большое число пациентов, бороться с нечистотой, грязью, отсутствием необходимого оборудования, невежеством» [Волчкевич, 2023, *97*]. Однако врачи у Шмелева, пройдя через кратковременный профессиональный кризис, под водительством «сердца» в конечном итоге выдерживают испытания. Как подчеркивает И.С. Леонов, «кризисные состояния приводят человека к совершенному им выбору, за которым следует внутреннее преображение личности, воспринимаемое в контексте христианской традиции» [Леонов, 2024b, *277*]. В произведении «Рассказ доктора» Николай Васильевич по случаю своего 25-летнего юбилея поделился историей, которая произошла в самом начале его медицинской карьеры. Непомерная рабочая нагрузка в условиях острой нехватки врачей привела его к полному истощению и, как следствие, к глубокому выгоранию и экзистенциальному кризису. У него появилась такая мысль: «Всех не вылечишь, э-э, успею – так, не успею – не важно» [Шмелев, 2015, *65*]. Однако эта мысль претерпела коренной перелом из-за уколов совести. Во время тяжелой эпидемии тифа, голода из-за неурожая, когда врач наконец добрался до деревни, оказалось, что дед Антон уже потерял троих внуков, а единственный выживший находился при смерти. Взгляд старика, в котором отчаяние смешалось с последней искрой надежды, и его мольба дали врачу понять, что он опоздал: «Боль, мучительная стояла в сердце камнем. Вот тогда я начал, начал работу, настоящую работу» [Шмелев, 2015, *78*]. Николай Васильевич, поставив на второй план усталость, выгорание и собственное здоровье, вложил все свои знания, опыт, силы и энергию в борьбу за жизнь ребенка: «Мне казалось, что если я спасу Никешу, я сделаю все» [Шмелев, 2015, *80*]. Внутренний голос, служивший побудительным мотивом врача, призвал его к превращению лечения в неотвратимую миссию: «Не знаю, что, но что-то властное сказало мне: “ты должен его спасти” <…> Все спасать! – говорил я себе» [Шмелев, 2015, *80*]. Здесь сердце выступает как абсолютный авторитет, направляющий действия врача. Тело безоговорочно подчиняется внутреннему голосу. В результате «Никешка был спасен» [Шмелев, 2015, *81*]. Для врача это судьбоносное событие вновь зажгло его истощенный профессиональный энтузиазм и стало поворотным

пунктом в его карьере. В таком контексте «сердце» становится отправной точкой самопознания и духовного роста: оно преобразилось, соприкоснувшись со страданием деда Антона и его умирающего внука, а затем обрело новую жизнь в успешном спасении Никеши.

Образ пряника в качестве символа события проходит через всю статью, связывая прошлое, настоящее и будущее: «Лежал “пряник”. вот тот самый пряник <…> Этот хлеб выпекал дед Антон» [Шмелев, 2015, *78*]. На 25-ю годовщину доктор достал пряник из шкафа, чтобы поделиться им с гостями. Их реакция показала, что его внешний вид и запах не только не вызывали аппетита, но и были довольно непривлекательными, причем на вкус он тоже был довольно странным: «Мы попросили осмотреть пряник, взвешивали его, нюхали, не решаясь попробовать» [Шмелев, 2015, *64*]. В отличие от всех гостей, доктор невероятно ценил пряничного человечка и сохранил его у себя дома. Суть этого контраста заключается в личных воспоминаниях врача: в трудные времена дед Антон испек пряник из лечебных трав, чтобы спасти своего внука и жителей деревни. Можно сказать, что пряник – это символ памяти о трудных временах и олицетворение духа, преодолевающего невзгоды, мужества и решимости. Таким образом, Николай Васильевич откровенно говорил, что в моменты, когда им овладевали бессилие, ощущение собственной ничтожности, беспомощности и усталость, именно пряник становился его верой и вдохнул в него силы: «…я только загляну за стекло, где лежит этот пряник, только вспомню, что он лежит там, – приходит бодрость» [Шмелев, 2015, *81*]. Как и написано в конце истории, пряник, как семя, укоренился в сердце доктора, определив его внутренний мир и будущий путь: «Здесь семена лежат...» [Шмелев, 2015, *82*].

Кроме того, межличностные конфликты могут привести к духовному кризису. Это отражено в другом произведении Шмелева «Стенька-рыбак»: «…начались между мной, солидным человеком, и парнишкой война изводом» [Шмелев, 1999, *282*]. Разрешение конфликта, прощение и сострадание фактически случились в одно мгновение – в тот миг, когда взгляд доктора упал на измученного рыбака Степана: «И увидал я молодчика, в самом-то злейшем сыпняке, в беспамятстве, в пожаре <…> И затомилось во мне, – и жалость, и грусть, и ласка» [Шмелев, 1999, *285*]. Разрешая классическую дилемму о спасении былого противника, автор обнажает не внутреннее противоборство доктора между долгом и желанием, совести и нужды, возможного и должного, а представляет его выбор как исходящую из глубины сердца, спонтанную нравственную интуицию. В тяжелых, часто критических ситуациях, особенно перед лицом экзистенциальных вопросов, можно больше всего узнать о существе человека. Будучи врачом, рассказчик приходит к твердому убеждению: «Надо его спасти!» [Шмелев, 1999, *285*]. Выздоровление Стеньки является прямым результатом усилий доктора. Хотя процесс лечения в рассказе подробно не

описан, слова рыбака служат тому убедительным свидетельством: «Доктор... вы это меня спасли...» [Шмелев, 1999, *285*].

Сравнивая образы врачей у Шмелева, можно проследить внутреннюю эволюцию его взглядов на душевно-телесное единство: в раннем творчестве душа выступает как внешний моральный авторитет, взывающий к действию и направляющий его, тогда как в поздний период достигается диалектическое единство души и тела, благодаря чему нравственный поступок претворяется в интуицию и инстинкт. Примечательно, что общими мотивами в обоих произведениях становятся сострадание и чувство вины, возникавшие у врача при столкновении с недугом и проистекавшие из его высокой профессиональной этики и совести. Таким образом, автор глубоко раскрывает мощь и ценность сердца – его способности к прощению, жертвенности, сочувствию и добру, пробуждающиеся в горниле духовного кризиса.

Образ глаза служит детерминантой в понимании внутреннего мира персонажей Шмелева. Описания глаз и взгляда персонажей – будь то старик Антон или рыбак Стенька – раскрывают сущность и глубины человеческой души. Дед Антон, травник, лечил и людей, и скот, используя знания, унаследованные от предков или почерпнутые из Библии. Но движущей силой было не столько желание стать врачом, сколько то, что он не в силах был видеть чужие муки и страдания: «Доктора мы и в глаза не видели, а народ без помощи оставить нельзя» [Шмелев, 2015, *69*]. Другим ключевым качеством образа деда Антона является слияние человеческого и божественного в глубине его души. Взгляд служит отражением его внутреннего мира. В спокойные времена его взгляд оставался полон покоя и тих, и в его глубине, казалось, обитало божество: «…в глазах старика было так много тихого света и доброты, что, казалось в нем пребывал Господь» [Шмелев, 2015, *71*]. В условиях голода и эпидемий, когда доктор прибыл в деревню, он увидел «растерянные глаза» [Шмелев, 2015, *77*] старика, выдававшие внутреннее напряжение и тревогу. В то время как доктор пытался спасти Никешу, взгляд старика Антона был к нему прикован – тревожный, умоляющий, источавший отчаянную надежду. Изнурительная работа лишила доктора сознания. Когда он очнулся и открыл глаза, его встретил любящий взгляд старика, не отходившего от его постели. Во взгляде старика доктор прочитывал обращенное к нему прощение. Сквозь меняющийся взгляд деда Антона в разные периоды жизни проявляется его истинная сущность: совесть, сострадания, любви и стойкости. Перед лицом горьких испытаний, голода и гибели внуков он не роптал на небо и людей, а его сердце сохраняло первозданную чистоту и доброту: «Образ страдающего человека, стойко переносящего все невзгоды и беды, но не теряющего веры в Бога, любви к жизни и людям, становится ключевым в рассказах» [Шестакова, 2023, *148*].

Глаза сильно выделяются в портретном описании рыбака: «ласковость и задумчивость в сероватых глазах и облике… то, вдруг, так глазами

и загорится, как черт в нем бьется, – что-то татарское-генуэзское, разбойное» [Шмелев, 1999, *281*]. Очевидно, что в нем сталкиваются две силы: совести и некой дикой энергии. Их конфликт проявился с особой силой в период серьезной болезни рыбака: «Вдруг раскроет глаза и смотрит, дико и в ужасе... Глаза ввалились, стали из серых синими, в черноту...» [Шмелев, 1999, *285*]. Искупление начинается с пробуждения в нем нравственного начала, которое находит выражение в акте признания вины. Он приходит к осознанию того, что его прежний поступок был несправедливым злодеянием. Ключевая деталь – «что-то ему мелькает» [Шмелев, 1999, *285*] – указывает именно на внутреннюю работу этической рефлексии, а не на страх перед наказанием. При таком условии его благодарственное поведение после болезни становится окончательным подтверждением возврата к доброй сущности: «Обновление внутренней природы человека достаточно часто становится возможным благодаря пережитой им непростой ситуации» [Леонов, 2024с, *134*]. Благодаря болезни рыбак пережил духовное преображение: он подружился с врачом, который его спас. «Необычайная преданность мне бывшего “врага”, Стеньки, которого я вырвал у сыпняка, действовала как сильно успокоительное средство» [Шмелев, 1999, *288*]. В трудные времена он снабжал врача «…и кефалью, и камбалой, и скумбрией, и нипочем денег не берет» [Шмелев, 1999, *286*]. А после ареста доктора он же организовал народ и добился его освобождения.

Мотив слез является еще одним важным мотивом в творчестве Шмелева. По мнению Е.Г. Рудневой, «в слезном мотиве у Шмелева он усматривал христианскую *слезную умиленность* и *покаянность*, проявления *духовной скорби* и *плача*» [Руднева, 2018, *141–142*]. Внешнее насилие и жестокость могут ожесточить человека, но неожиданная и незаслуженная милость способна проникнуть в самую мягкую часть человеческого сердца. Одно лишь слово «славный» от врача мгновенно сокрушило самозащиту рыбака: «…слезы у него наплыли, и стыдно ему слез своих» [Шмелев, 1999, *285*]. Можно сказать, что в рассказе «Стенька-рыбак» врач лечит не только тело пациента, но и его душу, стремясь спасти из греха. С одной стороны, слезы – знак того, что Стенька искуплен от своего духовного кризиса. Они пролились не от сурового выговора, а, напротив, от доброго слова: здесь врач выступил в роли врачевателя душ. Его милосердие, доброта и прощение пробудили в рыбаке чувство стыда. С другой стороны, слезы – не просто эмоциональная реакция. Они рождены из более глубокого источника. Их смысл кроется в христианской культуре, в понятии «слезы покаяния»: «Причина слез – зрение и сознание своей греховности» [Брянчанинов, 1865, *221*]. Мотив слез участвует в созидании сюжета искупления. Искренние слезы о своих грехах видятся благодатью – даром Божьим.

Совсем иной смысл несут слезы врача в произведении «Однажды ночью». Это скорее переживание страдания и боли от «неискупимости» внутреннего греха и нанесенной им душевной травмы, чем очищение от него.

Чтобы выжить в условиях экстремального насилия, врач отделил «ум» от «сердца», подавив эмоции и мораль: «я был, как автомат, врач-автомат» [Шмелев, 1999, *292*]. Как только его освободили, он перестал сдерживаться и сбросил все защиты – все ранее подавленные аффекты: страх, стыд, отвращение и психологическая травма – прорвались наружу потоком слез. «Я упал к нему, схватился за него, плакал ему в плечо» [Шмелев, 1999, *293*]. Врача принудили участвовать в эксперименте, осквернявшем его профессию и человеческое начало в нем. Моральная целостность была растоптана. Слезы врача – это плач и по себе, и по всем, кого исторический вихрь лишил душевного крова. Таким образом, Шмелев показывает суть эпохи: в личной вражде врач мог сберечь душу, но перед лицом крайнего насилия сохранить и тело, и душу оказалось невозможным.

Исследование приходит к выводу, что образ сердца является важнейшим элементом художественного мира Шмелева. Данный образ рассматривается как предпосылка духовного преображения персонажей. Помимо этого, понимание спасения уже не ограничивалось лишь телесным уровнем, но распространилось на всестороннее исцеление «души» больного. В конечном счете своим творчеством Шмелев предлагает возможный путь исцеления духовной пустыни, порожденной кризисом современности. В образах Шмелева четко прослеживаются два различных типа персонажей. Первым является идеальный образ, который воплощает дед Антон. Он сохраняет изначальную доброту и человеческую сущность в годы потрясений, благодаря чему служит мерилом нравственности и духовным ориентиром. Второй, самый многочисленный тип – это персонажи, проходящие через преображение: рыбак, врачи и другие. Они переживают духовный кризис, чтобы прийти к очищению души и внутреннему перерождению. Здесь предпосылкой является совесть (в форме сострадания, жалости или покаяния). Болезнь и иные крайние обстоятельства часто выступают катализатором этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Республика, 1994. 368 с.

Волчкевич М.А. «Чудесный доктор»: эволюция образа врача в дореволюционной и советской литературе // Филологические науки. 2023. № 2. С. 95–100. DOI: 10.20339/PhS.2-23.095.

Игнатий (Брянчанинов Д.А.). Сочинения епископа Игнатия. В 4 т. Т. 1: Аскетические опыты. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1865. Ч. 2. 816 с.

Ильин И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. 347 с.

Лебеденко А.А. Философия сердца в истории русской религиозно-философской мысли XI–XX вв.: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 2010. 23 с.

Леонов И.С. «Наследники» И.С. Шмелева: духовная традиция в русской литературе XXI века. СПб.: РХГА, 2024в. 184 с.

Леонов И.С. Морбуальный код в рассказах И.С. Шмелева и В.Н. Лялина // Новый филологический вестник. 2024б. № 3(70). С. 269–278.

Леонов И.С. Образы врача и пациента в прозе И.С. Шмелева и В.Н. Лялина // Проблемы исторической поэтики. 2024а. № 22(4). С. 199–213. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14302.

Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. Т. Гутмана, Н. Мухиной. 3-е изд. СПб.: Питер, 2019. 400 с.

Руднева Е.Г. Избранные статьи о творчестве И.С. Шмелева: к 25-летию Алуштинского музея писателя И. С. Шмелева / отв. ред. Н.Н. Колотилова. М.: МАКС Пресс, 2018. 204 с.

Семенов А.Н. Роль конфликта в структуре художественного текста // Вестник угроведения. 2011. № 2. С. 52–58.

Спиридонова Л.А. Художественный мир И.С. Шмелева: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

Спасская Е.К. Отражение русской ментальности в слове. Концепт совесть в прозе И.С. Шмелева // Вестник РУДН. 2005. № 7. С. 188–193.

Трубецкова Е.Г. К вопросу о морбуальном коде русской литературы // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 47–54.

Шестакова Е.Ю. Тема «жизни и смерти человека» в рассказах о детстве И.С. Шмелева 1909–1911 годов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 139–151. DOI: 10.17223/18137083/83/11.

Шмелев И.С. Повести и рассказы. М.: Никея, 2015. 416 с.

Шмелев И.С. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 7 (доп.): Это было: Рассказы. Публицистика. М.: Русская книга, 1999. 592 с.

Sun Yihan
Postgraduate Student,
Chair of World Literature,
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

The Motif of the Spiritual Transformation of the Doctor-Character in I.S. Shmelev's Works «The Doctor's Story», «Stenka the Fisherman» and «One Night»

The article is dedicated to the problem of a person's spiritual crisis and its overcoming in the works of I.S. Shmelev («The Doctor's Story», «Stenka the Fisherman», «One Night». The aim of the research is to reveal I.S. Shmelev's philosophical understanding of the phenomenon of the «heart» as a leading principle in overcoming spiritual crisis. Conducted and based on the historical-cultural method and analysis of the motif structure, the research relies on the ideas of Russian religious philosophy (A.A. Lebedenko, B.P. Vysheslavtsev, I.A. Ilyin). The following propositions are put forward as a result: 1) The «heart» functions not only as the writer's creative principle but also possesses artistic functionality. It is closely linked to the system of motifs and plot construction; 2) Key images (eyes, tears, gingerbread) contribute to a profound revelation of the character's inner world and the dynamics of the soul: eyes become a «mirror» of the soul, tears – a sign of repentance or existential trauma, and gingerbread – a symbol of faith and spiritual experience; 3) Evolution of the unity of soul and body: through the analysis of doctor characters, Shmelev's internal evolution of views is traced – from understanding the soul as an external moral authority to a dialectical unity of soul and body, where a moral act is determined by profound inner work.

Keywords: *motive; philosophy of the heart; spiritual crisis; I.S. Shmelev; «The Doctor's Story»; «Stenka the Fisherman»; «One Night».*

REFERENCES

Vysheslavtsev B.P. Ethics of Transfigured Eros [Etika preobrazhennogo Erosa]. Edited and compiled by V.V. Sapov. Moscow: Respublika, 1994. 368 p. (in Russian).

Volchkevich M.A. "The wonderful doctor": the evolution of the image of a doctor in pre-revolutionary and soviet literature ["Chudesnyj doktor": evolyuciya obraza vracha v dorevolyucionnoj i sovetskoj literature]. *Philological Sciences.* 2023. No 2. Pp. 95–100. DOI: 10.20339/PhS.2-23.095 (in Russian).

Ignatius (Bryanchaninov D.A.) Works of Bishop Ignatius. In 4 vols. Vol. 1: Ascetic Experiences. Part 2. [Sochineniya episkopa Ignatiya. V 4 t. T. 1: Asketicheskie opyty. Ch. 2]. Saint-Petersburg: Type. I.I. Glazunova, 1865. 816 p. (in Russian).

Ilyin I.A. The Lonely Artist. Articles, Speeches, Lectures [Odinokij hudozhnik. Stat'i, rechi, lekcii]. Moscow: Art, 1993. 347 p. (in Russian).

Lebedenko A.A. Philosophy of the Heart in the History of Russian Religious and Philosophical Thought of the 11th–20th Centuries [Filosofija serdca v istorii russkoj religiozno-filosofskoj mysli XI-XX vv.]. *Abstract of dissertation ... Candidate of Philosophy.* Moscow, 2010. 23 p. (in Russian).

Leonov I.S. The "Heirs" of I. S. Shmelev: Spiritual Tradition in 21st Century Russian Literature ["Nasledniki" I.S. Shmeleva: duhovnaja tradicija v russkoj literature XXI veka]. Saint-Petersburg: RCAH, 2024c. 184 p. (in Russian).

Leonov I.S. Morbual Code in the Stories of I. S. Shmelev and V. N. Lyalin [Morbu al'nyj kod v rasskazah I.S. Shmeleva i V.N. Ljalina]. *The New Philological Bulletin*, 2024b. No. 3(70). Pp. 269–278 (in Russian).

Leonov I.S. Images of a Doctor and a Patient in the Prose of I. S. Shmelev and V. N. Lyalin [Obrazy vracha i pacienta v proze I.S. Shmeleva i V.N. Ljalina]. *The Problems of Historical Poetics,* 2024a. No. 22(4). Pp. 199–213. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14302 (in Russian).

Maslow A.H. Motivation and Personality [Motivacija i lichnost']. The 3rd ed. Translated from English by T. Gutman, N. Mukhina. Saint-Petersburg: Peter, 2019. 400 p. (in Russian).

Rudneva E.G. Selected Articles on the Work of I.S. Shmelev: On the 25th Anniversary of the Alushta Museum of the Writer I.S. Shmelev [Izbrannye stat'i o tvorchestve I.S. Shmeleva: k 25-letiju Alushtinskogo muzeja pisatelja I.S. Shmeleva]. Edited by N.N. Kolotilova. Moscow: MAKS Press, 2018. 204 p. (in Russian).

Semenov A.N. The Role of Conflict in the Structure of a Literary Text [Rol' konflikta v strukture hudozhestvennogo teksta]. *Bulletin of Ugric Studie*, 2011. No 2. Pp. 52–58 (in Russian).

Spiridonova L.A. The Artistic World of I.S. Shmelev. Monograph [Hudozhestvennyj mir I.S. Shmeleva. Monografija]. Moscow: IWL RAS, 2014. 240 p. (in Russian).

Spasskaya E.K. Reflection of Russian Mentality in the Word. The Concept of Sovest' (Conscience) in the Prose of I.S. Shmelev [Otrazhenie russkoj mental'nosti v slove. Koncept sovest' v proze I.S. Shmeleva]. *Bulletin of RUDN*, 2005. No 7. Pp. 188–193 (in Russian).

Trubetskaya E.G. On the Morbual Code in Russian Literature [K voprosu o morbual'nom kode russkoy literatury]. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021. No. 467. Pp. 47–54 (in Russian).

Shestakova E.Y. The theme of "the life and death of a man" in the stories about the childhood of I. S. Shmelev 1909-1911 [Tema "zhizni i smerti cheloveka" v rasskazah o detstve I.S. Shmeleva 1909-1911 godov]. *Siberian Philological Journal,* 2023. No. 2. Pp. 139–151 DOI: 10.17223/18137083/83/11 (in Russian).

Shmelev I.S. Stories and Tales [Povesti i rasskazy]. Moscow: Nikeya, 2015. 416 p. (in Russian).

Shmelev I.S. Collected Works: In 5 vols. Vol. 7 (add.) [Sobranie sochinenij: In 5 Vols. Vol. 7 (additional)]. Moscow: Russian book, 1999. 592 p. (in Russian).

В.А. Карнюшин

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1; 930.25 (093)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-29-36

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА (по материалам архива писателя)

Ключевые слова: *писатель Борис Васильев; творческое наследие; сохранение для потомков; архив писателя.*

В статье поднимается вопрос об основных аспектах изучения и сохранения творческого наследия известного писателя, классика отечественной литературы Бориса Васильева в связи с созданным архивом писателя (ЧА СФБВ) и введением в активный научный обиход генеральной описи архива. Анализируется структура архивного фонда, эволюция творчества в контексте жизни на примере описей, в которых представлено все известное и неизвестное творчество писателя, насчитывающее вместе с электронными материалами жесткого диска 1983 единицы хранения (1770 и 213 соответственно); общий объем листов творческого наследия – 18 924. Главным методом исследования стало сопоставительное сравнение архивных рукописей с официально опубликованными текстами произведений, что позволило более детально проследить творческую историю создания произведений. Тем не менее описям, связанным с творчеством писателя, в целом дана общая характеристика.

Изучение наследия писателя или поэта на материале его архива, как правило, включает в себя несколько ключевых аспектов, которые позволяют глубже понимать творческую эволюцию его творчества, авторской системы, историю создания его произведений и в результате – его личность.

Анализ современного состояния изучения архивов писателей и поэтов позволяет выделить несколько основных аспектов:

1) анализ структуры архивного фонда и изучение творческой структуры произведений (черновиков) с каталогизацией архивного фонда;
2) анализ эволюции творчества в контексте жизни и творчества;
3) технологические исследования и использование цифрового архива;
4) работа с ведомственными архивами и интеграция с другими материалами.

При анализе структуры архивного фонда учитываются: рукописи и черновые автографы, машинописные копии, переписка (письма, открытки, телеграммы), записные книжки, вырезки из газет, листы из публикаций,

биографические документы (свидетельства, удостоверения, документы, автобиографии, грамоты и медали). К перечисленным материалам, без сомнения, следует добавить и электронные варианты рукописей, хранящиеся на жестких дисках личных компьютеров.

При изучении творческой истории произведений главным методом исследования будет сопоставительное сравнение архивных рукописей с официально опубликованными текстами, что позволит более детально проследить творческую историю создания произведений и изменение творческих приемов при их написании. Это важно, например, если в архиве сохранены несколько вариантов произведений, что даст возможность проанализировать процесс работы автора над текстом. Все это приведет в результате к видению целостной эволюции творца в нюансах: изменение концепции, стилистики, тематики, художественных методов.

Известно, что изучение архива позволяет увидеть не только творческую концепцию автора, но и его биографию, окружение, исторические события эпохи, благодаря чему мы сможем четче разобраться в контексте его произведения. А текстологическое изучение рукописей в деталях почерка, орфографии и пунктуации, бумаги, водяных знаков, рисунков на полях позволит тоньше ощутить внутренний мир творческого человека.

Наконец, детальная и вдумчивая каталогизация фондов архива имеет важнейшее научное значение, а правильное и продуманное составление описей архива поможет исследователям ориентироваться в материалах и выбирать тему исследования. И здесь важно возобновление выходивших в советское время специальных изданий, вестников, посвященных рукописному наследию конкретных писателей. Существенное значение имеет и привлечение к исследованию материалов о творце, хранящихся, например, в редакциях, издательствах, в архивах киностудий, хранилищах библиотек и выставочных залах, что, безусловно, позволит расширить возможности междисциплинарного исследования творческого наследия писателя и поэта.

Если рассматривать понятие литературного наследия как чего-то значительного, но оставшегося лишь в художественном процессе своего времени, то этот термин к творчеству Б.Л. Васильева мало применим. Его произведения не только переиздаются, но и вызывают интерес у читателей разных поколений. Они современны благодаря не их экранизации, а неувядающему литературному первоисточнику, вызывающему к жизни все новые и новые кино- и телепрочтения, количество которых на сегодняшний день насчитывает 29 экранизаций.

В настоящее время для исследования творчества признанного классика русской литературы Бориса Львовича Васильева открыта уникальная возможность: описание материалов архива писателя нами завершено полностью, окончательно создан частный архив семейного фонда Васильева, сформированы все описи, описаны все книги, находящиеся в мемориальном

кабинете писателя (ЧА СФБВ). Общее количество единиц хранений, включая фотографии и электронные рукописи, – более 10 тысяч и более 2500 тысяч экземпляров книг, в том числе более 300 с инскриптами.

Некоторые материалы архива писателя Бориса Васильева введены в научный оборот, свидетельством чему являются шесть опубликованных нами работ. Однако в связи с заявленной темой остановимся на аспекте, который еще не подвергался исследованию, – описях архива, относящихся непосредственно к «творчеству писателя», а именно к рукописям писателя.

Описи № 8 и 12 «Творчество писателя» (короба 8, 9, 10) и № 17 «Электронный архив» имеют общий объем 392 единицы хранения (111 – электронный вариант и 281 – рукописный (машинописный). Общий объем листов – 18 924 (15 096 и 3828 соответственно).

Рукописи (машинопись) автора в описи № 8 мы распределили по семи томам (281 е.х.): том 1 «Проза» (65 е.х.), том 2 «Сценарии» (35 е.х.), том 3 «Драматургия» (32 е.х.), том 4 «Мемуары» (5 е.х.), том 5 «Публицистика» (авторский набор) (56 е.х.), том 6 «Напечатанная публицистика (ксерокопия)» (51 е.х.), том 7 «Публицистика, изданная в периодике» (37 е.х.) и опись № 12 «Неизвестное и неопубликованное» (1489 е.х.). Некоторые рукописи томов 1–3 и 5 имеют несколько вариантов, которые распределены в «дела». Всего единиц хранения вместе с электронными материалами жесткого диска писателя 1983 (1770 и 213 е.х. соответственно).

Из опубликованных ранее произведений интерес представляют те, которые имеют несколько вариантов. Так, рукопись повести «Иванов катер» (первый вариант назван «Бунт на Ивановом катере») имеет два варианта – 219 и 234 листа (оба варианта с авторскими правками). Легендарная повесть «А зори здесь тихие» – три варианта: 7, 117 и 142 листа (вариант 142 листов имеет авторские пометы). Роман «В списках не значился» – два варианта (283 и 303 листа) и один, 1975 года, сигнальный типографский резаный вариант с пометами на 260 листах.

Приоткрывается история с годом написания знаменитой повести «Завтра была война». В томе 1 «Проза» ее три варианта и все 1978 года – 204, 166 и 165 листов, причем варианты на 204 и 166 имеют пометы не только автора, но и, видимо, редакции (по крайней мере, почерк похож на почерк главного редактора «Юности» Бориса Полевого, здесь мы исходим из того, что в эпистолярии писателя есть письмо к нему Б. Полевого, в котором он объясняет, почему не сможет опубликовать эту повесть, и почему «ее время еще не пришло» [ЧА СФБВ, оп. 9.1.1, д. 1.1–16]).

Четыре варианта имеет роман «Вам привет от бабы Леры» (позднее название «Ровесница века») по 15, 37, 88 и 95 листов. Интересно, что вариант на 88 листах имеет авторские вставки на отдельных листах, написанных от руки. По три варианта имеют повести «Суд да дело» и «Прах невостребованный», который, как известно, написан автором на основе найденных

писателем писем офицера царской армии к супруге (в архиве писателя имеются все 43 подлинных письма офицера Гвоздырева). А у одного из вариантов романа «И был вечер, и было утро» есть 34-страничный вариант для театра с названием «Крик».

Из неизвестных ранее текстов тома 1 «Проза» стоит обратить внимание на материалы к роману о Несторе Махно и роман «Рыцарь окровавленной Богини» о нем же. Однако если в электронном варианте есть только вариант на 46 страниц, то рукописный (машинопись) вариант занимает 287 листов с авторскими пометами, то есть это фактически целостное произведение.

Определенный интерес вызовет и 288-страничный незаконченный роман без названия о перестроечных временах, три варианта повести «Рассказы у рыбацкого котелка» (34 л.), имеющийся в электронном варианте роман «Мутные бремена» на 100 страниц в противовес 80-страничному электронному, неоконченная повесть «Осознанная необходимость» на 37 листах и повесть 1971 года «Черный хлеб» (175 листов).

Для исследователей кинематографа интересным представляется содержание тома 2 «Сценарии», где находятся четыре варианта сценария к кинофильму 1958 года «Очередной рейс», три варианта к кинокартине 1960 года «Длинный день», два варианта к фильму 1965 года «Королевская регата», три варианта к фильму «По зову сердца» (1985, к/с им. Довженко) и по два режиссерских варианта к кинофильмам «Офицеры» и «А зори здесь тихие» (историю судьбы литературных сценариев к картинам «Офицеры» и «Аты-баты, шли солдаты» мы подробно рассмотрели в одной из статей, которые будут опубликованы в «Вестнике ВГИК» за 2026 год).

Однако самым неожиданным для многих станет авторский сценарий (творческая заявка) под названием «Застава Ильича» на 13 листах. Дело в том, что первоначально культовый фильм 1965 года известного режиссера Марлена Хуциева должен был быть снят по сценарию Бориса Васильева. По крайней мере, именно к нему обратился и сам М. Хуциев, и киностудия им. Горького. Но, как часто это бывает, что-то не получилось, кто-то с кем-то не договорился, и сценарий писал уже Геннадий Шпаликов (из дневников Б. Васильева 1972 и 1973 годов мы узнаем о том, что по крайней мере три известных режиссера еще в 70-х годах соревновались между собой за право экранизации романа «Не стреляйте белых лебедей»; это были Ю. Райзман, С. Ростоцкий и М. Ульянов, но этого не получилось ни у кого из них).

Поскольку Борис Васильев начал свою творческую деятельность как драматург, то том 3 «Драматургия» будет интересен именно тем, что здесь находятся первые произведения автора 50-х годов: пьеса 1953 года «Перед грозой» (в пяти действиях) с рецензией на эту пьесу на 59 листах, пьеса 1954 года «Персональное дело» (72 листа) и нашумевшая пьеса в четырех действиях 1954 года «Офицер», по сюжету не имеющая ничего общего со знаменитым фильмом 1971 года по сценарию Б. Васильева и К. Рапопорта.

Среди пьес, находящихся в этом томе, есть, пожалуй, все известные, которые ставились в различных театрах Советского Союза по многу раз и в разных вариантах. Эти и «Веселый тракт», и «Самый последний день», и «В списках не значился», и «Не стреляйте белых лебедей», и «Завтра была война». Есть здесь и либретто к повести «Вы чье, старичье?» под названием «Жестокий мюзикл», пьесы «Накануне» и «Начало» по повестям «Завтра была война», адаптированная драма по роману «Вещий Олег», пьеса «Баба Яга» (по роману «Вам привет от бабы Леры») и неизвестная пьеса «Сентябрь» на 77 листах.

Однако «литературным открытием» года написания может стать обнаруженная пьеса «Если завтра война» («Начало») 1975 года. И если учитывать, что в томе 1 есть три варианта повести «Завтра была война» с датой «1978», то окончательным годом создания культового произведения автора «Завтра была война» можно теперь считать 1975 год, учитывая письмо Б. Полевого (без даты) от 1975 года. (По крайней мере, есть фраза самого писателя, сказавшего, что повесть «Завтра была война» он написал давно и что она до 1984 года лежала под сукном.)

Самым главным материалом 4-го тома «Мемуары» может служить вариант повести «Летят мои кони» на 126 листах под первым названием «Оглянись на середине».

В «электронном архиве» (опись 17) находятся электронные рукописи публицистических и художественных произведений писателя, а также некоторые письма. Некоторые из электронных рукописей имеют несколько вариантов.

Мы распределили найденные произведения (всего 111 е.х.) следующим образом:

– художественные произведения (романы, повести) – 42 е.х.;
– публицистика (очерки, воспоминания) – 58 е.х.;
– дневники писателя – 7 е.х.;
– письма – 4 е.х.;
– опубликованных – 38;
– неопубликованных – 73 (81%).

Художественные произведения в основном опубликованы все. Это исторические романы «Вещий Олег», «Князь Святослав», «Владимир Красное Солнышко», «Владимир Мономах», «Отрицание отрицания», повесть «Победители», автобиографические воспоминания «Век необычайный» [ЧА СФБВ, оп. 17, № 11, 13, 14, 19, 29–32, 42, 59–61, 62–65, 75–79, 97, 104]. Находящиеся в электронном варианте перечисленные художественные произведения относят к последнему периоду творчества писателя (2000–2010), когда Б. Васильев осваивал компьютер и все свои произведения набирал в электронном варианте.

В этот период писатель работал над историческими романами о Древней Руси «Князь Святослав», «Владимир Красное Солнышко», «Владимир Мономах», дорабатывал для издательств предыдущие романы цикла «Вещий Олег» и «Ольга, королева русов», «Ярослав и его сыновья» («Александр Невский») [Васильев, 2006; 2009]. Здесь же находятся и электронные варианты изданных в это же время воспоминаний писателя «Век необычайный» (М.: Вагриус, 2003), никогда после не переиздававшихся, а также роман «Отрицание отрицания» (М.: Вагриус, 2004) и повесть «Победители», вошедшая в третью книгу из серии военной прозы Б. Васильева, вышедшую в издательстве «Вагриус» в 2008 году (кстати сказать, именно издательство «Вагриус» наиболее полно издавало произведения Б. Васильева практически ежегодно).

Особый интерес для исследователей-краеведов представляют собой некоторые электронные рукописи, связанные с опубликованными писателем воспоминаниями, которые в свое время вызвали огромный интерес не только среди читателей-смолян. Речь идет об автобиографической повести «Летят мои кони» (1980) и поздних воспоминаниях, расширенном варианте повести «Летят…», «Веке необычайном». Так, особого внимания заслуживает электронная рукопись «Из гнезда выпавший». Небезынтересным будет и, например, очерк-воспоминание «Трансваль, Трансваль, страна моя» [ЧА СФБВ, оп. 17.25, ЭА.ПА.*Макбет.doc*] писателя о своем еще одном двоюродном деде, капитане Григории Алексееве, добровольце, погибшем на англо-бурской войне в 1911 году, имя которого высечено на памятнике, установленном русским добровольцам в Претории, ЮАР [ЧА СФБВ, оп. 17.90, ЭА.ПD.*Победители.doc*].

Каждое неопубликованное художественное произведение писателя заслуживает отдельного исследования. Определенная попытка нами была предпринята в 2024–2025 году, когда к нам попала электронная папка с неизвестными ранее произведениями Б. Васильева: «И усидеть на кончике ножа. Начало ненаписанного» (12 л.), «Рыцарь окровавленной Богини. Роман» (46 л.), «Мутные Бремена. Роман» (81 л.), «Откровение. Роман» (12 л.), «Рукопись града Китежа. Роман» (23 л.) [ЧА СФБВ, оп. 17.94–99, ЭА.ПD.*Победители.doc*]. Материалы об этом опубликованы в статье «Неизданные тексты писателя Бориса Васильева» [Карнюшин, 2025, *22–29*]. Тем интереснее становятся обнаруженные нами в 2026 году новые неизвестные произведениями автора, такие как «Б. Васильев. Прощай Россия! (Повесть о погибели русской земли. «Наш понедельник…», 106 л.) и «Наш праздник. Пока…» (роман, 229 л.), которые выглядят вполне законченными.

И конечно же, самого тщательного, дополнительного и отдельного анализа заслуживают материалы томов 5, 6 и 7 описи 8 и публицистика из «Электронного архива» описи 17, тем более что публицистика писателя – страстная, непримиримая, яркая, большая часть ее не опубликована (если не считать двух сборников с одинаковым названием «Люби Россию в непогоду», изданных в Смоленске в 1994 году и в Москве в 2006-м [Васильев,

1994; 2006]). Статьи и очерки писателя конца 1990 – начала 2000-х годов непростые для чтения, тяжелые от накопленной писателем мудрости.

Обширная электронная почта писателя, к сожалению, не сохранилась, по крайней мере, на жестком диске ее нет (о том, что она была, знаем по факту устных воспоминаний писателя: он сокрушался, что однажды при грозе погас свет, компьютер больше не включался и его приемный сын Николай, восстанавливавший тогда жесткий диск, многое так и не смог восстановить).

В любом случае, даже самый беглый анализ содержания некоторых разделов архива писателя Бориса Васильева, предложенный нами, дает пищу для большого разговора о значении, бережном сохранении и дальнейшей активной пропаганде творческого наследия писателя.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Б.Л. Люби Россию в непогоду. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. 256 с.

Васильев Б.Л. Люби Россию в непогоду. М.: Вагриус, 2006. 400 с.

Васильев Б.Л. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Вече, 2006.

Васильев Б.Л. Собрание сочинений. М.: ПРОЗАиК, 2009.

Карнюшин В.А. Неизданные тексты писателя Бориса Васильева // Известия Смоленского государственного университета. 2025. № 4(72). С. 22–29.

Частный Архив Семейный Фонд Бориса Васильева (ЧА СФБВ). Оп. 8. Т. 1–7.

ЧА СФБВ. Оп. 9. Д. 1.

ЧА СФБВ. Оп. 12.

ЧА СФБВ. Оп. 18.

V.A. Karnushin
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

On some Aspects of Studying the Creative Heritage of Boris Vasilyev (Based on the Writer's Archive Materials)

The article raises the issue of the main aspects of studying and preserving the creative heritage of the famous writer, a classic of Russian literature, Boris Vasilyev, in connection with the created writer's archive (CHA SFBV) and the introduction of the general inventory of the archive into active scientific use. The structure of the archive fund is analyzed, as well as the evolution of creativity in the context of life, using the example of inventories that contain all the known and unknown works of the writers, as well as 1983 items of electronic materials from the writer's hard drive (1770 and 213, respectively), for a total of 18 924 pages of creative heritage. The main research method was a comparative analysis of the archival manuscripts with the officially published texts of the works, which allowed for a more detailed examination of the creative history of the works. However, the inventories related to the writer's work are not included in the overall analysis.

Keywords: *writer Boris Vasilyev; creative heritage; preservation for posterity; writer's archive.*

REFERENCES

Vasilyev B.L. Love Russia in Bad Weather [Lyubi Rossiyu v nepogodu]. Smolensk: TRUST-IMAKOM, 1994. 256 p. (in Russian).

Vasilyev B.L. Love Russia in Bad Weather [Lyubi Rossiyu v nepogodu]. Moscow: Vagrius, 2006. 400 p. (in Russian).

Vasilyev. Collected Works in 10 vols [Sobranie sochinenij: v 10 t.]. Moscow: Veche, 2006. (in Russian).

Vasilyev B.L. Collected Works [Sobranie sochinenij]. Moscow: PROZAiK, 2009. (in Russian).

Karnyushin V.A. Unpublished Texts by the Writer Boris Vasilyev [Neizdannye teksty pisatelya Borisa Vasil'eva]. Bulletin of Smolensk State University, 2025. No. 4 (72). Pp. 22–29 (in Russian).

Private Archive of the Boris Vasilyev. Family Foundation (PA BF). Inventory 8. Vol. 1–7, Inventory 9. *Case* 1, Inventory 12, Inventory 18. (in Russian).

К.А. Кубарева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-36-46

ОБРАЗНО-МОТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГИ В ПРОЗЕ ЕВГЕНИЯ ВОРОБЬЕВА

Ключевые слова: *Е. Воробьев; Старая Смоленская дорога; мотив дороги; образ дороги; смоленский локальный текст; топосы (Вязьма, Ельня, Дорогобуж); пространственная оппозиция «запад / восток»; интертекстуальность.*

В статье на материале сборника Евгения Воробьева «По Старой Смоленской дороге» (1979) анализируется один из центральных топосов смоленского локального текста – Старая Смоленская дорога. Исследование опирается на мотивный и интертекстуальный анализы, сравнительно-сопоставительный и биографический методы. В ходе анализа выявляется, что конкретный географический локус (Смоленский тракт) трансформируется в прозе Воробьева в национальный символ и экзистенциальное пространство войны. Особое внимание уделено песенному началу как маркеру психологических состояний персонажей и механизму интертекстуальных связей. Отдельно рассмотрены пространственные оппозиции («запад – угроза / восток – спасение») и образы разрушенных городов (Вязьма, Ельня).

Установлено, что Воробьев наследует литературную традицию осмысления трагического опыта войны через призму локальной смоленской идентичности (А. Твардовский, К. Симонов, М. Исаковский).

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении смоленского локального текста и военной прозы XX века.

Описание локального текста невозможно без выявления его устойчивых, повторяющихся элементов, которые организуют художественное пространство. Одной из таких констант для Смоленского текста выступает Старая Смоленская дорога – не просто географический маршрут, но культурно-исторический феномен, аккумулирующий в себе вековую память о быте, торговле, дипломатии и войнах.

Биография Старой Смоленской дороги охватывает почти девять столетий: ее активное складывание в единую сухопутную транспортную артерию начинается в XII–XIII веках, когда Смоленск выступал ключевым звеном в торговых и военных связях с Западом.

Наиболее значимые населенные пункты, через которые проходит Старый Смоленский тракт (с востока на запад), образуют своего рода «географический сценарий» русской военной и гражданской истории: Москва – Большие Вяземы – Можайск и Бородино – Гагарин (Гжатск) – Вязьма – Болдино и Дорогобуж – Смоленск. Каждый из этих топонимов связан с определенной исторической эпохой: Бородино – с 1812 годом, Вязьма и Смоленск – с событиями 1812 года и Великой Отечественной войны. Именно Старая Смоленская дорога становится основой для образно-мотивных построений в военной и послевоенной прозе Евгения Воробьева.

Конечная цель нашего исследования – реконструировать основные образно-мотивные характеристики одной из констант смоленского локального текста – Старой Смоленской дороги. Первенство в разработке темы принадлежит В.Е. Захарову, на протяжении многих лет собиравшему и систематизировавшему упоминания о Смоленской дороге в исторической и художественной литературе[1]. В его труде Смоленская дорога предстает явлением многогранным: историческим хронотопом (путь сквозь века), живым существом (Смолянка, которая рождается, стареет и умирает), национальным символом (Via dolorosa, национальная реликвия), экзистенциальным пространством (дорога жизни и смерти), эпическим полотном («Илиада» и «Одиссея» русской истории), элегическим ландшафтом (умирающая дорога как место памяти). Своеобразие нашего подхода заключается в перенесении внимания с отражения исторической роли Смоленской дороги на выявление и описание ее образно-мотивных особенностей, запечатленных в художественной литературе. Исторические источники не включены в материал нашего исследования, при этом

[1] Книга «Старая Смоленская дорога в истории и литературе» была опубликована в 2017 году под редакцией И.В. Романовой по материалам архива В.Е. Захарова.

он обновлен и дополнен за счет привлечения художественных произведений, не попавших в поле зрения других исследователей.

На данном этапе материалом исследования стали повести, рассказы и мемуарный очерк из вышедшего в 1979 году сборника Евгения Воробьева «По Старой Смоленской дороге». Три раздела сборника – «Я шел к тебе четыре года», «Товарищи с Западного фронта», «Давно мы дома не были» и воспоминания об А.Т. Твардовском «В тяжкий час земли родной» – объединены общим географическим топосом (Смоленщина), военной тематикой и сквозным образом дороги, связывающим воедино фронтовой опыт автора с художественной традицией.

Художественные особенности произведения во многом определяются жизненным опытом автора. Так считал Константин Симонов и именно с этой точки зрения оценивал написанное Евгением Захаровичем Воробьевым (1910–1990), журналистом, известным прозаиком, автором свыше 30 книг. Определяющим событием в биографии и творческой судьбе «для Евгения Воробьева была Великая Отечественная война, которую он прошел от начала до конца на Западном фронте, впоследствии переименованном в Третий Белорусский, начав ее под Смоленском, у Соловьевской переправы, и закончив на Балтике, на косе Фриш-Нерунг, – в день, когда там прозвучали последние выстрелы войны» [Воробьев, 1977, *8*]. Традиционный образ «война-дорога» (ср.: «прошел войну», «дорогами войны») лег в основу композиции сборника «По Старой Смоленской дороге».

Устойчивый смысл, закрепленный в мировой литературе за образом дороги, – жизненный путь человека, история народа, страны, государства [Кондратьева, Молнар, 2021; Пушкина, 2023; Дзюбенко, Пимонова, 2020]. Актуализировано это значение и у Е. Воробьева. Военная тематика накладывает свой отпечаток: дорога – путь потерь и побед, страданий и мужества, пройденный в годы Великой Отечественной войны. Этот трагический путь неразрывно связан с темой подвига народа и памятью о нем (сравним: «Эх, дороги… / Пыль да туман, / Холода, тревоги / Да степной бурьян. / Снег ли, ветер / Вспомним, друзья. / …Нам дороги эти / Позабыть нельзя» (Л. Ошанин)).

Меняют привычное значение пространственные координаты «восток» и «запад», которые исторически связаны со Смоленским трактом, соединяющим Москву с европейскими странами. Старая Смоленская дорога – путь, служивший сообщением купцов и послов, становится дорогой войны: «мотались по одним фронтовым дорогам, ведущим на запад» [2] (115); «на днях медсанбат сменит свои координаты – двинется куда-то на запад, вдогонку за канонадой» (120); «В начале октября панцирные колонны немцев загрохотали на шоссе, большаках, проселках, прорываясь на восток» (226); «Дула автоматов были обращены на запад, туда, где догорал закат» (229) и т.д.

[2] В статье цитаты из сборника Е. Воробьева «По Старой Смоленской дороге» приводятся по изданию [Воробьев, 1979], в круглых скобках указаны страницы.

Оппозиция «запад – угроза / восток – спасение» актуализирована во многих произведениях о Великой Отечественной войне. Например, у А. Твардовского в стихотворении «У славной могилы» (1943) сказано: «Торжествен, но краток и строг / Салют наш и воинский рапорт. / Тогда мы ушли на восток, / Теперь мы уходим на запад» [Твардовский, 1977, *100*]. В главе «По дороге на Берлин» (1945) поэмы «Василий Теркин» движение на восток знаменует избавление: «И под грохот канонады / На восток, из мглы и смрада, / Как из адовых ворот, / Вдоль шоссе течет народ» [Твардовский, 1977, *316*]. К. Симонов в очерке «На Старой Смоленской дороге» (1943) пишет: «Дороги уходят на запад. По ним движутся войска, и голые весенние леса взбегают на холмы и спускаются с них. Снег тает, освобождая от своего синеватого покрова несчастную, освобожденную, наконец, землю» [Симонов, 1943, *2*]. У Воробьева запад предстает пространством мучений и смерти, вырваться из которого и вернуться домой, в родной смоленский Дорогобуж, немыслимое счастье: «Сколько мы уже по этой чужой земле отшагали, сколько наших людей из каторги отвоевали! Недавно тут мужичок один смоленский прямо на батарею из рощи выехал, через фронт. <…> И ведь куда путь держит – в Дорогобуж-город! Чуть не с того света возвращаются… Несметная сила русского населения идет по дорогам. И все домой торопятся» (182).

Старая Смоленская дорога напрямую названа Е. Воробьевым только в заглавии сборника, однако на ее присутствие указывают наименования населенных пунктов, расположенных по Смоленскому тракту: Можайск – Гжатск – Вязьма – Дорогобуж – Смоленск. «Здравствуй, Смоленск, старший брат в семье многострадальных городов и деревень Смоленщины! Мы ждали, мы давно ждали встречи с тобой. Мы мечтали об этой встрече, когда входили в смоленские деревни, в Гжатск и Вязьму, Дорогобуж и Ельню» (239). Смоленская дорога «проходит через главные исторические поселения области и как бы формирует ее исторический каркас» [Шульгин, Штеле, 2018, *105*].

Гжатск, Соловьева переправа и Можайск лишь упомянуты автором («Оба воевали вместе еще у Соловьевой переправы, и оба были ранены по четыре раза» (146); «То было осенью сорок первого года, на Можайском направлении, где-то восточнее станции Дорохово, в том месте, где Минское шоссе подходит впритык к Можайскому» (25)). Окрестности Дорогобужа становятся местом действия в рассказе с показательным названием «Дорога на Дорогобуж». Вязьма и близко расположенная к Старой Смоленской дороге Ельня описаны подробно.

В очерке «В верховьях Днепра» (раздел «Зона пустыни») Воробьев описывает Вязьму как пространство тотального разрушения: «Немцы взорвали город – квартал за кварталом, дом за домом» (210). Город предстает каменной пустошью, кладбищем: «Вязьма в каменном прахе. Центр города – сплошная каменоломня» (211); в первые часы после освобождения Вязьма «безлюдна, мертва» (298), что уподобляет ее городу-призраку.

Ельня занимает в книге особое место. Воробьев делает акцент на уникальной (даже по военным меркам) судьбе города: «Вряд ли в нашей стране есть второй такой многострадальный город. Трижды в Ельню входили немцы, и трижды мы выбивали их оттуда» (216). Ельня – это первый смоленский город, который удалось отбить у врага, превратившего его в место поруганной культуры: расстрелян памятник Ленину, театр превращен в конюшню, исколот кинжалом портрет Пушкина в местном музее, затоптаны грязными сапогами ноты, рукописи Глинки. Последствия вандализма немцев усилены звукописью ([р][а]; [а][р]), создающей предельную экспрессию, почти физическое ощущение крика: «Все было исковеркано, загажено, разбито, изуродовано, разорвано, разрушено» (217).

В прозе Воробьева, помимо прямой территориальной связи, прослеживается параллель между Днепром и Вязьмой, Десной и Ельней. Вязьма уподобляется Днепру, образуя важную стратегическую ось: Днепр – рубеж, который необходимо форсировать, Вязьма – преграда на пути к столице. «Двести двадцать шесть километров отделяют Вязьму от столицы – медленные, обугленные, кровопролитные километры» (211). Связь Ельня – Днепр иная: неподалеку от города находится исток Десны, левого днепровского притока; но, кроме того, на ельнинской земле – исток победы. «Может, потому так врезалась в память Ельня, что это был первый город, который нам, хотя и не надолго, удалось отбить в 1941 году у врага» (217).

Замена русских названий немецкими воспринимается как грубое посягательство на родное и близкое: «Габараев расстилал перед ним немецкие карты, на которых названия исконных русских городов, поселков и деревень, разбросанных по смоленской, орловской, брянской, калужской земле, были начертаны чужим готическим шрифтом» (70). Уничтожение немецкоязычных надписей описано как способ борьбы с захватчиками: «Бородатый горожанин с веселым ожесточением сдирает с угла дома вывеску – улица никогда больше не будет называться “Хауптштрассе”. Жители выбрасывают на свалку всевозможные немецкие указатели, вывески, таблички» (240).

Ненависть вызывают притязания оккупантов называть «домом» захваченные города и деревни, русские названия которых они даже не в состоянии выговорить: «Допрашивая пленных, Познанский уже обратил внимание на то, что немцы вместо “Дорогобуж” произносят “Дорогожуб” и все, как сговорившись, называют “Смоленск” – “Шмоленгс”; видимо, такова речевая особенность их языка» (93–94). Показателен в этом отношении эпизод из рассказа «Дорога на Дорогобуж»: «Мотоциклист стоял ошеломленный. Даже под слоем пыли и загаром было видно, как он побледнел. Он понял вопрос и указал рукой вдоль большака.

– Нах Дорогожуб, – выдохнул немец. – Нах хаузе…

– Ах ты, немецкая шкура, – крикнул, не помня себя от ярости, Жарков. – Дорогобуж домом зовешь? Ах ты…» (93).

Образ Старой Смоленской дороги трансформируется у Е. Воробьева в образ Смоленской земли, наделенный универсальными чертами земли русской. Земля защищает от пули и снаряда: «окоп для Вохминцева на самом деле обжитой дом» (178). Цепь трансформаций «Старая смоленская дорога – Смоленщина – земля Русская» пополняется звеном «дом». Взаимодействие образов дороги и дома отмечались исследователями, в качестве примера упомянем фундаментальный труд Т.Б. Щепанской, в котором дорога предстает как сложнейший семиотический и социокультурный код [Щепанская, 2003]. Анализируя поэму А.Т. Твардовского «Дом у дороги», размышляет о сложных взаимоотношениях дома и дороги С.Р. Туманова: «Дом оказывается у дороги и в дороге, а дорога становится домом и одновременно врагом дома, потому что уводит от дома на чужбину» [Туманова, 2009, *29*].

Воробьев был хорошо знаком с Твардовским, не раз встречался с ним на войне, считал безусловным творческим ориентиром. Твардовский, смолянин по происхождению, – знаковая фигура в контексте повествования о Старой Смоленской дороге. Неоднократно в прозе Воробьева упоминается имя героя военного эпоса Твардовского: «то он работает под Иванушку-дурачка, то под Чарли Чаплина, а то под фронтового любимца Василия Теркина» (53), «Когда при нем впервые зашла речь о геройстве Василия Теркина, он спросил у старшего сержанта: “А на каком он фронте?”» (60). Заглавие мемуарного очерка, вошедшего в сборник «По Старой Смоленской дороге», – «В тяжкий час земли родной» – представляет собой строку из главы «От автора» упомянутой поэмы.

Если имя Теркина прямо свидетельствует об интертекстуальной связи с поэмой Твардовского, то в других произведениях сборника обнаруживается более глубинная перекличка – образ утраченного дома: «Деревня сожжена дотла. Черные остовы печей указывают, где стояли дома. Изгородями огорожены квадраты голой земли» (230). Вслед за людьми не находят дома вернувшиеся из теплых стран птицы: «Прилетели пташки домой, а дома нет. <…> И птицы теперь вроде беженцев» (232).

Мотив утраты дома встречается и у других авторов, писавших о смоленской земле, катастрофически пострадавшей в годы войны, – в очерке К. Симонова «На старой Смоленской дороге» (1943), в известном стихотворении М. Исаковского «Враги сожгли родную хату...» (1945), в поэмах А. Твардовского «Василий Теркин» (1942–1945) и «Дом у дороги» (1946), а также в очерках американских журналистов Г. Кэссиди и Л. Лесура, вошедших в книгу «Дорога на Смоленск»: «Первая сожженная дотла деревня. Обугленные остатки бревен – словно шрамы на свежей белизне снега. Одиноко и мрачно возвышаются почерневшие печные трубы. Кое-где пожарища еще дымились. Я увидел женщин-крестьянок, которые рылись в развалинах. От самой Москвы везли они свои санки домой, а дома больше не было. Старые женщины беззвучно плакали» [Дорога на Смоленск, 1985, *85*].

Образно-мотивное совпадение в произведениях советских и американских авторов подтверждает объективность трагедии, но есть и принципиальное отличие, заключающееся в описании того, как эта трагедия переживается. Путь по смоленским фронтовым дорогам у Воробьева оказывается неразрывно связан с песенным началом: «Меньшенин, цыган по национальности, часто запевал на привале вполголоса народные таборные песни» (205); «Сержант пел боевую песню “Горя огнем, сверкая блеском стали”» (206); «Петр Матвеич сыграл романс “Письмо в Москву”, фронтовую песенку “Бьется в тесной печурке огонь” – она тогда только стала в моду входить, – а напоследок ее любимый “Сентиментальный вальс”» (289).

Автор вводит в текст узнаваемые песенные строки, маркируя ими психологические состояния персонажей. Используя в качестве заглавия строки «Где эта улица, где этот дом» из русского романса середины XIX века «Крутится, вертится шар голубой», Воробьев в финале рассказа меняет вопросительную интонацию на утвердительную: «Вишняков помнит адрес наизусть и хорошо знает, где эта улица, где этот маленький дом у раскидистой ветлы, родной дом» (90).

В «Сентиментальном вальсе» в ироничном контексте упоминается ария «О, не буди меня, дыхание весны!» из знаменитой оперы Жюля Массне по мотивам романа И. Гете «Страдания юного Вертера». Речь идет о «смоленском шампанском»: «Так у нас в отряде самогон называли, – объяснил мне Петр Матвеевич, мягко улыбнувшись. – А неочищенный самогон называли у нас “О, не буди меня…”» (293).

Популярная «уркаганская» песня в исполнении Леонида Утесова: «С одесского кичмана / Сорвались два уркана...» – вводится Воробьевым в текст в ее фронтовом варианте: «С берлинского кичмана / Бежали два уркана…» (53). Именно этот вариант под названием «Песенка о нацистах» (слова И. Фрадкина) с упоминанием «пивной на Фридрихштрассе», «Геббельса малахольного», бандита, который теперь «нацьонал-социалист», Утесов исполнял на фронтовых концертах.

Воссоздавая образ Твардовского в мемуарном очерке, автор подробно останавливается на его музыкальных пристрастиях: «Провожая вечером Твардовского, мы пели его любимые песни: печальную “Перепелочку”, “Моторы пламенем объяты”, подслушанную у фронтовых летчиков, – она исполнялась на мотив старой шахтерской песни “Прощай, Маруся ламповая”, песню фронтовых корреспондентов Блантера – Симонова; нашу доморощенную строевую “Полковник нам пример дает…”, песню Соловьева-Седого – Фатьянова “Давно мы дома не были”. И конечно же нашу “Шинель”» (318).

Песенные предпочтения демонстрирует автор также в выборе заглавий для разделов сборника. Так, первый раздел «Я шел к тебе четыре года» озаглавлен строкой из песни «Враги сожгли родную хату», написанной в 1946 году М. Блантером на стихи М. Исаковского; третий раздел «Давно мы

дома не были» – строкой из песни 1945 года, слова А. Фатьянова, музыка В. Соловьева-Седого.

В последней части книги, куда вошли воспоминания о Твардовском, представлена еще одна образно-мотивная ситуация – «встреча на дорогах войны», представляющая собой вариант архетипичной ситуации «встреча на дороге». В стихотворении М. Исаковского «Ой, туманы мои, растуманы» на Старой Смоленской дороге происходит встреча с «незваными гостями» («И на Старой смоленской дороге / Повстречали незваных гостей. / Повстречали – огнем угощали, / Навсегда уложили в лесу / За великие наши печали, / За горючую нашу слезу» [В помощь колхозной самодеятельности, 1944, *53*]. У Воробьева «дорожные» встречи окрашены в радостные тона, поскольку это встречи не с врагом, а со «своими», уцелевшими в боях и под обстрелами, как, например, в рассказе «Встреча у костра»: «На войне даже мимолетное знакомство оставляет иногда в памяти глубокий след. При второй встрече люди ведут себя как старые знакомые, а если им доведется столкнуться на фронтовой дороге в третий раз, они как закадычные друзья, у которых есть что вспомнить, о чем поговорить» (174). Встретиться на дороге могут не только люди, но неодушевленные предметы, указывающие на смену сезонов: «Машина с валенками останавливается у обочины, уступает дорогу машине с кожаной обувью. Два времени года встретились на фронтовой дороге!» (210)

Сборник Евгения Воробьева «По Старой Смоленской дороге» представляет собой не столько географически точное описание Смоленского тракта, сколько художественное воплощение военной дороги, в котором конкретный локус трансформируется в топос смоленской земли и образ родного дома – универсального пространства памяти, утраты и возрождения. Подход Е. Воробьева к раскрытию темы и образа Смоленской дороги соответствует устойчивой тенденции, отмеченной исследователями ранее в ходе анализа других произведений: «Подобно самому Смоленску, этому “ключ-городу”, как его называют историки и полководцы, его Старая дорога давно уже рассматривается не просто как местная достопримечательность, но как национальная топографическая реликвия, как один из главных символов российской истории» [Захаров, 2017, *22*].

Сквозные мотивы дороги, встречи, утраты дома; песенное начало, а также интертекстуальные связи с Исаковским, Твардовским и Симоновым позволяют рассматривать образно-мотивную реализацию Смоленской дороги в прозе Е. Воробьева как органичную часть литературной традиции, осмысляющей трагический опыт Великой Отечественной войны через призму локальной смоленской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

Базылева Ю.С., Романова И.В. Индивидуально-авторский стиль В.Е. Захарова (на примере книги «Старая Смоленская дорога в истории и литературе») // Смоленский филологический сборник. Смоленск, 2018. Вып. 10. С. 39–50.

Базылева Ю.С., Романова И.В. Эволюция образа дороги в книге В.Е. Захарова «Старая Смоленская дорога в истории и литературе» // Смоленский филологический сборник. Смоленск, 2018. Вып. 10. С. 30–38.

В помощь колхозной самодеятельности: сб. лит.-худож. материалов. Л.: Лениздат, 1944. 60 с.

Воробьев Е.З. Незабудка: повести и рассказы. М.: Известия, 1977. 688 с.

Воробьев Е.З. По Старой Смоленской дороге: повести и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1979. 320 с.

Дзюбенко А.И., Пимонова В.А. Образ дороги в современном англоязычном художественном дискурсе (на материале произведений Э. Гилберт и Д. Тартт) // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3(32). С. 253–256.

Дорога на Смоленск: Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа, 1941–1945. М.: Прогресс, 1985. 472 с.

Захаров В.Е. Старая Смоленская дорога в истории и литературе / под ред. И.В. Романовой, В.Е. Захарова. Смоленск: Свиток, 2017. 216 с.

Иванов Вс. Близ старой Смоленской дороги (рассказ) // Военные рассказы и очерки. М.: Воениздат, 1960. С. 419–430.

Кондратьева В.В., Молнар А. Дорога как культурная универсалия в прозе А.П. Чехова // Современное педагогическое образование. 2021. № 2. С. 166–169.

Пушкина Е.А. Образ дороги в романе «Гордость и предубеждение» // Студенческая наука и XXI век. 2023. Т. 20, № 1(23). Ч. 2. С. 380–382.

Симонов К.М. На старой смоленской дороге // Красная звезда. 1943. 17 марта. № 63(5434). С. 2.

Твардовский А.Т. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2: Стихотворения (1940–1945). Поэмы. Василий Теркин. Дом у дороги / примеч. Ю. Буртина и Р. Романовой. М.: Худож. лит., 1977. 431 с.

Туманова С.Р. Антиномия жизнь-смерть и ее образное воплощение в поэме А.Т. Твардовского «Дом у дороги» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 28–36.

Шульгин П.М., Штеле О.Е. Исторические пути и дороги как объект… // Наследие и современность. 2018. Т. 1, № 1. С. 95–112.

Щепанская Т.П. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

K.A. Kubareva
Postgraduate Student, Assistant,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Figurative and Motif Features of the Old Smolensk Road in the Prose of Evgeny Vorobyov

The article examines one of the central topoi of the Smolensk local text – the Old Smolensk Road – based on the material of Evgeny Vorobyov's collection «Along the Old Smolensk Road» (1979). The research employs motif and intertextual analysis, as well as comparative and biographical methods. The analysis reveals that in Vorobyov's prose, a specific geographical locus (the Smolensk highroad) is transformed into a national symbol and an existential space of war.

Special attention is paid to the song element as a marker of the characters' psychological states and as a mechanism of intertextual connections. The spatial oppositions («west – threat / east – salvation») and the images of destroyed cities (Vyazma, Yelnya) are examined separately. It is established that Vorobyov inherits the literary tradition of interpreting the tragic experience of war through the prism of local Smolensk identity (A. Tvardovsky, K. Simonov, M. Isakovsky).

The results of the study can be used in further research on the Smolensk local text and twentieth-century war prose.

Keywords: *E. Vorobyov; Old Smolensk Road; road motif; image of the road; Smolensk local text; toposes (Vyazma, Yelnya, Dorogobuzh); spatial opposition «west / east»; intertextuality.*

REFERENCES

Bazyleva Yu.S., Romanova, I.V. Evolution of the Image of the Road in V.E. Zakharov's Book "The Old Smolensk Road in History and Literature" [Evolyutsiya obraza dorogi v knige V.E. Zakharova "Staraya Smolenskaya doroga v istorii i literature"]. *Smolensk Philological Collection*, 10. 2018. Pp. 30–38 (in Russian)

Bazyleva Yu.S., Romanova I.V. Individual Author's Style of V. E. Zakharov (Based on the Book "The Old Smolensk Road in History and Literature") [Individual'no-avtorskii stil' V. E. Zakharova (na primere knigi "Staraya Smolenskaya doroga v istorii i literature")]. *Smolensk Philological Collection*, 10. 2018. Pp. 39–50 (in Russian).

The Road to Smolensk: American Writers and Journalists on the Great Patriotic War of the Soviet People, 1941–1945 [*Doroga na Smolensk: Amerikanskie pisateli i zhurnalisty o Velikoi Otechestvennoi voine sovetskogo naroda, 1941–1945*]. 1985. Moscow: Progress. 472 p. (in Russian).

Dzyubenko A.I., Pimonova V.A. The Image of the Road in Modern English-Language Literary Discourse (Based on the Works of E. Gilbert and D. Tartt) [Obraz dorogi v sovremennom angloyazychnom khudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedenii E. Gilbert i D. Tartt)]. *Baltic Humanitarian Journal*, 9(3). 2020. Pp. 253–256 (in Russian).

Ivanov Vs. Near the Old Smolensk Road (A Story) [Bliz staroi Smolenskoi dorogi (rasskaz)]. *In War Stories and Essays, 1960.* Pp. 419–430. Moscow: Voenizdat (in Russian).

Kondrat'eva V.V., Molna A. The Road as a Cultural Universal in the Prose of A. P. Chekhov [Doroga kak kul'turnaya universaliya v proze A. P. Chekhova]. *Modern Pedagogical Education*, 2. 2021. Pp. 166–169 (in Russian).

Pushkina E.A. The Image of the Road in the Novel "Pride and Prejudice"[Obraz dorogi v romane "Gordost' i predubezhdenie"]. *Student Science and the 21st Century*, 20(1). Part 2. 2023. Pp. 380–382 (in Russian).

Shchepanskaya T.P. The Culture of the Road in Russian Mytho-Ritual Tradition of the 19th–20th Centuries [Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX *vv.*]. 2003. Moscow: Indrik. 528 p. (in Russian).

Shul'gin P.M., & Shtele O.E. Historical Routes and Roads as an Object... [Istoricheskie puti i dorogi kak ob"ekt…]. *Heritage and Modernity*, 1(1). 2018. Pp. 95–112 (in Russian).

Simonov K.M. (1943, March 17). On the Old Smolensk Road [Na staroi smolenskoi doroge]. *Red Star*, No. 63 (5434), p. 2 (in Russian).

Tumanova S.R. The Life-Death Antinomy and Its Figurative Embodiment in A. T. Tvardovsky's Poem "The House by the Road" [Antinomiya zhizn'-smert' i ee obraznoe voploshchenie v poeme A. T. Tvardovskogo "Dom u dorogi"]. *Bulletin of RUDN: Literary Studies. Journalism*, 2. 2009. Pp. 28–3 (in Russian).

Tvardovsky A.T. Collected works: in 6 vols. Vol. 2: Poems (1940–1945). Poems. Vasily Terkin. The House by the Road [Sobranie sochinenij.V 6 t. T. 2: Stihotvoreniya (1940–1945). Poemy. Vasilij Terkin. Dom u dorogi]. Commentaries by Yu. Burtin, R. Romanova. 1977. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 431 p. (in Russian).

To Help Collective Farm Amateur Performances: Collection of Literary and Artistic Materials [V pomoshch' kolkhoznoi samodeyatel'nosti: Sbornik literaturno-khudozhestvennykh materialov]. 1944. Leningrad: Lenizdat. 60 p. (in Russian).

Vorob'ev E.Z. Forget-Me-Not: Stories and Tales [Nezabudka: Povesti i rasskazy]. 1977. Moscow: Izvestiya. 688 p. (in Russian).

Vorob'ev E.Z. Along the Old Smolensk Road: Stories and Tales [Po Staroi Smolenskoi doroge: Povesti i rasskazy]. 1979. Moscow: Moskovskii rabochii. 320 p. (in Russian).

Zakharov V.E. The Old Smolensk Road in History and Literature [Staraya Smolenskaya doroga v istorii i literature]. Edited by I.V. Romanova, V. E. Zakharov. 2017. Smolensk: Svitok. 216 p. (in Russian).

В.А. Скачкова

Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»
Гомель, Республика Беларусь

УДК 811’116’3

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-46-57

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В БЕЛОРУССКО-РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *билингвизм; интерференция; интерферема; белорусизм; русизм; белорусский язык; русский язык; говоры Беларуси.*

Предметом изучения в статье являются особенности проявления интерференции на территории Беларуси, рассмотренные на материале лексики белорусского и русского языков.

Цель анализа состоит в том, чтобы на некоторых примерах взаимодействия русского и белорусского языков показать степень проявления интерференционных процессов и, как следствие этого влияния, выявить тенденции развития близкородственных языков в условиях активных коммуникативных контактов людей.

Проведенное на основе сопоставительного подхода исследование опирается на концепции, методики и результаты сравнительного языкознания прежде всего белорусских лингвистов-ученых А.А. Лукашанца, А.Н. Булыко и их последователей.

Полученные выводы составляют ряд функционально значимых особенностей проявления интерференции: 1) в условиях преобладания русского языка проникновение русской лексики наблюдается во всех сферах – бытовой, официальной; 2) белорусизмы в русском языке имеют статус разговорных, просторечных, в то время как русизмы зачастую становятся элементами структуры белорусского языка, белорусской терминологии;

3) русскоговорящие белорусы, включая белорусизмы в свою речь, переносят свое миропонимание и собственное языковое видение, сформированное под влиянием культурных традиций своей страны.

В XIX веке происходили исторические события, повлиявшие на последующее развитие белорусского языка и в целом всей территории современной Беларуси.

Этот период знаменуется постепенным формированием на территории Беларуси билингвизма (двуязычия) – параллельного использования белорусского и русского языков.

В Советском Союзе русский язык был языком межнационального общения, средством деловой и научной коммуникации. Одновременно развивались национальные языки, национальные литературы народов, входящих тогда в состав единого государства.

После распада Советского Союза в Конституции Беларуси было закреплено равноправие двух языков – русского и белорусского. Но наблюдалась ситуация несбалансированного двуязычия, так как в официальной сфере продолжительное время преобладающим был все-таки русский язык. Эта ситуация наложила отпечаток на речь большинства белорусов.

Согласно переписи 2019 года, большинство белорусов называют белорусский язык первым родным языком, а это 5 094 928 человек.

Часть жителей, для которых белорусский язык является родным, владеет одним из белорусских диалектов, другая – литературным языком, третья – диалектным и литературным языками. Первую группу составляют жители сельской местности, вторую – горожане, по роду занятий связанные с белорусской национальной культурой, третью – горожане и сельская интеллигенция, вышедшая из белорусских сел. Эту специфику владения разными формами белорусского языка нельзя не учитывать, рассматривая вопросы языкового развития в Беларуси.

Между тем место и роль белорусского языка в белорусском обществе весьма неоднозначны. В официальной сфере, в судопроизводстве чаще используется русский язык. Во многих случаях белорусы, называя белорусский родным языком, не используют его в повседневной жизни, хотя знают его неплохо, легко переходят в общении с русского на белорусский.

Согласно последней переписи населения, русский язык назвали в качестве первого родного языка 3 983 765 человек. Приблизительно половина от общего количества – это русские. Остальную часть составляют белорусы и представители других национальностей (украинцы, литовцы и проч.).

Особенностью использования русского языка в бытовой сфере в Беларуси является то, что он выступает как территориальный вариант русского просторечия, ориентированного на русский литературный язык, в котором представлены только вторичные русские диалектные признаки.

Белорусско-русское двуязычие – это данность современных реалий Беларуси, которую принимает большинство жителей страны. Глава Министерства иностранных дел Беларуси Максим Рыженков, выступая 19 февраля 2026 года на литературном вечере, приуроченном к Международному дню родного языка и Году белорусской женщины, подчеркнул, что двуязычие в Беларуси – это не предмет дискуссий, а естественная часть жизни. Уважительное отношение к обоим языкам формировалось на протяжении истории, отметил министр. Оба языка свободно звучат в семьях, школах, вузах, в средствах массовой информации... Они не конкурируют, а гармонично дополняют друг друга, отражая богатство исторического пути нашей страны и укрепляя общественное согласие [Глава МИД назвал естественным наличие двух государственных языков в Беларуси, URL].

В условиях массовых контактов русского и белорусского языков во всех сферах общественной жизни наблюдается их взаимное влияние и проникновение на разных уровнях в той степени, в которой разрешает их внутренняя структура как близкородственных языков. Это явление называется *интерференцией* (от латинского *inter* ‘между’ и *ferens* ‘несущий, переносящий’). *Интерференмы* – это минимальные лингвистические единицы отклонения от нормы одного языка под воздействием другого. Известный белорусский лингвист В.И. Ивченков отмечает, что «интерференция в ситуации билингвизма – дело неизбежное, но проявление ее снижает речевую культуру» [Іўчанкаў, 2025, *47*].

Уровень интерференции жителей Беларуси варьируется в зависимости от места проживания (город, деревня), возраста, уровня образования, национальной принадлежности.

Ситуация белорусско-русского двуязычия активно воздействует на процессы функционирования как белорусского, так и русского языка. Неоправданное смешивание элементов двух языков воспринимается как показатель низкой языковой культуры, а спонтанная речь в Беларуси получила название *трасянка*. В переводе с белорусского языка слово *трасянка* означает ‘смесь сена с соломой, травой, используемая как корм для животных’. Ученые-лингвисты различают два вида белорусской трасянки. Первый – разговорная речь на русском языке с элементами белорусского языка и местных говоров. Это явление распространилось вследствие миграции жителей сельской местности в города областного и районного значения. В официальной сфере в Беларуси больше распространен русский язык. Но в быту люди разговаривают так, как им проще. Даже стремясь говорить по-русски, используют лексику, языковые обороты, впитанные людьми в том месте, где они родились и где прошло их детство и молодые годы. Этот вариант говорения можем услышать в белорусских городах повсюду: в транспорте, в торговых точках, на улицах городов. Но парадокс заключается в том, что

если мы спросим у людей, на каком языке они разговаривают, то они ответят однозначно – на русском.

Второй вид трасянки – белорусский литературный язык с элементами русского языка. Этот вариант мы можем встретить в белорусскоязычных материалах в средствах массовой информации – газетах, журналах, в информационных передачах на телевидении и радио, в школах, в университетах на занятиях по белорусскому языку. Причина этого явления очевидна – параллельное использование двух языков.

Таковы языковые реалии, сложившиеся на сегодняшний день, в стране. И в этих реалиях есть положительные и отрицательные моменты.

Исследованию интерференции посвящены многие научные труды как белорусских, так и русских лингвистов-ученых. Многочисленные языковеды рассматривали интерференцию в разных проявлениях. Ее изучением занимались А.А. Лукашанец, А.Н. Булыко, А.М. Мезенко, А.А. Гируцкий, В.П. Лемтюгова, А.Я. Михневич, Ю.А. Жлуктенко, Т.П. Ильяшенко, Н.А. Баскакова, Ю.Л. Благонравова, В.А. Виноградов, Р.И. Хашимов и многие другие.

Явления интерференции в языковом пространстве Беларуси в данной статье исследовались с привлечением следующих методов: сопоставительного, синхронного, диахронного методов, метода описания, метода наблюдения.

Изучение языковых явлений, происходящих в результате массовых взаимодействий языков, дает богатый материал для широких лингвистических обобщений.

Разберем некоторые примеры использования белорусской лексики в речи русскоязычного населения Беларуси и примеры использования русской лексики в речи белорусскоговорящих жителей страны.

Согласимся с утверждением П.П. Жевнеровича, что «интерференционные явления белорусско-русского двуязычия во многом однонаправленные, несопоставимые по влиянию, что проявляется в достаточно редком функционировании белорусизмов в русскоязычных текстах Беларуси» [Жаўняровіч, 2021, *205*]. Но все же такие единицы находим, проанализируем некоторые из них.

Слово *шыльда*, заимствованное белорусами из немецкого языка Schild ‘знак, щит, табличка’ при посредничестве польского языка Szyld. В современном белорусском литературном языке является нормативным и означает ‘доску, с написанным на ней названием организации, предприятия и под.; вывеску’ (Ходзячы каля прыстанцыйных будынкаў, заўважыў [Анатоль] на адным з іх *шыльду* «Пошта», зайшоў туды. Пальчэўскі). Также имеет переносное значение ‘внешняя, показная сторона кого-, чего-либо’ (Лозунг беспартыйнасці быў для.. [буржуазіі] толькі *шыльдай*, якой яна крывадушна прыкрывала сваю контррэвалюцыйную сутнасць. Івашын) [Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, 2008, т. 5, *428*].

Встречаем слово *шильда* и производную уменьшительную форму *шильдик* не только в белорусском языке, но и в русских текстах. Слово находим как на территории Беларуси (Рекламные металлические шильды стандартной формы. Технические металлические шильды. ЧТУП «Люди и цифры»; *Шильдики* для одежды. ООО «ГалаПолиграф»), так и, что еще более удивительно, на территории России (Восстановим утраченные, поврежденные и устаревшие *шильдики* и наклейки. Изготовим по фотографии *шильдики* под капот, под стекло, на раму. Нижний Новгород).

В нормативных литературных толковых словарях русского языка (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, С.А. Кузнецов) и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слов *шильд*, *шильдик* и *шильда* не обнаружено. Форму мужского рода *шильд* находим в лексикографическом труде «Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы», изданном под редакцией профессора Л.Г. Бабенко, где *шильд* (уменьшительная форма *шильдик*) – это ‘ярлык, табличка, закрепленная на каком-л. изделии и содержащая техническую информацию о нем (наименование, производитель, серийный номер)’ либо ‘рекламная информация (дизайнерская эмблема, фирменный логотип)’ (*Шильд* из металла. *Шильдик*. Декоративный *шильд*) [Большой толковый словарь русских существительных, 2005].

Очевидно заимствование слова из белорусского языка, но через непосредственные контакты с русскоязычными людьми, возможно, русскоязычными белорусами, переселявшимися на территорию России. Что и объясняет более позднюю фиксацию слова в нормативном словаре русского языка. И если в белорусском языке *шыльда* – это термин, то в русском языке слово *шильд* не терминологизировано, неприемлемо его использование в технической документации; допустимые термины – *табличка устройства, паспортная табличка.*

Автором данной статьи в студенческой аудитории неоднократно задавался вопрос: как называется ‘часть стола в форме прямоугольного короба, имеющего возможность горизонтального выдвижения для доступа к содержимому посредством установленных направляющих или полозок’? Только единицы отвечали, что это *ящик стола* или *выдвижной ящик стола.* Все остальные студенты (99%) хором вторили – *шуфлядка* или *шуфляда*.

Слово *шуфляда,* вариант *шуфлядка*, происходит от немецкого *Schublade* (произносится *шубладэ*). К белорусам слово пришло при посредничестве польского языка – *szuflada, szuflado* и *szufladka.* Это слово появилось в употреблении во времена существования Великого княжества Литовского и известно на территориях, входящих в то время в состав этого государственного образования, – в Прибалтике, в Беларуси, в западных регионах России, Украине. Также встречается в Молдавии и Средней Азии.

В «Словаре белорусского наречия» Ивана Носовича (1870) слово представлено фонетическими вариантами *шуфляда, шухляда* в значении ‘комодный ящик’ (Уси *шуфляды* перерыв) [Носович, 1870].

В современном белорусском языке слово *шуфляда* – это нормативная литературная единица [Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы, 2008, т. 5, *414*]. На территории Беларуси слово активно используется в речи как белорусскоговорящими, так и русскоговорящими людьми.

В белорусских говорах встречаем варианты с *х* вместо *ф*, *п* вместо *ф* и *т* вместо *д*.

В северо-западном языковом диалектном пространстве Беларуси находим формы женского рода *шуфляда, шупляда* и мужского рода *шухляд* в значениях ‘ящик в шкафу, столе’ (У шафе больш *шуфляды*, а ў стале – проста кажуць: паглядзі ў століку, а ні ў *шуфляткі*; Бялізну кладуць у *шуфляду*), ‘форточка в окне, в двери’ (*Шуфляды* ўстаўляліся для акна і ў дзверы; На акне *шупляда*). Уменьшительная форма *шуфлятка* чаще использовалась в значении ‘ящик в столе’ (*Шуфлятка*, клалі што папала, мелач, вот ніткі; *Шуфлятка* ў стале) [Слоўнік беларускіх гаворак паўднева-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1986, т. 5, *510*].

Используется эта единица не только в бытовой сфере. Например, автором статьи *шуфляда* выявлена в использовании мебельщиками Беларуси в описании производимой продукции на сайтах компаний на русском языке: *Пристенный туалетный стол с 2-мя выдвижными шуфлядами*. ООО «Лаварди К»; *Стол-консоль из дуба с шуфлядами.* «CredWood.by»; *Стол с шуфлядами.* ЗАО «Ардис».

В России, в русскоязычном пространстве описываемая часть стола именуется *ящик* ‘вместилище для чего-л., обычно четырехугольной формы’ [Ожегов, 1997, *796*].

Поиски слова *шуфляда, шуфлядка* в нормативных толковых словарях русского языка известных составителей (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова) и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля оказались безрезультатными. Слово было найдено в онлайн-справочнике русского языка (без указания авторства материала) с пометой *просторечное* и с пояснением, что слово иногда используется составителями кроссвордов. Кроме того, дается подробная этимологическая и семантическая характеристика слова [Шуфлядка – это..., URL]. Такое детальное описание *шуфлядки* находим в этом контенте, вероятно, потому что слово появляется в речи людей в разных частях страны благодаря миграции населения, проживавшего ранее в западных регионах, а также белорусов, перемещающихся по территории России. Это ответ на запрос россиян по поводу ранее неизвестной лексики.

Представленные примеры подтверждают слова В. фон Гумбольдта, что в другой язык человек все равно в большей или меньшей степени пере-

носит свое собственное миропонимание и воззрение. Язык – это своеобразный «промежуточный мир, находящийся между народом и окружающим его объективным миром» [Гумбольдт, 1985, *80*].

Длительное преобладание русского языка на территории Беларуси повлияло на характер двуязычия. В составе белорусского языка можно встретить много *русизмов* – слов, заимствованных из русского языка. Эти слова можно разделить на три группы. Первую группу составляют слова, осваиваемые белорусским языком (*іск, камандзіраваць*). Русские слова второй группы используются параллельно с белорусскими эквивалентами. Например, мы можем встретить варианты *карандаш* и *аловак*, *працэнты* и *адсоткі*, *веласіпед* и *ровар*. Русизмы третьей группы нежелательны в использовании, их заменяют белорусскими лексемами. Например, *мел* – бел. *крэйда*, *часы* – бел. *гадзіннік*, *зеркало* – бел. *люстэрка*, *чашка* – бел. *кубак*, *ножницы* – бел. *нажніцы*, *скатерть* – бел. *абрус*.

Приведем некоторые примеры использования русской лексики в белорусскоговорящей среде.

Ребенок, подросток мужского пола в белорусском литературном языке именуется *хлопец*, реже можно встретить вариант *хлапец (хлопчык, хлапчук, хлапчаня)* (Каля апарата корпаўся, штосьці папраўляючы, гладкі і, здалося, вяселы незнаемы *хлопец* з русявымі, зачэсанымі назад валасамі. Іван Мележ. Подых навальніцы).

Но в говорах северо-западной части Беларуси выявлена нехарактерная для белорусского литературного языка форма *мальчык* (сравним русское *мальчик*) (Маю пяць унукаў, два *мальчыкі*.), а также уменьшительные формы *мальчонак, мальчоначак* (*Мальчоначак* мой прыбех), грамматические варианты *мальчышка, мальчуга, мальчаня* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднева-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1982, т. 3, *27*].

В белорусском языке для характеристики чего-либо значительного по величине, размерам, силе используется прилагательное *вялікі* (*вялікая* літара, *вялікі* палец, *вялікая* пабудова). В говорах северо-западной части Беларуси достаточно распространен русский вариант *бальшы* (сравним русское *большой*) (Там зэдэль *бальшы* стаяў. *Бальшы* кошык або вялькі, вялікі). О широком распространении этого слова на данной территории свидетельствует фиксация многочисленных производных единиц: *бальшушчы*, *бальшэнны* ‘большой’, *бальшак* ‘шоссе, широкая дорога, обсаженная деревьями’ *бальшынство*, *большэньство* ‘большинство’, *бальшуха*, *большуха* ‘старшая дочь в семье’ (Моя *большуха* ў том сэлі. Мая *бальшуха* заходзіла да нас) [Слоўнік беларускіх гаворак паўднева-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1979, т. 1, *161*].

Примером также является использование в речи белорусов прилагательного *бальны* (сравним русское *больной*) ‘пораженный какой-либо болезнью’ вместо белорусского эквивалента *хворы* (*Бальны* муш ляжаў у пасцелі) [Там же, *160*] и производных от этой единицы глагола *балець* (русское *болеть*) ‘испытывать боль’ (Яны ціфам *балелі* там. Ен даўно *балеіць*) [Там же,

158], существительного *балесь*, *балесць* (русское *болезнь*) ‘расстройство здоровья, нарушение правильной деятельности организма’ (Падучая *балесь* забіваіць яго. Даўней людзі хварэлі на падучую *балесць*) [Там же, *158*].

Белорусский диалектный лексикографический фонд содержит массу примеров использования русской лексики белорусами, например: *плотнік* – бел. *цясляр*, *плоха* – бел. *дрэнна*, *плошчадзь* – бел. *плошча*, *польза* – бел. *карысць*, *пользавацца* – бел. *карыстацца*, *саблюдаць* – бел. *прытрымлівацца*, *стыдзіць* – бел. *сароміць*, *плотны* – бел. *мажны*, *кладбішча* – бел. *могілкі*, *граніца* – бел. *мяжа* и др.

В прозаических и стихотворных произведениях белорусских авторов и в средствах массовой информации можно встретить русизмы, например: *цэп* – бел. *ланцуг*, *луна* – бел. *месяц*, *грэбля* – бел. *веславанне*, *таможня* – бел. *мытня*, *здача* – бел. *рэшта*, *веткі* – бел. *галінкі*, *свет* – бел. *святло*.

Для русского языка достаточно продуктивным в образовании слов со значением рода деятельности, состояния является суффикс *-тель*: *издатель, учитель, покровитель, нарушитель, руководитель, потребитель, строитель, расхититель* и проч.

В говорах Беларуси использование подобных форм с суффиксом *-цель* (белорусское произношение) можно встретить довольно часто. Например, выявлено использование слова *вучыцель* (сравним с русским *учитель*) вместо белорусского варианта *настаўнік* и производных форм женского рода *вучыцяльніца*, *вучыцелька* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднева-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1979, т. 1, *339*]. Находим это слово и в художественной литературе (Я *вучыцель* са Старыцы, Сергіеня мае прозвішча. Васіль Быкаў).

В разговорной речи очень часто встречается фонетический вариант русского слова *председатель – прадсядацяль* (*прадсядаталь*, *прадсідацель*, *прэдседаталь*, *пратсядацяль*) вместо белорусского *старшыня* [Слоўнік беларускіх гаворак паўднева-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1984, т. 5, *75*].

Белорусское слово *вызваліцель* (сравним с русским *освободитель*) имеет русский суффикс, а корневая часть происходит от белорусского глагола *вызваляць* ‘освобождать’. Но это единичный пример. Чаще в белорусском нормативном языке подобные слова со значением рода деятельности или состояния имеют формы с суффиксами *-ец, -нік, -ар*: *издатель – выдавец, нарушитель – парушальнік, руководитель – кіраўнік, строитель – будаўнік, потребитель – спажывец, расхититель – раскрадальнік*. Исключением в этой категории лексических единиц длительное время было слово *водитель* – белорусский вариант *вадзіцель* и производное прилагательное *водительский* – бел. *вадзіцельскі*. Русско-белорусский словарь 1991 года издания подает именно такие варианты перевода этих слов [Русско-белорусский словарь, 1991, т. 1, *113*]. Но уже в современном русско-белорусском онлайн-словаре находим варианты перевода слова *водитель – вадзіцель* и *кіроўца* (производное от белорусского глагола *кіраваць* ‘управлять’). Форма *кіроўца* (сравним с польским *kierowca*) активно закрепляется в речи белорусов в последние десять-пятнадцать лет (*кіроўца тралейбуса, кіроўца аўтобуса, кіроўцы маршрутак*).

В подсознании белорусов сохранилась многим привычная русская форма *вадзіцель*, производная от глагола *вадзіць* ‘сопровождать’. Например, используется в сочетаниях *асабісты вадзіцель* ‘человек, перевозящий определенное лицо на автомобиле заказчика’, *вадзіцель таксі*. В белорусскоязычных информационных материалах Министерства транспорта и коммуникаций Беларуси, в новостных материалах в интернет-пространстве, на табличках, размещенных в автобусах и троллейбусах, мы можем встретить и слово *кіроўца*, и слово *вадзіцель* (*кіроўца* з трыццацігадовым стажам; нецвярозы *кіроўца*; вопытны *вадзіцель*; вадзіцель *аўтобуса*). Сочетание *водительское удостоверение* в переводе на белорусский язык сохраняет русский вариант прилагательного – *вадзіцельскае пасведчанне*, подчиняясь фонетическим и грамматическим нормам белорусского языка (*Вадзіцельскае пасведчанне* ў Беларусі – адзіны дакумент, які дае права кіраваць аўтамабілем) [Аляксандр Вайцешка, URL].

Как видно из выше представленного материала, русская лексика встречается преимущественно в разговорной речи белорусскоязычного населения, а также закрепилась в белорусском деловом дискурсе в качестве терминологических единиц.

Таким образом, представленный и проанализированный материал позволяет сделать выводы о ряде функционально значимых особенностей проявления интерференции на территории Беларуси:

1) в условиях преобладания русского языка проникновение русской лексики наблюдается во всех сферах – бытовой, официальной. Русские слова, используемые в речи белорусов, подчиняются законам белорусской графики, фонетики и морфологии;

2) белорусизмы в русском языке имеют статус разговорных, просторечных, в то время как русизмы зачастую становятся элементами структуры белорусского языка, белорусской терминологии;

3) на процессы взаимного влияния близкородственных языков оказывают воздействие как интра-, так и экстралингвистические факторы культурного, социального и исторического характера. Русскоговорящие белорусы, включая белорусизмы в свою речь, переносят свое миропонимание и собственное языковое видение, сформированное под влиянием культурных традиций своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / авт.-сост.: Л.Г. Бабенко [и др.]; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 864 с.

Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры / пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступит. ст. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 448 с.

Жаўняровіч П.П. Даведнік па літаратурнай праўцы: арфаграфічны, пунктуацыйны, лексічны, марфалагічны, сінтаксічеы, тэхнічны ўзроўні / уст. слова Віктара Іўчанкава; пад рэд. Віктара Іўчанкава. 2-е выд., стэр. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2021. 205 с.

Іўчанкаў В.І. Беларускія СМІ ў сітуацыі дзяржаўнага білінгвізму: сучасныя тэндэнцыі развіцця медыямаўлення // Беларуская мова – галоўная гісторыка-культурная каштоўнасць нацыі і дзяржавы (да 95-годдзя Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа): зб. навук. арт. / пад агул. рэд. І.Л. Капылова; навук. рэд. І.У. Ялынцава. Мінск: Беларуская навука, 2025. С. 47–53.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 939 с.

Носович Иван Иванович (1788–1877). Словарь белорусского наречия / сост. И.И. Носовичем. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1870. 756 с.

Русско-белорусский словарь = Руска-беларускі слоунік. Более 109 000 слов: в 2 т. / ред. К.К. Атрахович (Кондрат Крапива). 3-е изд., испр. и доп. Минск: БелСЭ, 1991.

Слоўнік беларускіх гаворак паўднева-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. / уклад. Ю.Ф. Мацкевіч [і інш.]; рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад агульн. рэд. акадэміка АН БССР К.К. Атраховіча (Кандрат Крапіва): у 5-ці т. Мінск: БелСЭ, 1977–1984.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов [и др.]; под общ. ред. А.Н.Тихонова, Р.И. Хашимова. М.: Флинта, 2014. 438 с.

Аляксандр Вайцешка: Права на правы. ДАІ аб адказнасці за пратэрмінаванае вадзіцельскае пасведчанне і правілах яго абмену | Навіны Беларусі | Беларускія навіны | Беларусь – афіцыйныя навіны | Мінск | БелТА. URL: https://blr.belta.by/interview/view/prava-na-pravy-dai-ab-adkaznastsi-za-praterminavanae-vadzitselskae-pasvedchanne-i-pravilah-jago-abmenu-3228/(дата обращения: 18.08.2025).

Выдвижной ящик — Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Выдвижной_ящик (дата обращения: 01.07.2025).

Глава МИД назвал естественным наличие двух государственных языков в Беларуси – 19.02.2026, Sputnik Беларусь. URL: https://sputnik.by/20260219/glava-mid-nazval-estestvennym-nalichie-dvukh-gosudarstvennykh-yazykov-v-belarusi-1104490657.html (дата обращения 25.03.2026).

Шуфлядка это... Что такое шуфлядка? URL: https://argo.academic.ru/6356/шуфлядка (дата обращения: 14.07.2025).

Шуфлядка – это... Значение слова шуфлядка. URL: https://sinonim.org/t/шуфлядка (дата обращения: 25.07.2025).

V.A. Skachkova
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Foreign Languages and Intercultural Communications,
Gomel branch of the International University «MITSO»
Gomel, Republic of Belarus

Lexical Interference in the Belarusian-Russian Language Space

The article studies the peculiarities of interference in Belarus, using Belarusian and Russian vocabulary. The analysis aims to demonstrate the extent of interference processes through examples of Russian-Belarusian language interaction and, consequently, to identify trends in the development of closely related languages under active communication.

The comparative study relies on the concepts, methods, and results of comparative linguistics, primarily from Belarusian linguists A.A. Lukashanets, A.N. Bulyko, and their followers.

The findings reveal several functionally significant features of interference: 1) with the prevalence of Russian, Russian vocabulary penetrates all spheres – everyday and official; 2) Belarusianisms in Russian have a colloquial status, while Russicisms often become elements of the Belarusian language structure and terminology; 3) Russian-speaking Belarusians, incorporating Belarusianisms, transfer their worldview and linguistic vision shaped by their country's cultural traditions.

Keywords: *bilingualism; interference; interferism; belarusianism; russianism; Belarusian language; Russian language; dialects of Belarus.*

REFERENCES

A large explanatory dictionary of Russian nouns: over 15,000 nouns., ideograph. description, synonyms, antonyms [Bol'shoj tolkovyj slovar' russkih sushchestvitel'nyh: svyshe 15 000 imen sushchestv., ideograf. opisanie, sinonimy, antonimy]. The author and compiler: L.G. Babenko et al.; under the general editorship of L.G. Babenko. Moscow: AST-Press Book, 2005. 864 p. (in Russian).

Humboldt Wilhelm von. Language and Philosophy of Culture [Gumbol'dt Vil'gel'm fon. YAzyk i filosofiya kul'tury]. Translations from German. Compilation, general editing and introductory articles by doctor of Philosophy, Professor A.V. Guligi and doctor of Philology, professor G.V. Ramishvili. Moscow: Progress Publ., 1985. 448 p. (in Russian).

Zhevnerovich P.P. Handbook of literary editing: spelling, punctuation, lexical, morphological, syntactic, technical levels [ZHaўnyarovich P.P. Davednik pa litaraturnaj praўcy : arfagrafichny, punktuacyjny, leksichny, marfalagichny, sintaksichey, tekhnichny ўzroўni]. Peter Oral words of Viktor Ivchenkov. Edited by Victor Ivchenkov. The 2nd ed., corrected. Minsk: Education and Upbringing, 2021, 205 p. (in Belarusian).

Ivchenkov V.I. Belarusian mass media in the situation of state bilingualism: modern trends in the development of media management [Belaruskiya SMI ў situacyi dzyarzhaўnaga bilingvizmu: suchasnyya tendencyi razviccya medyyamaўlennya]. *The Belarusian language is the main historical and cultural value of the nation and the state: (on the 95th anniversary of the Institute linguistics named after Yakub Kolas): collection of scientifc articles.* National. Academy of Sciences of Belarus, Research Center. A Belarusian. culture, Language and Literature, Yakub Kolas Institute of Linguistics ; under the general editorship of I.L. Kopylov; scientific editorship of I. V. Elyntseva. Minsk: Belarusian science Publ., 2025. Pp. 47–53 (in Belarusian).

Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language 80,000 words and phraseological expressions [Tolkovyj slovar' russkogo yazyka 80 000 slov i frazeol. vyrazhenij]. S.I. Ozhegov and N.Yu. Shvedova; Rus. acad. sci., V.B. Vinogradov Rus. lang. inst. 4th ed., enlarged. Moscow: Azbukovnik, 1997. 939 p. (in Russian).

Nosovich Ivan Ivanovich (1788-1877). Dictionary of the Belarusian Dialect [Slovar' belorusskogo narechiya]. Compiled by I.I. Nosovich. Saint-Petersburg: Departemnt of the Russian Languague and Literature of the Academy of Sciences, 1870. 756 p. (in Rusian).

Russian-Belarusian Dictionary. More than 109,000 words. In 2 vols. [Russko-belorusskij slovar' = Ruska-belaruski slounik. Bolee 109 000 slov: v 2 t]. AS BSSR. Yanka Kupala Institute of Linguistics. Edited by: Acad. AS BSSR K.K. Atrachovich (Kondrat Krapiva). 3rd ed., corrected and enlarged. Minsk: BelSE, 1991 (in Russian, in Belarusian).

Dictionary of Belarusian dialects of north-western Belarus and its borderlands: In 5 vols. [Sloўnik belaruskih gavorak paўdneva-zahodnyaj Belarusi i yae pagranichcha:u 5-ci t. Russko-belorusskij slovar' = Ruska-belaruski slounik. Bolee 109 000 slov: v 2 t]. Compiled by: Yu.F. Matskevich, A.I. Grinavetskiene, Ya.M. Romanovich, et al. Edited by: Yu.F. Matskevich. Minsk: Nauka i tekhnika, 1979-1986. Vol. 1-5. (in Belarusian).

Explanatory dictionary of the Belarusian language [Tlumachal'ny sloўnik belaruskaj movy]. Edited by Academician of the Academy of Sciences of the BSSR K.K. Atrakhovich (Kandrat Krapiva). In 5 vols. Minsk: BelSE, 1977-1984. Vols. 1-5 (in Belarusian).

Encyclopedic Dictionary-Reference of Linguistic Terms and Concepts. Russian Language: in 2 vols. [Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik lingvisticheskih terminov i ponyatij. Russkij yazyk: v 2 t.]. Edited by A.N. Tikhonov, R.I. Khashimov, G.S. Zhuravleva et al.; the general editorship of A.N. Tikhonov, R.I. Khashimov. Moscow: Flinta, 2014. 438 p. (in Russian).

Alexander Vaitseshka: Right to Rights. State Automobile Inspectorate on responsibility for expired driver's license and rules for its exchange [Alyaksandr Vajceshka: Prava na pravy. DAI ab adkaznasci za praterminavanae vadzicel'skae pasvedchanne i pravilah yago abmenu]. *News of Belarus, news of Belarus. Belarus-official news.* Minsk: BelTA. Available at: https://blr.belta.by/interview/view/prava-na-pravy-dai-ab-adkaznastsi-za-praterminavanae-vadzitselskae-pasvedchanne-i-pravilah-jago-abmenu-3228 / (accessed on August 18, 2025) (in Belarusian).

The sliding box — Wikipedia [Vydvizhnoj yashchik — Vikipediya]. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Sliding_box (accessed on July 01, 2025) (in Russian).

The Foreign Minister called it natural to have two official languages in Belarus – 02/19/2026 [Glava MID nazval estestvennym nalichie dvuh gosudarstvennyh yazykov v Belarusi – 19.02.2026]. *Sputnik Belarus.* Available at: https://sputnik.by/20260219/glava-mid-nazval-estestvennym-nalichie-dvukh-gosudarstvennykh-yazykov-v-belarusi-1104490657.html (accessed on March 25, 2025) (in Russian).

Shuflyadka | this... What is a shuflyadka? [Shuflyadka | eto... chto takoe shuflyadka?]. Available at: https://argo.academic.ru/6356/шуфлядка (accessed on July 14, 2025) (in Russian).

The shuflyadka is... The meaning of the word shuflyadka [Shuflyadka – eto... Znachenie slova shuflyadka]. Available at: https://sinonim.org/t/шуфлядка (accessed on July 25, 2025) (in Russian).

Е.Н. Подтележникова

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

УДК 81’373

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-57-70

КРЕАТИВНОСТЬ НОМИНАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В КОНВЕНЦИОНАЛЬНОМ ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: *мультфильм как креолизованный текст; культурное пространство; информационный поток; окказиональное словообразование; словообразовательная модель.*

Размышления о средствах креативности в русскоязычных мультфильмах на естественно-научную тему направлены на анализ способов сообщения сведений о виртуальном мире, сконструированном сценаристами и режиссерами, и реальном мире, отражающем научные сведения из разных областей. Придерживаясь широкой трактовки креативности как неотъемлемого свойства любого вида человеческой деятельности, на данном этапе изучения спо-

собов структурирования информационного потока в мультфильмах на естественно-научную тему мы ограничиваемся обращением к отдельным номинациям, реализуемым конкретной словоформой. Многоаспектное изучение мультфильмов на естественно-научную тему позволило констатировать значительное преобладание новообразований, выраженных существительными, большая часть которых относится к семантическому классу конкретных существительных. Наиболее частотными семантическими классами окказионализмов являются «продукты деятельности человека и их свойства» и «вещества и их частицы». С точки зрения словообразовательной структуры окказионализмы указанных групп чаще всего образованы по такой продуктивной модели, как чистое сложение, что позволяет отразить научные сведения в простой, лаконичной и сжатой форме. Использование окказионализмов только при описании фикциональной (вымышленной) реальности указывает на их функцию уточнения и детализации ранее введенной научной информации для ее успешной интериоризации детьми. Высокая креативность номинативного потенциала окказионализмов обеспечивает продуктивность транслирования научных сведений и структурирования информационного потока в мультфильмах на естественно-научную тему.

Любой текст, являясь продуктом когнитивной, номинативной, коммуникативной, духовной и материальной деятельности отдельного субъекта или коллектива субъектов, в той или иной степени представляет собой индивидуальное, творческое, креативное решение определенной когнитивной и коммуникативной задачи в конкретных коммуникативных условиях. По мнению О.К. Ирисхановой, креативность представляет собой «уникальную способность человека описывать бесконечное количество новых ситуаций ограниченным набором языковых форм» [Ирисханова, 2004, 17]. При этом важно понимать, что носитель языка должен обладать коммуникативной и когнитивной гибкостью, то есть отрефлексированным и/или интуитивным знанием об оптимальных для конкретного культурного пространства средствах и способах решения определенной когнитивной и коммуникативной задачи. Соглашаясь с трактовкой креативности как исключительно значимого для человека и общества в целом свойства человека как субъекта познания и коммуникации, мы вслед за Л.И. Гришаевой считаем креативность сущностной и неотъемлемой характеристикой носителей языка и культуры, признавая, что креативность основана на выборе оптимального варианта из нескольких возможных, которыми располагает культура, или же на предложении принципиально нового варианта решения стоящих перед субъектом задач [Гришаева, 2022b].

Не вызывает сомнения, что креативные номинации, представляющие собой продукт номинативной деятельности носителей культуры, могут, очевидно, получать разные референты: предметы, субъекты, качества, ситуации, признаки, процессы и прочее, которые вербализуются разными языковыми структурами (см. подробнее о сущности номинативной деятельности

в [Кубрякова, 1988], а также о закономерностях вторичной номинации в [Бабина, 2003; Болдырев, 2001; 2014]).

Как же происходит процесс создания продуцентами креативных единиц? Как последние воспринимаются реципиентами? Насколько адекватным следует признать в последующем их восприятие? По всей видимости, ответить на эти вопросы можно, обращаясь к объяснительной силе понятий «концептуальная картина мира (ККМ)» и «языковая картина мира (ЯКМ1 и ЯКМ2)», предложенных Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1988]. Так, Е.С. Кубрякова пишет, что концептуальная картина мира представляет собой организованную по определенным принципам совокупность всех знаний носителей языка; вербализуется только часть сведений о мире, в которой, в свою очередь, присутствуют потенциальные единицы, порождаемые по имеющимся в языке моделям [Кубрякова, 1988]. Активизация в тексте потенциальных единиц мыслится носителями языка как нечто абсолютно вероятное по той причине, что сведения о потенциальных возможностях языка присутствуют в картине мира любого носителя языка в виде набора изофункциональных средств, с помощью которых по-разному профилируется совокупность сведений о мире, активированная и соактивированная разнородными и разноуровневыми языковыми средствами, объективирующими в актуальной коммуникации некоторые сведения о мире.

При изучении лингвокреативности обращает на себя внимание любопытный факт: большая часть соответствующих лингвистических исследований сосредоточена, по мнению О.К. Ирисхановой, на анализе лексических и/или словообразовательных средств в качестве креативных новообразований [Ирисханова, 2004]. Однако, если учитывать иные способы проявления лингвокреативности (разнообразные грамматические и/или текстограмматические новации, в особенности текстосинтаксические или же семиологические), правомерной представляется широкая трактовка креативности, которой придерживается Л.И. Гришаева. Согласно такой интерпретации, креативность рассматривается как неотъемлемое свойство любого вида человеческой деятельности в любом проявлении последней. С таких позиций креативность осмысляется как адаптивный механизм, результатом которого является качественное и количественное увеличение вариативности средств при обработке сведений о мире, то есть в конечном счете при порождении и рецепции текста, выборе типа текста как средства и способа фиксации результата речемыслительной деятельности, при выборе когнитивных стратегий в процессе членения информационного потока, а также при выборе коммуникативных и номинативных стратегий и средств их реализации при решении коммуникантами как носителями языка и культуры некоторой коммуникативной и когнитивной задачи [Гришаева, 2022b].

В этой связи объект нашего исследования – конвенциональный креолизованный текст «мультфильм на естественно-научную тему» – мы признаем креативным коммуникативным продуктом. Наше решение обусловлено несколькими обстоятельствами:

1) пониманием мультфильма как коммуникативного продукта «текст» и осознанием его фикциональной сущности, конструируемой разными способами;

2) признанием поликодовой природы текстов обсуждаемого типа, когда в одном текстовом пространстве при объективации сообщаемых реципиенту сведений продуцент обращается к средствам разных семиотических систем [Подтележникова, 2025, *37*];

3) выделением разнообразных и вариативных гибридных способов синхронного для реципиента сообщения сведений о некотором явлении внеязыковых миров из разных комплексов знаний: во-первых, это сведения о мире, выверенные научно; во-вторых, сведения о виртуальной (фикциональной) действительности, сконструированной сценаристами и режиссерами как носителями реальной языковой культуры; в-третьих, нелинейно, разнообразно организованные по разным основаниям комплексы сведений из повседневной и научной сферы, из бытового и бытийного общения, из официальной и неофициальной коммуникации.

На данном этапе анализа мультфильмов на предмет их креативности при структурировании информационного потока мы решили сфокусировать свой научный интерес на креативных номинациях отдельных элементов реальной, квазиреальной, фикциональной и/или виртуальной действительности (единицы типа *крошкоуловитель, пиналет, чердакотрясение, заумнение, первоптичка*)[1], сведения о которых содержат изучаемые тексты. Наше решение основывается прежде всего на том, что выделяемые для предметного анализа единицы обладают значительным номинативным и прагматическим потенциалом даже в изолированных контекстах, регулярно и практически неизменно воспроизводя этот текст в разных коммуникативных условиях (см. соответствующие примеры ниже). Данный потенциал активизируется в силу вхождения соответствующих единиц в несколько разных терминосистем, которым имманентны определенные свойства по причине их терминологической природы (см. подробнее о терминосистемах и терминах, например, в [Володина, 2011]). Так, единицы *антигарин, пирохимик, энергорасточительный* правомерно локализовать в терминосистемы фи-

[1] К реальной действительности в мультфильме, с опорой на трактовку реальности А.С. Дружининым, мы относим верифицированные научные сведения для объяснения того или иного явления окружающей действительности, с которым сталкиваются герои мультфильма в своей реальной повседневности [Дружинин, 2024, *24*]. Под фикциональным миром мы понимаем намеренно созданный, вымышленный мир мультфильма, не соответствующий действительности [Крысин, 2008]. В квазиреальном мире, говоря словами А.Э. Левицкого, «неосуществимое осуществляется, неисполнимое исполняется, а невозможное становится возможным» [Левицкий 2017, *75*]. Виртуальный или «ирреальный» мир мы вслед за А.П. Бабушкиным рассматриваем как не соответствующий действительности, представляемый как один из многочисленных возможных миров [Бабушкин, 2001].

зики и химии, номинации типа *первоптичка, супер-йога-осминог, насекомоотталкивание* – биологии, новации *электрозабег, велопраздновать* – спорта, словоформы типа *каллиграфика* – изобразительного искусства и т.д. Отмеченные характеристики объясняют, почему на данном этапе изучения принципов членения информационного потока целесообразно ограничиться минимальной единицей объективации сведений об элементах внеязыковой действительности, то есть номинациями, реализуемыми конкретной словоформой. Аналогично реальным терминосистемам изучаемым окказионализмам присущи такие признаки, как принадлежность к профессиональной сфере, системность, однозначность, функциональность и некоторые другие.

Интересным в этой связи представляется вопрос о природе окказионализмов[2], используемых в мультфильмах на естественно-научную тему, и их функциональном потенциале. С одной стороны, окказионализмы можно охарактеризовать как квазитермины, с помощью которых реципиенту транслируются научные сведения в мультфильме, так как окказионализмы созданы по законам, актуальным для терминосистемы в конкретной языковой культуре, и используются в профессиональной среде (даже если это фикциональная или же виртуальная реальность). Например, *антигарин* – вещество, которое не горит[3] (цикл «Новаторы», мультфильм «Приключение с огоньком»); *насекомоотталкивание* – отпугивание насекомых растениями (цикл «Смешарики: Пин-Код», мультфильм «ДНК») и др.

С другой стороны, окказионализмы можно, по всей видимости, трактовать как реалии[4] ввиду того, что в мультфильмах на естественно-научную тему тесно взаимодействуют реальный, фикциональный, квазиреальный и виртуальный миры. В этом случае фикциональная (вымышленная) реальность мультфильма является для детей «своей», то есть знакомой, действительностью, а научные сведения как часть реального мира представляют собой «чужую», то есть незнакомую, действительность (см. рассуждения о параметрах «свой», «чужой», «другой» как когнитивных фильтрах в [Гришаева, 2022а]).

Учитывая сказанное, цель исследования можно сформулировать как выявление функционального потенциала окказионализмов в русскоязычных мультфильмах на естественно-научную тему[5]. Несомненно, важным представляется поиск ответов на следующие вопросы. Частью какого из миров, присутствующих в мультфильмах на естественно-научную тему, являются окказионализмы – реального, фикционального, квазиреального или

[2] Окказионализмами анализируемые здесь единицы признаются потому, что они не являются узуальными языковыми единицами и созданы авторами мультфильмов с определенной целью.
[3] Здесь и далее толкование наше, исходя из содержания мультфильма.
[4] Вслед за Н.А. Фесенко к реалиям как средствам отражения в языке «своей» действительности и освоения языком «чужой» действительности мы относим элементы действительности и их обозначения [Фененко, 2001].
[5] Специальное и целенаправленное изучение англоязычных мультфильмов по заявленным выше принципам показало отсутствие в них языковых единиц, подобных описываемым здесь.

виртуального? Одного или нескольких? Какие сведения о мире описываются с помощью окказионализмов? Какую функцию выполняют новообразования в креолизованном тексте «мультфильм на естественно-научную тему»? Насколько регулярно они используются продуцентом в одном и том же цикле мультфильмов? Насколько сопоставимы когнитивные и номинативные закономерности в разных и/или тождественных понятийных сферах в разных текстах (мультфильмах)?

Эмпирическим материалом, адекватным особенностям текстов изучаемого типа и целеустановкам исследования, стали 143 серии русскоязычных мультфильмов на естественно-научные темы из циклов «Смешарики: Пин-Код» (2012 год создания, возрастные ограничения 6+, проанализировано 50 серий, общая длительность – около 650 мин.), «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь» (2018 год создания, возрастные ограничения 0+, проанализировано 50 серий, общая длительность – около 250 мин.), «Новаторы» (2011 год создания, возрастные ограничения 6+, проанализировано 43 серии, общая длительность – около 300 мин.).

Выбор именно перечисленных мультфильмов обусловлен тем, что они предназначены для нескольких возрастных категорий детей и затрагивают темы из разных сегментов научного знания (от астрономии до биологии).

Последовательность аналитических процедур для отобранного материала предполагает многоаспектное изучение мультфильмов на естественно-научную тему: анализ когнитивной семантики, частеречный анализ, семантико-структурную характеристику семантического класса в пределах части речи, словообразовательный анализ, лексико-семантический анализ.

Частеречный анализ окказионализмов показал значительное преобладание новообразований, выраженных существительными (54%)[6]. Из них 91% относятся к семантическому классу конкретных существительных.

Опираясь на классификацию русской лексики в «Русском семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой[7] [Русский семантический словарь, 1998, *744*], мы распределили выявленные существительные по следующим семантическим классам.

[6] Интересным представляется тот факт, что количество окказионализмов во всех 143 проанализированных текстах составляет всего 0,05% от общего количества словоформ. По всей видимости, большее количество новообразований серьезно усложнило бы структуру информационного потока и затруднило бы понимание детьми новой научной информации и ее интеграцию в имеющиеся представления.

[7] В отличие от иных классификаций, теоретическую основу «Русского семантического словаря» Н.Ю. Шведовой составляет положение, что лексическая система представляет собой естественную целостность и обладает высокой степенью стабильности. Неизбежные ее изменения затрагивают лишь отдельные участки лексической системы или отношения между этими участками. Кроме того, в основе концепции словаря лежит членение словарного состава языка по частеречному признаку, что позволяет учитывать высшую ступень отвлечения от лексических значений и представляется целесообразным при классификации лексики [Русский семантический словарь, 1998].

1. Продукты деятельности человека и их свойства:

– устройства: *ружье-самострел, пули-самодуры, огород-самосад* (цикл «Новаторы», мультфильм «Чудо-топливо»), *крошкоуловитель* (цикл «Новаторы», мультфильм «Пикник с археоптериксом»), *куда-угодно-дверь* (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь»);

– транспортные средства: *пинолет, шаролет, умнолет* (цикл «Смешарики: Пин-Код», мультфильм «Очень большая штука»), *притяжабль* (цикл «Новаторы», мультфильм «Верхом на звезде»), *потяжабль* (цикл «Новаторы», мультфильм «Странные гости старого чердака»);

– изменение состояния: *кораблетрясение* (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Прыжки с шестом»), *чердакотрясение* (цикл «Новаторы», мультфильм «Операция чистые руки»), *заумнение* (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Умный дом»);

– произведение искусства: *каллиграфика* (цикл «Новаторы», мультфильм «Такие полезные кляксы»).

2. Вещества и их частицы: *антигарин* (цикл «Новаторы», мультфильм «Приключение с огоньком»); *супермегаатом* (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Виноградный космос»).

3. Человек:

– заболевание человека: *пиратомания* (цикл «Новаторы», мультфильм «Кладоискатели»);

– название лица по профессии: *пирохимик* (цикл «Новаторы», мультфильм «Приключение с огоньком»), *суперсиноптик* (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Охота на дождь»);

– спорт: *электрозабег* (цикл «Новаторы», мультфильм «Царская елка»).

4. Названия животных: *первоптичка* (цикл «Новаторы», мультфильм «Пикник с археоптериксом»), *супер-йога-осьминог* (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Сверхспособность»).

5. Особые свойства растений: *суперпрыгучесть, насекомоотталкивание* (цикл «Смешарики: Пин-Код», мультфильм «ДНК»).

Среди глагольных окказионализмов, общее количество которых составляет 20% от всей выборки, 78% составляют акциональные глаголы[8]. Семантическая классификация окказионализмов, выраженных глаголами, проведенная с опорой на классификацию русской лексики в «Русском семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь, 1998, *744*], позволила выделить следующие группы:

– движения: *причердачиться* – приземлиться на чердак (цикл «Новаторы», мультфильм «Странные гости старого чердака»), *велопраздновать* –

[8] Вслед за Е.С. Кубряковой и Н.Н. Болдыревым к акциональным глаголам мы относим глаголы, выражающие события, в которых субъект-агенс совершает намеренное действие, направленное на объект-пациенс с целью видоизменения этого объекта [Кубрякова, 2004; Болдырев, 2000].

праздновать, катаясь на велосипедах (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Прыжки с шестом»);

– мыслительная деятельность: *заумнить* (дом) – сделать дом умным (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Умный дом»), *наизучать* (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Наука»);

– другие действия: *турбинировать* – получать электричество с помощью турбин (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Источник»), *помутировать* (акцентируется процесс), *домутировать* (акцентируется результат действия) (цикл «Смешарики: Пин-Код», мультфильм «Почему»), *наклякосничать, кляксануть* – поставить кляксы (цикл «Новаторы», мультфильм «Такие полезные кляксы»).

Окказионализмы-прилагательные, составляющие 13% от общего количества окказионализмов, используются для характеристики героев мультфильмов: *энергорасточительный Бараш* (цикл «Смешарики: Пин-Код», мультфильм «Жажда скорости»), *водорасточительная Нюша* (цикл «Смешарики: Пин-Код», мультфильм «Жажда скорости»), *немил человек*[9] (цикл «Новаторы», мультфильм «Как надуть противника»), *пчелоздоровые пчелы* (цикл «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», мультфильм «Вместе веселее»).

В проанализированных мультфильмах на естественно-научную тему также присутствуют окказионализмы – имена собственные (13% от общего количества окказионализмов): *Ежидзе*[10] (цикл «Смешарики: Пин-Код», мультфильм «Жажда скорости»), *Леонардо да Винчевна* (цикл «Новаторы», мультфильм «Чудо-топливо»), *Космубис* (цикл «Новаторы», мультфильм «Сокровище запотевшей бутылки»), *Нанофертити* (цикл «Новаторы», мультфильм «Сокровище запотевшей бутылки»)[11].

Представленная классификация окказионализмов позволяет сделать вывод, что наиболее мощными в количественном отношении семантическими классами окказионализмов являются два: «продукты деятельности человека и их свойства» и «вещества и их частицы». Это побуждает в дальнейшем остановиться на подробном анализе указанных групп.

С точки зрения словообразовательной структуры окказионализмы группы «продукты деятельности человека и их свойства» и группы «вещества и их частицы» имеют прозрачную внутреннюю форму и чаще всего образованы по такой продуктивной словообразовательной модели, как чистое сложение. Вслед за Е.А. Земской под чистым сложением мы понимаем ситуацию, когда последняя (опорная) часть окказионализма является самостоятельным словом, а первый компонент окказионализма представляет собой основу имен

[9] От выражения *мил человек* – просторечное фамильярное обращение.

[10] Родственник Ежика грузинской национальности, если судить по содержанию мультфильма.

[11] Налицо культурная специфика окказионализмов – имен собственных, что является яркой чертой людической коммуникации. В этом случае окказионализмы используются, по всей видимости, с целью карнавализации, конструирования комического или же пародирования [Спиридонов, 2014].

прилагательных и, реже, существительных [Земская, 2011]. Наиболее продуктивными являются способы образования окказионализмов с опорной частью *-лет*: *пинолет, шаролет, умнолет,* а также с нулевым интерфиксом (в терминологии Л.Л. Федоровой [Федорова, 2019]): *ружье-самострел, пули-самодуры, огород-самосад.* Кроме этого, зафиксированы окказионализмы с опорной частью *-трясение*: *кораблетрясение, чердакотрясение* и *-уловитель: крошкоуловитель*. Примечательно, что способом чистого сложения образованы только существительные.

По мнению Л.Л. Федоровой, чистое сложение относится к элементарным, дограмматическим способам словообразования [Федорова, 2019], которые отличаются простотой, лаконичностью, сжатостью и информативностью. Высокая частотность окказионализмов, образованных с помощью чистого сложения, в мультфильмах на естественно-научную тему позволяет констатировать их максимальную эффективность при транслировании научных сведений и структурировании информационного потока в конвенциональном креолизованном тексте. Особо следует отметить, что окказионализмы всех типов используются только при описании фикциональной (вымышленной) реальности и никогда – при описании реальной действительности. Отмеченное свойство окказионализмов указывает, очевидно, на их функцию уточнения и детализации ранее введенной научной информации для ее успешной интериоризации детьми.

Примером сказанному может быть мультфильм «Прыжки с шестом» из цикла «Катя и Эф. Куда-угодно-дверь», в котором главные герои, Катя и Эф, попадают в Нидерланды. Оказавшись на корабле, Катя переключает машинный телеграф[12], и корабль резко трогается с места. На вопрос Кати: «Почему корабль не плывет?» – закадровый голос поясняет: «Это не совсем корабль. В Нидерландах так много рек и каналов, что многие живут в домах-лодках». В ответе Кати: «Извините за кораблетрясение» – окказионализм образован по аналогии с узуальным словом *землетрясение*. Очевидно, с помощью окказионализма *кораблетрясение* продуценты текста акцентируют внимание детей на том, что в Нидерландах люди живут в плавучих домах, которые, как и обычные дома, могут подвергнуться землетрясению, а в данном случае – кораблетрясению.

Второй по частотности словообразовательной моделью в изученных мультфильмах на естественно-научную тему является смешанная префиксально-суффиксальная модель: *причердачиться*, *заумнить*, *наклякосничать* (от *напакостничать*, что, по мнению И.С. Улуханова, также относится к префиксально-суффиксальному сложному способу словообразования [Улуханов,

[12] Машинный телеграф на судне – «устройство для передачи приказаний с ходового мостика в машинное отделение о пуске, остановке или изменении режима работы двигателей» [Большой политехнический энциклопедический словарь, 2004].

2012]). По префиксально-суффиксальной модели образованы и некоторые существительные: *заумнение, антигарин.* Как и окказионализмы, образованные чистым сложением, слова данной группы выполняют функцию конкретизации и уточнения научной информации. Например, в мультфильме «Приключение с огоньком» цикла «Новаторы» главный герой Фил предлагает использовать сухой *антигарин* для тушения пожара в Александрийской библиотеке, так как ранее использованная вода повредила папирусные свитки.

Среди других моделей словообразования были отмечены префиксация (*помутировать, домутировать, супермегаатом*), суффиксация (*кляксануть*), контаминация, к которой А.А. Стрельцов относит проникновение компонентов одной единицы в другую [Стрельцов, 2021, *113*] (*притяжабль* (*притяжение* и *дирижабль*), *потяжабль* (*понянуть* и *дирижабль*)); голофразис, который описывается В.П. Изотовым как слияние словосочетания или предложения в одну лексическую единицу [Изотов, 1998] (*куда-угодно-дверь*).

Отдельно следует обратить внимание на случаи переосмысления словообразовательной структуры существующих слов (в терминологии В.З. Санникова [Санников, 1999]). Результатом указанного процесса семантического словопроизводства является развитие обратной соотнесенности, то есть смены отношений между производящим и производным, когда производящее становится зависимым от производного. В качестве примера рассмотрим мультфильм «Как надуть противника» цикла «Новаторы»:

Фил: Есть идея! А что, если ввести противника в заблуждение таким надувным войском?

Нео: А давайте надуем кого-нибудь.

Нана: Например, печенегов, чтобы освободить русичей от даней.

Фил: Воздушных шаров у нас после Дня Рождения полным-полно. А ты у нас главным художником по надувательству будешь.

В данном случае контекст предполагает использование слова *надувание* в значении «наполнить воздухом» (главный художник по надуванию), так как речь идет о шарах, но используется слово *надувательство*, производное от лексико-семантического варианта *надуть* в значении «обмануть». По всей видимости, здесь происходит актуализация продуктивной для современного русского языка модели «отвлеченное → конкретное», которая, как указывает Г.А. Николаев, является вторичной и обратной по отношению к древнейшей модели семантического словообразования «конкретное → отвлеченное» [Николаев, 2009, *135*].

К подобным случаям можно отнести и следующие примеры:

Нео: Один-один, то есть ничья.

Нана: Ну, теперь точно ничья. Майка с кляксой никому не нужна («Такие полезные кляксы», цикл «Новаторы»).

Ежик: Да, наверное, я все-таки был неправ. Вы не такие уж отрицательные (об электронах). *Простите, что сомневался в вас* («Электробитва», цикл «Смешарики»).

Обращаясь к вопросу о возможности трактовки окказионализмов как реалий, следует отметить, что анализ показал преимущественное использование в мультфильмах на естественно-научную тему окказионализмов, подобных R-реалиям, то есть обозначающих явления внеязыковой действительности (предметы): *крошкоуловитель, ружье-самострел, пиналет, притяжабль, куда-угодно-дверь* и др. Однако этот вопрос требует отдельного изучения, возможно, с привлечением данных из другой языковой культуры.

Обобщая наблюдения, правомерно сделать ряд выводов.

Анализ креативности в текстосемантической, текстосинтаксической, функциональной, семиологической организации креолизованного текста «мультфильм на естественно-научную тему» позволяет констатировать высокий номинативный потенциал окказионализмов при структурировании информационного потока в мультфильме. В силу того, что номинативная деятельность субъекта подчинена реализации определенной когнитивной и коммуникативной стратегии, порождение окказионализмов не самоцель, а средство интериоризации детьми научных сведений. На это указывает и преимущественное использование продуцентами мультфильмов окказионализмов, образованных с помощью чистого сложения, что позволяет обеспечить максимальную эффективность транслирования научных сведений и структурирования информационного потока в конвенциональном креолизованном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2003. 341 с.

Бабушкин А.П. Возможные миры в семантическом пространстве русского языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 86 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000. 12 с.

Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. 2001. № 4. С. 79–86.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 20–28.

Большой политехнический энциклопедический словарь «Нефтяная и газовая промышленность России». М., 2008. 768 с.

Володина М.Н. Знание сквозь призму терминологической информации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 3. С. 136–145.

Гришаева Л.И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2022a. 677 с.

Гришаева Л.И. Креативность как сущностное и неотъемлемое свойство носителей языка и культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022b. № 1. С. 17–27.

Дружинин А.С. Когнитивные основы языкового конструирования ирреальности: дис. … д-ра филол. наук. М., 2024. 358 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2011. 328 с.

Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Орел, 1998. 36 с.

Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Изд-во ВТИИ, 2004. 352 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.

Левицкий А.Э. Реальное, квазиреальное и нереальное: проблемы вербализации средствами современного английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 7(779). С. 72–84.

Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2009. 188 с.

Подтележникова Е.Н. Заголовок как средство отражения содержания мультипликационного фильма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 3. С. 36–45.

Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник: ИРЯ РАН, 1998. Т. 1: Слова указующие (Местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). 800 с.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 541 с.

Спиридонов А.В. Функционально-смысловые типы окказиональной лексики в произведениях Василия Аксенова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2014. 22 с.

Стрельцов А.А. Классификация слов, образованных посредством блендинга: словообразовательный аспект // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 4(56). С. 113–129.

Улуханов И.С. Словообразование посредством замены морфем // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима. Београд: Чигоја штампа, 2012. С. 387–397.

Федорова Л.Л. Русское словосложение: между лексикой и грамматикой // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 20. С. 276–285.

Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 139 с.

E.N. Podtelezhnikova
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Theoretical and Applied Linguistics,
Voronezh State University
Voronezh, Russia

The Creativity of the Nominative Potential of Occasionalisms in Conventional Textual Space

Reflections on the means of creativity in Russian-language cartoons on a natural science topic are aimed at analyzing ways to giving information about the

virtual world, designed by screenwriters and directors, and the real world, reflecting scientific information from different fields. Adhering to a broad interpretation of creativity as an integral property of any kind of human activity, at this stage of studying the ways of structuring the information flow in cartoons on a natural science topic, we refer to individual nominations implemented by a specific word form. A broad study of cartoons on a natural science topic allowed us to state a significant predominance of occasionalisms expressed by nouns, most of which belong to the semantic class of specific nouns. The most frequent semantic classes of occasionalisms are «products of human activity and their properties» and «substances and their particles». Judging by the word-formation structure, the occasionalisms of these groups are most often formed according to such a productive model as pure addition, which makes it possible to reflect scientific information in a simple, compact form. The usage of occasionalisms only for describing fictional reality indicates their function of clarifying and detailing previously introduced scientific information for its successful internalization by children. The high creativity of the nominative potential of occasionalisms ensures the productivity of broadcasting scientific information and structuring the information flow in cartoons on a natural science topic.

Keywords: *cartoon as a crealized text; cultural space; scientific information; term; terminosystem; information flow structuring; word-formation model*

REFERENCES

Babina L.V. Secondary representation of concepts in language [Vtorichnaia reprezentatsiia kontseptov v iazyke]. *Dissertation of ... Candidate of Philology*. Tambov, 2003. 341 p. (in Russian).

Babushkin A.P. Possible worlds in the semantic space of the Russian language [Vozmozhnye miry v semanticheskom prostranstve russkogo iazyka]. Voronezh: Voronezh State University, 2001. 86 p. (in Russian).

Boldyrev N.N. Cognitive semantics [Kognitivnaia semantika]. Tambov, 2000. 12 p. (in Russian).

Boldyrev N.N., Babina L.V. Secondary representation as a special type of knowledge representation in language [Vtorichnaia reprezentatsiia kak osobyi tip predstavleniia znanii v iazyke]. *Philological Sciences,* 2001. No. 4. Pp. 79–86 (in Russian).

Boldyrev N.N. Interpretation of the world and knowledge about the world in language [Interpretatsiia mira i znanii o mire v iazyke]. *Cognitive Studies of Language,* 2014. No. 19. Pp. 20–28 (in Russian).

Large Polytechnic encyclopedic dictionary "Russian Oil and Gas Industry" [Bol'shoi politekhnicheskii entsiklopedicheskii slovar' "Neftianaia i gazovaia promyshlennost' Rossii"]. Moscow, 2008. 768 p. (in Russian).

Volodina M.N. Knowledge through the prism of terminological information [Znanie skvoz' prizmu terminologicheskoi informatsii]. *Bulletin of Moscow University. Series* 9: Philology, 2011. No. 3. Pp. 136–145 (in Russian).

Grishaeva L.I. Dialogues on intercultural communication [Dialogi o mezhkul'turnoi kommunikatsii]. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS, 2022a. 677 p. (in Russian).

Grishaeva L.I. Creativity as an essential and integral property of native speakers of language and culture [Kreativnost' kak sushchnostnoe i neot"emlemoe svoistvo nositelei iazyka i kul'tury]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022b. No. 1. pp. 17–27 (in Russian).

Druzhinin A.S. Cognitive foundations of linguistic construction of unreality [Kognitivnye osnovy iazykovogo konstruirovaniia irreal'nosti]. *Dissertation ... Doctor of Philology*. Moscow, 2024. 358 p. (in Russian).

Zemskaya E.A. Modern Russian language. Word formation a textbook [Sovremennyi russkii iazyk. Slovoobrazovanie: uchebnoe posobie]. Moscow: FLINTA, 2011. 328 p. (in Russian).

Izotov V.P. Parameters of the description of the system of methods of word formation (based on the material of the occasional vocabulary of the Russian language) [Parametry opisaniia sistemy sposobov slovoobrazovaniia (na materiale okkazional'noi leksiki russkogo iazyka)]. *Abstract of the dissertation. ... Doctor of Philology*. Orel: B.I., 1998. 36 p. (in Russian).

Iriskhanova O.K. About human linguocreative activity: verbal names. [O lingvokreativnoi deiatel'nosti cheloveka: otglagol'nye imena]. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2004. 352 p. (in Russian).

Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words [Tolkovyi slovar' inoiazychnykh slov.]. Moscow: Eksmo, 2008. 944 p. (in Russian).

Kubryakova E.S. The role of word formation in shaping the linguistic picture of the world [Rol' slovoobrazovaniia v formirovanii iazykovoi kartiny mira]. *The role of the human factor in language. Language and the worldview*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 141–172 (in Russian).

Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world [Iazyk i znanie: Na puti polucheniia znanii o iazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira]. Moscow, 2004. 560 p. (in Russian).

Levitsky A.E. Real, quasi-real and unreal: problems of verbalization by means of modern English [Real'noe, kvazireal'noe i nereal'noe: problemy verbalizatsii sredstvami sovremennogo angliiskogo iazyka]. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities,* 2017. No. 7(779). Pp. 72–84 (in Russian).

Nikolayev G.A. Russian word formation lectures [Lektsii po russkomu slovoobrazovaniiu]. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2009. 188 p. (in Russian).

Podtelezhnikova E.N. The title as a means of reflecting the content of an animated film [Zagolovok kak sredstvo otrazhenija soderzhanija mul'tiplikacionnogo fil'ma]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication,* 2025. No. 3. Pp. 36–45 (in Russian).

Russian semantic dictionary: An explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings [Russkii semanticheskii slovar': Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. Pod obshch]. Under the general editorship of N.Y. Shvedova. Moscow: Azbukovnik: IRYA RAS, 1998. Vol. 1: Pointing words (Pronouns). Naming words: nouns (All living things. Earth. Space). 1998. 800 p. (in Russian).

Sannikov V.Z. The Russian language in the mirror of the language game [Russkii iazyk v zerkale iazykovoi igry]. Moscow: Language of Russian Culture, 1999. 541 p. (in Russian).

Spiridonov A.V. Functional and semantic types of occasional vocabulary in the works of Vasily Aksenov [Funktsional'no-smyslovye tipy okkazional'noi leksiki v proizvedeniiakh Vasiliia Aksenova]. *Abstract of the dissertation. ... Candidate of Philology*. Kazan, 2014. 22 p. (in Russian).

Streltsov A.A. Classification of words formed by blending: the word-formation aspect [Klassifikatsiia slov, obrazovannykh posredstvom blendinga: slovoobrazovatel'nyi aspekt]. Proceedings of Smolensk State University, 2021. No. 4(56). Pp. 113–129 (in Russian).

Ulukhanov I.S. Word formation by replacing morphemes [Slovoobrazovanie posredstvom zameny morfem]. *Word formation and its resources in Slavic langu*ages. Belgrade*:* Chigojashtampa, 2012. Pp 387–397 (in Russian).

Fedorova L.L. Russian vocabulary: between vocabulary and grammar [Russkoe slovoslozhenie: mezhdu leksikoi i grammatikoi] *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute,* 2019. No. 20. Pp. 276–285 (in Russian).

Fenenko N.A. The language of realities and the realities of language [Iazyk realii i realii iazyka]. Voronezh: Voronezh State University, 2001. 139 p. (in Russian).

Т.Б. Заграевская, А.Р. Кусов

Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Россия

С.М. Заграевская

Национальный исследовательский ядерный университет
«Московский инженерно-физический институт»
Москва, Россия

УДК 81′44

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-71-85

ИНТОНАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ВОКАТИВНОГО ИЗВИНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Ключевые слова: *вокативное извинение; интерференция; интонация; коммуникативно-практическая разновидность; маркированность; норма; просодия; рекуррентность; речевой этикет; терминальный тон.*

В статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования интонации английского вокативного извинения в современном русскоязычном узусе. Анализ явлений в этой области осуществлен авторами в русле концепции слухового тождества между просодическим образом вокативного извинения в языке-реципиенте и его прототипом в языке-доноре. Определено, что прагматическая специфика вокативного извинения в английском языке задается оппозицией повышение vs понижение в терминальном тоне. Коммуникативно-прагматическим основанием принадлежности извинения к категории вокативных признано адресатное обращение к незнакомому реципиенту в условиях официально-делового дискурса с целью привлечения внимания и выражения сожаления за причиненные неудобства.

Результаты анализа экспериментального корпуса подтвердили, что отсутствие в русском языке нисходяще-восходящего терминального тона связано с отдаленным представлением у русскоязычных носителей о низковосходящем и высоковосходящих тонах английского языка и их значениях, что приводит к нестабильной просодии английского вокативного извинения в исполнении русскоязычных билингвов, нарушению ими норм речевого этикета английской лингвокультуры. Авторами выявляется ядро лексико-синтаксических вариантов вокативного извинения в английской лингвокультуре. Доказывается гипотеза высокой степени рекуррентности структуры Excuse me в контекстном и изолированном форматах. Устанавливается соотношение немаркированности vs маркированности употребления вокативных извинений носителями английского языка и русскоязычными билингвами. Вместе с тем отмечается, что ин-

терферентные варианты с маркированным характером реализации сохраняют часть исходного значения благодаря дискурсивным условиям реализации. Определяется, что общая акцентная черта интерферентных вокативных извинений в исполнении русскоязычных билингвов – трансформация конфигурации терминального тона.

Речевые акты извинения функционируют в английской лингвокультуре (а также в лингвокультурах ряда других европейских и неевропейских стран) с определенным множеством коммуникативно-прагматических установок [Михеева, 2024; Ван, 2025; Ngo, Luu, 2022; Yusupova, Abdushukyrova, 2025]. Они эксплицируются в устной речи разноуровневыми языковыми средствами, в первую очередь лексическими и просодическими [Еремина, 2024; Симкалова, 2025]. В частности, в современном коммуникативном пространстве функционирует немаркированное, то есть собственно извинение с достаточной степенью искренности (Normal Apology) всегда реализуется с нисходяще-восходящим терминальным тоном (ср. также: [Чиршева, 2022; Магилотова, 2023; Alhusban, Alshehri, 2022; Apostolovska, Neshkovska, URL]) (рис. 1).

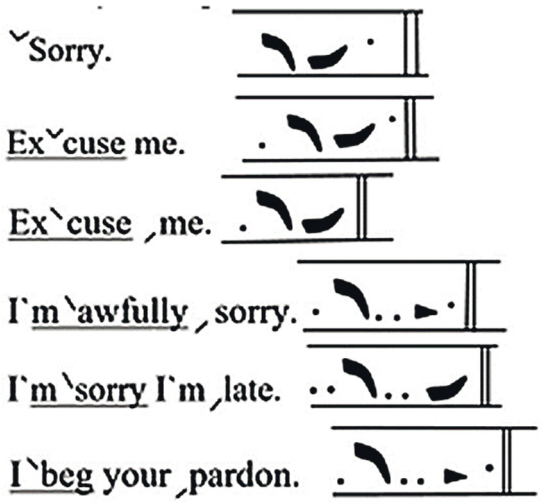

Рис. 1. Интонограммы немаркированного извинения

Для выражения большей степени искренности извинения используется нисходяще-восходящий терминальный тон низкой эмфатической разновидности (рис. 2).

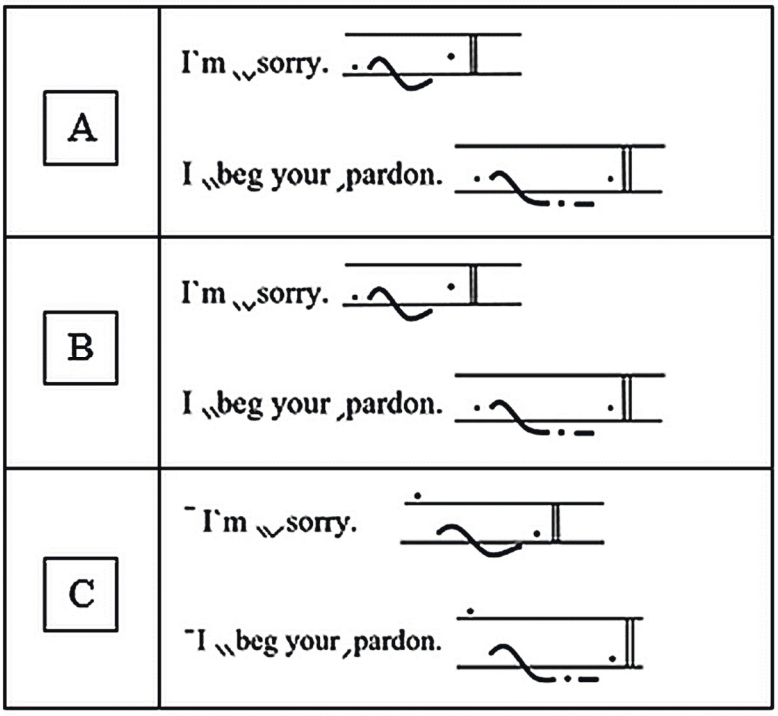

Рис. 2. Интонограммы эмфатического извинения
Условные обозначения: А – извинения низкой эмфатичности, В – извинения средней эмфатичности, С – извинения высокой эмфатичности

Высокая предшкала усиливает эту степень, а комбинация «высоконисходящий тон в позиции шкалы + нисходяще-восходящий терминальный тон низкой разновидности» еще больше усиливает степень экспрессивности.

При этом любопытно заметить, что две лексико-синтаксические структуры – Excuse me и I beg your pardon – с вышеприведенной комбинацией просодических средств образуют особый разряд коммуникативно-прагматической установки – риторический протест (ср. русскоязычный вариант, выражающий «извинительный» протест с помощью следующих лексико-синтактико-просодических средств) (рис. 3).

Рис. 3. Интонограммы риторического протеста в англоязычной и русскоязычной реализации

Помимо названных разновидностей извинения современное английское коммуникативное пространство включает такие просодические модели извинения, как:

а) извинительное предупреждение о возможном предстоящем неудобстве для адресата;

б) извинение с функцией переспроса (в situации, когда говорящий что-то не расслышал или не понял);

в) коммуникативно не нагруженное извинение, имеющее прагмалингвистический оттенок формальности, для выражения этикетного непринужденного отношения к собеседнику, особенно в ситуации официально-делового общения;

г) извинение с некоторой степенью искренности в ситуации полунепринужденного общения между коммуникантами, находящимися в официально-деловых отношениях;

д) вынужденное извинение (рис. 4).

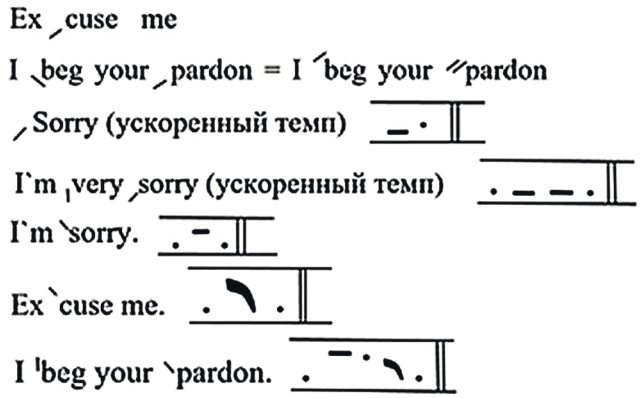

Рис. 4. Интонограммы разновидностей извинений

В связи с выделением разновидности вынужденного извинения следует отметить, что коммуникативные усилия адресата подобной формы извинения, предполагающей использование в ней высоконисходящего тона, представляются уместными в ситуации недостаточной искренности или ее отсутствия со стороны адресата речевого акта и согласуются с его стремлением к эффективности продуцируемого высказывания [Фрейдина, 2024, *140*].

Итак, главной дистинктивной чертой английского извинения является терминальное повышение тона в устной речи, которое допускает узус как нисходяще-восходящей, так и восходящей конфигурации низкой, эмфатически-низкой или высокой разновидности. Они суть явления синонимического поля просодии англоязычного извинения в сфере модальности высказывания. Иными словами, в широком плане они эксплицируют прагматическую специфику этой сферы. Оппозиция повышение vs понижение в терминальном тоне

служит уже другой основной цели – дифференциации коммуникативной установки речевого акта (извинение vs неизвинение).

Поскольку в просодической системе русского языка нет нисходяще-восходящего терминального тона в качестве фонологической единицы, а низковосходящий и высоковосходящий терминальные тоны английского языка имеют лишь отдаленное сходство с русскими по форме и еще более отдаленное – по ассоциируемым с ними значениям, то для русскоязычного билингва, говорящего по-английски, создается объективная опасность влияния интерферирующих факторов родного языка. Иногда они могут быть причиной нарушения речевого этикета.

Информация по данному вопросу представляет интерес не только для сопоставительного языкознания и лингводидактики, но и для практики подготовки специалистов различных профилей с лингвосемиотическими навыками устной коммуникации на неродном языке, в том числе с навыками в рамках социальной компетенции [Гапонова, Серогодская, 2023].

Вышесказанное стало одним из основных мотивов проведения нашего исследования. Его главной задачей являлось выяснить, какова степень прочности усвоения просодической специфики английского извинения русскоязычными билингвами, говорящими по-английски в условиях его употребления. Исследование вызвано в том числе актуальной необходимостью дать оценку интерферентным процессам и последствиям взаимодействия англо- и русскоязычной лингвокультур в XXI веке.

В качестве объекта исследования мы избрали коммуникативно-прагматическую разновидность речевого акта извинения, которая в работе названа вокативным извинением (ВИ). Это сложный лингвосемиотический знак, коммуникативно-прагматическими компонентами которого являются: а) обращение к незнакомому адресату или коммуниканту в официально-деловом дискурсе с целью привлечения его внимания, сопровождаемое б) извинением за то, что побеспокоили его.

Одновременно передается сигнал о возможном вербальном или невербальном событии со стороны автора извинения (см. об этом: [Брагина, Васютина, 2024; Тарасов, 2022; Скворцова, 2024]).

Этот комплекс коммуникативно-прагматических компонентов, собственно, и отвечает за термин «вокативное извинение» как одно из событий речевого этикета (ср. с фатическим извинением в структуре фатических речевых актов [Пушина, 2024, *1270*]).

Вербально оно представлено в англоязычном дискурсе преимущественно фразой *Excuse me!* (однако см. ниже). Просодически оно реализуется с восходящей финальной конфигурацией тона в составе или нисходяще-восходящего, или низковосходящего терминальных тонов (см. рис. 5).

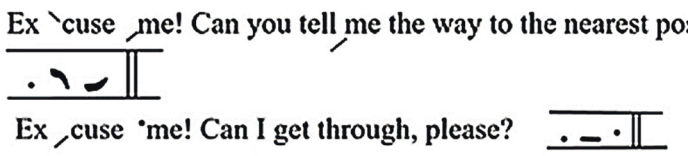

Рис. 5. Интонограммы вокативного извинения

Основным предметом анализа выступили тенденции преференциального рекуррентного использования русскоязычными билингвами английской лексико-синтаксической структуры ВИ *Excuse me* на фоне *Sorry, Beg your pardon, Pardon me*, обладающих меньшей степенью рекуррентности.

Материалом для исследования послужили, с одной стороны, естественные реализации контекстов с извинениями (30 единиц ВИ, 30 – иных коммуникативно-прагматических разновидностей) из оригинальных британских и американских кинофильмов, видео- и лингафонных курсов по устной англоязычной речи, с другой – экспериментальные контексты в исполнении русскоязычных билингвов по-английски (преподаватели английского языка в вузах и учителя школ, гиды-переводчики, студенты языковых и неязыковых факультетов, старшеклассники средних школ на Кавказских Минеральных Водах, русскоязычные эмигранты, проживающие в Великобритании, США, Ирландии – всего 20 человек, 100 реализаций).

В качестве независимых экспертов-аудиторов выступили пять русскоязычных фонетистов-англистов, шесть наивных носителей южноанглийского произношения и четыре – американского.

В задачу экспертов-аудиторов входило определить:

1) с какой степенью достоверности распознаются на слух ВИ как коммуникативно-прагматическая разновидность извинения в исполнении русскоязычных билингвов среди других его коммуникативно-прагматических вариантов;

2) какая из эталонных лексико-синтаксических структур ВИ преференциальна при ее вербальной экспликации;

3) стандартной или маркированной воспринимается на слух фраза, коммуникативно-прагматической функцией которой является данное ВИ;

4) в случае маркированности просодии фраз – приемлемо или «нежелательно» ее употребление в качестве единицы речевого этикета;

5) в случае «нежелательности» использования данной просодии прослушанной фразы в контексте ВИ – какие фонетические свойства лежат в основе восприятия ее как «нежелательной».

Отобранные экспертами-аудиторами естественные и экспериментальные фразы ВИ были подвергнуты аудитивному анализу, продуктом которого явились зафиксированные воспринимаемые свойства просодии ВИ (в основном характеристики подсистемы тона).

Полученные цифровые показатели на всех этапах эксперимента были обработаны в терминах пяти контрастов степеней рекуррентности:

а) минимальная степень проявления признака – 0–19%;

б) низкая – 20–39%;

в) средняя – 40–59%;

г) высокая – 60–79%;

д) максимальная – 80–100%.

Цифровые показатели были лингвистически интерпретированы.

В ходе аудитивного анализа учитывались контекстные условия реализации ВИ при распознании на слух в естественном и экспериментальном форматах.

Результаты всех этапов эксперимента сводятся к следующему.

I. ВИ как коммуникативно-прагматическая разновидность извинения в целом распознается на слух в качестве единицы речевого этикета. Наибольшая степень ее идентификации – в контексте.

На этапе распознавания экспериментальных фраз как ВИ при подведении итогов учитывались совпадения и расхождения в оценках русскоязычных экспертов и экспертов-носителей английского языка. Количество расхождений в оценках было незначительным, что позволило определять статус ВИ по абсолютному большинству голосов.

Сопоставительно с реализациями носителей английского языка русскоязычное исполнение характеризуется меньшей степенью надежности распознавания ВИ (см. табл. 1), но эта меньшая степень достаточно показательна: если у носителей английского языка колебания наблюдаются только внутри максимальной зоны идентификации, то у билингвов они не превышают среднюю. Иными словами, половина прослушанных фраз ВИ не опознана как ВИ. Это означает, что экспликация просодии ВИ в исполнении русскоязычных билингвов, во-первых, нестабильна, во-вторых, осуществляется с нарушением произносительных норм речевого этикета в английской лингвокультуре. Успешность взаимодействия между русскоязычными билингвами, продуцировавшими ВИ, и экспертами-аудиторами, распознавшими прослушанные фразы как ВИ с высокой, средней или низкой степенью распознавания, подтвердила соответствие прослушанных образцов коммуникативно-прагматическим целям ВИ. При этом соблюдение данного условия не означает, что в распознанных фразах не присутствовали иные интерферентные черты (помимо просодических). Однако влияние лексико-синтактических средств на характер просодической супрасегментной интерференции на данном этапе проведения эксперимента не учитывалось.

Таблица 1

Распознавание на слух ВИ как коммуникативно-прагматической разновидности извинения среди других его коммуникативно-прагматических вариантов

Распознавание ВИ в исполнении носителей языка		Распознавание ВИ в исполнении билингвов	
В контексте	Изолированно	В контексте	Изолированно
1. Макс >	1. Макс >	1. Выс >	1. Ср >
2. Макс >	2. Макс >	2. Выс >	2. Нз >
3. Макс >	3. Макс >	3. Макс >	3. Ср <
4. Макс >	4. Макс >	4. Выс >	4. Ср <
5. Макс >	5. Макс ≥	5. Выс >	5. Ср <
$\bar{x}$ Макс >	$\bar{x}$ Макс <	$\bar{\bar{x}}$ Выс >	$\bar{\bar{x}}$ Ср <

Условные обозначения: номера по вертикали – аудиторы; буквенные аббревиатуры: Макс – максимальная степень распознавания, Выс – высокая, Ср – средняя, Нз – низкая, «>» или «<» говорит о тенденции к увеличению или, соответственно, уменьшению цифрового показателя внутри зоны признака.

Важно детализировать, что в ходе распознавания прослушанных фраз учитывались интерферентные черты на уровне просодии. Правомерно предположить, что привнесение маркированных акцентогенных черт в иноязычный формат ВИ может сопровождаться другими формами интерференции. В частности, на уровне структурной организации языка интерференция может проявлять себя не только на супрасегментном уровне, но и на уровне сегментов, приводя к искажению фонетической нормы звукового облика номинаций и формируемых с их помощью высказываний. В ряде случаев возможно нарушение фонематического строя иноязычной звучащей речи, когда фонетическое оформление звукового строя ВИ сопровождается искажением семантических множителей номинации, что приводит к изменению понятийного содержания высказывания (при лексико-семантической интерференции), а значит, еще более затрудняет коммуникативное взаимодействие в потоке речи. Процесс деформации исконных просодических образцов иноязычной речи может доходить до искажения грамматической, стилистической и социокультурной составляющих высказывания, приводя к нарушениям категориальных признаков и сочетаемости языковых единиц порождаемого высказывания. Однако в рамках проведенного исследования в задачи экспертов-аудиторов не входила дифференциация фраз с учетом установления характера их интерференции на разных уровнях языка. Фразы, которые не были идентифицированы как ВИ, не подлежали анализу. Полагаем, что отслеживание и сопоставление объема искаженных признаков интерферированных ВИ на разных языковых уровнях может стать предметом самостоятельного исследования.

Экспериментальные фразы корпуса, распознанные экспертами-аудиторами как ВИ, свидетельствовали о сохранности фонематических компонентов высказываний и присутствии в их составе акцентогенных маркированных фонетических средств. При таком оформлении ВИ в речи русскоязычных билингвов минимализируется возможность коммуникативных срывов, в то же время возрастает роль субъективизации и антропоцентричности речи билингвов, порождающих ВИ.

II. Извинение в английской лингвокультуре функционирует как подсистемы коммуникативно-прагматических вариантов, с одной стороны, и лексико-синтаксических – с другой. Что касается последних, то их ядром являются такие глаголы и глагольные сочетания, как *excuse, apologize, forgive, pardon, beg pardon, be sorry.*

В нашем экспериментальном корпусе в ВИ используются *excuse, pardon, beg pardon, be sorry*. Основными фразами для их устной реализации в контекстном и изолированном форматах являются *Excuse me! Beg your pardon! Sorry! Pardon me!*

При анализе на предмет выявления преференциальной лексико-синтаксической структуры ВИ подтвердилась гипотеза о высокой степени рекуррентности *Excuse me* – как в контекстном, так и в изолированном форматах (см. рис. 6).

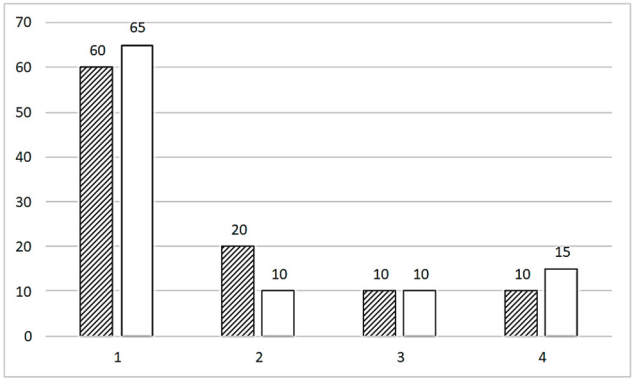

Рис. 6. Рекуррентность лексико-синтаксических структур в ВИ

Условные обозначения: 1, 2, 3, 4 – Excuse me, Sorry, Beg your pardon, Pardon me соответственно. Заштрихованный столбик – структура без обращения, незаштрихованный – с обращением (sir, madam)

III. При выяснении степени естественности воспринимаемой на слух фразы, коммуникативно-прагматической функцией которой является данное ВИ, наблюдения оказались предсказуемыми: подавляющее большинство реализаций ВИ в исполнении носителей английского языка отвечает нормам немаркированной стандартности для ВИ (93%). Что же касается билингвов, то их показатель по этому признаку достигает только 21% (см. рис. 7), причем в это число не входят русскоязычные эмигранты.

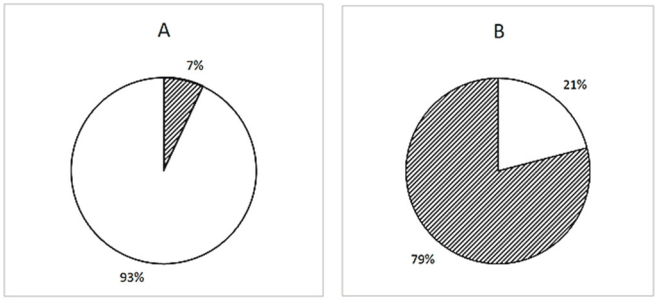

Рис. 7. Стандартность и маркированность воспринимаемых на слух ВИ
Условные обозначения: заштрихованный сектор – маркированные ВИ, незаштрихованный – стандартные. А – фразы в исполнении носителей английского языка, Б – русскоязычных билингвов

IV. Почти все ВИ, отмеченные как просодически маркированные, могут быть отнесены к приемлемым для употребления в качестве извинения. Этому способствует лексическое значение слов *excuse, pardon* и др., а также дискурсивные условия. Но если они просодически маркированы, то есть необычны для воображаемого контекста, если в них звучит какой-то дополнительный оттенок, ассоциируемый с ситуацией не-ВИ, то они рассматриваются как нежелательные (особенно на фоне общепринятого узуса) в аспекте заданного признака.

V. Совершенно ясно, что их нежелательность обусловлена просодическими характеристиками. Их анализ в самом общем виде привел нас к пониманию, что это конфигурация терминального завершения.

Результаты аудиторского анализа показывают, что естественные ВИ, то есть фразы, произнесенные наивными носителями английского языка в реальном контексте ВИ, завершаются одной из форм восходящей конфигурации терминального тона (см. рис. 8: нисходяще-восходящая конфигурация – 55% реализаций, восходящая – 35%). В экспериментальных же фразах, то есть ВИ в исполнении русскоязычными билингвами по-английски, превалирует нисходящая конфигурация тона в финальном слоге (80%, см. рис. 8).

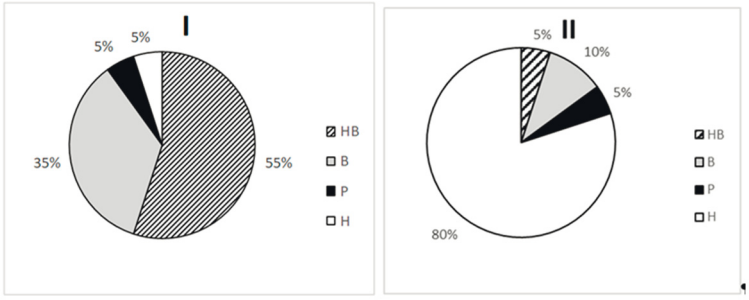

Рис. 8. Терминальная конфигурация тона в естественных (I) и экспериментальных (II) фразах – ВИ
Условные обозначения: Н – нисходящая конфигурация тона, В – восходящая, НВ – нисходяще-восходящая, Р – ровное движение тона

Эти данные коррелируют с показателями экспертов-аудиторов, которые признали большую часть экспериментальных фраз маркированными или «нежелательными» для целей ВИ (см. рис. 9).

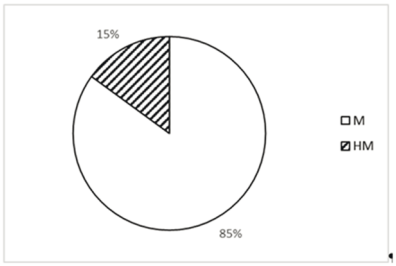

Рис. 9. Оценка просодического качества экспериментальных фраз, признанных маркированными для экспликации ВИ
Условные обозначения: М – маркированные, НМ – немаркированные фразы

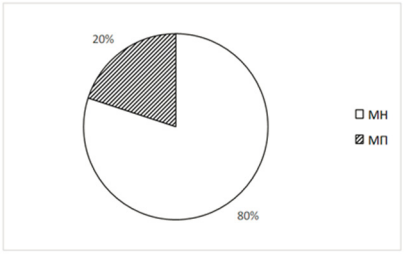

Рис. 10. Доля «нежелательных» маркированных фраз для экспликации ВИ (85% маркированных экспериментальных фраз в общем корпусе здесь принято за ≈ 100%)
Условные обозначения: МН – маркированные фразы, «нежелательные» для использования в качестве ВИ, МП – маркированные фразы, приемлемые для использования в качестве ВИ

Таким образом, анализ коммуникативно-прагматической природы извинения как речевого поступка, его некоторых просодических характеристик позволил выявить и раскрыть сущность одного из рекуррентных лингвосемиотических знаков английского речевого этикета – ВИ на фонетико-фонологическом уровне, что углубляет представление об извинении как речевом поступке и тем самым вносит определенный вклад в теорию речевых актов, в теорию и практику в сфере межъязыковой интерференции.

Результаты исследования подтвердили, что сохранность конфигурации терминального тона англоязычной реализации ВИ в исполнении русскоязычных билингвов имеет определяющее значение для распознавания естественности речевого образа ВИ. Установлено, что в устной англоязычной речи преференциальным вариантом просодической реализации ВИ является одна из форм восходящей конфигурации в нисходяще-восходящем или в низковосходящем терминальных тонах. С точки зрения использования лексико-синтактических средств реализации высокая рекуррентность ВИ в исполнении русскоязычных билингвов наблюдается во фразах *Excuse me, Sorry, Beg your pardon, Pardon me*.

Проведенное исследование способствовало установлению факта, что русскоязычные билингвы, говорящие по-английски, проявляют склонность к недостаточному освоению просодических моделей английского языка, не всегда овладевая достаточным объемом компетенций, который необходим для продуцирования и восприятия тонкостей англоязычного речевого этикета. Иными словами, в русскоязычной билингвальной речи присутствует тенденция к модификации фонетических параметров просодических моделей английского языка, привнесению в их структуру акцентогенных черт при сохранении адекватности передачи смысла ВИ, проявлении склонности билингвов к интерферентному их воспроизведению. Данный вывод открывает перспективу для дальнейших исследований интонации ВИ в условиях интерференции в русле лингводидактики с целью приближения звукового облика иноязычного билингвального ВИ к немаркированному просодическому варианту.

Интересным представляется в дальнейшем обращение к анализу взаимодействия интерферентных фонетико-фонологических характеристик ВИ с лексико-синтаксическими и иными интерферентными явлениями, уместное сочетание которых определяет естественность порождаемого высказывания, когнитивную легкость восприятия и коммуникативную оправданность.

ЛИТЕРАТУРА

Брагина Н.Г., Васютина Е.В. Речевой акт извинения в контексте современной сетевой публичности // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 8. С. 42–55.

Ван М. Концепты «прощение» и «извинение» в русском языке: межконцептуальные связи // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5, № 7. С. 31–36.

Гапонова Ж.К., Серогодская А.А. Речевая этикетная ситуация извинения на занятиях по РКИ (на примере рассказа Аси Петровой «Извини меня, дурак») // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. Т. 20, № 2. С. 15–30.

Еремина М.А. Некоторые аспекты исследования метакоммуникативных извинений (на примере выражения простите за тавтологию) // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 9(57). URL: https://rulb.org/archive/9-57-2024-september/10.60797/RULB.2024.57.23 (дата обращения: 11.03.2026).

Лаврентьева Е.В., Стексова Т.И. Трансформация жанра «публичное извинение» // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3(47). С. 244–253.

Магилатова Е., Баретт Н.Н. Лингвистические особенности ситуации извинения в англоязычных произведениях XX века // Антропоцентрические науки в образовании: сборник научных статей XVIII Международной научно-практической конференции. Воронеж: Научная книга, 2023. С. 188–190.

Михеева И.В. Коммуникативные тактики стратегии извинения в современном французском языке (на материале книги Патриса Ромэна «Mots d'excuse: les parents ecrivent aux enseignants») // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 1. С. 105–113.

Насон Н.В., Чалова О.Н. Фонетическая интерференция при обучении английскому языку // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка: сборник научных статей. Гомель: Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 2023. С. 30–37.

Пушина Н.И. Фатика и ее особенности в современном коммуникативном пространстве // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34, № 6. С. 1269–1276.

Преображенская Е.В., Шворинь Ю.О. Межъязыковая интерференция на примере типичных «русских» ошибок в английском языке // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2024. С. 207–221.

Симкалова А.А. Иллокутивная модальность вежливости в прагматике речевых актов: извинение как форма речевого самокорректирующего поведения // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5, № 9. С. 32–38.

Скворцова Е.Б. Комплексная природа речевого акта извинения (на примере английской лингвокультуры) // Магия ИННО. 2024. Т. 6, № 1. С. 575–582.

Тарасов М.И. Лингвистическая категория текстуальности в нарративе // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3(59). С. 67–79.

Фрейдина Е.Л. Адресация речи как фактор эффективности межкультурного профессионального общения на английском языке // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 139–143.

Чиршева Г.Н., Пахомова М.А. Интерференция английского языка в русской речи шестилетнего билингва в русскоязычной среде // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 6(111). С. 189–200.

Alhusban H.A., Alshehri N. «Wallah! I Beg Your Pardon...»: A Cross-cultural Study of Apology Speech Acts // Journal of Intercultural Communication. 2022. Vol. 22(1). P. 69–80.

Apostolovska J., Neshkovska S. The speech act of apologizing in the English language. URL: https://www.researchgate.net/publication/372279787_THE_SPEECH_ACT_OF_APOLOGIZING_IN_THE_ENGLISH_LANGUAGE_6 (дата обращения: 12.03.2026).

Ngo T.H.T., Luu Q.K. Direct Direct Apology Strategies and Their Lexicogrammatical Realizations in English Conversations: Implications for EFL Students // International Journal of TESOL & Education. 2022. Vol. 2(2). P. 82–94.

Yusupova G., Abdushukurova D. The speech act of apologizing in Korean and Uzbek languages as in important component of speech etiquette // Oriental Journal of Education. 2025. Vol. 5(03). P. 84–91.

T.B. Zagrayevskaya
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of Experimental Linguistics and Cross-cultural Competence,
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russia

A.R. Kusov
Postgraduate student,
Chair of Experimental Linguistics and Cross-cultural Competence,
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russia

S.M. Zagrayevskaya
Postgraduate student,
Chair of Information Systems and Technologiest,
Cyber Intelligence Systems Department,
National Research Nuclear University
«Moscow Engineering Physics Institute»
Moscow, Russia

Intonation of English Vocative Apology in Interference Conditions

The article presents the results of an experimental phonetic study of the English vocative apology intonation in modern Russian usage. The authors ana-

lyze phenomena in this area within the framework of the concept of auditory identity between the prosodic pattern of the vocative apology in the recipient language and its prototype in the donor language. It has been established that the pragmatic specificity of the vocative apology in English is determined by the opposition of rising vs. falling terminal tone. The communicative-pragmatic basis for classifying an apology as vocative is recognized as an address to an unfamiliar recipient in official business discourse with the aim of attracting attention and expressing regret for the inconvenience caused.

The results of the analysis of the experimental corpus confirmed that the absence of a fall-rise terminal tone in Russian is associated with Russian speakers' distant perception of the low-rising and high-rising tones of the English and their meanings. This leads to unstable prosody of the English vocative apology produced by Russian bilinguals and to their violation of the norms of speech etiquette in English linguoculture. The authors identify the core lexical-syntactic variants of the vocative apology in English linguoculture. The hypothesis of the high degree of recurrence of the structure Excuse me in both contextualized and isolated formats is substantiated. The correlation between unmarked vs. marked usage of vocative apologies by native speakers of English and Russian bilinguals is established. At the same time, it is noted that interference variants with a marked character of realization preserve part of the original meaning due to the discursive conditions of their use. It is determined that the general accentual feature of interference vocative apologies produced by Russian biliguals is the transformation of terminal tone configuration.

Keywords: *vocative apology; interference; intonation; communicative-pragmatic variant; markedness; norm; prosody; recurrence; speech etiquette; terminal tone.*

REFERENCES

Bragina N.G., Vasyutina E.V. The verbal act of apology in the context of modern online publicity [Rechevoj akt izvineniya v kontekste sovremennoj setevoj publichnosti]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies»,* 2024. No. 8. Pp. 42–55 (in Russian).

Wang M. Concepts of "forgiveness" and "apology" in Russian: crossconceptual connections [Koncepty «proshchenie» i «izvinenie» v russkom yazyke: mezhkonceptual'nye svyazi]. *Bulletin of Philological Sciences*, 2025. Vol. 5. No. 7. Pp. 31–36 (in Russian).

Gaponova Zh.K., Serogodskaya A.A. The verbal etiquette situation of apologies in Russian as Foreign classes (on the example of Asya Petrova's story "Sorry, fool") [Rechevaya etiketnaya situaciya izvineniya na zanyatiyah po RKI (na primere rasskaza Asi Petrovoj «Izvini menya, durak»)]. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2023. Vol. 20. No. 2. Pp. 15–30 (in Russian).

Eremina M.A. Some observations on metacommunicative formations (at the beginning of the presentation of the course for teachers) [Nekotorye aspekty issledovaniya metakommunikativnyh izvinenij (na primere vyrazheniya prostite za tavtologiyu)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2024. No. 9 (57). Available at: https://rulb.org/archive/9-57-2024-september/10.60797/RULB.2024.57.23 (accessed on March 11, 2026) (in Russian).

Lavrentieva E.V., Steksova T.I. Transformation of the “public apology” genre [Transforaciya zhanra «publichnoe izvinenie»]. *Speech genres*, 2025. Vol. 20. No. 3 (47). Pp. 244–253 (in Russian).

Magilatova E., Barett N.N. Linguistic features of the situation of apology in English works of the twentieth century [Lingvisticheskie osobennosti situacii izvineniya v angloyazynyh proizvedeniyah XX veka]. *Anthropocentric sciences in education, collection of scientific articles of the XVIII century scientific and practical International conference*. Voronezh, 2023. Pp. 188–190 (in Russian).

Mikheeva I.V. Communicative tactics of a development strategy in modern French (based on the book by Patrice Roman “Mots d’excuse: les parents ecrivent aux enseignants”) [Kommunikativnye taktiki strategii izvineniya v sovremennom francuzskom yazyke (na materiale knigi Patrisa Romena “Mots d’excuse: les parents ecrivent aux enseignants”)]. *Far Eastern Philological Journal*, 2024. Vol. 2. No. 1, Pp. 105–113 (in Russian).

Nason N.V., Chalova O.N. Phonetic interference in English language teaching [Foneticheskaya interferenciya pri obuchenii anglijskomu yazyku]. *Linguistics issues and methods of teaching a foreign language. Collection of scientific articles*. Gomel, 2023. Pp. 30–37 (in Russian).

Preobrazhenskaya E.V., Shvorin Yu.O. Crosslanguage interference on the example of typical “Russian” errors in English [Mezh"yazykovaya interferenciya na primere tipichnyh «russkih» oshibok v anglijskom yazyke]. *Questions of linguistics and methods of teaching a foreign language. Collection of scientific articles.* Moscow, 2024. Pp. 207–221 (in Russian).

Pushina N.I. Fatika and its features in the modern communicative space [Fatika i ee osobennosti v sovremennom kommunikativ]. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 2024. No. 6. Pp. 1269–1276 (in Russian).

Simkalova A.A. Illocutionary modality of politeness in the pragmatics of speech acts: apology as a form of speech self-correcting behavior [Illokutivnaya modal'nost' vezhlivosti v pragmatike rechevyh aktov: izvinenie kak forma rechevogo samokorrektiruyushchego povedeniya]. *Bulletin of Philological Scienc*es, 2025. Vol. 5. No. 9. Pp. 32–38 (in Russian).

Skvortsova E.B. Complex methodology of speech-thinking influence on a person (on the example of English linguoculture) [Kompleksnaya priroda rechevogo akta izvineniya (na primere anglijskoj lingvokul'tury)]. *INNO Magic*, 2024. Vol. 6. No. 1. Pp. 575–582 (in Russian).

Tarasov M.I. Linguistic category of textuality in narrative [Lingvisticheskaya kategoriya tekstual'nosti v narrative]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2022. No. 3 (59). Pp. 67–79 (in Russian).

Frejdina E.L. Addressing speech as a factor of effectiveness of intercultural professional communication in English [Adresaciya rechi kak faktor effektivnosti mezhkul'turnogo professional'nogo obshcheniya na anglijskom yazyke]. *Actual problems of English linguistics and linguodidactics. Collection of scientific papers*. Moscow, 2024. Pp. 139–143 (in Russian).

Chirsheva G.N., Pakhomova M.A. Interference of English in the Russian speech of a six-year-old bilingual in a Russian-speaking environment [Interferenciya anglijskogo yazyka v russkoj rechi shestiletnego bilingva v russkoyazychnoj srede]. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2022. No. 6 (111). Pp. 189–200 (in Russian).

Alhusban H.A., Alshehri N. “Wallah! I Beg Your Pardon...”: A Cross-cultural Study of Apology Speech Acts. *Journal of Intercultural Communication*, 2022. Vol. 22 (1). Pp. 69–80 (in English).

Apostolovska J., Neshkovska S. The speech act of apologizing in the English language. Available at: https://www.researchgate.net/publication/372279787_THE_SPEECH_ACT_OF_APOLOGIZING_IN_THE_ENGLISH_LANGUAGE_6 (accessed on March 12, 2026) (in English).

Ngo T.H.T., Luu Q.K. Direct Direct Apology Strategies and Their Lexicogrammatical Realizations in English Conversations: Implications for EFL Students. *International Journal of TESOL & Education. 2022*. Vol. 2 (2). Pp. 82–94 (in English).

Yusupova G., Abdushukurova D. The speech act of apologizing in Korean and Uzbek languages as in important component of speech etiquette. *Oriental Journal of Education*, 2025. Vol. 5 (03). Pp. 84–91 (in English)

С.А. Пасиков

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81’32

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-86-98

АТРИБУТНЫЙ ПРОФИЛЬ ТРЕХ ПОЭМ ДЖОНА КЛЭРА: КВАНТИТАТИВНЫЙ ПОДХОД

Ключевые слова: *Джон Клэр; поэмы; стилеметрия; синтаксис; атрибуты; эволюция стиля; квантитативный анализ; хи-квадрат; евклидово расстояние; вклады.*

Статья посвящена анализу эволюции стиля Джона Клэра при помощи квантитативных методов. Анализ проводится на материале трех поэм, отражающих разные этапы его творчества: ранней поэмы «Деревенский менестрель» (1821), поэмы среднего периода «На ярмарке» (1827) и поздней поэмы «Чайльд Гарольд» (1841).

Материалом исследования послужили полные тексты трех поэм, проанализированные на синтаксическом уровне (типы атрибутивных конструкций). Для анализа применяется комплекс методов квантитативной лингвистики (критерий χ^2, вычисление евклидовых расстояний, анализ вкладов отдельных атрибутов), что позволяет трансформировать гипотетические суждения о стилеметрических различиях проверяемыми количественными данными.

Анализ показал сложную, нелинейную траекторию эволюции стиля Клэра. Было установлено, что наиболее выраженным стилистическим своеобразием обладает поэма среднего периода, тогда как ранняя и поздняя поэмы характеризуются относительной схожестью. Выявлены разнонаправленные тенденции изменения отдельных типов атрибутов, что свидетельствует о многофакторной динамике стиля, не сводимой к простому линейному развитию.

Результаты анализа эволюции поэтического языка Клэра свидетельствуют о трансформации атрибутивной системы, в которой доминирование одиночных атрибутов в ранней поэме сменяется преобладанием более сложных аналитических конструкций в поздней, при этом поэма среднего периода выступает как этап творческих экспериментов Клэра.

Творчество Джона Клэра формировалось в условиях взаимодействия с историческими процессами, в которых он был не только наблюдателем, но и активным участником. Одной из ключевых биографических деталей, повлиявших на его поэтическое сознание, было участие в процессе огоражи-

вания. Этот парадоксальный опыт разрушает миф о Клэре как о «безгрешном зеленом мессии» и представляет его как сложную, противоречивую фигуру [Kövesi, 2017, *17*]. В дальнейшем огораживание станет главной темой его творчества, а уничтожение общинных земель – источником экзистенциальной травмы, которую исследователи называют «географическим головокружением» [Blythe, 1999, *12*].

Как отмечает С. Ковеси, Клэр был не просто «поэтом места», но «поэтом места и класса» [Kövesi, 2017, *3*]. Творчество Клэра характеризуется вниманием к деталям сельской жизни, отсутствием возвышенных метафизических обобщений и сознательным использованием нортгемптонширского диалекта. Дж. Бейт указывает, что никакой другой сельский поэт не обладает такой аутентичностью [Bate, 2003]. В отличие от У. Вордсворта, который адаптировал народную речь к литературной норме, Клэр сохраняет диалектизмы, превращая язык в акт сохранения исчезающего мира [Blythe, 1999, *60*]. Использование Клэром местного диалекта, нестандартной пунктуации и орфографии – это осознанная поэтическая стратегия, а не следствие неграмотности. Исследования А. Брэдхеда показывают, что сам Клэр и его редакторы активно конструировали «нортгемптонширский диалект» как литературный бренд [Broadhead, 2021].

Сегодня Клэр считается не только важнейшим поэтом эпохи романтизма, но и одним из первых «экологических» писателей, чье творчество предвосхищает современные дискуссии о биоразнообразии, общинных землях и взаимосвязях в экосистеме. Современные исследования о Клэре развиваются в нескольких ключевых направлениях.

Биографические исследования, проведенные Р. Блайтом, С. Гайер, Э. Лаффордом, фокусируются на травматическом опыте поэта. С. Гайер вводит понятие «внутреннего изгнания», связывая психическое расстройство Клэра с насильственным нарушением его «территории – его храма» [Guyer, 2015, *78*; Blythe, 1999, *40*]. Э. Лаффорд анализирует ипохондрическое воображение как ключевой аспект творчества поэта [Lafford, 2020].

Наиболее активно развивающейся областью является экокритика. Дж. Бейт и П. Бреснихан рассматривают творчество Клэра как предвосхищение экологического сознания [Bresnihan, 2013]. Дж. Бейт называет его первым в английской литературе поэтом-экологом [Bate, 2003].

Это направление тесно пересекается с работами, рассматривающими социально-политический контекст. П. Бреснихан показывает, как произведения Клэра об огораживании отражают уничтожение многослойных социальных и экологических связей, предвосхищая теорию «многообразного общего» [Bresnihan, 2013].

Вместе с тем направление лингвистических исследований творчества Клэра развито слабо. Стилеметрический анализ творчества Клэра до сих пор не проводился. Настоящее исследование посвящено квантитативному анализу атрибутивных связей в произведениях Клэра. Впервые статистические

методы описания атрибутов применяются к поэмам «Деревенский менестрель» (1821), «На ярмарку» (1827) и «Чайльд Гарольд» (1841)[1]. Три анализируемые поэмы представляют основные этапы творческой эволюции автора, последовательно охватывая ранний (1804–1822), средний (1822–1837) и поздний (1837–1864) периоды его творчества.

Стилеметрический анализ, изучающий количественные закономерности авторского стиля, наиболее эффективен при сравнении контрастных и «чистых» выборок. Выбор ДМ, ЯР и ЧГ обусловлен контрастом трех периодов. Ранний период – время первых литературных успехов Клэра, средний – время творческой зрелости, отмеченное жанровым разнообразием, а поздний – время психического расстройства, изоляции и «внутреннего изгнания» [Guyer, 2015, *78*]. Сопоставление этих периодов позволяет выявить влияние травматического личного опыта Клэра на его атрибутивные стратегии. Кроме того, эволюция творчества автора – от детализированной, объективирующей описательности к фрагментарному, исповедальному письму – дает возможность измерить изменения в типах атрибутов.

Атрибутивные отношения – это особо важный аспект синтаксической и семантической организации текста. Именно атрибуты играют основную роль в описании художественного мира. В значительной степени по их использованию можно судить о творческой манере автора и его индивидуальном стиле.

В связи с этим анализ атрибутивных связей предоставляет исследователю инструмент для объективной характеристики идиостиля, поскольку частота и тип атрибутов, их позиционные характеристики, а также распределение в тексте отражают устойчивые предпочтения автора.

Вопрос о том, насколько регулярным и предсказуемым является употребление атрибутов в художественном тексте, неоднократно поднимался в исследованиях, использующих квантитативные методы [Аделева, 2021; Андреев, 2023; Altmann, 2015; Andreev, Popescu, Altmann, 2017a, 2017b; Místecký, 2019].

В настоящем исследовании внимание сосредоточено не на изолированных атрибутах, а на их связях с именами существительными – точнее, на том, какие именно атрибуты и в каком количестве получают те или иные существительные в тексте.

Классификация типов атрибутов строится на основе частеречной принадлежности лексических единиц, занимающих синтаксическую позицию определения. Ниже представлен перечень атрибутов, выявленных в исследуемом материале:

– ПЛГ – прилагательное;
– ПРЛЖ – приложение;
– М – местоимение;
– ГЕН – существительное в родительном падеже;

[1] Здесь и далее используются следующие сокращения названий поэм: ДМ – «Деревенский менестрель», ЯР – «На ярмарку», ЧГ – «Чайльд Гарольд».

– АП – существительное в атрибутивной позиции;
– ИНФ – инфинитив;
– ПК – существительное в предложной конструкции;
– ПС – существительное в притяжательном падеже;
– ПРЧ – причастие;
– ПО – причастный оборот;
– ПРИД – придаточное предложение.

Следует отметить, что в данном исследовании приведены только те атрибутивные классы, которые были обнаружены в рассматриваемых текстах и оказались релевантными для решения поставленной задачи.

Для иллюстрации разметки текстового материала приводится первая строфа из ДМ. Косая черта обозначает конец строки, символ «-» – отсутствие атрибутивных связей.

ПЛГ ПЛГ / АП ПС / ПЛГ ПЛГ М ПЛГ / ПРИД / - / ПРИД ПЛГ / ПРИД / ГЕН М / М ПЛГ

Эта строфа характеризуется наличием в ней 7 прилагательных (ПЛГ) и 3 местоимений (М), 3 придаточных предложений (ПРИД), а также 1 существительного в атрибутивной позиции (АП), 1 существительного в притяжательном падеже (ПС) и 1 существительного в родительном падеже (ГЕН). В пятой строке данной строфы атрибутивная связь отсутствует.

Анализ приведенной последовательности в рамках настоящего исследования осуществляется путем подсчета различных типов атрибутов и выявления характера их распределения в тексте.

Применение описанного подхода позволило выявить различные типы атрибутов и проанализировать их распределение в ДМ, ЯР и ЧГ. Результаты анализа текстов поэм представлены в таблице 1.

Таблица 1

Частота атрибутов в поэмах Дж. Клэра

Типы атрибутов	ДМ	ЯР	ЧГ
ПРЛ	601	193	469
ПРЛЖ	10	5	29
М	665	287	531
ГЕН	90	34	148
ИНФ	8	25	27
АП	151	29	80
ПК	13	16	58
ПС	152	60	126
ПРЧ	338	80	138
ПО	31	85	31
ПРИД	182	87	157
Всего	2241	901	1794

В приводимой выше таблице показаны количественные данные атрибутов в поэмах Клэра ДМ, ЯР и ЧГ. Общее число атрибутов во всей выборке равно 4936.

По итогам анализа текстового материала и подсчета частоты атрибутов были получены данные о количественном распределении различных типов атрибутивных конструкций. В связи с тем, что объем произведений различается, была проведена нормализация абсолютных частот атрибутов путем деления на общее количество словоупотреблений в соответствующем тексте, после чего результат умножался на 1000. Это решение облегчает проведение сопоставительного анализа и дает более полное представление о разных сторонах атрибутивной системы. Данные об относительных частотах типов атрибутов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Атрибутивный профиль поэм Дж. Клэра (частоты на 1000 слов)

Типы атрибутов	ДМ	ЯР	ЧГ
ПРЛ	54,91	36,69	49,95
ПРЛЖ	0,91	0,95	3,09
М	60,75	54,56	56,55
ГЕН	8,22	6,46	15,76
ИНФ	0,73	4,75	2,88
АП	13,79	5,51	8,52
ПК	1,19	3,04	6,18
ПС	13,89	11,41	13,42
ПРЧ	30,88	15,21	14,70
ПО	2,83	16,16	3,30
ПРИД	16,63	16,54	16,72

При сопоставлении поэм ДМ и ЯР обнаруживаются заметные расхождения по ряду атрибутов. Наиболее сильно различаются частоты прилагательных (ПРЛ). В ДМ их частота составляет 54,91 против 36,69 в ЯР. Значительное расхождение наблюдается и у причастий (ПРЧ). В ЯР их частота ниже, чем в ДМ: 15,21 против 30,88. Показатели существительных в атрибутивной позиции (АП) также значительно различаются. В ЯР их частота заметно меньше: 5,51 против 13,79 в ДМ. Напротив, причастные обороты (ПО) значительно чаще встречаются в ЯР: 16,16 против 2,83 в ДМ. Инфинитивы (ИНФ) в ЯР также встречаются чаще: 4,75 против 0,73 в ДМ. Более характерны для ЯР и существительные в предложной конструкции (ПК): 3,04 против 1,19 в ДМ. В то же время показатели некоторых атрибутов в поэмах имеют близкие значения: местоимения (М) – 60,75 в ДМ и 54,56 в ЯР; существительные в притяжательном падеже (ПС) – 13,89 и 11,41 соответственно; придаточные предложения (ПРИД) – 16,63 и 16,54; приложения (ПРЛЖ) – 0,91 и 0,95; существительные в родительном падеже (ГЕН) – 8,22 и 6,46.

При сопоставлении ЯР и ЧГ картина меняется. Частота прилагательных (ПЛГ) в ЧГ (49,95) выше, чем в ЯР (36,69). Показатель существительных в родительном падеже (ГЕН) резко возрастает в ЧГ до 15,76, что значительно превышает показатель в ЯР (6,46). Частота существительных в предложной конструкции (ПК) также увеличивается: с 3,04 в ЯР до 6,18 в ЧГ. Приложения (ПРЛЖ) становятся заметно более частотными в ЧГ: 3,09 против 0,95 в ЯР. Напротив, в ЧГ показатель причастных оборотов (ПО) падает: 3,30 против 16,16 в ЯР. Инфинитивы (ИНФ) в ЧГ также встречаются реже: 2,88 против 4,75 в ЯР. Показатель существительных в атрибутивной позиции (АП) в ЧГ (8,52) выше, чем в ЯР (5,51). Местоимения (М), существительные в притяжательном падеже (ПС), причастия (ПРЧ) и придаточные предложения (ПРИД) в ЯР и ЧГ имеют сходные показатели (54,56 и 56,55; 11,41 и 13,42; 14,70 и 15,21; 16,54 и 16,72).

При сравнении наиболее удаленных по времени создания поэм – ДМ и ЧГ – обнаруживаются черты как сходства, так и различия. Близки значения прилагательных (ПРЛ) (54,91 и 49,95), местоимений (М) (60,75 и 56,55), существительных в притяжательном падеже (ПС) (13,89 и 13,42), придаточных предложений (ПРИД) (16,63 и 16,72) и причастных оборотов (ПО) (2,83 и 3,30). Однако в ЧГ возрастает показатель существительных в родительном падеже (ГЕН) (15,76 против 8,22 в ДМ), инфинитивов (ИНФ) (2,88 против 0,73 в ДМ), существительных в предложной конструкции (ПК) (6,18 против 1,19 в ДМ) и приложений (ПРЛЖ) (3,09 против 0,91 в ДМ). Напротив, показатели причастий (ПРЧ) и существительных в атрибутивной позиции (АП) в ДМ выше (30,88 против 14,70 в ЧГ и 13,79 против 8,52 в ЧГ).

Для подтверждения того, что данные различия не являются случайными, и установления статистической значимости различий между поэмами по каждому атрибуту применяется критерий χ^2 (хи-квадрат) с использованием абсолютных частот. Достоинством данного критерия является то, что он не требует соблюдения условия нормального распределения, что делает его применимым в различных науках, в том числе в лингвистике. Методология применения критерия хи-квадрат в лингвистических исследованиях, а также способы интерпретации его результатов даются в работах Г. Альтмана и его соавторов [Altmann, 2015; Köhler, Altmann, 2014].

При сравнении поэм ДМ и ЯР статистически значимые различия ($p < 0,05$) обнаруживаются для шести типов атрибутов:

– прилагательные (ПРЛ): $\chi^2 = 9,915$, $p = 0,002$. В ДМ встречаются чаще (54,96 против 36,69 в ЯР);

– инфинитивы (ИНФ): $\chi^2 = 36,145$, $p < 0,001$. В ЯР их частота более чем в шесть раз выше (4,75 против 0,73 в ДМ);

– существительные в атрибутивной позиции (АП): $\chi^2 = 14,739$, $p < 0,001$. В ДМ они встречаются более чем вдвое чаще (13,79 против 5,51 в ЯР);

– существительные в предложной конструкции (ПК): $\chi^2 = 10,047$, $p = 0,002$. В ЯР их частота выше (3,04 против 1,19 в ДМ);

– причастия (ПРЧ): $\chi^2 = 21{,}442$, $p < 0{,}001$. В ДМ причастий в два раза больше (30,88 против 15,21 в ЯР);

– причастные обороты (ПО): $\chi^2 = 117{,}141$, $p < 0{,}001$. В ЯР они встречаются почти в шесть раз чаще (16,16 против 2,83 в ДМ).

По остальным типам атрибутов (ПРЛЖ, М, ГЕН, ПС, ПРИД) различия не достигают уровня статистической значимости ($p > 0{,}05$). Наиболее близкие значения демонстрируют местоимения (М): 60,75 в ДМ и 54,56 в ЯР ($\chi^2 = 1{,}445$, $p = 0{,}229$), а также существительные в притяжательном падеже (ПС): 13,89 и 11,41 ($\chi^2 = 0{,}016$, $p = 0{,}899$).

При сопоставлении поэм ЯР и ЧГ ситуация существенно меняется. Значимые различия обнаружены для следующих типов атрибутивных конструкций:

– прилагательные (ПРЛ): $\chi^2 = 7{,}217$, $p = 0{,}007$. В ЧГ этот показатель выше (49,95 против 36,69 в ЯР);

– приложения (ПРЛЖ): $\chi^2 = 5{,}426$, $p = 0{,}020$. В ЧГ они встречаются в три раза чаще (3,09 против 0,95 в ЯР);

– существительные в родительном падеже (ГЕН): $\chi^2 = 19{,}083$, $p < 0{,}001$. В ЧГ их показатель возрастает более чем вдвое (15,76 против 6,46 в ЯР);

– инфинитивы (ИНФ): $\chi^2 = 5{,}110$, $p = 0{,}024$. В ЧГ наблюдается их падение (2,88 против 4,75 в ЯР);

– существительные в предложной конструкции (ПК): $\chi^2 = 4{,}769$, $p = 0{,}029$. В ЧГ их частота выше (6,18 против 3,04 в ЯР);

– причастные обороты (ПО): $\chi^2 = 82{,}740$, $p < 0{,}001$. В ЯР их показатель значительно выше (16,16 против 3,30 в ЧГ).

Статистически незначимые различия зафиксированы для местоимений (М): 54,56 в ЯР и 56,55 в ЯР ($\chi^2 = 1{,}443$, $p = 0{,}230$), существительных в атрибутивной позиции (АП): 5,51 в ЯР и 8,52 в ЧГ ($\chi^2 = 2{,}379$, $p = 0{,}123$), существительных в притяжательном падеже (ПС): 11,41 в ЯР и 13,42 в ЧГ ($\chi^2 = 0{,}124$, $p = 0{,}725$), причастий (ПРЧ): 15,21 в ЯР и 14,7 в ЧГ ($\chi^2 = 1{,}136$, $p = 0{,}286$), а также придаточных предложений (ПРИД): 16,54 в ЯР и 16,72 в ЧГ ($\chi^2 = 0{,}596$, $p = 0{,}440$).

При сопоставлении наиболее удаленных по времени создания поэм (ДМ и ЧГ) статистически значимые различия выделяются для таких типов атрибутов, как:

– приложения (ПРЛЖ): $\chi^2 = 14{,}256$, $p < 0{,}001$. В ЧГ они встречаются более чем в три раза чаще (3,09 против 0,91 в ДМ);

– существительные в родительном падеже (ГЕН): $\chi^2 = 32{,}175$, $p < 0{,}001$. В ЧГ они возрастают почти в два раза (15,76 против 8,22 в ДМ);

– инфинитивы (ИНФ): $\chi^2 = 15{,}272$, $p < 0{,}001$. В ЧГ показатель инфинитивов также возрастает почти в четыре раза (2,88 против 0,73 в ДМ);

– существительные в атрибутивной позиции (АП): $\chi^2 = 9{,}586$, $p = 0{,}002$. В ЧГ они встречаются чаще (13,79 против 8,52 в ДМ);

– существительные в предложной конструкции (ПК): $\chi^2 = 40{,}566$, $p < 0{,}001$. В ЧГ их частота в пять раз выше (6,18 против 1,19 в ДМ);

– причастия (ПРЧ): $\chi^2 = 52{,}299$, $p < 0{,}001$. В ДМ причастий значительно больше (30,88 против 14,7 в ЧГ).

Статистически незначимые различия зафиксированы для прилагательных (ПРЛ): 54,91 в ДМ и 49,95 в ЧГ ($\chi^2 = 0{,}233$, $p = 0{,}629$), причастных оборотов (ПО): 2,83 в ДМ и 3,3 в ЧГ ($\chi^2 = 0{,}782$, $p = 0{,}376$), придаточных предложений (ПРИД): 16,63 в ДМ и 16,67 в ЧГ ($\chi^2 = 0{,}514$, $p = 0{,}473$), местоимений (М): 60,75 в ДМ и 56,55 в ЧГ ($\chi^2 = 0{,}003$, $p = 0{,}958$), а также существительных в притяжательном падеже (ПС): 13,89 в ДМ и 13,42 в ЧГ ($\chi^2 = 0{,}090$, $p = 0{,}473$).

Суммируя полученные данные, можно выделить следующие закономерности.

Использование существительных в родительном падеже и в предложной конструкции возрастает от ДМ к ЧГ, достигая максимума в ЧГ. В ДМ и ЯР их частоты сходны и сравнительно невысоки, тогда как в ЧГ они значительно выше. Рост частоты существительных в родительном падеже и в предложной конструкции выступает показателем эволюции стиля Клэра на позднем этапе его творчества, отражающим движение в сторону более сложного, аналитического синтаксиса.

Причастные обороты и инфинитивы демонстрируют различную динамику. Для причастных оборотов различия между ДМ и ЯР, а также между ЯР и ЧГ статистически значимы, тогда как показатели в ДМ и ЧГ практически не различаются. Инфинитивы же, напротив, показывают значимые различия также между ДМ и ЧГ. Таким образом, если причастные обороты являются исключительной чертой только ЯР, то инфинитивы, хотя и наиболее частотны в ЯР, сохраняются в ЧГ на более высоком уровне, чем в ДМ, указывая на постепенное изменение стиля.

Прилагательные и существительные в атрибутивной позиции наиболее частотны в ДМ, заметно снижаются в ЯР и вновь повышаются в ЧГ, однако не достигают уровня ДМ. Различия между ДМ и ЯР, а также между ЯР и ЧГ статистически значимы. В то же время при сравнении ДМ и ЧГ различия по прилагательным незначимы, тогда как по существительным в атрибутивной позиции остаются значимыми. Из этого следует, что ДМ и ЧГ, несмотря на разрыв во времени создания, прежде всего в использовании прилагательных, демонстрируют большую близость друг к другу, чем каждая из них к ЯР. Такое сходство, вероятно, обусловлено жанрово-тематическими особенностями поэм.

Частота причастий монотонно снижается от ДМ к ЧГ. Различия между ДМ и ЯР, а также между ДМ и ЧГ статистически значимы, тогда как между ЯР и ЧГ они не достигают порогового уровня. Снижение частотности причастий можно интерпретировать как последовательную тенденцию в развитии стиля Клэра: после резкого падения в ЯР показатель стабилизируется на низком уровне в ЧГ.

Частоты местоимений, существительных в притяжательном падеже и придаточных предложений остаются стабильными на всех трех этапах творчества Клэра. Ни одно из попарных сравнений по данным категориям не дает статистически значимых различий. Эти типы атрибутов, по-видимому, образуют устойчивое ядро атрибутивной системы Клэра, не подверженное хронологическим и жанровым изменениям.

Для выявления многомерных различий между атрибутивными профилями анализируемых поэм было вычислено евклидово расстояние согласно следующей формуле:

$$d(p,q) = \sqrt{\sum_{i=1}^{n}(p_i - q_i)^2},$$

где $d(p,q)$ – евклидово расстояние между поэмами p и q;

n – общее количество анализируемых атрибутов;

p_i, q_i – частоты i-го атрибута в поэмах.

С увеличением евклидова расстояния между атрибутивными профилями поэм их различия растут, а чем это расстояние меньше, тем большее сходство имеют тексты по рассматриваемым признакам.

В результате вычислений были зафиксированы следующие показатели:

ДМ – ЯР: d = 29,84;

ЯР – ЧГ: d = 21,51;

ДМ – ЧГ: d = 20,58.

Графическая интерпретация этого выглядит как следующий треугольник (рис. 1).

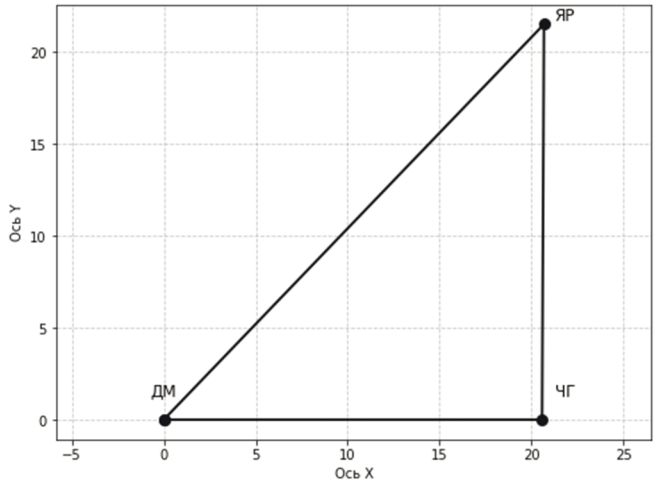

Рис. 1. Евклидово расстояние между поэмами по частоте атрибутов

Исходя из рисунка 1, в системе атрибутивных характеристик вырисовывается следующая картина. Поэмы ДМ и ЧГ находятся ближе всего

друг к другу (d = 20,58), тогда как поэма ЯР наиболее удалена от обеих, образуя с ними максимальное расстояние в паре с ДМ (d = 29,84). Расстояние между ЯР и ЧГ составляет 21,51.

Анализ вкладов отдельных атрибутов позволяет декомпозировать общее расстояние между поэмами и определить ключевые стилистические маркеры каждого текста.

Наибольшее расстояние между ДМ и ЯР формируется за счет трех основных атрибутов: прилагательных (37,25%), причастий (27,57%) и причастных оборотов (19,94%). Это свидетельствует о том, что стилистический разрыв между текстами обусловлен разным балансом между развернутыми синтаксическими конструкциями и одиночными определениями.

При сопоставлении ЯР и ЧГ видно, что доминирующими факторами расхождения становятся прилагательные (37,97%), причастные обороты (35,73%) и существительные в родительном падеже (18,68%). Заслуживает внимания тот факт, что вклад причастий в расстояние между ЯР и ЧГ крайне мал (0,06%), что сближает эти поэмы по данному параметру, в отличие от пары ДМ – ЯР.

Наименьшее расстояние между ДМ и ЧГ формируется преимущественно за счет одного атрибута – причастий, вклад которых составляет 61,84%. По всем остальным категориям, и особенно по причастным оборотам (0,05%) и прилагательным (5,81%), поэмы демонстрируют высокую степень близости.

Таким образом, в атрибутивном пространстве поэма ЯР выделяется на фоне остальных, выступая как текст с аномально высокой частотой причастных оборотов, которые и отличают ее от двух других поэм. Поэмы ДМ и ЧГ, напротив, оказываются стилистически близки по общей структуре атрибутов (особенно по использованию ПО и ПРЛ), за исключением резкого контраста в использовании одиночных причастий, которые доминируют в ДМ и значительно реже встречаются в ЧГ.

Проведенный количественный анализ атрибутивных конструкций в трех поэмах Джона Клэра «Деревенский менестрель» (1821), «На ярмарке» (1827) и «Чайльд Гарольд» (1841) позволил установить сложную, нелинейную траекторию эволюции стиля автора. Применение статистических методов (критерий χ^2, евклидовы расстояния, анализ вкладов отдельных атрибутов) обеспечило эмпирическое обоснование стилистических различий на разных этапах творчества.

Основные выводы исследования можно сформулировать следующим образом.

Вопреки ожиданию монотонного изменения наблюдается нелинейность эволюции стиля Клэра. Поэма «На ярмарке», написанная в среднем периоде, занимает обособленное положение в атрибутивном пространстве, показывая максимальное удаление как от ранней, так и от поздней поэмы. В то же время ранняя и поздняя поэмы оказываются наиболее близкими, что свидетельствует о частичном возврате к ранним синтаксическим моделям на позднем этапе творчества.

Статистически значимые различия между поэмами обусловлены преимущественно тремя группами атрибутов. Причастные обороты вносят решающий вклад в различие между ранней и средней поэмами, а также между средней и поздней. При этом между ранней и поздней поэмами различие по данному признаку статистически незначимо, что подтверждает возврат к исходному уровню. Причастия выступают главным дифференцирующим фактором между ранней и поздней поэмами, демонстрируя устойчивое снижение от раннего периода творчества к позднему. Прилагательные и существительные в родительном падеже также вносят существенный вклад в стилистическое своеобразие средней и поздней поэм.

Резкий всплеск частоты причастных оборотов и инфинитивов в поэме «На ярмарку» позволяет интерпретировать ее как период экспериментов, когда Клэр активно осваивал развернутые атрибутивные модели, от которых впоследствии частично отказался.

Ряд атрибутов (местоимения, существительные в притяжательном падеже, придаточные предложения) демонстрирует стабильность на протяжении всего творчества, формируя инвариантное ядро атрибутивной системы, используемой Клэром.

Таким образом, эволюция стиля Клэра представляет собой многомерный процесс, в котором направленные изменения одних параметров сочетаются с циклическими колебаниями других и стабильностью третьих. Полученные данные открывают перспективы для дальнейших исследований: расширение материала за счет включения других произведений Клэра, а также проведения сопоставительного анализа с атрибутивными профилями современников поэта (Вордсворта, Кольриджа, Китса).

ЛИТЕРАТУРА

Аделева О.П. Стабильность реализации частеречной схемы в поэзии Теда Хьюза // Квантитативная лингвистика. 2021. № 8. С. 21–28.

Андреев С.Н. Атрибутивная структура лирических циклов «Ангел Армении» Сергея Городецкого и «Армения» Осипа Мандельштама // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 2(62). С. 28–38.

Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2015. Vol. 5.

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Some properties of adnominals in Russian texts // Glottometrics. 2017a. Vol. 38. P. 77–106.

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. On Russian adnominals // Glottometrics. 2017b. Vol. 35. P. 64–83.

Bate J. John Clare: A Biography. London: Picador, 2003. 672 p.

Blythe R. Talking About John Clare. Nottingham: Trent Editions, 1999. 149 p.

Bresnihan P. John Clare and the Manifold Commons // Environmental Humanities. 2013. Vol. 3. P. 71–91.

Broadhead A. John Clare and the Northamptonshire Dialect: Rethinking Language and Place // John Clare Society Journal. 2021. Is. 40. P. 47–68.

Guyer S. Reading with John Clare: Biopoetics, Sovereignty, Romanticism. New York: Fordham University Press, 2015. 152 p.

Köhler R., Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2014. Vol. 4.

Kövesi S. John Clare: Nature, Criticism and History. London: Palgrave Macmillan, 2017. 266 p.

Lafford E. 'fancys or feelings': John Clare's Hypochondriac Poetics // Palgrave Advances in John Clare Studies. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 249–273.

Místecký M. Five Ways of Investigating Adnominals in Czech Sonnets of the 19th and 20th Centuries // Glottotheory. 2019. Vol. 9(2). P. 173–200.

Naumann S., Popescu I.I., Altmann G. Aspects of nominal style // Glottometrics. 2012. Vol. 23. P. 23–55.

S.A. Pasikov
Postgraduate Student,
Chair of the English Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Attributive Profile of Three Poems by John Clare: a Quantitative Approach

This article analyses the evolution of John Clare's style using quantitative methods. The analysis is conducted on three poems reflecting different stages of his career: the early poem «The Village Minstrel» (1821), the mid-period poem «Going to the Fair» (1827) and the late poem «Child Harold» (1841).

The research material consists of the full texts of the three poems, analysed at the syntactic level (types of attributive constructions). The analysis employs a set of quantitative linguistic methods (chi-square test, calculation of Euclidean distances, contribution analysis of individual attributes), which enables hypothetical judgements about stylometric differences to be transformed into verifiable quantitative data.

The analysis revealed a complex, non-linear trajectory in the evolution of Clare's style. It was established that the mid-period poem exhibits the most distinctive stylistic profile, whereas the early and late poems demonstrate relative similarity. Divergent trends in the development of individual attribute types have been identified, indicating a multifactorial dynamic of style that cannot be reduced to simple linear progression.

The results of the analysis demonstrate a transformation of the attributive system in Clare's poetic language, in which the dominance of simple attributes in the early poem gives way to the prevalence of more complex analytic constructions in the late poem, while the mid-period poem represents a stage of Clare's creative experimentation.

Keywords: *John Clare; poems; stylometry; syntax; attributes; stylistic evolution; quantitative analysis; chi-square; Euclidean distance; contributions.*

REFERENCES

Adeleva O.P. The stability of the implementation of the part of speech scheme in the poetry of Ted Hughes [Stabil'nost' realizacii chasterechnoj shemy v pojezii Teda H'juza]. *Quantitative linguistics,* 2021. No. 8. Pp. 21–28 (in Russian).

Andreev S.N. Attributive structure in the lyrical cycles “Angel of Armenia” by Sergei Gorodetsky and “Armenia” by Osip Mandelstam [Atributivnaya struktura liricheskikh cziklov «Angel Armenii» Sergeya Gorodeczkogo i «Armeniya» Osipa Mandel`shtama]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2023. No. 2 (62). Pp. 28–38 (in Russian).

Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. *Lüdenscheid: RAM-Verlag*, 2015. Vol. 5 (in English).

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Some properties of adnominals in Russian texts. *Glottometrics*. 2017a. Vol. 38. Pp. 77–106 (in English).

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. On Russian adnominals. *Glottometrics,* 2017b. Vol. 35. Pp. 64–83 (in English).

Bate J. John Clare: A Biography. London: Picador, 2003. 672 p. (in English).

Blythe R. Talking About John Clare. Nottingham: Trent Editions, 1999. 149 p. (in English).

Bresnihan P. John Clare and the Manifold Commons. *Environmental Humanities,* 2013. Vol. 3. Pp. 71–91 (in English).

Broadhead A. John Clare and the Northamptonshire Dialect: Rethinking Language and Place. *John Clare Society Journal,* 2021. No. 40. Pp. 47–68 (in English).

Guyer S. Reading with John Clare: Biopoetics, Sovereignty, Romanticism. New York: Fordham University Press, 2015. 152 p. (in English).

Köhler R., Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. *Lüdenscheid: RAM-Verlag,* 2014. Vol. 4 (in English).

Kövesi S. John Clare: Nature, Criticism and History. London: Palgrave Macmillan, 2017. 266 p. (in English).

Lafford E. ‘Fancys or feelings’: John Clare’s Hypochondriac Poetics. *Palgrave Advances in John Clare Studies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. Pp. 249–273 (in English).

Místecký M. Five Ways of Investigating Adnominals in Czech Sonnets of the 19th and 20th Centuries. *Glottotheory,* 2019. Vol. 9 (2). Pp. 173–200 (in English).

Naumann S., Popescu I.I., Altmann G. Aspects of nominal style. *Glottometrics*, 2012. Vol. 23. Pp. 23–55 (in English).

Е.В. Разумных

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 811.111; 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-99-111

О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ В ТРАКТОВКЕ БЕЗЛИЧНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: *безличность; безличные конструкции; категория персональности; грамматический субъект; семантический субъект; формальное подлежащее.*

Статья посвящена сравнительному анализу подходов к исследованию категории безличности в русской и английской грамматической традиции. Сопоставление взглядов, сформировавшихся применительно к языкам разного типологического строя, позволяет выявить фундаментальную общность в понимании безличности как особого способа представления ситуации, реализуемого в каждом языке с учетом его морфосинтаксических параметров. Сходства в трактовке безличности в двух языках проявляются в интерпретации ее как комплексного семантико-грамматического явления, семантически близких друг другу классификациях безличных предложений в русском и английском языках, идеях о пересечении безличности с залоговостью. Отличия продиктованы разницей в структурной организации безличных предложений в двух языках. В русском языке интерпретация явлений безличности находится в тесной связи с понятием синтаксической односоставности, теорией членов предложения и всей системой его субъектно-объектных связей. Значимыми признаками английских безличных предложений являются их двусоставность и наличие формального номинативного подлежащего, которое лишено семантической нагрузки и потому не препятствует признанию соответствующих структур в качестве безличных. Исследование показало, что явления безличности, реализуемые как на грамматическом, так и на семантическом уровне, могут выявляться в типологически разных языках, что ставит под сомнение теории, связывающие ее функционирование с факторами культурологического и этнолингвистического характера.

Языковой феномен безличности, входящий в более широкую категорию персональности, до сих пор не имеет единого понимания в лингвистической литературе, особенно если речь идет о языках с разными морфосинтаксическими параметрами. В самом общем смысле грамматическое лицо описывает участников коммуникации по отношению к сообщаемому факту, проявляется в личных местоимениях и глагольных окончаниях первого, второго и третьего лица и имеет универсальный характер для множества языков.

Однако объем данного понятия ограничен по сравнению с более широким понятием синтаксического лица, которое передает также различные варианты соотношения действия с его производителем и обнаруживается уже на уровне структуры предложения. Категориальными значениями такого синтаксического лица (и категории персональности в целом) могут быть определенно-личность, неопределенно-личность, обобщенно-личность и безличность.

Безличность традиционно узнается в предложении по признаку невозможности согласования предикативного центра с номинативным подлежащим. Семантический субъект при этом может отсутствовать либо иметь форму косвенного падежа. Основной акцент при таком понимании делается на формальных, структурных признаках предложения, а безличные конструкции обнаруживаются в языках, где имеется возможность построения односоставных предложений, поддерживаемая развитой падежной парадигмой имени. Примером такого языка является русский, известный многообразием безличных конструкций. По наблюдениям исследователей, система односоставных предложений здесь является одной из самых разветвленных даже в славянском языковом ареале, для которого в целом характерно наличие таких структур [Ломов, 1994, *205*]. Противоположность русскому языку в этом смысле составляет английский язык, который, хотя и связан с русским весьма отдаленным, но все же общим индоевропейским прошлым, дальше других германских языков продвинулся по пути аналитизации и практически полностью утратил падежную парадигму имени и систему личных глагольных окончаний, что способствовало закреплению тенденции к двусоставной организации предложения.

Если придерживаться описанного выше формально-структурного понимания безличности, то пришлось бы признать, что в современном английском языке данного явления как такового не существует, поскольку все английские эквиваленты русских безличных предложений содержат номинативное (в том числе формальное) подлежащее (например, *Мне не спится – **I** cannot sleep*; *Меня тошнит – **I** feel sick*; *Мне нужно… – **I** need to…*; *Холодает – **It** is getting cold*; *Следует заметить, что… – **It** is to be mentioned that…* и т.д.). Вместе с тем известно, что безличные конструкции без номинативного подлежащего были распространены в древне- и среднеанглийском. Опыт их изучения и соответствующая теоретическая база имеются в английской (и шире – германской) грамматической традиции. Учитывая разницу в морфосинтаксическом строе двух языков, мы поставили **цель** сравнить теоретические подходы к пониманию явлений безличности, сформировавшиеся применительно к русскому и английскому языкам. **Актуальность** такого исследования состоит в том, что с помощью него становится возможным не только проследить эволюцию исследовательской мысли, но и выявить некоторые универсальные характеристики феномена безличности в двух типологически разных языках, что в

конечном итоге будет способствовать устранению противоречий в связи с толкованием этого явления.

В качестве **материала** исследования были привлечены, с одной стороны, работы русских ученых-языковедов, сыгравшие роль в становлении современных взглядов на безличность, а с другой – труды признанных специалистов в области истории английского языка, поскольку проблематика безличности в нем неразрывно связана с историческим прошлым. Основное внимание уделено монографиям и диссертациям, изданным в предыдущем и текущем столетиях, что позволяет сделать обобщения в части как развития, так и актуального состояния рассматриваемой темы. Традиция изучения явлений безличности в русском языке более богата в том смысле, что включает множество частных вопросов в связи со структурой и значением безличного предложения, в то время как в английском языке основное внимание сосредоточено на причинах утраты некогда бытовавших типов структур и особенностях этого процесса. Ключевыми **методами** исследования являются описательный анализ и синтез, позволяющие оценить разнообразие мнений и указать на сходство и различия, характерные для трактовки категории безличности в двух языках.

Взгляды на категорию безличности в русском языке. Явления безличности в русском языке были отмечены исследователями еще в XVII–XVIII веках; в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова и некоторых более ранних работах уже имеются упоминания о русских безличных глаголах. Не останавливаясь подробно на взглядах грамматистов того времени, отметим лишь, что вначале безличность понималась крайне широко. К общей массе безличных причислялись структуры, которые сегодня классифицируются как неопределенно- и обобщенно-личные; такое понимание можно найти у А.А. Барсова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева. По-видимому, причина этого кроется в том общем свойстве упомянутых конструкций, которое можно охарактеризовать как неуточненность референции – именно эта особенность обеспечивает выраженное противопоставление неопределенно-/обобщенно-личных и безличных конструкций определенно-личным. В более поздний период исследователями была высказана мысль о существовании особой категории референции, которая параллельна категории безличности, принадлежит высказыванию, соотносит его с действительностью и может носить градуированный характер, обеспечивая возможность существования различного спектра односоставных предложений [Степанов, 1988, *229*] (о референции субъекта в конструкциях славянских языков см. также: [Bauer, 2021]).

К XX веку значения неопределенно-личности и обобщенно-личности были отделены от безличности, ключевыми принципами в выявлении которой стали формально-структурная организация предложения и разграниче-

ние понятий грамматического и семантического субъекта. Оформилось понимание безличности как явления, которое узнается на синтаксическом уровне в предложении по невозможности согласования предиката с подлежащим в именительном падеже. В фундаментальном труде, посвященном русским безличным предложениям, Е.М. Галкина-Федорук указывает, что личное предложение – это прежде всего то, которое имеет в своем составе независимое подлежащее, указывающее на подвергающегося предицированию субъекта-деятеля или предмет речи. Безличные же предложения – это бесподлежащные конструкции с одним только сказуемым, которые называют только деятельность, оставляя ее причину или производителя неизвестными [Галкина-Федорук, 1958, *39*]. Безличные предложения, таким образом, во всех случаях лишены подлежащего как грамматического субъекта, хотя семантический (в иных трактовках – логический) субъект, указывающий на носителя некоторого состояния, может быть выражен косвенным падежом имени (напр., *меня тошнит*, *мне холодно*, *со мной обморок* и т.п.). Такой семантический субъект принадлежит суждению как логической категории, законы функционирования которой хоть и связаны, но все же отличаются от законов, применимых к предложению как грамматической категории. Неразличение семантического субъекта и подлежащего как единиц разных уровней способно завести любые исследования в тупик (см., например: [Кокорина, 1979]).

Принципы формально-структурного подхода, представленные во многих работах прошлого и текущего столетия (например, В.В. Бабайцева, Н.Ю. Шведова, П.А. Лекант, А.В. Петров и др.), во многом упорядочивают и облегчают выявление фактов безличности. Различение единиц логики и грамматики, а также критерий наличия номинативного подлежащего дают инструмент, позволяющий однозначно относить те или иные предложения к безличным на основании четких параметров. Но вместе с тем имеются и спорные аспекты такого понимания безличности. Одним из показательных примеров является смысловая близость высказываний типа *Я не сплю* и *Мне не спится*, первое из которых является личным, а второе безличным по своей форме. Аналогичным образом предложения *Есть деньги* и *Нет денег* относятся к разным видам по признаку личности / безличности, хотя очевидно, что они описывают две стороны одной и той же ситуации действительности без каких-либо изменений в референции. Такие противоречия решаются исследователями по-разному. Некоторые вводят понятие обязательных второстепенных членов, конструктивно необходимых в безличных предложениях для выражения их семантики и вместе с тем усиливающих грамматическую безличность за счет устранения потребности в подлежащем, например, косвенное дополнение со значением лица (*Мне нездоровится*), объекта (*Горло сдавило*), дополнение в форме творительного или родительного падежа (*Лодку унесло ветром*; *Ее дома не было*) и т.д.

[Бабайцева, 1968, *77–86*; Шведова, 1964, *304*]. Другие предлагают отказаться от традиционного формально-структурного подхода в трактовке безличности и обратить внимание на присутствие семантического субъекта в реальной ситуации действительности. В соответствии с этим предлагается отойти от идеи номинативизма подлежащего и признать структуры типа *Мне не спится* личными и двусоставными. Такой взгляд изложен в концепции функциональной грамматики Г.А. Золотовой [Золотова, 2009], а также в работах М. Гиро-Вебер, которая в подтверждение своей точки зрения приводит примеры из других славянских языков, где именительный падеж имени не является единственной формой подлежащего (см., например: [Гиро-Вебер, 2005], аналогичную трактовку см. в [Кацнельсон, 1972, *62–64*]). Заметим, что номинативная теория подлежащего в контексте теории безличности стала объектом критики гораздо раньше; подобные взгляды можно найти у Д.Н. Овсянико-Куликовского, В. Классовского, В.В. Новаковского. Вместе с тем в литературе встречается порой мысль о том, что распространение функции подлежащего на имя в косвенном падеже скрывает за собой стремление «примирить» разнообразие односоставных предложений русского языка с привычной двусоставной формулой суждения и моделью предложений, преобладающей в языках мира.

Попытку подвести безличные предложения под общую структуру двусоставных конструкций можно усмотреть и в идее нулевого подлежащего как незамещенной синтаксической позиции или его значимого отсутствия (см., например: [Мельчук, 1974; Тестелец, 2001]). Нельзя исключать, что определенную роль в таком осмыслении русскоязычных структур сыграли конструкции западноевропейских языков, где безличные предложения приняли форму двусоставных с формальным, десемантизированным подлежащим. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев отмечают, что введение нулевого подлежащего в структуру русских безличных предложений объясняется исключительно соображениями технического удобства, не имеет под собой референциальных оснований и зависит от признания или непризнания существования фиктивных знаков [Булыгина, Шмелев, 1997, *320–322*].

Несмотря на разнообразие форм безличности, ее основным структурным параметром в русском языке остается невозможность согласования предиката с номинативным подлежащим, что и можно считать грамматическим инвариантом безличного предложения. Выделение его семантического инварианта представляется более сложной задачей. Как правило, семантика безличности описывается с помощью таких признаков, как неактивность, неопределенность, невыраженность, инволютивность действующего субъекта, неконтролируемость действия. Возникающие при этом спорные моменты сводятся к тому, что в разных типах безличных предложений такие признаки могут иметь разную степень выраженности; помимо этого, все перечисленные характеристики могут быть свойственны

и смежным структурам – например, неопределенно-личным или пассивным конструкциям. В связи с этим само содержание термина «безличность» до сих пор не является однозначно определенным и термин понимается большинством языковедов как условный. Семантико-функциональная сущность безличных предложений во многом заключается не в отсутствии указания на лицо, а в характере связи между семантическим субъектом и предикатом и в конечном итоге в общей системе субъектно-объектных связей предложения (подробнее см. [Павлов, 1998]).

Взгляды на категорию безличности в английском языке. В английском языке основное внимание исследователей при обсуждении вопросов безличности приковано к древнему и среднему периодам, которые известны функционированием конструкций, во многом схожих с русскими безличными предложениями. При этом западные авторы часто делают оговорку, что применяемый к ним термин «impersonal» не дает адекватного представления об истинных характеристиках рассматриваемого явления и допускает различную интерпретацию (см., к примеру: [Wahlen, 1925, *9*; Visser, 1969, *424*; Fischer et al, 2003, *23*]). В качестве альтернативы иногда предлагается именовать соответствующие структуры «subjectless» (бессубъектные / бесподлежащные; см., например: [Seefranz-Montag, 1984]), что тоже не является однозначным решением в связи как с присутствием семантического субъекта, так и с наличием во многих конструкциях формального подлежащего. Как и в русском языке, важная роль отводится морфологическим характеристикам подлежащего, идее грамматического субъекта и его отношению к предикату. Приведем некоторые из трактовок. Так, Н. Вален разграничивает личные и безличные конструкции следующим образом: если субъект-подлежащее четко выражен и обозначен морфологически независимым словом, то конструкцию следует считать личной, включая случаи, когда даже при фактическом отсутствии грамматический субъект легко восстанавливается из контекста и глагольной флексии. В противоположность личным конструкциям, безличные не имеют в своем составе морфологически независимого указания на субъект [Wahlen, 1925, *6*]. В работе М. Огуры признаком безличности называется отсутствие явно выраженного грамматического субъекта или наличие формального подлежащего *hit* (*it*) [Ogura, 1986, *14*]. В фундаментальном коллективном труде, посвященном синтаксису древнеанглийского, класс безличных конструкций характеризуется отсутствием субъекта-подлежащего в именительном падеже и наличием глагола в форме третьего лица единственного числа [Fischer et al, 2003, *23, 44*]. В работе Р. Фалке условный термин «безличный» применяется к целому набору морфосинтаксических моделей со следующими характеристиками: 1) наличие глагольного предиката в форме третьего лица единственного числа; 2) отсутствие согласующегося с глаголом грамматического субъекта в форме именительного падежа; 3) возможность присутствия первого актанта (the first argument) в

форме дательного, винительного или объектного падежа; 4) при наличии нескольких актантов второй имеет форму родительного падежа, предложной фразы или придаточного предложения [Möhlig-Falke, 2012, *6*].

Из представленных определений в целом прослеживается, что признание конструкции личной или безличной зависит от присутствия в предложении независимого конструктивного элемента, выполняющего роль грамматического субъекта (то есть подлежащего в традиционном понимании). Вместе с тем известно, что английский язык в процессе своего развития перешел к двусоставному строю предложения, что привело к появлению в семантически безличных высказываниях десемантизированного номинативного подлежащего. В древне- и среднеанглийском все еще обнаруживаются как односоставные, так и двусоставные конструкции, которые по-разному классифицируются исследователями. Так, В. ван дер Гааф проводит разграничение между истинно безличными и квазибезличными структурами по семантическому критерию: в первый класс попадают высказывания с verba meteorologica, описывающие явления природы, а во второй – все другие конструкции (с дательным или винительным падежом семантического субъекта, с предложной группой, с придаточным предложением), причем обе категории структур могут иметь или не иметь в своем составе формальное *(h)it* [van der Gaaf, 1967]. Схожим образом поступает Н. Вален, указывая при этом, что среди всех таких конструкций идея субъекта больше всего ощущается там, где функцию подлежащего выполняет инфинитив или придаточное предложение, следующее за конструкцией с вводным *(h)it* (*hit fremeð him swa gedon*, *hit nealæceð þæt he sceal feran*), в связи с чем их личная или безличная интерпретация оказывается под вопросом [Wahlen, 1925, *142*]. Т. Виссер делает прямое указание на то, что элемент *(h)it* можно считать маркером безличности, поскольку именно он придает безличное значение древнеанглийским глаголам. Одним из вариантов развития конструкций с вводным *(h)it* он называет переосмысление их в личные структуры в современном английском языке, например *it lothith me → I loathe it*, *it liketh me → I like it* [Visser, 1970, *444, 312*].

Детальную классификацию древнеанглийских безличных глаголов и конструкций приводит М. Огура. Среди всех выделяемых ею групп можно усмотреть три основные категории. К первой относятся конструкции, образуемые собственно безличными глаголами без лица-субъекта в косвенном падеже (*(hit) rineþ*). Вторая категория включает структуры с косвенным падежом семантического субъекта и широким спектром глаголов, среди которых – глаголы ментального восприятия, физических переживаний, глаголы со значением необходимости, событийные или посессивные глаголы и т.д. (*(hit) þinceþ / him þinceþ; (hit) langaþ / hine langaþ*). Третья категория соответствует общепринятому понятию безличного пассива (*(hit) is awriten*). Ха-

рактерной особенностью всех трех категорий является возможность использования в конструкциях формального элемента *(h)it* или же его отсутствие [Ogura, 1986]. В хронологически более поздней работе Р. Фалке предлагаются две дополняющие друг друга классификации древнеанглийских безличных конструкций, учитывающие семантику предиката и морфологическую форму актантов [Möhlig-Falke, 2012].

Сопоставление подходов к безличности в русском и английском языках. Из изложенного следует, что не только понятие безличности, но и классификация соответствующих структур в истории английского языка, сочетающая в себе семантический и структурный параметры, обнаруживает много общего с русской грамматической традицией. Семантика глаголов в конструкциях, относимых к безличным, во всех случаях подразумевает определенную степень инактивности субъекта. С точки зрения структуры древне- и среднеанглийские конструкции характеризуются наличием лица-субъекта в косвенном падеже и (или) формального подлежащего, которое, с одной стороны, обеспечивает двусоставное построение предложения, а с другой – может считаться маркером безличности в связи с отсутствием какой-либо семантической нагрузки. По мере разрушения в английском языке падежной парадигмы все виды безличных предложений оформились в виде структур с начальным *it* (см., к примеру, классификацию современных конструкций в [Березина, 2018]), однако в доступных межъязыковых исследованиях отмечается, что такое строение тем не менее не лишает их свойства безагентивности как одного из существенных признаков безличных конструкций в проекции на разные языки [Иванов, 2004; Гофман, 2006]. Для подтверждения этого приведем примеры предложений современного английского языка и сравним их с русскими эквивалентами[1]:

(1) By this time **it was getting dark**, and snowing pretty heavily. – Тем временем уже *стемнело*, и повалил довольно густой снег.

(2) **It would have done you good** to see how green a place it is. – *Тебе было бы отрадно поглядеть*, как там все зелено.

(3) **It was all the same to him**. – *Ему было безразлично*.

(4) **It is good to be children** sometimes… – Ведь так *отрадно* порой снова *стать* хоть на время *детьми*!

(5) … the master predicted that **it would be necessary for them to part**. – … хозяин начинал выражать опасение, что *придется ему расстаться* со своим помощником.

(6) How **could it be otherwise**? – Как *могло быть иначе*?

(7) And then let any man explain to me, if he can, how **it happened** that Scrooge, having his key in the lock of the door, saw… – А теперь пусть мне кто-нибудь

[1] Приводимые далее примеры заимствованы из повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь» (A Christmas Carol), стиль и жанр которой позволяют обнаружить в ней достаточное количество и разнообразие безличных конструкций (C. Dickens. A Christmas Carol. Arcturus, 2022; Ч. Диккенс. Рождественская песнь в прозе. М.: Издательский дом Мещерякова, 2023).

объяснит, как *могло случиться*, что Скрудж, вставив ключ в замочную скважину, внезапно увидел…

Представленные высказывания демонстрируют все оттенки значения, традиционно присущие безличным конструкциям. Пример (1) содержит указание на состояние окружающей среды. Примеры (2) и (3) имеют экспериенциальную семантику и указывают на эмоциональное состояние семантического субъекта, выраженного местоимением в косвенном падеже. Схожий с ними пример (4) отличается отсутствием указания на такой субъект в структуре предложения, в связи с чем все высказывание приобретает характер оценки некоторых событий с точки зрения говорящего. Примеры (5) и (6) можно классифицировать как оценочно-модальные с указанием на необходимость или возможность каких-либо действий; со структурной точки зрения они также различаются наличием или отсутствием указания на субъект. Пример (7) реализует семантику событийности, не подразумевающую наличия действующего субъекта. При этом наличие в структуре английских высказываний формального подлежащего не меняет их семантику по сравнению с русскими; значение безличности сохраняется вне зависимости от структурной организации предложения.

Сравнение исследовательских взглядов на безличность применительно к русскому и английскому языкам обнаруживает точки соприкосновения в сочетании с некоторыми различиями. Прежде всего, конструкции с указанием на природные явления, которые считаются древнейшими по происхождению, называются истинно-безличными по семантике, поскольку они полностью лишены упоминания о каком-либо действующем лице и такового нет не только в структуре суждения, но и в самой ситуации действительности. Другую группу в обоих языках образует широкий спектр высказываний с неноминативным семантическим субъектом. В русском языке споры исследователей применительно к этим конструкциям сводятся к возможности распространения понятия подлежащего на семантический субъект в косвенном падеже. В английском же языке спорным является статус таких конструкций как квази- или условно-безличных в связи с наличием формального подлежащего, отсутствие семантической нагрузки которого не позволяет всецело считать их личными. В качестве решения можно признать, что в каждом языке имеются специфические особенности синтаксиса, участвующие в реализации категории безличности. Таковыми являются косвенный падеж семантического субъекта в русском языке и формальное подлежащее в современном английском языке. Наконец, исследователи обоих языков обращают внимание на соприкосновение безличности с залоговостью, что отражается как в определении места безличности среди других языковых категорий (см., например: [Бондарко, 2017]), так и в классификациях безличных конструкций (см. выше: [Ogura, 1986]). В целом же сходство взглядов исследователей свидетельствует о близости сущностных характеристик явления безличности в

двух языках, даже несмотря на то что английская безличная конструкция имеет значимые конструктивные отличия от русской.

Проведенное исследование взглядов на категорию безличности, сложившихся в русской и английской грамматической традициях, позволяет заключить, что данное явление имеет в целом схожее восприятие в двух языках. Невзирая на типологические отличия синтаксического строя английского языка, обнаруживаемые уже на древнем этапе и окончательно оформившиеся к настоящему времени (двусоставность предложения, наличие формального подлежащего), категория безличности имеет здесь те же базовые компоненты, что и в русском языке. Первый компонент – семантический – заключается в смещении акцента высказывания с производителя действия или носителя состояния на само действие (состояние). Данное свойство, часто именуемое безагентивностью, присутствует во всех семантических разновидностях безличных предложений – от описания явлений природы и окружающей среды до предложений экспериенциальной, оценочно-модальной и событийной семантики. Второй компонент – структурный – обеспечивает возможность такого сдвига семантики за счет особого построения предложения, отвечающего морфосинтаксическим параметрам (потребностям) конкретного языка. В русском это односоставность синтаксической структуры и возможность использования косвенного падежа для указания на реального производителя действия или носителя состояния. В английском языке схожие характеристики засвидетельствованы на древнем и среднем этапах; в современном английском языке маркером безличности можно считать формальное подлежащее, лишенное какой-либо семантической нагрузки. Несмотря на то, что предложения с ним являются в строгом смысле двусоставными и номинативными, оправданным представляется выявление фактов безличности по совокупности признаков – структурному и семантическому. Десемантизация такого номинативного подлежащего позволяет признать соответствующие конструкции безличными.

Изложенные наблюдения имеют ряд импликаций применительно к диахроническому изучению языков и лингвокультурологическим трактовкам безличности, распространившимся в литературе на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Согласно им, активное функционирование односоставной безличной конструкции в русском языке свидетельствует об особой ориентации культуры, где человеку присущ пассивно-созерцательный взгляд на мир как на совокупность событий, не поддающихся его контролю и уразумению. Развитие таких взглядов способно привести к восприятию языков с большим количеством безличных структур как менее престижных по сравнению с аналитическими языками номинативного строя, якобы отражающими активную жизненную позицию их носителей. Тем не менее данные диахронических исследований показывают, что даже языки высокой степени аналитизации, к каковым можно отнести современный английский, могли иметь в своем историческом прошлом структуры, схожие по форме с безличными конструкциями

языков иного синтаксического строя (например, славянских). Исследования древнегерманского ареала позволяют предположить, что односоставная безличная конструкция имеет здесь глубокие корни. Изменение односоставной конструкции в двусоставную, произошедшее в английском языке на фоне разрушения падежной парадигмы имени, не лишило его самой категории безличности: подлежащее в таких конструкциях единодушно трактуется исследователями как формальное и не устраняет свойства безагентивности, присущего безличным высказываниям. Следовательно, структурное оформление безличной конструкции, свойственное тому или иному языку, подчиняется требованиям его морфосинтаксического строя и зависит от имеющихся грамматических средств. Само же явление безличности, по-видимому, носит универсальный характер как один из способов осмысления и языкового отражения фактов действительности, что открывает перспективы его исследования с расширением спектра языков.

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968. 160 с.

Березина О.А. Категория «безличность» в современном английском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2019. 43 с.

Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: ЯСК, 2017. 336 с.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во Московского университета, 1958. 336 с.

Гиро-Вебер М. К определению понятия «субъект» в синтаксисе русского языка // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 333–345.

Гофман О.В. Односоставные предложения в русском, английском и немецком языках в сопоставительном аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2006. 28 с.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 352 с.

Иванов С.А. Структурно-семантическая организация безличных предложений в английском и французском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 16 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 217 с.

Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М.: Изд-во Московского университета, 1979. 79 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. 280 с.

Мельчук И.А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: диатезы и залоги. Л., 1974. С. 343–361.

Павлов В.М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. СПб., 1998. 184 с.

Степанов Ю.С. Безличность и неопределенная референция // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 226–235.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 805 с.

Шведова Н.Ю. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. 499 с.

Bauer A. Impersonalization in Slavic: A Corpus-Based Study of Impersonalization Strategies in Six Slavic Languages // Journal of Slavic Linguistics. 2021. 29(2). P. 123–178.

Fischer O., van Kemenade A., Koopman W., van der Wurff W. The Syntax of Early English. Cambridge University Press, 2003. 360 p.

Ogura M. Old English 'impersonal' verbs and expressions. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1986. 316 p.

Visser T. An historical syntax of the English language. Part I. Leiden: E.J. Brill, 1970. 740 p.

Visser T. An historical syntax of the English language. Part III. Leiden: E.J. Brill, 1969. 592 p.

Wahlen N. The Old English impersonalia. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1925. 240 p.

Zeefranz-Montag A. Subjectless constructions and syntactic change // Jacek Fisiak (ed.). Historical Syntax. Berlin: Mouton, 1984. P. 521–553.

E.V. Razumnykh
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of English, Chemistry Faculty,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

On Similarities and Differences in Interpreting the Impersonality Phenomena in Russian and English

The article explores scholarly approaches to the impersonality category in Russian and English grammar. The comparison of conceptual standpoints developed in relation to typologically different languages reveals a fundamental uniformity in understanding impersonal structures as a specific way of describing reality, realized in each language in accordance with its morphological and syntactic parameters. Similarities across two languages consist in interpretation of impersonality as a complex semantic-grammatical phenomenon and similar classifications of impersonal sentences, while differences stem from their structural organization. In Russian, interpretation of impersonality is closely linked to the concept of syntactic mononuclearity, the theory of sentence members, and the entire system of subject-object relations. In English, the characteristic features of impersonal sentences are the two-part structure and formal nominative subject which does not possess any meaning and, therefore, does not make it impossible to recognize the structures as impersonal. The study points to the fact that the impersonality phenomena, realized at both grammatical and semantic levels, can be found in typologically diverse languages, which calls into questions theories linking impersonality to cultural and ethnolinguistic factors.

Keywords: *impersonality; impersonal structures; personality category; grammatical subject; semantic subject; empty subject.*

REFERENCES

Babaitseva V.V. One-member sentences in modern Russian [Odnosostavnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke]. Moscow: Prosveschenie, 1968. 160 p. (in Russian).

Berezina O.A. Impersonality category in modern English [Kategoriya ‘bezlichnost’ v sovremennom angliyskom yazyke]. Saint-Petersburg, 2019. 43 p. (in Russian).

Bondarko A.V. Verb categories in the system of functional grammar [Glagolnye kategorii v sisteme funktsionalnoy grammatiki]. Moscow: YaSK, 2017. 336 p. (in Russian).

Bulygina T.V., Shmelev A.D. Language conceptualization of the world [Yazykovaya kontseptualizatsiya mira]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 1997. 576 p. (in Russian).

Galkina-Fedoruk E.M. Impersonal sentences in modern Russian [Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke]. Moscow: MSU Publ., 1958. 336 p. (in Russian).

Giro-Veber M. On definition of ‘subject’ in Russian syntax [K opredeleniyu ponyatiya ‘subjekt’ v sintaksise russkogo yazyka]. *Functional grammar issues. Field structures*. Saint- Petersburg: Nauka, 2005. Pp. 333–345 (in Russian).

Gofman O.V. One-member sentences in Russian, English and German [Odnosostavnye predlozheniya v russkom, angliyskom i nemetskom yazykakh]. Ufa, 2006. 28 p. (in Russian).

Zolotova G.A. Functional syntax of Russian language [Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo yazyka]. Moscow: Librokom, 2009. 352 p. (in Russian).

Ivanov S.A. Structural and semantic arrangement of impersonal structures in English and French [Strukturno-semanticheskaya organizatsiya bezlichnikh predlozheniy v angliyskom i frantsuzskom yazykakh]. Pyatigorsk, 2004. 16 p. (in Russian).

Katsnelson S.D. Language typology and speech thinking [Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye]. Leningrad: Nauka, 1972. 217 p. (in Russian).

Kokorina S.I. On the semantic subject and its realization in Russian [O semanticheskom subjekte i osobennostyakh ego vyrazheniya v russkom yazyke]. Moscow: MSU Publ., 1979. 79 p. (in Russian).

Lomov A.M. The typology of Russian sentence [Tipologiya russkogo predlozheniya]. Voronezh: VSU Publ., 1994. 280 p. (in Russian).

Melchuk I.A. On the syntactic zero [O syntaksicheskom nule]. *The typology of passive structures*. Leningrad, 1974. (in Russian).

Pavlov V.M. Contradictions of the semantic structure of impersonal sentences in Russian [Protivorechiya semanticheskoy struktury bezlichnykh predlozheniy v russkom yazyke]. Saint-Petersburg, 1998, 184 p. (In Russian).

Stepanov Y.S. Impersonality and indefinite reference [Bezlichnost i neopredelennaya referentsiya]. *Language: system and function*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 226–235 (in Russian).

Testelets Y.G. Introduction to general syntax [Vvedeniye v obschiy syntaksis]. Moscow: RGGU, 2001. 805 p. (in Russian).

Shvedova N.Y. Changes in the system of simple and complex sentence in the Russian literary language in the 19th century [Izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX veka]. Moscow: Nauka, 1964. 499 p. (in Russian).

Bauer A. Impersonalization in Slavic: A Corpus-Based Study of Impersonalization Strategies in Six Slavic Languages. *Journal of Slavic Linguistics,* 2021. No. 29(2). Pp. 123−178 (in English).

Fischer O., van Kemenade A., Koopman W., van der Wurff W. The Syntax of Early English. Cambridge University Press, 2003. 360 p. (in English).

Ogura M. Old English ‘impersonal’ verbs and expressions. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1986. 316 p. (in English).

Visser T. An historical syntax of the English language. Part I. Leiden: E.J. Brill, 1970. 740 p. (in English).

Visser T. An historical syntax of the English language. Part III. Leiden: E.J. Brill, 1969. 592 p. (in English).

Wahlen N. The Old English impersonalia. Göteborg: Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1925. 240 p. (in English).

Zeefranz-Montag A. Subjectless constructions and syntactic change. *Historical Syntax.* Edited by Jacek Fisiak. Berlin: Mouton. Pp. 521–553 (in English).

Н.В. Ситянина

Брянский государственный технический университет
Брянск, Россия

УДК 81'373.72:82-1

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-112-121

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В НОМИНАЦИИ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ (на материале поэзии английского романтизма и модернизма)

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика; концептуальная метафора; метафорическая деривация; номинация; природные явления; поэтический идиостиль; английский романтизм; английский модернизм.*

В статье исследуются когнитивные механизмы метафорической деривации, используемые для номинации природных явлений в поэтическом дискурсе, который можно рассматривать как полигон для семантической деривации. Исследование того, как стандартные языковые метафоры (howling wind, raging sea) трансформируются в индивидуально-авторские сложные композиты, раскрывает когнитивные механизмы поэтического мышления. Автор прослеживает эволюцию от репрезентации природы как целостной, одушевленной системы к ее фрагментированному и психологизированному образу на материале поэзии английского романтизма (У. Вордсворт, С.Т. Кольридж, П.Б. Шелли) и модернизма (Т.С. Элиот, У.Б. Йейтс, Д.Г. Лоуренс). Цель работы – выявить, как базовые когнитивные модели (теория концептуальной метафоры, блендинг) трансформируются под влиянием историко-культурного контекста и индивидуально-авторского стиля, формируя уникальные идиостили. Методология включает когнитивно-дискурсивный анализ, концептуальный анализ метафоры и сравнительно-исторический подход.

Результаты исследования демонстрируют, что метафорическая деривация в романтизме преимущественно основана на антропоморфных и пантеистических блендах, в то время как модернизм тяготеет к сложным, часто диссонансным интеграциям, отражающим кризис восприятия мира. Исследование подтверждает, что поэтический идиостиль может рассматриваться как когнитивная система, организующая опыт посредством специфических механизмов метафорического моделирования.

В современной филологии наблюдается растущий интерес к механизмам взаимодействия языка, сознания и культуры, а также к специфике художественного моделирования мира. Метафора, являясь фундаментальным когнитивным инструментом, не только отражает способы осмысления

действительности, но и активно формирует их. Особый интерес в этом контексте представляет поэтический дискурс, где метафорическая деривация – процесс создания новых значений и номинаций через метафору – достигает максимальной плотности и концептуальной сложности. Номинация природных явлений служит идеальным полигоном для изучения подобных процессов, поскольку природа выступает универсальным источником и мишенью для метафорических проекций, эволюция которых чутко реагирует на смену культурных парадигм. Как отмечает М. Фримен, «поэтическая метафора представляет собой окно в когнитивные процессы, лежащие в основе творческого мышления и восприятия мира» [Freeman, 2023, *15*].

Метафора является также ключевым инструментом для формирования уникального поэтического идиостиля. Под идиостилем в настоящем исследовании понимается, во-первых, индивидуально-авторская система языковых и когнитивных средств, включающая устойчивые модели метафорической номинации, характеризующая творчество конкретного поэта; во-вторых, совокупность типологических черт, объединяющих поэтов одного литературного направления или школы, что позволяет говорить об идиостиле романтизма или модернизма как о целостном феномене. Таким образом, термин «идиостиль» используется в работе в двух взаимосвязанных значениях: индивидуальном и эпохальном, при этом акцент делается на выявлении общих закономерностей в рамках каждого периода.

Объектом исследования выступают поэтические тексты английских романтиков (конец XVIII – первая треть XIX века) и модернистов (конец XIX – первая половина XX века). Предмет изучения – когнитивные методы метафорической деривации, используемые для номинации природных явлений (таких как ветер, восход солнца, сумерки), а также объектов неживой природы (море, горные ландшафты, деревья, цветы) в данных историко-литературных контекстах, и их роль в формировании поэтического дискурса английского романтизма и модернизма.

Материалом исследования послужили поэтические тексты ключевых представителей английского романтизма – У. Вордсворта («Lyrical Ballads», «The Prelude», «Lines Composed a Few Miles above Tintern Abbey»), С.Т. Кольриджа («The Rime of the Ancient Mariner», «Kubla Khan», «Frost at Midnight») и П.Б. Шелли («Hymn to Intellectual Beauty»), а также поэтов-модернистов – Т.С. Элиота («The Waste Land», «The Hollow Men», «Four Quartets»), У.Б. Йейтса («The Tower», «The Winding Stair and Other Poem», «The Second Coming») и Д.Г. Лоуренса («Birds, Beasts and Flowers», «Last Poems», «Bavarian Gentians»). Общий объем проанализированных контекстов составил более 160 фрагментов, содержащих метафорические номинации природных явлений и объектов неживой природы. Отбор единиц осуществлялся методом сплошной выборки по критерию наличия метафорического переноса в номинации природного объекта.

Цель работы – провести сравнительный анализ когнитивных моделей метафорической деривации в двух ключевых эпохах английской поэзии, выявив их связь с общеязыковой нормой и индивидуально-авторскими особенностями. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

1) определить теоретические основы изучения метафорической деривации с позиций когнитивной лингвистики;

2) проанализировать доминантные когнитивные модели, лежащие в основе номинации природных явлений в поэзии романтизма;

3) исследовать специфику метафорической деривации в модернистской поэзии, выявив ее отличия от романтической традиции;

4) установить, как общие когнитивные механизмы метафоры конкретизируются в индивидуальных поэтических идиостилях.

Методологическую базу составляют принципы когнитивно-дискурсивного подхода, теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) и теория концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер), применяемые к анализу художественного текста. Используются методы концептуального анализа метафоры, сравнительно-исторического анализа и стилистической интерпретации.

В данном исследовании мы попытаемся представить системное сопоставление когнитивных стратегий метафорического именования природы в двух различных поэтических системах, что позволяет проследить диахроническую динамику ключевых концептов и моделей восприятия.

Теоретические основы: метафорическая деривация как когнитивный механизм. В современной когнитивной лингвистике метафора понимается не как чисто языковая фигура, а как базовый ментальный процесс, позволяющий осмысливать абстрактные или сложные домены через более конкретные и телесно обусловленные домены опыта [Lakoff, Johnson, 2017, *45*]. Метафорическая деривация, таким образом, представляет собой процесс создания новых языковых единиц или новых смыслов у существующих единиц посредством проекции структуры одного концептуального домена (источника) на другой (цель). Этот процесс является одним из основных источников семантического обогащения языка и, особенно, поэтического словаря. Исследователи подчеркивают, что «поэтический текст выступает как лаборатория, в которой модели метафорического мышления не только применяются, но и подвергаются рефлексии и трансформации» [Чернейко, 2023, *58*].

Теория концептуальной интеграции (блендинга) развивает эти идеи, показывая, что за сложными метафорами часто стоит не простое двустороннее отображение, а создание нового, «смешанного» пространства (blended space), которое заимствует элементы из нескольких исходных ментальных пространств (input spaces) и обладает собственной эмерджентной структурой (emergent structure) [Fauconnier, Turner, 2018, *112*]. Поэтическая метафора является ярким примером такого сложного бленда, где эмерджентная

структура порождает новые смыслы и образы, непредсказуемые на уровне исходных доменов. Как отмечает Б. Дансигер, «поэзия модернизма, в частности, эксплуатирует возможности блендинга для создания многомерных, часто парадоксальных смысловых конструкций, разрывающих привычные ассоциативные цепочки» [Dancygier, 2020, *134*].

Общеязыковая норма предлагает для номинации природы устоявшийся набор метафор («буря страстей», «лучи надежды»), которые представляют собой «окаменевшие» когнитивные модели. Поэтический дискурс активизирует эти модели, оживляет их или создает радикально новые интеграции, отражающие уникальный авторский взгляд. Поэтический идиостиль с данной точки зрения можно определить как устойчивую систему предпочтений в выборе исходных доменов для метафорической проекции и способов их интеграции в рамках художественного текста [Смирнова, 2021, *102*; Semino, 2021, *88*].

Когнитивные модели метафорической деривации в поэзии английского романтизма. Для поэтов-романтиков природа была не просто объектом описания, но живым, одушевленным организмом, языком, на котором говорит божественное, и зеркалом человеческой души. Эта мировоззренческая установка определяет доминантные когнитивные методы метафорической деривации.

1. Антропоморфный и пантеистический блендинг. Номинация осуществляется посредством проекции антропных характеристик, что приводит к формированию развернутых антропоморфных образов. В этом бленде пространства «человек» и «природа» интегрируются так полно, что граница между ними стирается. Данный подход соответствует общей романтической интенции, о которой пишет Р. Гиббс: «Романтические метафоры природы часто стремятся преодолеть картезианский дуализм, создавая ощущение живого, дышащего космоса, в котором разум и материя взаимопроникают» [Gibbs, 2022, *77*].

Например, в поэме У. Вордсворта «Тинтернское аббатство» река Уай называется «the sounding cataract» («звучащий водопад»), но далее она метафорически наделяется памятью и влиянием:

... Nor less, I trust,
To them I may have owed another gift,
Of aspect more sublime; that blessed mood,
In which the burthen of the mystery,
In which the heavy and the weary weight
Of all this unintelligible world,
Is lightened …

[Wordsworth, 2019, *134*].

Природа выступает как активный агент, дарующий человеку особое когнитивно-эмоциональное состояние. В строках Вордсворта происходит сложная интеграция концепций. Физическая река («звучащий водопад») из

пространства природы как ландшафта и абстрактная роль из пространства человеческих отношений (Даритель / Учитель) сливаются в единый образ. Результатом этого смешения становится природа как одухотворенный, сознательный агент, который не просто существует, но активно участвует во внутренней жизни человека, даря ему особое состояние умиротворения и ясности.

2. Метафора природы как храма или морального наставника. Эта концептуальная метафора структурирует множество конкретных номинаций.

У П.Б. Шелли в «Гимне интеллектуальной красоте» ветер становится «отзвуком» («echo») божественного Духа, а тучи – его «кортежем»:

Thy light alone like mist o'er mountains driven,
Or music by the night-wind sent
Through strings of some still instrument…
[Shelly, 2020, *77*].

Номинация ветра как музыканта, играющего на струнах инструмента, – это бленд, объединяющий природное явление (ветер), артефакт (инструмент) и абстрактное понятие (музыка, дух), где эмерджентное свойство – идея природы как проводника трансцендентного.

3. Соматическая метафора (проекция телесного опыта). Природа часто описывается через телесные ощущения, создавая эффект полного слияния субъекта и объекта. Эта стратегия подтверждает тезис когнитивной лингвистики о телесной основе мышления, которая в романтизме получает эстетическое воплощение.

У С.Т. Кольриджа в «Сказании о Старом Мореходе» море и небеса метафорически связываются с физиологическими состояниями жажды и ужаса:

…The very deep did rot: O Christ!
That ever this should be!
Yea, slimy things did crawl with legs
Upon the slimy sea …
[Coleridge, 2018, *92*]

Номинация моря как «гниющего» и «склизкого» – это проекция тактильно-обонятельного человеческого опыта на природную стихию, выражающая экзистенциальный кризис.

Таким образом, метафорическая деривация в романтизме направлена на преодоление разрыва между человеком и миром, создание целостной, пронизанной единым духом картины. Идиостиль отдельного поэта варьируется в рамках данной парадигмы: от медитативного пантеизма Вордсворта до титанической одушевленности стихий у Шелли. Эти особенности, как отмечает Л.Г. Смирнова, формируют «узнаваемый когнитивный профиль, в котором доминируют модели органического роста, циркуляции жизненных сил и духовного общения с миром» [Смирнова, 2021, *115*].

Трансформация методов метафорической деривации в поэзии модернизма. Модернистская поэзия, сформировавшаяся в эпоху мировых войн и кризиса позитивистского сознания, радикально переосмысливает отношение к природе. Она перестает быть целостным символом или утешителем, часто представая как рационализированный, фрагментированный ландшафт, проецирующий внутреннее опустошение человека. Это влечет за собой смену когнитивных методов.

1. Диссоциированный и комплексный блендинг. Вместо гармоничной интеграции романтизма модернисты создают бленды, в которых элементы исходных пространств сочетаются конфликтно, создавая эффект отчуждения, иронии или многомерности. Это соответствует общей установке модернизма на «остранение» и рефлексивность.

У Т.С. Элиота в «Бесплодной земле» природа лишена жизненной силы и метафорически сливается с индустриальным городским пейзажем и мифологическими обломками:

…What are the roots that clutch, what branches grow
Out of this stony rubbish? Son of man,
You cannot say, or guess, for you know only
A heap of broken images, where the sun beats,
And the dead tree gives no shelter, the cricket no relief,
And the dry stone no sound of water…
[Eliot, 2022, *5*]

Номинация земли как «каменистого хлама» и «кучи разбитых образов» – это бленд пространств «природа», «городская свалка» и «разрушенная культура». Эмерджентная структура – концепт тотального бесплодия и семантического распада.

2. Метафора природы как механизма или шифра. Природные явления могут получать номинации, отсылающие к техногенному миру, что отражает ощущение дегуманизации. Подобные номинации, как пишет М. Фримен, «демонстрируют сдвиг от модели природы-организма к модели природы-конструкта, чья внутренняя логика скрыта или утрачена» [Freeman, 2023, *89*].

У У.Б. Йейтса в «Втором пришествии» образ разворачивающейся спирали истории («Spiritus Mundi») метафорически представлен через природно-звериный образ:

…When a vast image out of Spiritus Mundi
Troubles my sight: somewhere in sands of the desert
A shape with lion body and the head of a man,
A gaze blank and pitiless as the sun…
[Yeats, 2021, *158*]

Солнце здесь номинировано не как источник жизни, а как воплощение безжалостного, нечеловеческого взгляда. Это бленд небесного тела, животной формы и абстрактного понятия исторической силы, где эмерджентное свойство – угроза.

3. Психологизация и интернализация. Природные явления часто становятся прямыми проекциями состояний сознания, утрачивая самостоятельность. Этот метод напрямую связан с открытиями психоанализа и интересом модернистов к подсознательному.

У Д.Г. Лоуренса в стихотворении «Баварские гентаны» цветы описываются через радикально субъективные, почти галлюцинаторные метафоры, смешивающие органическое, сексуальное и духовное:

… I must have them… these spasms of blue in a red earth…
A dark, dark knowledge, like a blood-prescience
…The gods, the gods, the gods… how they haunt here!
[Lawrence, 2020, *43*]

Номинация цвета («spasms of blue») и знания («dark knowledge») через природный объект создает бленд, где граница между внешним миром и подсознанием исчезает.

Идиостиль модерниста строится не на воссоздании гармонии, а на монтаже разнородных когнитивных моделей, намеренном столкновении традиционных и новых метафор, что отражает сложность и противоречивость современного опыта. Этот процесс Б. Дансигер описывает как «стратегию когнитивной дестабилизации, цель которой – заставить читателя активно конструировать смысл из обломков привычных моделей» [Dancygier, 2020, *147*].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. И романтики, и модернисты отталкиваются от общеязыковых метафорических моделей (природа – человек, природа – артефакт), но радикально их трансформируют. Романтики углубляют и одухотворяют данные модели, создавая расширенные бленды; модернисты деконструируют, усложняют и наполняют их экзистенциальным или ироническим содержанием. Это подтверждает тезис, что «поэтическая инновация всегда диалогична по отношению к языковой норме и предшествующей литературной традиции» [Чернейко, 2023, *72*].

2. Доминирующая стратегия романтизма – интеграция и одушевление, направленные на слияние субъекта и объекта познания. Доминирующая стратегия модернизма – диссоциация и рефлексия, когда природа становится материалом для отстраненного анализа, мифологического шифра или проекции фрагментированного внутреннего мира. Данный сдвиг отражает общую траекторию развития западного сознания от универсализма к индивидуализму и скепсису [Gibbs, 2022, *203*].

3. В обеих эпохах поэтический идиостиль проявляется в характерном наборе предпочитаемых исходных доменов для метафор и типов блендинга.

Для Вордсворта это домены памяти, тишины и нравственного роста; для Шелли – домены энергии, разрушения и созидания; для Элиота – домены археологии, культурных обломков и пустоты; для Йейтса – домены мифа, символизма и цикличности. Эти предпочтения формируют уникальные когнитивные «линзы», через которые читателю предлагается воспринимать мир. Как справедливо отмечает Смирнова, «анализ метафорической деривации позволяет объективировать интуитивно улавливаемое “своеобразие” автора, переводя его в систему когнитивных операций» [Смирнова, 2021, *128*].

4. Метафорическая деривация в поэзии является не просто украшением, а первичным актом концептуализации реальности. Сравнительный анализ показывает, как через смену метафорических моделей номинации природных явлений происходит фундаментальная перестройка самой картины мира: от системной и целеориентированной у романтиков к фрагментированной, нестабильной и многозначной у модернистов.

Таким образом, исследование подтверждает, что изучение когнитивных методов метафорической деривации предоставляет мощный инструмент для анализа исторической поэтики и индивидуального авторского стиля, раскрывая глубинные связи между языковым творчеством, мышлением и культурным контекстом.

Установлено, что метафорические модели, используемые поэтами, являются производными от базовых когнитивных механизмов (концептуальная метафора, блендинг), но их конкретное наполнение и архитектоника определяются мировоззренческими установками эпохи и индивидуальностью автора.

Поэзия романтизма, основанная на вере в единство мироздания, развивает стратегии антропоморфного и пантеистического блендинга, создавая номинации, которые подчеркивают родство человека и природы, ее воспитательную и духовную функцию. Поэзия модернизма, отражая кризис целостного мировидения, использует сложные, диссоциированные и психологизированные бленды, в рамках которых природа номинируется как знак, шифр, механизм или проекция травмированного сознания.

Системный характер связи между языковой формой, концептуальным содержанием и культурно-историческим контекстом может иметь значение для дальнейших исследований в области когнитивной поэтики, исторической семантики и теории художественного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнова Л.Г. Когнитивные модели метафоризации в поэтическом тексте: диахронический аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 98–132.

Чернейко Л.О. Метафора как инструмент познания и поэтического творчества. М.: Флинта, 2023. 300 с.

Coleridge S.T. The Rime of the Ancient Mariner and Other Poems / ed. by J. Worthen. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 210 p.

Dancygier B. Figurative Language in the Modernist Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 305 p.

Eliot T.S. The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts / ed. by V. Eliot. London: Faber & Faber, 2022. 180 p.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2018. 440 p.

Freeman M. Cognitive Metaphor in Poetic Innovation. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2023. 256 p.

Gibbs R.W. Metaphor and Art: The Mind's Aesthetic Capacities. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 320 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 276 p.

Lawrence D.H. The Complete Poems of D.H. Lawrence / ed. by D. Ellis. London: Penguin Classics, 2020. 650 p.

Semino E. Metaphor in Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 234 p.

Shelley P.B. The Major Works / ed. by Z. Leader, M. O'Neill. Oxford: Oxford University Press, 2020. 720 p.

Wordsworth W. Selected Poems / ed. by S. Gill. Oxford: Oxford University Press, 2019. 400 p.

Yeats W.B. The Collected Poems of W.B. Yeats / ed. by R.J. Finneran. New York: Scribner, 2021. 512 p.

N.V. Sityanina
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Foreign Languages,
Bryansk State Technical University
Bryansk, Russia

Cognitive Methods of Metaphorical Derivation in the Nomination of Natural Phenomena (Based on the Poetry of English Romanticism and Modernism)

This article investigates the cognitive mechanisms of metaphorical derivation used for the nomination of natural phenomena in poetic discourse, which can be viewed as a testing ground for semantic derivation. Examining how standard linguistic metaphors (e.g., howling wind, raging sea) are transformed into individual-authorial complex composites reveals the cognitive mechanisms of poetic thinking. The author traces the evolution from the representation of nature as a holistic, animated system to its fragmented and psychologized image, based on the poetry of English Romanticism (W. Wordsworth, S.T. Coleridge, P.B. Shelley) and Modernism (T.S. Eliot, W.B. Yeats, D.H. Lawrence). The aim of the work is to identify how basic cognitive models (conceptual metaphor theory, blending) are transformed under the influence of the historical-cultural context and individual authorial style, forming unique idiolects. The methodology includes cognitive-discursive analysis, conceptual metaphor analysis, and a comparative-historical approach. The research results demonstrate that metaphorical derivation in Romanticism is primarily based on anthropomorphic and pantheistic blends, while Modernism tends towards complex, often dissonant integrations, reflecting a crisis in world perception. The study confirms that a

poetic idiolect can be considered a cognitive system that organizes experience through specific mechanisms of metaphorical modeling.

Keywords: *cognitive linguistics; conceptual metaphor; metaphorical derivation; nomination; natural phenomena; poetic idiolect; English Romanticism; English Modernism.*

REFERENCES

Smirnova L.G. Cognitive models of metaphorization in poetic text: a diachronic aspect [Kognitivnye modeli metaforizatsii v poeticheskom tekste: diakhronicheskiy aspekt]. *Questions of cognitive linguistics,* 2021. No. 3. Pp. 98–132 (in Russian).

Cherneyko L.O. Metaphor as a tool of cognition and poetic creation [Metafora kak instrument poznaniya i poeticheskogo tvorchestva]. Moscow: Flinta, 2023. 300 p. (in Russian).

Coleridge S.T. The Rime of the Ancient Mariner and Other Poems. Edited by J. Worthen. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 210 p. (in English).

Dancygier B. Figurative Language in the Modernist Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 305 p. (in English).

Eliot T.S. The Waste Land: A Facsimile and Transcript of the Original Drafts. Edited by V. Eliot. London: Faber & Faber, 2022. 180 p. (in English).

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2018. 440 p. (in English).

Freeman M. Cognitive Metaphor in Poetic Innovation. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2023. 256 p. (in English).

Gibbs R.W. Metaphor and Art: The Mind’s Aesthetic Capacities. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 320 p. (in English).

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 276 p. (in English).

Lawrence D.H. The Complete Poems of D.H. Lawrence. Edited by D. Ellis. London: Penguin Classics, 2020. 650 p. (in English).

Semino E. Metaphor in Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 234 p. (in English).

Shelley P.B. The Major Works. Edited by Z. Leader, M. O'Neill. Oxford: Oxford University Press, 2020. 720 p. (in English).

Wordsworth W. Selected Poems. Edited by S. Gill. Oxford: Oxford University Press, 2019. 400 p. (in English).

Yeats W B. The Collected Poems of W.B. Yeats. Edited by R.J. Finneran. New York: Scribner, 2021. 512 p. (in English).

А.В. Королькова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.111

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-122-134

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРТИНЫ МИРА РЕБЕНКА-РАССКАЗЧИКА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Ключевые слова: *ребенок-рассказчик; картина мира; стилистика; стилизация; образные сравнения; безобразные сравнения; «Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер; «Все потерянные вещи» М. Сакс.*

Цель работы – рассмотреть возможность применения образных и безобразных сравнений для стилизации картины мира ребенка-рассказчика в современной англоязычной прозе. В ходе анализа романов «Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер и «Все потерянные вещи» М. Сакс методом сплошной выборки были выделены контексты, демонстрирующие параметры детского мировосприятия, изображенные при помощи сравнений. Стилистический и лингвистический виды анализа позволили выявить типы сравнений, используемых авторами. В ходе контекстуального анализа было установлено, какие параметры картины мира ребенка могут маркироваться данным тропом. Количественный анализ показал, что образные сравнения чаще использовались писателями для изображения развитого воображения детей-рассказчиков, а безобразные – при стилизации влияния среды на их картину мира. Иные характеристики мировидения ребенка редко изображаются через данный стилистический прием, однако подобные примеры в проанализированных романах также были выделены. Сделан вывод, что сравнения являются эффективным способом репрезентации картины мира ребенка-рассказчика в литературе. Тот факт, что разные авторы обращаются к идентичным средствам стилизации, позволяет говорить об определенной закономерности.

Сравнение – один из основных стилистических приемов, сложившийся на основе умственной операции, предполагавшей сопоставление двух объектов с целью выявления их сходства и различий [Shukhratova, 2024]. С течением времени роль и функционал сравнения расширялись, что привело к возникновению современного тропа.

Традиционно сравнение трактуют как стилистический прием, предполагающий сопоставление двух объектов и выявление их схожих признаков [Hussein, Sawalha, 2016]. В стилистике в рамках гносеологического подхода (Л.А. Лебедева, В.М. Мокиенко, А.А. Потебня и др.) его

рассматривают в качестве способа познания окружающего мира, а в соответствии с лингвистическим подходом – изучают на фразеологическом, грамматическом и лексическом уровнях языка [Odinaeva, 2018]. И.Р. Гальперин определяет сравнения как стилистический прием, суть которого заключается в сопоставлении двух предметов по определенной черте при обязательном наличии формального выражения сравнения. И.Б. Голуб уточняет, что цель данной операции – художественное описание предмета [Жарикова, 2024]. Сравнению подвергаются заведомо нетождественные объекты, принадлежащие к разным классам, но имеющие некоторый общий признак [Скребнев, 2016].

Описываемый стилистический прием имеет четкую структуру, включающую четыре компонента. Первый – субъект сравнения, тот предмет, который подвергается сравнению. В зарубежных источниках его могут называть «topic» [Fishelov, 1993; Shukhratova, 2024]. Следующим элементом является эталон сравнения, который в иностранной литературе может обозначаться «benchmark» или «vehicle». Так обозначают предмет, с которым сравнивается исходный объект. В структуре сравнения также выделяют основание и маркеры (формальные индикаторы) сравнения [Galperin, 2018]. В английском языке к ним относят единицы «as», «such as», «as if», «like», «seem» и т.д. [Иванова, 2024], то есть специальные слова, по наличию которых можно определить, в каком случае используется именно прием сравнения [Hussein, Sawalha, 2016; Odinaeva, 2018]. Союз «like» считают наиболее продуктивным способом построения сравнений [Reda, 2024]. Основанием сравнения может выступать какое-либо качество предмета, осуществляемое им действие и т.д. [Гальперин, 2016]. В тексте оно может быть представлено как эксплицитно, так и имплицитно, в случаях, если общий признак становится понятным из контекста. Ряд исследователей говорит также о существовании пятого компонента в структуре тропа, а именно его цели [Glucksberg, Haught, 2006; Shukhratova, 2024]. Очередность компонентов сравнения может меняться, иногда один из них может отсутствовать, что создает дополнительную образность и тем самым усиливает эффект тропа [Комаринская, 2025; Fishelov, 1993].

В стилистике существует несколько подходов к классификации сравнений. Так, их подразделяют на образные и безобразные [Odinaeva, 2018]. В первом случае предлагается сравнение двух объектов из разных классов на имплицитном уровне, во втором сопоставляются предметы, принадлежащие к одному классу, само сравнение выражено эксплицитно и не требует дополнительных пояснений [Жарикова, 2024]. Образные сравнения подразделяются на языковые, или устойчивые (то есть те, что обладают постоянной фиксированной формой и употребляются в готовом виде), и авторские, или индивидуальные. В работах по стилистике И.Р. Гальперина безобраз-

ные сравнения получают также название «обычные сравнения». Н.М. Девятова предлагает их дальнейшую классификацию на логические и эталонные. Однако терминологический аппарат в трудах разных ученых может различаться. Например, Д.У. Ашурова выделяет художественные и логические сравнения. Я.Г. Биренбаум говорит об образных и предметно-логических сравнениях. В трактовке Д.Н. Фельдмана эти группы обозначаются как субъективные и объективные [Самигуллина, 2024]. В отечественных и зарубежных трудах образное сравнение называют «simile», а безобразное – «comparison». В зарубежных трудах, например в работах П. Пиерини, встречаются названия устоявшиеся (conventionalized similes) и оригинальные авторские сравнения. Первые являются по своей сути идиоматическими выражениями, а вторые – оригинальными, новыми выражениями. Последние отражают индивидуальное мировосприятие автора, а первые – языковую картину мира конкретной этнической общности [Баранова, 2020]. Одной из разновидностей являются так называемые статические сравнения (static simile), которые представляют собой готовые выражения, вошедшие в узус языка и зачастую зафиксированные в словаре. Подобные обороты не подвергаются изменениям, а используются в готовой форме [Shukhratova, 2024]. Также можем встретить отдельно выделяемое поэтическое сравнение (poetic simile), характерное непосредственно для поэтических работ [Fishelov, 1993]. По структуре различают простые и сложные, то есть развернутые, сравнения [Иванова, 2024]. Также, если основание сравнения выведено недостаточно четко, можно говорить об открытом сравнении (open simile) [Fishelov, 1993].

Сравнения выполняют важную функцию в литературном произведении, в частности в характеристике персонажа, помогая лучше раскрыть его образ. Так, посредством данного тропа можно описать внешний вид героя, его чувства, эмоции, показать его мировоззрение, образ мыслей и систему ценностей [Жарикова, 2024; Shukhratova, 2024]. Изучением способов воссоздания картины мира персонажа и особенностей его мышления (mind style) занимается когнитивная стилистика (cognitive stylistics) [Ulugova, Davurov, Utkamova, 2022]. Отдельного внимания в этом плане заслуживают тексты, написанные от первого лица, так как такой тип повествования позволяет глубже проникнуть в образ мыслей персонажа и лучше понять его внутренний конфликт [Ali, Anees, 2021]. Частным случаем становятся произведения, в которых рассказчиком выступает ребенок дошкольного и младшего школьного возраста, так как писатели, стремясь к стилизации речи своего персонажа, используют стилистические приемы, в том числе сравнения, для репрезентации различных параметров его картины мира. Цель нашей работы – рассмотреть, какие аспекты детского мировосприятия могут изобра-

жаться при помощи сравнений и какие виды данного стилистического приема применяются авторами наиболее часто для репрезентации мировидения ребенка-рассказчика.

В качестве материала исследования мы выбрали два современных англоязычных романа, написанных от лица ребенка младшего школьного возраста. Первый текст, «Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер (2011), написан от лица одиннадцатилетнего мальчика по имени Джейми, описывающего жизнь своей семьи после гибели сестры. Каждый из членов семьи по-своему переживает утрату, в результате чего мальчику приходится в одиночку справляться со своими проблемами. Вторым произведением стал роман «Все потерянные вещи» М. Сакс (2019), в котором рассказчиком выступает семилетняя Долли. Она описывает неделю из своей жизни, а именно их с отцом путешествие по Америке, во время которого она узнает, что ее отец обвиняется в убийстве. Выбранная авторами манера повествования позволяет выявить ведущие черты картины мира ребенка: подверженность влиянию среды, развитое воображение, стремление к познанию мира, анимизм, эмоциональность, мифологичность, эгоцентричность [Королькова, 2024]. Принципиальным моментом является возраст рассказчика. Мы анализируем тексты, где рассказчиками выступают дети младшего школьного возраста, так как на этом этапе их картина мира сохраняет свои уникальные черты, отличающие ее от мировидения взрослого человека.

В процессе работы методом сплошной выборки были выделены случаи использования авторами сравнений разного вида для изображения параметров мировосприятия детей-рассказчиков. В ходе стилистического и лингвистического анализа мы рассмотрели, какие типы сравнений используются в тех или иных ситуациях. Контекстуальный анализ помог интерпретировать выбранные фрагменты в соответствии с сюжетной канвой произведений и определить, какая черта картины мира изображен в каждом конкретном случае. Далее при помощи количественного анализа было установлено соотношение между выделенными сравнениями и выражаемыми с их помощью характеристиками.

Сравнения в качестве объекта исследования были выбраны не случайно. Среди способов создания образа персонажа часто упоминаются метафоры, эпитеты и лексика различных семантических полей [Боровикова, 2026; Culpeper, 2002: Glotova, 2014]. Мы же считаем, что сравнения, будучи одним из наиболее образных тропов, могут выступать маркером картины мира ребенка-рассказчика в художественном тексте, создавая правдоподобные запоминающиеся образы.

Использование сравнений для стилизации картины мира ребенка-рассказчика в романе «Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер. А. Питчер дает подробное описание своего персонажа. Мама Джейми – преподаватель изобразительного искусства. От нее он перенимает

любовь к рисованию, что проявляется в его речи, в том числе в плане используемых стилистических приемов.

Традиционно антропоморфизм детского мировосприятия, склонность к одушевлению окружающих предметов, выражается посредством персонификации [Королькова, 2024], однако в нескольких примерах с этой целью вводятся сравнения: *...my toes feel as though they're in a mousetrap* [Pitcher, 2017, *15*]. Стилистический прием акцентирует неприятные, болезненные ощущения, испытываемые Джейми, сопоставимые с попаданием ноги в мышеловку. При этом глагол «feel» употреблен по отношению к неодушевленному объекту. Аналогичную ситуацию наблюдаем в следующем эпизоде: *My heart growled in my chest like an angry dog* [Pitcher, 2017, *208*]. Ребенок наделяет сердце способностью издавать звуки и испытывать эмоции, в данном случае – злость, сопоставляя подобное поведение с тем, что характерно для раздраженной собаки.

Сравнения не являются типичным способом выражения чувствительности ребенка. Подобные эпизоды становятся скорее исключением и встречаются крайне редко: *...the stars shone in the sky like hundreds of cats' eyes on a dark road...* [Pitcher, 2017, *205*]. Приведенный пример представляет значительный интерес для интерпретации. Джейми соотносит сияние звезд в небе с мерцанием кошачьих глаз в темноте, что создает образное сравнение. Однако кошачьи глаза в качестве эталона сравнения выбраны не случайно. Герой тяжело переживает потерю своего питомца, рыжего кота по кличке Роджер. Чувство вины мальчика обостряется осознанием, что он сам выгнал кота на улицу, уехал, не попрощавшись с ним, и не смог помочь другу в минуту опасности. В результате образ надолго закрепляется в сознании ребенка и любое событие напоминает ему об этом горе.

Сравнения также оказываются эффективным стилистическим приемом для отражения влияния среды на ребенка. Эту функцию в большинстве примеров выполняют безобразные сравнения: *Feeling like Wayne Rooney, I signed my name and made it all squiggly like an autograph* [Pitcher, 2017, *22*]. Приведенная цитата содержит сразу два безобразных сравнения. В первом проявляется желание героя быть похожим на английского футболиста и тренера Уэйна Руни, а во втором – стремление подражать ему во всем. Получая посылку, ребенок представляет себя знаменитостью и делает свою подпись максимально похожей на автограф. Отмеченные тропы говорят о влиянии медиасреды на детское мировосприятие. Похожую ситуацию мы наблюдаем в следующем контексте: *The hairs on her mole stood to attention like those soldiers in army films* [Pitcher, 2017, *52*]. Приведенный пример содержит два стилистических приема, выражающих две характеристики картины мира Джейми: антропоморфизм и влияние СМИ. Первая изображается при по-

мощи персонификации, вторая – через образное сравнение: герой сравнивает волоски на родинке учительницы с солдатами в военных фильмах, которые он, очевидно, смотрел и хорошо запомнил.

Роль среды также подразумевает воздействие окружающих взрослых, в частности членов семьи: *…her lips made a thin line as if someone had drawn them with a very sharp pencil* [Pitcher, 2017, *91*]. Джейми сравнивает губы своей подруги Суньи с тонким карандашным рисунком, что может быть проявлением влияния мамы. Похожее сравнение применяется ребенком в следующей ситуации: *Her words sounded empty, as if they were written with a very thin pencil on a big piece of paper and there was too much space inside all the letters* [Pitcher, 2017, *184*]. После долгого отсутствия мама приезжает на выступление к детям и после концерта подходит похвалить их за усилия. Однако Джейми не замечает в ее словах должных нежности и теплоты, сравнивая эту пустоту с незаполненными частями рисунка, выполненного тонким карандашом. Приведенный эпизод ценен тем, что маркирует сразу две черты детской картины мира: роль семьи в ее формировании и чувствительность ребенка.

Чаще всего сравнения помогают автору изображать развитое воображение персонажа: *She glared at Daniel with her bright bright eyes and all the sparkle had turned as sharp as broken glass* [Pitcher, 2017, *34*]. Подобным образом герой описывает злость и раздражение во взгляде Суньи по отношению к Дэниэлу, однокласснику, который постоянно задирает ее и Джейми. В этом случае взгляд девочки был острым и резким, напомнившим рассказчику осколки стекла. Подобные тропы используются персонажем в разных ситуациях: *The tap of Dad's fingers on the dashboard sounded like a horse galloping* [Pitcher, 2017, *45*]. Основанием сравнения в данной ситуации становится ритмичность, с которой отец Джейми стучит пальцами по панели приборов, что напоминает мальчику звук копыт скачущей лошади.

Таким образом, сравнения являются распространенным способом репрезентации картины мира ребенка-рассказчика в романе «Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер и отражают разные аспекты мировосприятия одиннадцатилетнего героя.

Сравнения как маркер картины мира ребенка в романе «Все потерянные вещи» М. Сакс. М. Сакс в своем произведении тоже стремится к созданию реалистичного образа ребенка, а потому уделяет существенное внимание отражению особенностей мировоззрения девочки, в частности через сравнения. Отметим, что большую роль в воспитании Долли играет мама, и это также отражается в ее мировосприятии.

Случаи изображения антропоморфизма с помощью сравнений единичны: *It [the bed] squeaked and squished in the middle like it was one hundred years old and dying of tuberculosis* [Sacks, 2019]. Ребенок находит сходство

между скрипом кровати и голосом старого больного человека, что выражается безобразным сравнением. В то же время глагол «squeak» используется по отношению к неодушевленному существительному, что создает эффект персонификации. Соответственно, данная ситуация объединяет сразу два стилистических приема и может дополнительно маркировать развитое воображение персонажа.

М. Сакс также обращается к безобразным сравнениям при воссоздании мифологичности картины мира Долли, то есть ее веры в сверхъестественное [Королькова, 2024]: *...I saw the face at the window like a ghost*; *The bad dream vanished like magic* [Sacks, 2019]. Эталоном сравнения выступают существительные «ghost» и «magic», являющиеся частью семантического поля «сверхъестественное». Отражение в окне напоминает девочке привидение, а плохой сон быстро забывается, что заставляет ребенка подумать о вмешательстве волшебных чар.

В некоторых эпизодах сравнения маркируют эмоциональность и чувствительность ребенка. Например, с их помощью может отражаться удивление девочки: *The bed was gigantic, like an island made out of a mattress but only for me* [Sacks, 2019]. Данный эпизод можно расценивать как пример образного сравнения, так как оно создает достаточно яркий образ. Кровать в гостиничном номере кажется Долли настолько огромной, что она даже сравнивает ее с островом. Можем предположить, что героине впервые отводится такое большое спальное место, что становится причиной ее удивления. Аналогичную ситуацию мы видим в следующем эпизоде: *Inside, the Walmart was as big as a whole city…* [Sacks, 2019]. Долли оказывается внутри большого торгового центра, поражающего ее воображение. Свой восторг и удивление ребенок выражает через простое образное сравнение, сопоставляя магазин с большим городом. Становится очевидно, что девочка не привыкла посещать такие большие торговые центры. Это подтверждается самим сюжетом романа. Долли с родителями живут в маленьком городке, где нет высотных домов и крупных магазинов, а потому поездки в центральные города, типа Нью-Йорка, становятся чем-то необычным для героини.

Интересно, что М. Сакс прибегает к сравнениям при изображении эгоцентричности Долли, черты, предполагающей уверенность ребенка в собственной исключительности. В одном из примеров с этой целью вводится образное сравнение: *He [Dad] touched my forehead, stroking it gently like I was a very delicate baby bird* [Sacks, 2019]. Первые несколько дней пути были для героини крайне неудачными: отец почти не обращал на нее внимания, и к тому же она заболела. Теперь девочка считает себя вправе претендовать на всю отцовскую заботу, сопоставляя себя с птенчиком, обращение с которым требует особой внимательности и осторожности. Данный эффект усиливается эпитетом «delicate». Эгоцентричность детского мировосприятия также выражается безобразными сравнениями: *Mom is very good*

at dancing, just like me… [Sacks, 2019]. Приведенный фрагмент крайне интересен для интерпретации. Анна, мама девочки, хотела стать актрисой, а потому считала танцы одним из обязательных занятий. Именно она научила дочь танцевать и поощряла ее занятия балетом. В приведенной ситуации Долли действительно высоко отзывается о танцевальном мастерстве мамы, но ставит себя в качестве эталона сравнения, как если бы она научила маму танцевать. Подобная расстановка акцентов говорит о желании ребенка занимать главенствующую позицию и находиться в центре внимания.

Безобразные сравнения также становятся одним из маркеров влияния среды на картину мира героини. Одно из них возникает, когда Долли с отцом проезжают по незнакомому городу: *It was funny-looking, like an olden-day town from the movies…* [Sacks, 2019]. Своим видом он напоминает ребенку один из тех городов, что она видела в фильмах. Данный пример наглядно демонстрирует влияние кинематографа на детское мировосприятие. Аналогичная ситуация представлена в следующем эпизоде: *We passed by a row of houses, and some of them were fancy like from a TV show where a big family lives inside one house and laughs a lot…* [Sacks, 2019]. Вид домов вызывает у Долли ассоциации с одной из просмотренных ранее телевизионных передач, что она выражает развернутым сравнением. Помимо медиасреды влияние на детскую картину мира оказывают члены семьи, в особенности – мама: *He broke them right in his hand, without cracking them on the side of the bowl like Mom does* [Sacks, 2019]. В описываемой ситуации девочка наблюдает за тем, как их новый знакомый Хэнк готовит яичницу. Подсознательно ребенок начинает сравнивать его манеру с манерой мамы, отражая наблюдения в простом безобразном сравнении.

Сравнения также активно применяются для иллюстрации развитого воображения персонажа. В основном с этой целью используются образные сравнения: *...giving me a hundred soft kisses so it feels like angels are batting their wings against my cheek* [Sacks, 2019]. В выделенной ситуации Долли вспоминает, как мама вечером заходила к ней комнату, чтобы поцеловать перед сном. Эталоном сравнения является фраза «крылья ангелов», что помогает выстроить красочный и одновременно нежный образ, подчеркнуть любовь девочки к маме. Данный стилистический прием также помогает героине описывать окружающие предметы, например Клеместу, любимую игрушечную лошадку: *It [her hair] was as soft as velvet* [Sacks, 2019]. Девочка сопоставляет гриву с бархатом, подчеркивая свою привязанность к игрушке. В нескольких случаях детское воображение передается через безобразные сравнения: *The sky was very blue and very high, like it stretched all the way to outer space* [Sacks, 2019]. Бескрайнее голубое небо привлекает воображение Долли, заставляя ее составлять всевозможные гипотезы. В приведенной ситуации героиня использует собственные знания, чтобы объяснить увиденной, дав этому логическое обоснование.

Можно заключить, что сравнения в романе «Все потерянные вещи» М. Сакс помогают изображать разные аспекты картины мира семилетнего ребенка, делая образ персонажа более правдоподобным.

Количественный анализ полученных данных. В ходе анализа произведений «Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер и «Все потерянные вещи» М. Сакс нами было выделено 97 примеров использования сравнений для репрезентации картины мира ребенка-рассказчика. Результаты представим в виде таблицы.

Таблица 1

Сравнение как маркер картины мира ребенка-рассказчика

Параметр картины мира	«Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер	«Все потерянные вещи» М. Сакс
Развитое воображение	**31**	18
Влияние среды	**17**	16
Эмоциональность и чувствительность	2	**4**
Антропоморфизм	**2**	1
Мифологичность	–	**2**
Эгоцентричность	–	**4**

В романе А. Питчер сравнения в качестве маркеров картины мира ребенка фигурируют 52 раза, в тексте М. Сакс – 45 раз, то есть авторы обращаются к данному стилистическому приему примерно с одинаковой частотностью. В обоих текстах сравнения помогают изобразить развитое воображение детей, однако в речи мальчика они с этой целью применяются почти в два раза чаще. На втором месте по количеству выявленных примеров стоит влияние среды на мировосприятие детей, здесь случаи использования сравнений встречаются почти одинаковое количество раз. В мировосприятии мальчика данный троп может также выражать эмоциональность и склонность ребенка к антропоморфизму. Однако число подобных примеров по сравнению с двумя предыдущими категориями достаточно мало. В картине мира девочки сравнения служат для стилизации большего количества аспектов. Так, помимо эмоциональности и антропоморфизма, они отражают эгоцентричность персонажа и мифологичность ее мировидения. Тем не менее встречаются подобные эпизоды крайне редко. Можем сделать вывод, что сравнения могут становиться маркером картины мира ребенка-рассказчика в художественном тексте. В таких случаях они применяются для стилизации развитого воображения детей и влияния окружающих на их восприятие действительности.

В процессе работы мы сталкивались с сравнениями разных видов, включая образные, безобразные, развернутые и простые. Отметим, что влияние среды чаще передается при помощи безобразных сравнений (comparisons), в то время как развитое воображение – через образные сравнения (similes). Структура тропа зависит от сюжетной канвы произведения:

уровня развития ребенка, его интересов, происхождения и образа жизни. Субъект, эталон и основание сравнения определяются жизненным опытом героя, то есть авторы учитывают реальные психолингвистические особенности детей данной возрастной категории и выбирают компоненты тропа сообразно уровню развития и сфере интересов своих персонажей.

Подведем итоги.

Сравнение является одним из часто встречающихся в художественных текстах стилистических приемов и может применяться для репрезентации особенностей картины мира ребенка-рассказчика. Использование данного тропа позволяет делать образ персонажа более приближенным к реальности и, как следствие, более правдоподобным. Разные авторы обращаются к сравнениям в своих текстах с целью воссоздать мировосприятие персонажей-детей разных полов. Это позволяет говорить об определенной закономерности и предположить, что сравнение может выступать в качестве универсального маркера картины мира персонажа-ребенка в литературе.

Данное исследование имеет перспективы дальнейшей разработки, так как можно рассмотреть подобные произведения других авторов, что поможет подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу о роли сравнения как маркера детской картины мира. Кроме того, могут быть проанализированы иные стилистические приемы с позиции их функций при создании образа персонажа-ребенка, а именно репрезентации его картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Баранова Т.М. Типология индивидуальных образных сравнений с позиции их восприятия реципиентом в аспекте перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 5. С. 274–280. DOI: 10.30853/filnauki.2020.5.54.

Боровикова Ю.В. Языковые средства создания портретной характеристики на материале языковых особенностей прозаических произведений А.П. Чехова // Молодой ученый. 2026. № 1(604). С. 302–305.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. Опыт систематизации выразительных средств. М.: Либроком, 2016. 376 с.

Жарикова И.А. Специфика использования образных сравнений в романах Тони Моррисон «Милосердие» и «Боже, храни мое дитя» // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 4(68). С. 143–156. DOI: 10.35785/2072-9464-2024-68-4-143-157.

Иванова А.В. Роль сравнения в описании героев в романе Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2024. № 3. С. 45–48.

Комаринская А.С. Структурно-семантическая соотносительность устойчивых сравнений и устойчивых метафор с образами насекомых // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2025. Т. 17, № 3(75). С. 206–220.

Королькова А.В. Особенности картины мира ребенка (на материале романов «Мальчик Кирон Смит» Дж. Келмана и «Моя сестра живет на каминной полке» А. Питчер) // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 5. С. 77–86. DOI: 10.58224/2618-7175-2024-5-77-86.

Николина Н.Н. Олицетворение в речи рассказчика-ребенка (на примере романов «Room» Э. Донохью и «All the Lost Things» М. Сакс) // Вестник Пермского университета.

Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, № 4. С. 89–99. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-4-89-99

Самигуллина А.С. К вопросу о разграничении понятий «метафора», «метафорическое сравнение», «сравнение» в современной лингвистике // Казанская наука. 2024. № 1. С. 190–192.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: учеб. пособие для студентов и аспирантов филол. специальностей. М.: Флинта, 2016. 240 с.

Ali A., Anees M., Farooq A., Iqbal L., Husamullah G.H., Khan A. Cognitive Stylistic Approach to Characterisation in «Miss Brill» by Katherine Mansfield // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2021. Vol. 15, № 5. P. 1067–1076.

Culpeper J. A Cognitive Stylistic Approach to Characterisation // Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 251–277. DOI:10.1075/lal.1.13cul.

Fishelov D. Poetic and Non-Poetic Simile: Structure, Semantics, Rhetoric // Poetics Today. 1993. Vol. 14, № 1. P. 1–23. DOI: 10.35785/2072-9464-2024-68-4-143-157.

Galperin I.R. English Stylistics. M.: LIBROCOM, 2018. 336 p.

Glotova E. The Suffering Minds: Cognitive Stylistic Approach to Characterization in «The Child-Who-Was-Tired» by Katherine Mansfield and «Sleepy» by Anton Chekhov // Theory and Practice in Language Studies. 2014. Vol. 4, № 12. P. 2445–2454. DOI:10.4304/tpls.4.12.2445-2454.

Glucksberg S., Haught C. On the Relation Between Metaphor and Simile: When Comparison Fails // Mind & Language. 2006. № 21(3). P. 360–378.

Hussein F.R., Sawalha M. A Corpus-based Study of Similes in British and American English // Arab World English Journal. 2016. № 7. P. 49–60. DOI: 10.24093/awej/vol7no2.4.

Odinaeva N.L. The Meaning of Metaphor and Simile // Теория и практика современной науки. 2018. № 4(34). С. 77–80.

Pitcher A. My Sister Lives on the Mantelpiece. UK: Hodder and Stoughton, 2017. 256 p.

Reda G. Like-simile and metaphor in cooperation: from expressing similarities to expressing contrasts // Language and Semiotic Studies. 2024. Vol. 10, № 4. P. 504–544. DOI: 10.1515/lass-2024-0036.

Sacks M. All The Lost Things. NY: Little, Brown and Company, 2019.

Shukhratova Y. The Role of Simile, Static Simile, Metaphor and Comparison in Uzbek Linguistics // European Journal of Literature and Linguistics. 2024. № 4. P. 15–19. DOI: 10.29013/EJLL-23-2.3-15-19.

Ulugova S.S., Davurov H.S., Utkamova M.X. Cognitive-Stylistic Aspects of the Actualization of Metaphor in a Feminist Fiction Text (Based on the Novel «Jane Eyre») // Journal of Positive School Psychoology. 2022. Vol. 6, № 4. P. 4095–4101.

A.V. Korolkova
Senior Lecturer,
Chair of the English Language and Translation,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Simile as a Tool for Representing the Worldview of a Child-Narrator in Modern English Fiction

The article explores the possibility of using similes and comparisons to stylize the worldview of a child-narrator in modern English fiction. In the course

of analysis of the novels «My Sister Lives on the Mantelpiece» by A. Pitcher and «All the Lost Things» by M. Sacks by means of continuous sampling method we highlighted the contexts representing various aspects of children's worldview with the help of similes and comparisons. Stylistic and linguistic types of analysis made it possible to determine types of similes and comparisons used by the authors. Contextual analysis helped to establish traits of the child's worldview that can be marked by this stylistic device. The results of the quantitative analysis state that similes were more frequently used by the writers to depict rich imagination of the children-narrators, while comparisons were applied to stylize the influence of the environment on their worldview. Other characteristics of the child's worldview are rarely shown via this stylistic device, though such examples were also highlighted in the novels analyzed. It was concluded that similes and comparisons are an effective means of representing the worldview of a child-narrator in literature. The fact that different authors resort to identical ways of stylizing lets us suggest the existence of a certain pattern.

Keywords: *child-narrator; worldview; stylistics; stylizing; similes; comparisons; «My Sister Lives on the Mantelpiece» by A. Pitcher; «All the Lost Things» by M. Sacks.*

REFERENCES

Baranova T.M. The typology ofiIndividual similes from the point of their perception by the recipient in the aspect of translation [Tipologiia individual'nykh obraznykh sravnenii s pozitsii ikh vospriiatiia retsipientom v aspekte perevoda]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 274–280 (in Russian).

Borovikova Iu.V. Language means of creating the portrait characteristic based on the language peculiarities of A.P. Chekov's prose [Iazykovye sredstva sozdaniia portretnoi kharakteristiki na materiale iazykovykh osobennostei prozaicheskikh proizvedenii A.P. Chekhova]. *Young scientist*, 2026. No. 1 (604). Pp. 302–305 (in Russian).

Gal'perin I.R. Notes on English Stylistics. The Experience of Systemizing Stylistic Devices [Ocherki po stilistike angliiskogo iazyka. Opyt sistematizatsii vyrazitel'nykh sredstv]. Moscow: Librokom, 2016. 376 p. (in Russian).

Zharikova I.A. The Specifics of the Usage of Similes in the Novels «Mercy» and «God help the child» by T. Morrison [Spetsifika ispol'zovaniia obraznykh sravnenii v romanakh Toni Morrison «Miloserdie» i «Bozhe, khrani moe ditia»]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2024. No. 4 (68). Pp. 143–156. DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-143-157 (in Russian).

Ivanova A.V. The Role of Simile in the Description of Characters in «The Forsytes Saga» by J. Galsworthy [Rol' sravneniia v opisanii geroev v romane Dzh. Golsuorsi «Saga o Forsaitakh»]. *Current Issues in Germanic, Romance, and Russian Studies*, 2024. No. 3, Pp. 45–48 (in Russian).

Komarinskaia A.S. Structural and Semantic Correlation of Stable Comparisons and Stable Metaphors with Images of Insects [Strukturno-semanticheskaia sootnositel'nost' ustoichivykh sravnenii i ustoichivykh metafor s obrazami nasekomykh]. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*, 2025. Vol. 17. No. 3 (75). Pp. 206–220 (in Russian).

Korol'kova A.V. The Peculiarities of Children's Worldview (as Exemplified in the Novels «Kieron Smith, Boy» by J. Kelman and «My Sister Lives on the Mantelpiece» by A. Pitcher) [Osobennosti kartiny mira rebenka (na materiale romanov «Mal'chik Kiron Smit» Dzh. Kelmana i

«Moia sestra zhivet na kaminnoi polke» A. Pitcher)]. *Advances in the humanities*, 2024. No. 5. Pp. 77–86. DOI 10.58224/2618-7175-2024-5-77-86. (in Russian).

Nikolina N.N. Personification in the Speech of a Child Narrator (A Case Study of Novels «Room» by E. Donoghue and «All the Lost Things» M. Sacks) [Olitsetvorenie v rechi rasskazchika-rebenka (na primere romanov «Room» E. Donokh'iu i «All the Lost Things» M. Saks)]. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 89–99. DOI 10.17072/2073-6681-2021-4-89-99 (in Russian).

Samigullina A.S. To the Problem of Distinguishing Between «Metaphor», «Metaphorical Comparison», «Comparison» in Modern Linguistics [K voprosu o razgranichenii poniatii «metafora», «metaforicheskoe sravnenie», «sravnenie» v sovremennoi lingvistike]. Kazan Science, 2024. No. 1. Pp. 190–192 (in Russian).

Skrebnev Iu.M. Notes on the Theory of Stylistics [Ocherk teorii stilistiki: Ucheb. posobie dlia studentov i aspirantov filol. spetsial'nostei]. Moscow: Flinta, 2016. 240 p. (in Russian).

Ali A., Anees M., Farooq A., Iqbal L., Husamullah G.H., Khan A. Cognitive Stylistic Approach to Characterisation in "Miss Brill" by Katherine Mansfield. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2021. Vol. 15. No. 5. Pp. 1067–1076 (in English).

Culpeper J. A Cognitive Stylistic Approach to Characterisation. *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. Pp. 251–277. DOI:10.1075/lal.1.13cul (in English).

Fishelov D. Poetic and Non-Poetic Simile: Structure, Semantics, Rhetoric. *Poetics Today,* 1993. Vol. 14. No. 1. Pp. 1–23. DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-143-157 (in English).

Galperin I.R. English Stylistics. Moscow: KD «LIBROCOM», 2018. 336 p. (in English).

Glotova E. The Suffering Minds: Cognitive Stylistic Approach to Characterization in “The Child-Who-Was-Tired” by Katherine Mansfield and “Sleepy” by Anton Chekhov. *Theory and Practice in Language Studies,* 2014. Vol. 4. No. 12. Pp. 2445–2454. doi:10.4304/tpls.4.12.2445-2454 (in English).

Glucksberg S., Haught C. On the Relation Between Metaphor and Simile: When Comparison Fails. *Mind & Language*, 2006. No. 21 (3). Pp. 360–378 (in English).

Hussein F.R., Sawalha M. A Corpus-based Study of Similes in British and American English. *Arab World English Journal,* 2016. No. 7. Pp. 49–60. Available at: https://dx.doi.org/10.24093/awej/vol7no2.4. (in English).

Odinaeva N.L. The Meaning of Metaphor and Simile. *Theory and Practice of Modern Science,* 2018. No. 4 (34). Pp. 77–80 (in English).

Pitcher A. My Sister Lives on the Mantelpiece. UK: Hodder and Stoughton, 2017. 256 p. (in English).

Reda G. Like-simile and metaphor in cooperation: from expressing similarities to expressing contrasts. *Language and Semiotic Studies,* 2024. Vol. 10. No. 4. Pp. 504–544. DOI 10.1515/lass-2024-0036 (in English).

Sacks M. All The Lost Things. NY: Little, Brown and Company, 2019 (in English).

Shukhratova Y. The Role of Simile, Static Simile, Metaphor and Comparison in Uzbek Linguistics. *European Journal of Literature and Linguistics,* 2024. No.4. Pp. 15–19. Available at: https://doi. org/10.29013/EJLL-23-2.3-15-19 (in English).

Ulugova S.S., Davurov H.S., Utkamova M.X. Cognitive-Stylistic Aspects of the Actualization of Metaphor in a Feminist Fiction Text (Based on the Novel "Jane Eyre"). *Journal of Positive School Psychology*, 2022. Vol. 6. No. 4. Pp. 4095–4101 (in English).

А.В. Шитикова

Московский государственный институт международных отношений МИД России
Москва, Россия

УДК 81'22 + 811.11

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-135-148

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: *семантически трансформированные пословицы; функциональные особенности пословиц; коммуникативно-прагматический потенциал преобразованных пословиц; структурно-семантические трансформации пословиц.*

Цель исследования – выявить особенности практического использования структурно-семантически модифицированных немецких пословиц в публицистическом дискурсе Германии. В теоретической части статьи дается определение публицистики, описываются ее цели, задачи и важнейшие характеристики, а также функционирование пословичного фонда в публицистическом дискурсе; даны виды семантических трансформаций. В эмпирической части приведены примеры семи структурно-семантически преобразованных немецких пословиц (Einem geschenkten Gaul schaut man nicht ins Maul, Lügen haben kurze Beine, Morgenstunde hat Gold im Munde, Alte Liebe rostet nicht, Über Geschmack lässt sich nicht streiten, Viele Köche verderben den Brei, Jeder seines Glückes Schmied), обозначены цели их использования в публицистических статьях. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материале трансформированных вариантов представленных пословиц выявлены типы формальных изменений их структуры, установлено их функционирование в публицистическом дискурсе для достижения успешной коммуникации. В результате исследования выделены функциональные особенности семи немецких модифицированных пословиц с учетом их локации и коммуникативной ситуации, которая оказывает влияние на выбор языковых средств при реализации интенции автора.

Актуальность темы исследования обусловлена активными преобразованиями пословиц в публицистике в связи с динамичными изменениями в обществе в последние годы, все более возрастающим интересом к видам модифицирования пословиц, к прагматическому функционированию именно трансформированных форм народной мудрости. В своих статьях журналисты используют язык с преобразованиями на разных уровнях. Пуб-

лицистика является площадкой для творческого применения языка с определенными стандартами коммуникативной и интерактивной стратегии: четкое и понятное выражение мысли при экономии языковой деятельности, экспрессивность передачи информации. С этой целью в публицистический дискурс приходят пословицы не только в конвенциональной, но и в модифицированной форме.

Для достижения указанной цели исследования решены следующие **задачи**: отобран лексический материал, релевантный цели исследования; выделены прагматические цели и особенности реализации данных пословиц в публицистических статьях и определены их функциональные особенности.

Материалом для данного исследования послужили семь популярных немецких пословиц: *Einem geschenkten Gaul schaut man nicht ins Maul,* Lügen haben kurze Beine, Morgenstunde hat Gold im Munde, Alte Liebe rostet nicht, *Über Geschmack lässt sich nicht streiten*, *Viele Köche verderben den Brei, Jeder seines Glückes Schmied*, а также публицистические статьи в средствах массовой информации Германии, охватывающие разные актуальные темы. Предмет исследования – типы трансформаций семи вышеуказанных немецких пословиц в публицистическом дискурсе, а также их функционирование в статьях. Для исследования отобрано и проанализировано 16 примеров, десять из которых представлены в данной статье.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие **методы** лингвистического исследования: метод лингвистического описания, с помощью которого можно интерпретировать, обобщать, сопоставлять, классифицировать функциональные возможности вышеуказанных пословиц; метод семантического анализа, который позволил выявить закономерности отношений между семантикой изучаемых единиц и формой их выражения; метод ситуативно-контекстуального анализа, который учитывает ситуативную детерминацию пословицы.

Для решения поставленных задач была использована **теоретическая база**, представленная трудами, в которых рассматриваются теоретические основы публицистического дискурса [Шилина, 2014; Каминский, 2007; Вишневский, 2014; Тепляшина, 2000], описываются основные способы функционирования пословиц и поговорок [Кунин, 1996; Пермяков, 2001], а также виды трансформаций пословичных текстов [Mieder, 2004; Третьякова, 2011; Федуленкова, 2016]. Публицистический дискурс представлен текстами и статьями в средствах массовой информации, имеет прагматическое значение воздействия на читателя и выражает отношение автора к описываемой информации. Для этого журналисты используют неординарные языковые средства, например пословицы не только в оригинальном, но и в модифицированном виде. Вышеуказанные авторы описывают типы семантических трансформаций, к которым относятся субституция, редуцирование, экспликация. И в зависимости от их локации они дополнительно реализуют разные

функции, но при этом всегда играют эмоционально-экспрессивную и орнаментальную роли, как указывают А.В. Кунин и Л.Г. Пермяков.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по теоретическому, германскому языкознанию, а также при составлении курсов по фразеологии для более полного понимания «механизмов восприятия чужой культуры в контексте национальной нормативно-узуальной парадигмы» [Цветков, 2025, *184*].

Современные средства массовой информации не только оказывают колоссальное влияние на формирование восприятия мира широкой аудитории, но и диктуют правила языка, то есть определяют культуру речи. В получении информации тексты и статьи публицистического дискурса играют первостепенную роль. Публицистику П.П. Каминский определяет как «тип высказывания, в котором максимально развернуто такое свойство мышления и коммуникативной ситуации, как публицистичность, т.е. прямое выражение мысли автором высказывания» [Каминский, 2007, *98*]. Б.Л. Вишневский, опираясь на А.Н. Тепляшину [Тепляшина, 2000, *6*], определяет публицистику как деятельность субъекта и как «убеждающую коммуникацию» [Вишневский, 2014, *78*]. Таким образом, характерной чертой публицистики является «способ общественной деятельности», которая реализуется оригинальными методами посредством коммуникационных каналов. Публицистический дискурс носит прагматический характер, а именно: посредством эмоционального воздействия автор старается убедить читателя или побудить его к (нужному) действию [Каминский, 2007]. О все более возрастающей роли современного журналиста как автора, который выступает в качестве «общественно-политического деятеля, и исследователя, и художника» [Шилина, 2014, *68*], который должен уметь не только привлекать, убеждать, но и побуждать как логически, так и эмоционально, говорит и М.Г. Шилина. При определении публицистичности как типа произведений, «посвященных актуальным вопросам и явлениям текущей жизни общества и содержащих фактические данные о ее различных сторонах, оценки с точки зрения социального идеала автора, а также представления о путях и способах достижения выдвинутых целей» [Шилина, 2014], можно выделить непростую задачу публицистики, заключающуюся в комплексном представлении явлений, событий современности в определенном стиле, который предполагает сочетание логически изложенных и рационально проанализированных фактов, с одной стороны, и их художественного описания – с другой. Аргументация при этом должна быть объективной, убедительной и обоснованной [Тепляшина, 2000, *4*].

Таким образом, все вышеуказанные авторы едины в том, что основные цели и задача публицистики – убеждение, привлечение и побуждение к действиям, мыслительным или физическим.

Для достижения этих целей авторы используют языковые средства, характеризующиеся эмоциональностью, экспрессивностью, колоритностью. Пословицы не только привлекают внимание читателя, но и вовлекают его в коммуникацию, поскольку, во-первых, ее основой является прецедентный (знакомый) текст; во-вторых, метафора, положенная в основу пословицы, «позволяет обнаруживать в языке новые возможности передачи мыслей и чувств… и посредством метафоры складывается и новая система правил кодирования информации» [Белютин, 2024, *149*].

Пословицы, как и другие языковые средства, полифункциональны. Функции делятся на основные и второстепенные. К основным относятся информирующая и коммуникативная. Эти две функции тесно связаны между собой, так как, с одной стороны, целью любого высказывания является выстраивание коммуникации, то есть обмен информацией; с другой – любое изречение несет в себе информацию. В современном мире адресант и реципиент, участники коммуникации, могут быть разделены во временном и пространственном измерениях.

В пословичном тексте информация часто передается в виде правила или назидания. И с этими характеристиками пословицы связана ее оценочная функция. Поскольку в каждой пословице заключен и представлен опыт народа в каком-либо вопросе, ситуативное употребление сентенции не только информирует читателя, но и как бы анализирует и определяет правильность представленной информации. Пословичное изречение, являясь правилом или назиданием, выражено кратко, в одном предложении. В этом заключена его кумулятивная функция. При экономии языковых средств передается опыт, знания, возможно, и умения многих поколений целого народа. Эти второстепенные функции языковых средств для пословиц можно назвать основными, так как они являются основой самой сути высказывания, заложенного в пословичном тексте.

К дополнительным функциям народных мудростей относятся следующие функции: развлекательная и орнаментальная [Пермяков, 2001, *158*]. Действительно, пословица является украшением любого высказывания. Украшение, то есть эстетическое оформление речи, связано с экспрессивной и эмотивными функциями. Посредством пословичного текста автор не только эмоционально окрашивает высказывание, выражает настроение, чувство и эмоции, но и передает субъективное отношение к описываемым им событиям, явлениям.

К прагматическим функциям пословичных текстов можно отнести следующие: прогностическую, или аксиологическую, антиципирующую, регулятивную, резюмирующую, аргументирующую, обобщающую. Причем прогностическая, антиципирующая, резюмирующая, обобщающая и отчасти аргументирующая функции напрямую связаны с локацией. Так, появление пословицы в заголовке активизирует воображение читателя, предоставляя ему возможность пофантазировать, представить себе и спрогнозировать

развитие событий, описанных в статье. Таким образом, реализуются антиципирующая и прогностическая функции [Кунин, 1996, *111–119*].

Часто журналисты используют пословицу и как подведение итогов всего вышесказанного. Как правило, в таких случаях она появляется либо в конце определенной части статьи, сопровождающейся своим подзаголовком, либо в конце самой статьи. И тогда пословичный текст реализует резюмирующую функцию.

Локация пословицы в конце определенной части статьи, сопровождающейся своим подзаголовком, или в конце целого высказывания актуализирует аргументирующую функцию пословицы. Она реализуется в случае, когда автор, представляя какую-либо информацию, явление или событие, подкрепляет свою точку зрения, мнение пословицей.

Появление сентенции несколько раз в статье актуализирует обобщающую функцию. Часто это происходит в начале статьи либо в ее первой части, затем – в середине или ближе к заключительной части. Иногда пословица появляется в статье трижды. Примечательно, что формы могут быть не только одинаковыми, например два раза оригинальными, но и разными: конвенциональной, вариантной, трансформной. То есть пословицей автор синтезирует всю выше представленную в статье информацию.

Регулирующая, или регулятивная, функция призвана направлять, регулировать сознание или даже поведение или действия адресата, как бы представляя их предполагаемую модель и являясь в речи самоцелью.

Все вышеуказанные функции выполняют и трансформированные пословицы: авторы публикаций заменяют слова в традиционных выражениях и создают новый текст, содержащий другой смысл. Видоизменённые пословицы и поговорки, которые делают выражение образнее, экспрессивнее, придают ему остроту и новизну. То есть орнаментальная и эмоционально-экспрессивная функция усилены в несколько раз. Более того, именно модифицированные пословицы с изменением смысла иногда выявляют и подчеркивают ироничный характер ситуации, явления, суждения, описания, представленных в статье.

Трансформы, или семантически модифицированные формы пословиц, являются «стилистическим инструментом современных СМИ, повышающим общую экспрессивность и прагматический потенциал медиадискурса» [Саушева, 2023, *43*]. Они образуются, как правило, заменой одного из компонентов пословичного текста на слово, противоположное по смыслу, или слово свободного употребления. Таким образом, первоначальная семантическая основа пословицы меняется кардинально и подгоняется под ситуацию, что позволяет авторам медийных текстов изменять смысл ситуации в своих интересах [Абакумова, Проскурякова, 2025, *22*]. Трансформированные пословицы переосмысливают суть оригинальной и ее «мораль в контексте современности, усиливая или отрицая изначально заложенную истину» [Тарасова, 2023, *173*]. Часто такие преобразования сопровождаются ломкой структуры пословичного

текста: он расширяется или, наоборот, сокращается. Самым частотным и простым способом образования трансформа является сокращение или добавление отрицательной частицы или отрицательного слова.

В данной статье рассматривается функционирование семи популярных немецких пословиц: *Einem geschenkten Gaul schaut man nicht ins Maul, Lügen haben kurze Beine, Morgenstunde hat Gold im Munde, Alte Liebe rostet nicht, Über Geschmack lässt sich nicht streiten, Viele Köche verderben den Brei, Jeder seines Glückes Schmied* [Duden, 2013] – в трансформированной форме. В русском языке существуют эквиваленты: *Дареному коню в зубы не смотрят; На лжи далеко не уедешь; Кто рано встает, тому Бог подает; Старая любовь не ржавеет; О вкусах не спорят; У семи нянек дитя без глазу; Всяк кузнец своего счастья сам* [Граф, 1997].

Так, например, статья «Einbrecher will nicht stehlen, sondern sich umbringen»[1] (досл.: Грабитель не хочет воровать, он хочет покончить с собой – здесь и далее перевод выполнен автором статьи) начинается с семантически модифицированной пословицы *Morgenstund' hat nicht immer Gold im Mund* (досл.: Утренний час имеет не всегда золото в устах). В пословицу добавлены два компонента: отрицательная частица *nicht* (не) и наречие *immer* (всегда). В статье речь идет о том, что строительство крепости в Гермерсхайме в 1830-х и 1840-х годах привлекло в город множество рабочих и ремесленников, некоторые из них приезжали не с честными намерениями. Так, один поденщик пробрался рано утром в дом одного из строителей крепости, но был схвачен полицией. В данном контексте пословица была бы уместна в конце повествования, как резюме вышеописанного. Однако автор поместил пословицу в самое начало статьи. И, использовав яркое и знакомое языковое средство, сразу привлек внимание читателя к тексту. А пословица выполнила прогностическую функцию, дав волю читателю вообразить или спрогнозировать события в статье.

Также трансформации, связанные с отрицанием и структурными преобразованиями, представлены в следующих двух примерах.

В статье с названием «Dem geschenkten Gaul auch mal ins Maul schauen»[2] (досл.; Дареному коню посмотреть-ка также в пасть) речь идет о бесплатном проведении новой молодой компанией высокоскоростного интернета в коммуне Контвиг. Интернет для муниципалитета совершенно бесплатный, но, во-первых, первостепенное значение имеет качество работ; во-вторых, компания обязана после завершения установки должным образом восстановить улицы и тротуары. Поэтому дареному коню в зубы все-таки надо смотреть. Трансформ образован следующими способами: неопределенный артикль *einem* заменен на определенный *Dem*, отрицательная частица *nicht* – на наречие *auch* (также) и

[1] https://www.rheinpfalz.de/lokal/kreis-germersheim_artikel,-einbrecher-will-nicht-stehlen-sondern-sich-umbringen-_arid,1360103.html (дата обращения: 17.05.2026).

[2] https://www.rheinpfalz.de/lokal/kreis-suedwestpfalz_artikel,-kommentar-dem-geschenkten-gaul-auch-mal-ins-maul-schauen-_arid,5419470.html (дата обращения: 27.05.2026).

междометие *mal* (ка), глагол с четвертого места перенесен на последнее. Интересен факт, что после лида статья начинается с этой же пословицы, также в форме трансформа: *Dem geschenkten Gaul sollte man doch mal ins Maul schauen* (досл.: Дареному коню следовало бы все же в пасть посмотреть), который образован заменой отрицательной частицы *nicht* на противоположное по смыслу слово *doch* и добавлением модального глагола в форме конъюнктива. И в следующем предложении появляется слово из пословицы *Gaul* (конь): «Und mit Gaul ist niemand anderes als das UGG-Glasfaser in Contwig gemeint» (досл.: И под «конем» подразумевается не что иное, как оптоволоконная сеть UGG в Контвиге). Опираясь на фоновые лингвистические знания, читатель сразу распознает в преобразованных формах пословицы оригинальную. Во-первых, модифицированная пословица в заголовке сразу привлекает внимание читателя, во-вторых, сама тема материальной выгоды, затронутая в пословице, важна и интересна каждому обывателю. Интерес усиливает и появление этой же пословицы в другой трансформированной форме в начале статьи. И в следующем предложении автор указывает тему статьи: оптоволоконная сеть UGG и ее продукт. Как и в предыдущем примере, пословица в начале статьи и в заголовке выполняет прогностическую и антиципирующую (воображение) функции. А ее трансформированные формы, являясь выразительным языковым средством, не только привлекают внимание к статье, но и делают заголовок незабываемым и способствуют запоминанию описанной ситуации.

В статье «Ärger um 114-Quadratmeter-Bikini-Model am Marienplatz»[3] (досл.: Проблемы с моделью бикини площадью на 114 квадратных метрах на Мариенплац) в корпусе статьи о рекламе на центральной площади Мюнхена Мариенплац появляется пословица в трансформированной форме *Über guten Geschmack lässt sich bekanntlich streiten, über schlechten sowieso* (досл.: О хорошем вкусе, как известно, можно спорить, о плохом – так и так). Рекламный баннер бикини с изображенной на нем красивой моделью в провокационной позе висит напротив ратуши и занимает площадь 114 квадратных метров. Многие жители города и чиновники недовольны. Неоднозначная ситуация. Кому-то нравится сам плакат, а кто-то недоволен его расположением. О хорошем вкусе можно поспорить, но и о плохом тоже. В данном контексте модифицированная пословица выполняет не только свои основные функции: номинальную и коммуникативную, но и разделительную и в некоторой степени сопоставительную. Сравниваются два качества одного объекта: хороший и плохой вкус. Пословица расширяется определением *guten*, а вторая часть с противоположным по смыслу прилагательным *schlechten* не только усиливает эффект выразительности высказывания, но и подчеркивает контрастность и противоречивость сложившейся ситуации. Замена отрицательного компонента пословицы *nicht* на слово *bekanntlich* превращает модифицированную пословицу в трансформ.

[3] https://www.sueddeutsche.de/muenchen/werbung-aerger-um-114-quadratmeter-bikini-model-am-marienplatz-1.3024192 (дата обращения: 28.05.2026).

В статье «Gastronomie: "Gutes Betriebsklima zählt"»[4] (досл.: Ресторанное дело: «Хорошая рабочая атмосфера имеет значение») в заключительной части автор приводит пословицу в измененном виде: *Bis zu einem gewissen Maß sei auch jeder ein wenig des eigenen Glückes Schmied* ... (досл.: До некой степени каждый также немного своего собственного счастья кузнец…). Пословица модифицируется несколькими способами: в начало вводится ситуативное словосочетание *Bis zu einem gewissen Maß*, меняется форма пословичного глагола *ist* (есть) на *sei*, что является ссылкой на чужие слова; далее расширяется фразой *ein wenig* (немного), что превращает сентенцию в трансформ, и определением *eigenen* (собственный), то есть наблюдаются структурно-семантические преобразования. В статье речь идет о создании благоприятной рабочей атмосферы на одном из предприятий ресторанного бизнеса. Коллективное согласование повышения заработной платы, бонусные выплаты, премии за отпуск и Рождество, корпоративная пенсионная схема, регламентированное рабочее время и компенсация за сверхурочную работу, соблюдение перерывов, продвижение стажеров вместо эксплуатации «дешевой рабочей силы», учет при составлении графиков работы, интеграция иностранных сотрудников, помощь в поиске жилья и т.д. – все это можно осуществить на каждом предприятии, и сотрудники будут довольны. Известная мудрость в заключительной части резюмирует вышеописанное в статье, актуализируя резюмирующую функцию.

Выделяется и такой способ преобразования, как аллюзия. Пословицу можно узнать по основным ее элементам, как правило, это субстантивные, глагольные компоненты или знакомые словосочетания, как, например, в редуцированном предложении *Wenn alte Liebe Rost ansetzt*[5] (досл.: Когда старая любовь покрывается ржавчиной). К пословице отсылают два узнаваемых элемента: словосочетание *alte Liebe* и существительное *Rost*, образованное от глагола rostet. Пословица употребляется в придаточном предложении времени, которое вводится союзом *Wenn* (когда). Отрицательный элемент пословицы отсутствует, смысл изменен на противоположный. Эффект выразительности и яркости, вызванный употреблением пословицы в заголовке, усиливается повторением ее в оригинальной форме в начале статьи о замках любви, которые влюбленные прикрепляют к мостам, перилам или заборам, чтобы символически скрепить свою вечную любовь. Это является большой проблемой для железных объектов в городе Людвигсхафене, так как покрываются ржавчиной не только они, но и висящие на них замки. *Von wegen alte Liebe rostet nicht* (досл.: Вот вам и старая любовь

[4] https://www.rheinpfalz.de/lokal/landau_artikel,-gastronomie-gutes-betriebsklima-z%C3%A4hlt-_arid,5409975.html (дата обращения: 11.05.2026).

[5] https://www.rheinpfalz.de/lokal/ludwigshafen_artikel,-wenn-alte-liebe-rost-ansetzt-_arid,5364990.html (дата обращения: 22.05.2026).

не ржавеет). Такой прием противопоставления высказываний (с одной стороны, старая любовь не ржавеет, а с другой – старые замки покрываются ржавчиной) создает эффект комичности и, безусловно, привлекательности представленного материала.

Преобразование пословичного предложения во фразу с изменением смысла также формирует трансформ пословицы. В корпусе статьи «Der Klaus reißt's raus»[6] (досл.: Тот самый Клаус спасает ситуацию») о предвыборной кампании в городе Банхайме появляется следующая форма пословицы *Lügen haben kurze Beine*: «Lieber Lügen als kurze Beine» (досл.: Лучше ложь, чем короткие ноги). Пословица узнается по ее ключевому субстантивному компоненту *Lügen* и словосочетанию *kurze Beine*. В предыдущем предложении употребляются противоположные по смыслу слова *Lüge* (ложь) и *Wahrheit* (правда), что усиливает эффект образности и выразительности ситуативного использования трансформированной паремии. Выступающий говорил о реальных делах и пустых словах кандидатов, почти все из которых уже входят в городской совет или парламент. *На лжи далеко не уедешь*, говорит народная мудрость, но иногда, чтобы получить желаемое, в данном контексте – выиграть выборы, кандидаты идут на разные ухищрения, даже лгут.

Прием аллюзии, которая, как правило, сопровождается ломкой структуры пословичного текста, отмечается и в следующих трех примерах с пословицей *Viele Köche verderben den Brei.*

В статье «Viele Köche, wenig Brei»[7] (досл.: Много поваров, мало каши) речь идет о сотрудничестве американского сценариста, режиссёра и автора комиксов Джосса Уидона и киновселенной Marvel. Во время съемок «Мстителей» от Marvel Джосс Уидон пробовал разные приемы для съемки сцены сражения героев его комиксов и персонажей Marvel с суперзлодеем. Все идеи заканчивались неудачей из-за большого количества персонажей. Эту проблему автор статьи сравнивает с ситуацией, описанной в известной пословице: много поваров не совсем испортили кашу. Как и в вышеуказанных примерах, трансформированная пословица в заголовке выполняет экспрессивную, антиципирующую, прогностическую функции.

В статье с заголовком «Zwei Köche, ein Brei»[8] (досл.: Два повара, одна каша) речь идет о политиках, двух руководителях. В данном случае описываются и комментируются методы и манера управления двух лидеров баварской партии ХСС Хорста Зеехофера и Маркуса Зёдера. В заключение

[6]https://www.rheinpfalz.de/lokal/kaiserslautern_artikel,-der-klaus-rei%C3%9Fts-raus-_arid,117224.html (дата обращения: 22.05.2026).

[7]https://www.abendzeitung-muenchen.de/kultur/viele-koeche-wenig-brei-art-164604 (дата обращения: 18.05.2026).

[8]https://www.bayerische-staatszeitung.de/staatszeitung/politik/detailansicht-politik/artikel/zwei-koeche-ein-brei.html#topPosition (дата обращения: 17.05.2026).

автор приводит примеры двойного лидерства политиков, таких как Тео Вайгель и Эдмунд Штойбер, Оскар Лафонтен и Герхард Шрёдер. Логично, что трансформированная паремия является заголовком статьи. Первая часть очень красноречиво обозначает тему: два повара, то есть два политика, и одна каша, то есть результат их деятельности. В контексте статьи результат есть, руководство осуществляется, поэтому данную аллюзию можно обозначить как трансформ.

В корпусе статьи «Zirkusnummer mit Hindernissen»[9] (досл.: Цирковой номер с препятствиями) в предложении *Hier haben zu viele Köche eine übersättigende Menge an Werkstattmaterial zusammengerührt – ohne Inspiration* (досл.: Здесь слишком много поваров смешали избыток производственного материала – без вдохновения) словосочетание *viele Köche* отсылает к известной пословице. Добавление слова-усилителя *zu* (слишком) – самый распространенный способ модифицирования данной пословицы. Речь идет о постановке «Франкфуртские дневники» танцевального ансамбля мюнхенского театра, которым руководил до 2004 года Уильям Форсайт. Танцоры, индивидуально или в группах, демонстрировали классическую школу, деконструированную до неузнаваемости в постмодернистском ключе. Такая постановка вызвала у зрителей неоднозначную реакцию, и, описывая представление, автор статьи вспоминает об известной мудрости, согласно которой «много поваров портят кашу», перефразируя и трансформируя ее. При этом отрицательная коннотация пословицы, на наш взгляд, сохраняется.

Трансформом мы также обозначаем пословицу, которая употребляется с измененной коммуникативной направленностью, а именно в вопросительном предложении. То есть правильность заложенного в сентенции высказывания (суждения) подвергается сомнению. В следующем примере имеет место вышеуказанное преобразование, которое сопровождается ломкой структуры пословичного высказывания. В статье с заголовком «Jeder seines Glückes Schmied?»[10] (досл.: Каждый своего счастья кузнец?) затрагиваются вопросы веры. Под девизом «Какие ответы христианская вера предлагает на вопросы повседневной жизни?» проводится цикл публичных лекций, в рамках которых предпринимается попытка исследовать этот вопрос. Таким образом, вопрос в заголовке статьи оправдывает свое назначение. И, возможно, сам заголовок составлен с соблюдением правил краткости и точности, поэтому пропущен глагол-связка *ist* (есть).

Представленные пословицы являются популярным языковым средством публицистического дискурса и часто используются журналистами не

[9] https://www.bayerische-staatszeitung.de/staatszeitung/kultur/detailansicht-kultur/artikel/zirkusnummer-mit-hindernissen.html#topPosition (дата обращения: 17.05.2026).

[10] https://www.rheinpfalz.de/lokal/kreis-suedliche-weinstrasse_artikel,-jeder-seines-gl%C3%BCckes-schmied-arid,71742.html (дата обращения: 17.05.2026).

только в конвенциональной форме, но и в преобразованном виде. Последние чаще привлекают внимание читателя, локация трансформированных сентенций часто определяет их функциональные особенности. Однако «адекватное понимание всей красоты и культурной и лингвистической ценности» [Кудлаш, Янкелевич, 2021, *30*] пословицы, прежде всего модифицированной, доступно только тому, кто обладает определенными лингвистическими и экстралингвистическими знаниями.

Исследование семи немецких семантически трансформированных пословиц показало следующее.

1. Журналисты охотно используют не только оригинальные, но и трансформированные формы пословиц. Часто пословичные тексты подвергаются одновременно семантическим и структурным преобразованиям. К структурно-семантическим модификациям относятся: расширение пословицы отрицательной частицей *nicht* или редуцирование последней, замена одного из компонентов пословицы на противоположный по смыслу, аллюзия и изменение коммуникативной направленности, а именно употребление в вопросительном предложении.

2. Пословицы полифункциональны. Помимо постоянных, константных функций, коммуникативной и информирующей, пословицы выполняют дополнительные, в том числе прагматические: аксиологическую, антиципирующую, регулятивную, резюмирующую, аргументирующую, обобщающую. Орнаментальность и экспрессивно-эмоциональная функция сопровождают пословицы всегда, независимо от их местоположения в статье, в то время как локация пословичного текста напрямую определяет его прагматические функции.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении прагматического потенциала других актуальных и популярных немецких пословиц.

ЛИТЕРАТУРА

Абакумова О.Б., Проскурякова Е.В. Трансформации пословиц как один из механизмов манипулятивного воздействия в медийном дискурсе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. № 3. С. 22–28. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-3-22-28.

Белютин Р.В. Метафорика в немецком «Словаре футбольного языка» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30, № 4. С. 148–155. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-4-148-155.

Вишневский Б.Л. Политическая публицистика в постсоветской России // Публицистика в современном обществе: материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)» (14 ноября 2013 года, Санкт-Петербург) / отв. ред. Б.Я. Мисонжников. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. С. 84–91.

Граф А.Е. Словарь немецких и русских пословиц. СПб.: Лань, 1997. 288 с.

Каминский П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1. С. 97–105.

Кудлаш М.В., Янкелевич Р.К. Грамматическая структура пословиц и поговорок как форма представления лингвострановедческой информации // Национально-культурный компонент в преподавании русского языка как иностранного: электрон. сб. ст. Междунар. науч.-практ. семинара (Полоцк, 19 марта 2021 г.). Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2021. С. 29–33. URL: http://www.oim.ru/reader.aspnomer=366 (дата обращения: 17.04.2007).

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М. – Дубна: Высшая школа; Феникс, 1996. 381 с.

Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001. 671 с.

Саушева Е.В. Модификации пословиц в заголовках современных англоязычных СМИ // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3, № 12. С. 41–45.

Тарасова О.Д. Трансформации пословиц в русском и английском медиадискурсе через призму лингвоэкологии // Гуманитарные науки. 2023. № 5. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.5.32

Тепляшина А.Н. Сатирические жанры современной публицистики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. 93 с.

Третьякова И.Ю. Окказиональные фразеологизмы и контекст // Ярославский педагогический вестник. Т. I: Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 161–163.

Федуленкова Т.Н. Проблема варианта фразеологизма как компонента фразеологической модели (на материале английского, немецкого и шведского языков): монография // Современная фразеология: тенденции и инновации. М. – СПб. – Брянск, 2016. С. 74–106.

Цветков Ю.Л. Россия и Германия: литературные отображения. Рец. на кн.: Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ, 2017. 768 с. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 183–187. DOI: 10.46726/H.2025.1.22.

Шилина М.Г. Новейшие медиа vs. новейшая публицистика? // Публицистика в современном обществе: материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)» (14 ноября 2013 года, Санкт-Петербург). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2014. С. 69–75.

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. Hrsg. von der Dudenredaktion. Dudenverlag. Berlin, 2013. 929 S.

Mieder W. Proverbs: F Handbook. Wesport, Connecticut: Greenwood Press, 2004. 321 p.

A.V. Shitikova
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of the German Language,
Moscow State Institute of International Relations
Moscow, Russia

Pragmatic Functioning of Structurally-semantically Transformed German Proverbs in Journalistic Discourse

The aim of the study is to identify and highlight the practical use of structurally semantically modified German proverbs in German journalistic discourse. The theoretical part of the article defines journalism, describes its goals, objectives and most important characteristics; as well as the functioning of the proverbial fund in journalistic discourse; types of semantic transformations are given. The empirical part gives examples of seven structurally-semantically transformed German proverbs (Einem geschenkten Gaul schaut man nicht ins Maul, Lügen

haben kurze Beine, Morgenstunde hat Gold im Munde, Alte Liebe rostet nicht, Über Geschmack lässt sich nicht streiten, Viele Köche verderben den Brei, Jeder seines Glückes Schmied), the purposes of their use in journalistic articles are indicated. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time on the material of transformed versions of the presented proverbs, types of formal changes in their structure were revealed, their functioning in journalistic discourse was established to achieve successful communication.

As a result of the study, the functional features of seven German modified proverbs were identified and highlighted, taking into account their location and the communicative situation, which affects the choice of linguistic means in the implementation of the author's intention.

Keywords: *semantically transformed proverbs; functional features of proverbs; the communicative-pragmatic potential of transformed proverbs; structural-semantic transformations of proverbs.*

REFERENCES

Abakumova O.B., Proskuryakova E.V. Transformation of proverbs as one of the mechanisms of manipulative influence in media discourse [*Transformacii poslovicz kak odin iz mexanizmov manipulyativnogo vozdejstviya v medijnom diskurse*]. *RGGU Bulletin. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*, 2025. No. 3. Pp. 22–28 (in Russian).

Beliutin R.V. Metaphors in the dictionary of German football language [Metaforika v nemeczkom «Slovare futbol`nogo yazy`ka»]. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 2024. Vol. 30. No. 4. Pp. 148–155. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-148-155 (in Russian).

Vishnevskij B.L. Political journalism in post-Soviet Russia [*Politicheskaya publicistika v postsovetskoj Rossii*]. *Journalism in modern society: Scientific materials. seminar «Modern periodical printing in the context of communication processes (the tragedy of journalism in the information society)» (November 14, 2013, Saint-Petersburg).* Edited by B.Ya. Misonzhnikov. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University, Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications, 2014. Pp. 84–91. Pp. 84–91 (in Russian).

Graf A.E. Dictionary of German and Russian proverbs [Slovar' nemeckih i russkih poslovic]. Saint-Petersburg: Lan, 1997. 288 p. (in Russian).

Kaminsky P.P. Principles of the study of journalism at the present stage [*Principy` issledovaniya publicistiki na sovremennom e`tape*]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2007. No. 1. Pp. 97–105 (in Russian).

Kudlash M.V. The grammatical structure of proverbs and sayings as a form of representation of linguistic and country information [Grammaticheskaya struktura poslovicz i pogovorok kak forma predstavleniya lingvostranovedcheskoj informacii]. *The National-Cultural Component in Teaching Russian as a Foreign Language: Electronic Collection of Articles. International Scientific and Practical Seminar (Polotsk, March 19, 2021).* Pp. 29–33. Available at: http://www.oim.ru/reader.aspnomer=366 (accessed on May 17, 2026) (in Russian).

Kunin A.V. Phraseology course of modern English [Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka]. Moscow– Dubna: Vysshaya Shkola; Phoenix, 1996. 381 p. (in Russian).

Permyakov G.L. Proverbs and sayings of the peoples of the East [Poslovicy i pogovorki narodov Vostoka]. Moscow: Labyrinth, 2001. 671 p. (in Russian).

Sausheva E.V. Modifications of proverbs in the headlines of modern English-language media [Modifikacii poslovicz v zagolovkax sovremenny`x angloyazy`chny`x SMI]. *Bulletin of Philological Sciences.* Vol. 3, 2023. No. 12. Pp. 41−45 (In Russian)

Tarasova O.D. Transformation of proverbs in Russian and English media discourse through the prism of linguoecology [Transformacii poslovicz v russkom i anglijskom media diskurse cherez prizmu lingvoe`kologii]. *Humanities*, 2023. No. 5. Pp. 172–177 (in Russian).

Teplyashina A.N. Satirical genres of modern journalism [Satiricheskie zhanry sovremennoj publicistiki]. Saint-Petersburg, 2000. 93 p. (in Russian).

Tretyakova I.Yu. Okkazional phraseological units and context [*Okkazional`ny`e frazeologizmy` i kontekst*]. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Vol. I (Humanities), 2011. No. 2. Pp. 161–163 (in Russian).

Fedorova N.N. Modern transformations of Russian proverbs [*Sovremenny`e transformacii russkix poslovicz*]. *Dissertation ... Candidate of Philology.* Pskov, 2006. Pp. 34–43 (in Russian).

Fedulenkova T.N. The problem of the variant of phraseology as a component of the phraseological model (based on the material of English, German and Swedish): Monograph [Problema varianta frazeologizma kak komponenta frazeologicheskoj modeli (na materiale anglijskogo, nemeczkogo i shvedskogo yazy`kov): Monografiya]. *Modern Phraseology: Trends and Innovations. Moscow–Saint-Petersburg–Bryansk*, 2016. Pp. 74–106 (in Russian).

Czvetkov Yu.L. Russia and Germany: literary displays [Rossiya i Germaniya: literaturny`e otobrazheniya]. *Review of the book: Russia – Germany: Literary Encounters (1880–1945)*. Edited by T.V. Kudryavtseva. Moscow: IMLI, 2017. 768 p. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities,* 2025. No 1. Pp. 183−187 (in Russian).

Shilina M.G. Newest media vs. newest journalism? [Novejshie media vs. novejshaya publicistika?]. *Publicistic Writing in Modern Society: Proceedings of the Scientific and Practical Seminar "Contemporary Periodical Press in the Context of Communication Processes (The Tragedy of Publicistic Writing in the Information Society)" (November 14, 2013, Saint-. Petersburg)*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University, Institute of the Higher School of Journalism and Mass Communications, 2014. Pp. 69–75 (in Russian).

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. Hrsg. von der Dudenredaktion. Dudenverlag. Berlin, 2013. 929 p. (in German).

Mieder W. Proverbs: F Handbook. Wesport, Connecticut: Greenwood Press, 2004, 321 p. (in English).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.В. Лаптева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 930

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-149-160

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СМОЛЕНСКА В УСЛОВИЯХ ВОЙН 1877–1878 И 1904–1905 ГОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: *общественные организации; Красный Крест; община сестер милосердия; война; попечение о раненых.*

Статья посвящена сравнительному микроисторическому анализу отчетов Смоленского местного комитета Общества попечения о раненых и больных воинах (1876–1878) и Смоленской общины сестер милосердия Красного Креста (1904). На основе методологии новой социальной истории на конкретном примере исследуется эволюция общественной самоорганизации в провинциальной России позднеимперского периода. Показан занявший четверть века процесс перехода от любительской, персонализированной благотворительности к профессиональной, институционализированной структуре с едиными стандартами и централизованной координацией. Выявлены рост женской агентности, расширение социальной базы поддержки и формирование горизонтальных сетей солидарности, пересекавших сословные границы. Отчеты рассматриваются как ценный источник для реконструкции протоинститутов гражданского общества и оценки социальной динамики в условиях военного времени.

Отчеты о деятельности региональных благотворительных и общественных организаций в имперской России конца XIX – начала XX века представляют серьезный научный интерес. Эти исторические источники позволяют проанализировать на микроисторическом уровне социальные процессы в имперском обществе пореформенного периода и тем самым косвенно оценить общественно значимые результаты реформ второй половины XIX века. Более того, в рамках методологии новой социальной истории и микроистории такие исторические документы могут стать основой для реконструкции неформальных сетей солидарности (горизонтальных связей) в провинциальном пространстве Российской империи, а также становления протоинститутов гражданского общества. Отдельного внимания в этом исследовательском вопросе заслуживают документы, относящиеся к кризисным периодам, особенно периодам

войн. Именно они позволяют оценить качество горизонтальной коммуникации в имперском обществе того периода и способность локальных общественных групп к эффективной самоорганизации в условиях кризиса, проявлению их агентности и субъектности применительно к анализу структуры российского общества позднеимперского периода.

Историография Российского общества Красного Креста как одной из общественных организаций, рассматриваемых в данной работе, насчитывает более столетия и может быть разделена на три основных этапа. Дореволюционный период представлен, прежде всего, официальными отчетами и обобщающими трудами непосредственных участников событий. Наиболее значимыми являются работы главноуполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах Н.А. Абазы, в том числе многотомное издание «Красный Крест в тылу действующей армии в 1877–1878 гг.» [Абаза, 1880], а также труды Д.Г. Анучина о гражданском управлении в Болгарии [Анучин, 1895, *55*]. Для Русско-японской войны важнейшим источником является двухтомник «Красный крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904–1905 годов» [Кауфман, 1909], а также «Летопись войны с Японией» под редакцией полковника Д.Н. Дубенского [Летопись войны с Японией, 1904–1905].

Советская историография, касаясь деятельности дореволюционного Красного Креста, рассматривала ее преимущественно с позиций классового подхода. Исключение составляли работы по истории военной медицины, в частности труды А.С. Георгиевского о Н.И. Пирогове и военно-врачебном деле [Георгиевский, 1978; Пирогов, 1960].

Современная отечественная историография, посвященная этому вопросу, сформировалась на рубеже XX–XXI веков и характеризуется значительным расширением тематики и методологического инструментария. Она связана с пересмотром исследовательской оптики и смещением фокуса с макрополитических процессов и деятельности государственных институтов на повседневные практики, структуры и агентность рядовых членов общества. В значительной степени применительно к российской науке такой методологический разворот связан с работами Б.Н. Миронова, посвященными комплексному анализу социальной истории имперского периода России через призму теории модернизации [Миронов, 2015]. Особое внимание исследователей фокусировалось на дискуссионных вопросах, связанных с природой и оценкой социальных связей в Российской империи. Эта проблематика нашла отражение в работах, посвященных анализу публичной сферы и горизонтального взаимодействия в обществе. Так, в исследовании Т.А. Ланкиной на материалах Самары наглядно продемонстрировано, что в империи существовала оживленная публичная сфера, а общество было институционализировано в «плотные сети» автономных ассоциаций [Lankina, 2021]. Ряд работ, относящихся к общественным организациям конца XIX – начала

XX века, посвящен изучению феномена становления гражданского общества в позднеимперский период. Так, на примере «Общества ревнителей русского исторического просвещения» проводился анализ сети добровольных ассоциаций и был сделан вывод о значительной роли гражданского общества в модернизационных программах позднеимперского периода.

Исследования Д.А. Вербицкого, посвященные вкладу РОКК и князя В.А. Черкасского в победу в Русско-турецкой войне, вводят в научный оборот значительный массив архивных материалов [Вербицкий, 2012, *56–58*]. Работы Е.Е. Беловой по истории общин сестер милосердия в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях демонстрируют региональный подход к изучению становления сестринского дела в провинции [Белова, 2010, *35–37*]. Особую ценность представляет статья Г.В. Кривченкова «Формы благотворительности во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (на материалах Смоленской губернии)», в которой детально анализируется взаимодействие губернского управления Красного Креста, органов городского самоуправления, поместного дворянства и крестьянской общины [Кривченков, 2026, *45–56*]. Л.А. Пахомова в работе, посвященной женскому милосердному служению, рассматривает деятельность Смоленской общины сестер милосердия с момента ее основания и до наших дней [Пахомова, 2025, *101–117*]. Использование отчетной документации для сравнительного анализа, позволяющего проследить эволюцию организационных форм и методов деятельности РОКК от одной войны к другой, представляется чрезвычайно перспективным с точки зрения информационных возможностей источника.

При изучении обозначенной проблемы обращает на себя внимание деятельность смоленских общественных организаций, таких как местный комитет Общества попечения о раненых и больных воинах, действовавший в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, а также Смоленская община сестер милосердия, осуществлявшая свою работу в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. В обеих войнах смоленские общественные организации отражали низовую реакцию на военные действия и ориентировались на общественную поддержку и благотворительность в деле помощи больным и раненым. В этом отношении сравнение деятельности указанных организаций в условиях двух войн поможет увидеть социальную динамику в имперском обществе в межвоенный период, а также позволит оценить развитие маркеров гражданского общества, а именно общественных институций. Более того, в рамках микроисторической методологии доступной становится не только оценка процессов развития гражданских начинаний и общественной самоорганизации на уровне отдельного региона империи, но и возможность анализа и выдвижения гипотез относительно этих вопросов применительно ко всему российскому обществу того периода.

Источниковую основу настоящего исследования составляют два публичных отчета смоленских структур Российского общества Красного Креста

(РОКК): «Отчет о деятельности Смоленского местного комитета Общества попечения о раненых и больных воинах с декабря 1876 по 1 января 1878 года» и «Отчет о деятельности Смоленской общины сестер милосердия Красного Креста со времени начала Русско-Японской войны с 1 февраля по 1 декабря 1904 г.». Оба документа, опубликованные в губернской типографии, представляют собой детализированные сводки организационной, финансовой и материальной деятельности, составленные в соответствии с требованиями § 63 Устава Общества, предписывавшего публикацию сведений о пожертвованиях. Как исторические источники они принадлежат к делопроизводственной документации общественных организаций, однако их публичный характер придает им особое значение: они создавались не только для внутреннего контроля Главного управления, но и для информирования широкой общественности, жертвователей и потенциальных членов, выполняя тем самым функцию коммуникации между организацией и обществом. Именно эта двойственная природа отчетов – сочетание бюрократической точности с публичной адресацией – позволяет рассматривать их как уникальный материал для микроисторической реконструкции сетей солидарности, анализа агентности различных социальных групп и выявления признаков формирования гражданского общества в провинциальной России.

Исторический контекст создания двух отчетов существенно различается, что необходимо учитывать при их сравнительном анализе. В 1876 году Смоленский местный комитет возник как экстренная реакция на объявление мобилизации и движение войск через город. Как указано в отчете, «объявление в конце 1876 года мобилизации армии и последовавшее затем движение войск через Смоленск, вызвали в среде Смоленского Общества мысль об учреждении местного комитета». Первое заседание состоялось 30 ноября 1876 года, в составе 95 членов, а к началу 1878 года численность достигла 182 человек. До этого момента в Смоленске не существовало постоянно действующей структуры РОКК, и вся организационная инфраструктура создавалась с нуля в условиях начавшейся войны. Смоленская община сестер милосердия, напротив, к началу Русско-японской войны существовала уже около десяти лет (торжественное открытие состоялось 29 июня 1894 года) и представляла собой сложившуюся институцию с постоянным штатом, помещением, устоявшимися каналами связи с Главным управлением и опытом повседневной благотворительной работы. Это различие в степени организационной зрелости предопределило многие структурные и содержательные особенности отчетов.

Структурно Отчет 1878 года представляет собой 39-страничный документ, включающий нарративную часть с описанием истории создания и деятельности Комитета, подробную ведомость прихода и расхода сумм, именной список членов, списки денежных и вещественных пожертвований, а также инвентарную опись имущества лазарета. Отчет 1904 года, объемом 51 страница, имеет более сложную и дифференцированную структуру: помимо нарративной

части, разбитой на семь тематических разделов, он содержит таблицы оборудованного белья, ведомость движения холста, денежный отчет и, что особенно важно, «Каталог лазарета на 25 кроватей, утвержденный Главным Управлением Российского Общества Красного Креста» с детальной номенклатурой по восьми отделам. Наличие официального каталога в отчете 1904 года и его отсутствие в 1878 году является одним из ключевых маркеров институциональной эволюции РОКК в межвоенный период, свидетельствуя о переходе от импровизационной модели организации помощи к централизованно регламентированной и стандартизированной системе.

Организационная структура и управление демонстрируют отчетливый тренд от любительской коллегиальности к профессиональной бюрократизации. В 1876–1878 годах Комитет возглавлялся председательницей С.М. Патон, ее товарищем А.И. Герном, казначеем В.И. Вельцем и делопроизводителем М.М. Шварцшильдом. Для оперативного ведения дел из двенадцати членов была избрана особая комиссия, впоследствии преобразованная в Госпитальную комиссию. Управление носило коллегиальный и во многом ситуативный характер: за год состоялось десять заседаний Комитета и пять общих собраний. В 1904 году организационная структура стала значительно более сложной и функционально дифференцированной. Помимо постоянно действующего попечительного совета Общины, был учрежден Специальный дамский комитет под председательством попечительницы О.А. Вонлярлярской, а для координации масштабных работ по оборудованию лазарета на 100 кроватей создана исполнительная комиссия под председательством супруги губернатора О.Н. Звегинцовой. Был организован центральный склад в помещении 2-й женской гимназии с разделением труда на три специализированных отдела: сортировка и шитье, учет и выдача, оборудование бинтов. Книжную отчетность вел специально нанятый конторщик. Эта эволюция от неформальной кооперации заинтересованных лиц к формализованной, иерархически организованной структуре с разделением функций отражает общий процесс институционализации общественной инициативы в пореформенной России, хорошо описанный в литературе о становлении добровольных ассоциаций как элементов гражданского общества.

Гендерный аспект деятельности смоленских организаций Красного Креста заслуживает особого внимания в контексте дискуссии о женской агентности и публичной роли женщин в позднеимперский период. В Отчете 1878 года указано, что из 182 членов Комитета 80 составляли дамы (44%), при этом ключевые руководящие посты – председательницы, казначея – занимали женщины. В документе поименно перечислены 48 дам, участвовавших в устройстве лазарета и шитье белья, и 32 дамы, дежурившие в лазарете. Участие женщин носило преимущественно характер добровольной благотворительной работы, основанной на личной инициативе и социальных связях. К 1904 году женское участие не только количественно возросло, но и качественно трансформировалось в направлении профессионализации. Деятельность Дамского

комитета стала регулярной: «начиная с 9-го февраля ежедневно, кроме праздников, в помещении Дворянского Собрания». К работе привлекались женские учебные заведения и монахини Вознесенского монастыря, однако центральную роль играли сестры милосердия Смоленской общины, которые под руководством попечительницы вели всю работу центрального склада. Два отряда сестер милосердия общей численностью 27 человек были командированы непосредственно на театр военных действий – в Харбин и на станцию Мысовую Забайкальской железной дороги. Организованные при Общине шестинедельные сокращенные медицинские курсы, которые окончили 46 слушательниц, свидетельствуют о целенаправленной подготовке квалифицированного женского санитарного персонала. Принципиально новым явлением стала оплата труда сестер милосердия: подъемные по 125 рублей и ежемесячное жалованье по 30 рублей. Эта трансформация от благотворительного любительства к профессиональному служению, признанному и оплачиваемому, является ярким проявлением роста женской агентности и расширения сферы публичной деятельности женщин в позднеимперской России, что хорошо коррелирует с выводами современных исследований о роли женщин в добровольных ассоциациях того периода.

Финансовые показатели отчетов позволяют реконструировать не только масштабы деятельности, но и механизмы мобилизации общественных ресурсов, характерные для разных этапов развития благотворительных институтов. В 1877 году общая сумма поступлений составила 8765 рублей 67 копеек. Около половины этой суммы (2978 рублей 16 копеек) было получено от благотворительных мероприятий – спектаклей, гуляний и бала, организованных председательницей С.М. Патон. Лотерея принесла 1404 рубля, членские взносы – 1093 рубля, единовременные пожертвования – 1424 рубля 89 копеек. Таким образом, ключевую роль играла личная инициатива руководителей и их способность мобилизовать локальные социальные сети через увеселительные мероприятия. Расходная часть (5936 рублей 18 копеек) была направлена преимущественно на оборудование и содержание лазарета на 30 коек, причем военное ведомство возмещало затраты из расчета 40 копеек в сутки на человека. К 1904 году финансовая картина существенно изменилась. Общая сумма пожертвований за десять месяцев достигла 9945 рублей 39 копеек, а расходы составили 8939 рублей 32 копейки. Структура доходов стала более диверсифицированной и институционализированной: значительную долю составили процентные вычеты из жалованья служащих различных ведомств (учебных заведений, акцизного управления, духовной семинарии, окружного суда), регулярные церковные кружечные сборы в 34 храмах города, пожертвования от волостных сходов и рабочих фабрик. Массовые увеселительные мероприятия, игравшие столь заметную роль в 1877 году, в отчете 1904 года даже не упоминаются. В расходной части появилась новая статья – оплата труда сестер милосердия (1860 рублей), а также крупные ассигнования на теплые вещи для раненых (3152 рубля 60 копеек). Эти изменения

свидетельствуют о переходе от персонализированных, основанных на личных связях форм фандрайзинга к более обезличенным, систематическим и бюрократизированным механизмам сбора средств, что является одним из признаков зрелости общественных организаций и их интеграции в более широкие социальные и государственные структуры.

Масштабы деятельности смоленских организаций Красного Креста в двух войнах демонстрируют многократный рост, отражающий как общее развитие инфраструктуры РОКК, так и изменение характера военных конфликтов. В 1877 году лазарет Комитета был рассчитан на 30 кроватей и вся деятельность ограничивалась тыловым Смоленском. В 1904 году Община не только оборудовала собственный лазарет на 25 кроватей, но и приняла активное участие в снаряжении Смоленского санитарного отряда с лазаретом на 100 кроватей, отправившегося на Дальний Восток. Только из холста было сшито 21 093 предмета белья (кальсоны, рубашки, полотенца, подстилки, сенники и прочее), на что израсходовано 112 858 аршин ткани. Для сравнения: инвентарная опись лазарета 1877 года насчитывает 183 простыни, 153 пары кальсон, 127 рубашек. Принципиально новым направлением стало изготовление «выходного» теплого белья для раненых, выписываемых из лазарета: теплых курток с панталонами 113 пар, шапок 1000 штук, одеял 100 штук, рукавиц 1000 пар, шерстяных чулок и носков 2000 пар, шарфов 1000 штук, фуфаек 1000 штук. Это свидетельствует о более комплексном и продуманном подходе к помощи, выходящем за рамки собственно госпитального содержания. Кроме того, впервые были организованы систематическая подготовка санитарного персонала на шестинедельных курсах и командирование сестер милосердия непосредственно на театр военных действий, где каждая из них обслуживала до 75–80 больных после крупных сражений. Такое расширение масштабов и географии деятельности было бы невозможно без формирования устойчивых организационных структур, налаженных каналов коммуникации с центром и способности координировать усилия множества участников – что, в свою очередь, является маркером развития горизонтальных связей и институтов гражданского общества.

Стандартизация и регламентация деятельности представляют собой, пожалуй, наиболее наглядный индикатор институционального созревания РОКК в межвоенный период. Отчет 1904 года включает утвержденный Главным управлением «Каталог лазарета на 25 кроватей», занимающий 23 страницы и содержащий детальную спецификацию по восьми отделам – от белья и одежды до хирургических инструментов и химико-бактериологической лаборатории. Каждая позиция каталога имеет точное количественное и качественное описание, а в ряде случаев и указание стоимости. В Отчете 1878 года аналогичный документ отсутствует; вместо него имеется составленная post factum инвентарная опись, фиксирующая то, что было фактически приобретено или пожертвовано, без какой-либо априорной нормативной базы. Это различие имеет принципиальное значение для понимания эволюции РОКК как организации: к 1904 году были

выработаны единые стандарты, утвержденные центром и обязательные для всех местных учреждений. Деятельность Общины жестко регламентировалась циркулярами Главного управления (№ 4 от 11 февраля о церковных сборах, № 7 о медицинских курсах, № 17 о порядке сдачи средств в Государственный банк, № 37 о направлении белья и др.), телеграфными распоряжениями и инструкциями. В 1877 году Комитет действовал в значительной мере автономно, руководствуясь лишь общими положениями Устава и собственным усмотрением. Переход от местной инициативы, ограниченной рамками губернии, к деятельности, встроенной в общеимперскую централизованную систему с едиными стандартами и процедурами, является важным этапом в развитии общественных организаций, свидетельствующим о формировании устойчивых институциональных форм, способных действовать в масштабах всей страны.

Взаимодействие смоленских организаций Красного Креста с государственными и общественными институтами позволяет реконструировать те самые «плотные сети» ассоциаций, о которых пишет Т.А. Ланкина, и оценить характер публичной сферы в провинциальном городе. В 1877–1878 годах круг партнеров Комитета был относительно узок и включал губернатора (дал разрешение на учреждение Комитета), Смоленское земство (возместившее расходы на угощение войск), Вознесенский монастырь (игуменья Макария оказывала значительную материальную и духовную поддержку), а также редакции столичных газет, бесплатно присылавших издания. В 1904 году сеть взаимодействий стала значительно более разветвленной и институционализированной. Губернское земство получило от местного управления РОКК 10 000 рублей на содержание больных. Учебные заведения не только предоставляли помещения под склады, но и производили регулярные процентные вычеты из жалованья преподавателей, а ученицы содержали именные койки. В 34 церквях города был организован систематический кружечный сбор с выдачей удостоверений сборщикам. Государственные учреждения: акцизное управление, казенная палата, почтовое ведомство, окружной суд – осуществляли регулярные вычеты из жалованья служащих. Частные предприятия (фабрика Гергарди, магазины Павлова, Тураева, Амшинского, аптека Дейча) активно жертвовали товары и деньги. К пошиву белья за плату привлекались тюремное ведомство и общество трудолюбия. Особо показательно расширение социальной базы благотворительности: если в 1877 году крестьянское участие ограничивалось единичными пожертвованиями холста (714 аршин от крестьян Бельского уезда), то в 1904 году фигурируют пожертвования от волостных сходов (150 рублей от Богородицкой волости) и ежемесячные сборы рабочих фабрик. Эта диверсификация источников поддержки и включение в благотворительную деятельность представителей различных сословий и социальных групп – от чиновников и предпринимателей до крестьян и рабочих – свидетельствует о формировании широкой социальной коалиции вокруг целей, провозглашаемых Красным Крестом, и о развитии горизонтальных связей, пересекающих сословные границы. Именно такие сети, как

показывают современные исследования, и составляли ткань гражданского общества в позднеимперской России.

Подводя итоги сравнительного микроисторического анализа двух отчетов смоленских организаций Красного Креста, можно сформулировать несколько взаимосвязанных выводов, имеющих значение как для локальной истории Смоленской губернии, так и для более широкой дискуссии о характере социальных процессов в позднеимперской России. Прежде всего, отчетливо прослеживается траектория институциональной эволюции от ситуативной, персонализированной инициативы, возникшей как непосредственная реакция на военный кризис, к устойчивой, профессионально организованной и централизованно координируемой структуре, действующей на основе единых стандартов и процедур. Эта эволюция в полной мере соответствует логике модернизации общественной сферы, описанной в работах Б.Н. Миронова и других исследователей. Смоленский комитет 1876–1878 годов – классический пример «низовой» самоорганизации, опиравшейся на личные связи, добровольные пожертвования и энтузиазм узкого круга местных элит. Смоленская община 1904 года – это уже зрелый общественный институт, обладающий постоянным штатом, отлаженными механизмами фандрайзинга, включенностью в общеимперскую систему управления и способностью решать сложные логистические задачи, включая командирование персонала за тысячи верст от дома.

Во-вторых, анализ гендерного аспекта деятельности Красного Креста демонстрирует рост женской агентности и расширение публичной роли женщин в провинциальном обществе. Переход от неоплачиваемой благотворительной работы к профессиональному сестринскому служению, признанному и вознаграждаемому, свидетельствует о качественных сдвигах в социальном статусе женщин и их интеграции в сферу публичной деятельности. Создание системы подготовки сестер милосердия через медицинские курсы и их последующее командирование на театр военных действий означало не только количественное расширение женского участия, но и появление новых профессиональных и социальных ролей для женщин, выходящих за рамки традиционной домашней сферы.

В-третьих, сравнение механизмов мобилизации ресурсов и сетей взаимодействия в 1877 и 1904 годах позволяет увидеть формирование той самой «плотной сети» автономных ассоциаций и горизонтальных связей, которая, по мнению ряда исследователей, и составляла основу гражданского общества в позднеимперской России. Если в 1877 году благотворительная деятельность замыкалась преимущественно на узком круге местной дворянской и купеческой элиты, то к 1904 году в нее оказались вовлечены представители самых разных социальных слоев – от чиновников и служащих различных ведомств до крестьянских волостных сходов и фабричных рабочих. Это расширение социальной базы сопровождалось усложнением орга-

низационных форм и переходом от разовых пожертвований и увеселительных мероприятий к систематическим сборам (процентные вычеты, церковные кружки, именные койки), что свидетельствует о рутинизации и институционализации благотворительных практик.

Наконец, проведенный анализ подтверждает эвристическую ценность отчетов региональных общественных организаций как исторического источника для микроисторических исследований социальной динамики в пореформенной России. Детализированные данные о составе членов, жертвователях, финансовых потоках и материальных ресурсах, содержащиеся в этих документах, позволяют реконструировать не только организационную структуру и масштабы деятельности конкретных учреждений, но и более широкие социальные процессы: формирование сетей солидарности, развитие публичной сферы, изменение гендерных ролей и становление протоинститутов гражданского общества. Дальнейшие перспективы исследования связаны с расширением источниковой базы за счет привлечения аналогичных отчетов других губернских комитетов и общин, что позволило бы провести сравнительный анализ по регионам и выявить как общие закономерности, так и локальную специфику развития общественных организаций в позднеимперской России. Кроме того, перспективным направлением представляется просопографическое изучение персонального состава членов и активистов Красного Креста, которое могло бы пролить дополнительный свет на механизмы рекрутирования и социальный профиль участников добровольных ассоциаций, углубляя наше понимание природы гражданского общества в Российской империи накануне великих потрясений начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Абаза Н.С. Красный Крест в тылу действующей армии в 1877–1878 г.: отчет главноуполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах. СПб.: Российское общество Красного Креста, 1880. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002922628/ (дата обращения: 29.01.2024).

Анучин Д.Г. Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // Русская старина. 1895. Т. 83, № 4. С. 55.

Белова Е.Е. Сестры милосердия в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Ярославский педагогический вестник. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 35–37.

Вербицкий Д.А. Вклад общества Красного Креста и его главного уполномоченного князя В.А. Черкасского в победу Российской империи в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6(20). В 2 ч. Ч. I. С. 56–58.

Георгиевский А.С. Медицинская общественность и военная медицина в Освободительной войне на Балканах в 1877–1878 гг. М.: Медицина, 1978. 234 с.

Кауфман П.М. Красный крест в тылу армии в Японскую кампанию 1904–1905 годов: Т. 1. СПб.: Главное управление Российского общества Красного креста, 1909. 32 см.

Кривченков Г.В. Формы благотворительности во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (на материалах Смоленской губернии) // Петербургский исторический журнал. 2026. № 1. С. 45–56.

Летопись войны с Японией: [газета] / ред.-изд.: полковник Д.Н. Дубенский. СПб.: [б. и.], 1904–1905. 32 см.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 896 + 912 + 992 с.

Отчет о деятельности Смоленского местного комитета Общества попечения о раненых и больных воинах с декабря 1876 по 1 января 1878 года. Смоленск: Губернская типография, 1878.

Отчет о деятельности Смоленской общины сестер милосердия Красного Креста со времени начала Русско-Японской войны с 1 февраля по 1 декабря 1904 г. Смоленск: Губернская типография, 1904.

Пахомова Л.А. Героический подвиг сестер милосердия на войне и эпидемии (к 130-летию деятельности Смоленской общины сестер милосердия) // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2025. № 1. С. 101–117.

Пирогов Н.И. Собрание сочинений / редкол.: А.Н. Бакулев, И.Г. Руфанов (отв. ред.) [и др.]. В 8 т. М.: Медгиз, 1957–1962. Т. 7: Труды по военной медицине и военно-полевой хирургии (1871–1879) / ред.-сост. А.М. Геселевич. 1960. 642 с.

Lankina T.V. The Estate Origins of Democracy in Russia: From Imperial Bourgeoisie to Post-Communist Middle Class. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 496 c.

E.V. Lapteva
Senior Lecturer,
Chair of State and Legal Disciplines,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Public Organizations in Smolensk during the War

The article is devoted to a comparative micro-historical analysis of the reports of the Smolensk Local Committee of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers (1876–1878) and the Smolensk Community of Sisters of Mercy of the Red Cross (1904). Based on the methodology of new social history, the evolution of public self-organization in provincial Russia of the late imperial period is studied. It is shown how, over a quarter of a century, there was a transition from amateur, personalized charity to a professional, institutionalized structure with unified standards and centralized coordination. The reports reveal an increase in female agency, an expansion of the social support base, and the formation of horizontal solidarity networks that cross class boundaries. These reports are considered a valuable source for reconstructing the proto-institutions of civil society and assessing social dynamics in the context of military crises.

Keywords: *public organizations; the Red Cross; the community of sisters of mercy; war; and care for the wounded.*

REFERENCES

Abaza N. S. The Red Cross in the Rear of the Active Army in 1877–1878: Report of the Chief Commissioner of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers [Krasnyj Krest v tylu dejstvuyushchej armii v 1877–1878 g.: otchet glavnoupolnomochennogo Obshchestva popecheniya o ranenyh i bol'nyh voinah]. Saint-Petersburg: Russian Red Cross Society, 1880. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002922628/ (accessed on January 29, 2024) (in Russian).

Anuchin D.G. Prince V.A. Cherkassky and Civil Administration in Bulgaria. 1877-1878 [Cherkasskij i grazhdanskoe upravlenie v Bolgarii. 1877–1878 gg.]. *Russian Antiquity,* 1895. Vol. 83. No. 4. P. 55 (in Russian).

Belova E.E. Nurses during the Russo-Turkish War of 1877–1878 [Sestry miloserdiya v period russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg.]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Series: "Humanities",* 2010. No. 2. Yaroslavl: Publishing House of the Yaroslavl State Pedagogical University (YSPU), 2010. Pp. 35–37 (in Russian).

Verbitsky D. A. Contribution of the Red Cross Society and its Chief Commissioner, Prince V. A. Cherkassky, to the Victory of the Russian Empire in the Russo-Turkish War of 1877-1878 [Vklad obshchestva Krasnogo Kresta i ego glavnogo upolnomochennogo knyazya V.A. Cherkasskogo v pobedu Rossijskoj imperii v russko-tureckoj vojne 1877–1878 gg.]. *Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art History. Issues of Theory and Practice,* 2012. No. 6(20). In 2 parts. Part I. Pp. 56–58 (in Russian).

Georgievsky A.S. Medical Community and Military Medicine in the Balkan War of Liberation in 1877-1878 [Medicinskaya obshchestvennost' i voennaya medicina v Osvoboditel'noj vojne na Balkanah v 1877–1878 gg.]. Moscow: Meditsina, 1978. 234 p. (in Russian).

Kaufman P.M. The Red Cross in the Rear of the Army in the Japanese Campaign of 1904-1905 [Krasnyj krest v tylu armii v YAponskuyu kampaniyu 1904–1905 godov]. Vol. 1. Saint-Petersburg: The main department of the Russian Red Cross society, 1909. 32 p. (in Russian).

Krivchenkov G.V. Forms of Charity during the Russo-Turkish War of 1877–1878 (based on the Materials of the Smolensk Province) [Formy blagotvoritel'nosti vo vremya Russko-tureckoj vojny 1877–1878 gg. (na materialah Smolenskoj gubernii)]. *Saint-Petersburg Historical Journal*, 2026. No. 1. Pp. 45–56 (in Russian).

Chronicle of the War with Japan (newspaper) [Letopis' vojny s YAponiej (gazeta)]. Editor-publisher: Colonel D. N. Dubensky. Saint Petersburg: [without a publisher], 1904-1905. 32p. (in Russian).

Mironov B.N. The Russian Empire: From Tradition to Modernity. In 3 vols. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2015, 896 + 912 + 992 p. (in Russian).

Report on the activities of the Smolensk Local Committee of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers from December 1876 to January 1, 1878 [Otchet o deyatel'nosti Smolenskogo mestnogo komiteta Obshchestva popecheniya o ranenyh i bol'nyh voinah s dekabrya 1876 po 1 yanvarya 1878 goda]. Smolensk: Provincial Printing House, 1878 (in Russian).

Report on the activities of the Smolensk Community of Sisters of Mercy of the Red Cross since the beginning of the Russo-Japanese War from February 1 to December 1, 1904 [Otchet o deyatel'nosti Smolenskoj obshchiny sester miloserdiya Krasnogo Kresta so vremeni nachala Russko-YAponskoj vojny s 1 fevralya po 1 dekabrya 1904 g.]. Smolensk: Provincial Printing House, 1904 (in Russian).

Pakhomova L.A. The Heroic Feat of the Sisters of Mercy in War and Epidemic (on the 130th Anniversary of the Smolensk Community of Sisters of Mercy)[Geroicheskij podvig sester miloserdiya na vojne i epidemii (k 130-letiyu deyatel'nosti Smolenskoj obshchiny sester miloserdiya)]. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary*, 2025. No. 1. Pp. 101−117 (in Russian).

Pirogov N.I. Collected Works [Sobranie sochinenij]. In 8 Vols. Edited by A.N. Bakulev, I.G. Rufanov (Editor-in-Chief), and others. Moscow: Medgiz, 1957–1962. Vol. 7: Works on Military Medicine and Military Field Surgery (1871–1879). Edited by Prof. A.M. Geselevich. 1960. 642 p. (in Russian).

Lankina T.V. The Estate Origins of Democracy in Russia: From Imperial Bourgeoisie to Post-Communist Middle Class. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 496 p. (in English).

А.Е. Денисов

Военный учебный центр
при Смоленском государственном университете
Смоленск, Россия

И.В. Невзорова

Оренбургский государственный педагогический университет
Оренбург, Россия

УДК 930.2:929Павлов-Сильванский

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-161-173

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ИСТОРИКА Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО

Ключевые слова: *Н.П. Павлов-Сильванский; биография; либеральная историография; история исторической науки; Петербургская историческая школа.*

В работе анализируются биографические данные и ключевые этапы формирования Павлова-Сильванского как ученого в контексте культурных и образовательных условий его жизни и исторической эпохи. В качестве материала исследования используются архивные данные, биографические источники и анализ научного окружения ученого. Цель статьи – выявить особенности профессионального становления Н.П. Павлова-Сильванского, показать влияние семейных традиций, образовательной среды Санкт-Петербургского университета и научных школ на формирование его исторического метода и взглядов. На Павлова-Сильванского оказали влияние глубокие культурные и просветительские традиции семьи. Как личность он был достаточно сдержан и замкнут, настойчив и усерден в достижении цели. В студенческие годы проявил способность к самостоятельному и критическому мышлению. Ученый смог новаторски соединить традиции государственной школы историков и новый сравнительно-исторический метод исследования. Будучи сотрудником архива Министерства иностранных дел, проявил себя как профессиональный источниковед, археограф. Показано, что Павлов-Сильванский сформировался как самостоятельный ученый, совмещавший либеральные взгляды с научной строгостью и новым подходом к историческим проблемам феодализма в России. Его труды стали важным вкладом в развитие отечественной исторической науки начала XX века.

Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908) – яркий представитель либеральной историографии, занимавший видное положение в ее

левом крыле на стыке конца XIX – начала XX века. Прогрессивное мировоззрение, самостоятельность в решении важнейших проблем отечественной истории поставили его в ряд виднейших историков эпохи.

В современной историографии не так много работ, которые посвящены жизни и деятельности историка. Если говорить именно о предмете нашего исследования, то информация биографического характера в основном представлена в энциклопедиях [Соловьев, 2010; Петербургская историческая школа, 2016]. Чаще всего его творчество попадает в поле зрения ученых как элемент обобщения в канве развития или состояния исторической науки на конец XIX – начало XX века. К таковым можно отнести в первую очередь учебную литературу или историографические труды по проблемам феодализма [Историография истории России, 2025; Свердлов, 1996, *137–143*; Муравьев, 2016]. Можно отметить некоторый интерес историков к отдельным направлениям научного творчества Павлова-Сильванского, но информации биографического характера их труды не содержат [Гоголев, 2010, *24–26;* Мининкова, 2015, *50–55;* Свак, 2000, *5–55;* Алаев, 2014, *46–72*]. Цельного комплексного исследования, посвященного жизненному пути и становлению Николая Павловича как историка, в процессе работы найти не удалось.

Первого февраля 1869 года в Кронштадте в семье судового врача 2-го флотского экипажа, доктора медицины, родился Николай Павлович Павлов-Сильванский [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 26 525, *8*]. Он происходил из семьи потомственной русской интеллигенции, ведущей свою родословную в России с XVIII века.

На основании «Очерка жизни Николая Гавриловича Павлова-Сильванского...», составленного самим Николаем Павловичем, установлено, что его дед и прадед были священниками, проживали в селах Харьковской губернии. В частности, дед – Николай Гаврилович (1808–1879) – был настоятелем церкви в селе Сватова Лучка в Купянском уезде Харьковской губернии [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 1, *2*]. Занимался педагогической деятельностью, служил старшим священником в украинских военных поселениях. В период роста общественного движения в России конца 60-х – начала 70-х годов XIX века, когда активно создавались земские учебные заведения, Николай Гаврилович попал под суд за открытие без согласия властей женской народной школы. Также он был хорошо известен в кругу общественности своей литературной и просветительской деятельностью [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 1, *7–8*].

В конечном итоге его дети отошли от церковной деятельности. В начале XX века, как свидетельствуют царские грамоты (1811, 1815, 1827, 1844 годы), а также решения дворянского собрания Слободской Украины и Департамента геральдики, род Павловых-Сильванских был признан дворянским со всеми вытекающими обстоятельствами [РГИА, ф. 1014. оп. 1, д. 1, *10–12*].

Старший сын Павел Николаевич (1833–1897), отец историка, поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Другой сын –

Николай Николаевич – закончил юридический факультет Харьковского университета и позднее стал известен в России как «мятежный прокурор» из-за своих либеральных убеждений [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 1, *8 об.*].

Отец Николая Павловича после ухода в отставку с военной службы в 1875 году перешел на работу в Министерство финансов и был направлен на службу в Омск, где семья жила в течение 1875–1884 годов [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 26 525, *11–12*]. В 1884 году он был переведен в Петербург, где дослужился до действительного статского советника. В свободное от службы время Николай Гаврилович увлекался географическими исследованиями. Являясь действительным членом Российского географического общества, он написал и опубликовал научную статью, в которой вслед за М.В. Ломоносовым и декабристами (Н.А. Бестужев) обосновал возможность и выгодность Северного морского пути [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 92; Павлов-Сильванский, 1895]. Оттиск ее с дарственной надписью он подарил сыну в день его 25-летия.

Будучи еще в Омске, Николай Павлович начал учиться в уездном училище, где окончил пять классов. По своему характеру будущий историк был крайне сдержанным и замкнутым, но одновременно способным и весьма развитым, увлекающимся самостоятельным чтением русской литературы и поэзии. Любовь к художественному чтению никогда его не покидала. Н.П. Павлов-Сильванский писал стихи для себя до конца своей жизни. В личном фонде ученого в РГИА хранится тетрадь со стихами Н.П. Павлова-Сильванского [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 93]. В ней дается три цикла: лирика, патриотические произведения, белый стих.

В 1884 году семья Павловых-Сильванских переехала в Петербург. Николая перевели в шестой класс гимназии при Петербургском историко-филологическом институте. Данное высшее учебное заведение занималось подготовкой педагогических кадров. Однако слабая подготовка в Омске привела к трудностям с обучением в Петербурге, в результате Николай был оставлен на второй год [Клочков, 1908, *636*]. Это возбудило в нем самолюбие и настойчивость в достижении цели. В результате благодаря своей усидчивости и таланту он вскоре выдвинулся в число лучших учащихся и окончил гимназию с серебряной медалью [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 26 525, *6*].

Еще в гимназические, а затем студенческие годы Н.П. Павлов-Сильванский настойчиво занимается художественной литературой, пишет в этой области рефераты, увлекается творчеством А.П. Чехова. Будущий ученый прекрасно знал произведения Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др. [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 73]. В личном фонде историка сохранилась неопубликованная рукопись «Русские беллетристы-романтики 20-х – 40-х гг.», очерк относится к 1891–1892 годам [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 9]. Данные факты из биографии наталкивают на мысль, что Н.П. Павлов-Сильванский мог заняться историей литературы в целом, филологией, однако верх одержали другие интересы. Он решил стать историком. Во многом это было обусловлено

тем, что еще в гимназии он познакомился с историческими трудами Н.М. Карамзина, М.В. Ломоносова, С.М. Соловьева.

В 1888 году осенью Николай Павлович после окончания гимназии поступил учиться на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где специализировался по кафедре русской истории, которой руководил видный историк и профессор Константин Николаевич Бестужев-Рюмин [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2526, *176*].

Исторические курсы сразу увлекли его. Первые студенческие годы Николай Павлович вел замкнутый образ жизни, почти не имел друзей, чаще всего проводил свободное время дома за чтением книг. Позже сближается со своими однокурсниками С.А. Адриановым и В.Ф. Боцяновским. Сергей Адрианов, будущий историк литературы, вводит его в студенческий кружок, группировавшийся вокруг профессора всеобщей истории Г.В. Форстена. Здесь же Николай Павлович знакомится с Александром Евгеньевичем Пресняковым, который позднее стал его другом и единомышленником [Клочков, 1908, *637*]. Дружба с ним сложилась на всю жизнь. Они были едины в своих исторических построениях, прежде всего по проблемам феодализма в России и на Западе.

На втором курсе университета, осенью 1889 года, Н.П. Павлов-Сильванский поступил слушателем в Археологический институт – частное учебное заведение, которое готовило специалистов по археологии и архивоведению. Первоначально Николай Павлович охотно посещал лекции, но постепенно охладел к занятиям. Но тем не менее более тщательное и детальное изучение вспомогательных исторических дисциплин, чем это было возможно в рамках обучения в университете, отразилось на дальнейшей работе историка и архивиста [ЦГИА СПб, ф. 119, оп. 1, д. *42*].

Базовые исторические представления Н.П. Павлова-Сильванского сформировались под влиянием Петербургской научной исторической школы, имеющей свои традиции. Будучи еще студентом, он слушал лекции ведущих преподавателей-ученых: К.Н. Бестужева-Рюмина, С.Ф. Платонова, В.И. Сергеевича. Именно Василий Иванович, как представитель государственно-юридической школы, существенно повлиял на формирование метода исторического исследования Николая Павловича, который впоследствии стал ключевым и сильным элементом его работы «Феодализм в Древней Руси». Кроме того, значительное воздействие на становление исторических взглядов ученого оказали воззрения крупнейших либеральных историков – С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

Подтверждением этого являются конспекты лекций В.И. Сергеевича и реферат «Об ограничении самодержавной власти московских царей в конце XVI – начале XVII вв.», написанный под его руководством в октябре 1891 года, а также реферат «Доходные холопы», выполненный под руководством С.Ф. Платонова в октябре 1890 года [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 6, 8, 10].

Следует, однако, сказать, что тематика студенческих занятий по русской истории была крайне разнообразна. Сохранились рефераты Н.П. Павлова-Сильванского об эпохе Петра I и Боярской думе [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 7, 29]. Как говорят факты, именно в это время у него зародился интерес к истории феодализма в России и на Западе [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 67].

Окончив в 1892 году обучение на факультете, Николай Павлович решает начать подготовку к профессорскому званию по кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 9321, *2*]. В силу материальных затруднений одновременно с подготовкой к магистерским экзаменам Павлов-Сильванский поступает на службу в Министерство иностранных дел России, сначала по Департаменту внешних сношений, а с 1899 года по Государственному архиву, где в должности старшего делопроизводителя становится помощником директора архива [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2526, *10*].

В 1895 году у Павлова-Сильванского состоялся первый экзамен по проблемам отечественной истории. По иронии судьбы он магистерское испытание не прошел. Причиной стал вопрос о феодализме, тот самый вопрос, по которому он позднее будет признан одним из ведущих специалистов – историков России конца XIX – начала XX века. Данные, имеющиеся в личном фонде Н.П. Павлова-Сильванского, позволяют говорить о том, что негативную роль в этом решении сыграл Н.И. Кареев (1850–1931), который, будучи экзаменатором, отнюдь не являлся специалистом по Средневековью, занимаясь проблемами методологии изучения истории и всеобщей истории. Он накануне магистерского экзамена предложил ему прочитать научную литературу по вопросам истории феодализма в России и Западной Европе [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 11]. Именно работа М.М. Ковалевского «Происхождение современной демократии» (1895) послужила отчасти причиной, по которой Н.П. Павлов-Сильванский не сдал магистерский экзамен [Клочков, 1908, *638*]. Это было новое исследование, которое не вошло в список литературы для подготовки к экзамену, но Николай Павлович, интересуясь сочинениями по всеобщей истории в русле социологического подхода, прочитал ее самостоятельно. Однако не на все вопросы экзаменатора смог ответить достаточно подробно.

Как известно, позже именно Н.И. Кареев, А.Е. Пресняков и Н.П. Павлов-Сильванский составили плеяду историков, которые стояли у истоков советской историографии феодализма в России. При этом сам Кареев, некогда бывший экзаменатором Павлова-Сильванского, а затем ставший его сторонником, признал свою ошибку, допущенную во время магистерского экзамена. Он писал уже после смерти Николая Павловича, что в ту пору, когда молодой ученый только приступал к своим исследованиям, говорить среди университетских историков о феодализме Древней Руси «было как бы неприлично» и именно Н.П. Павлов-Сильванский первым заговорил на эту тему [Кареев, 1910, *6*]. Тогда перед молодым историком встала проблема сравнительно-исторического анализа кажущегося отсутствия феодализма в

Киевской Руси. Это было связано с тем, что еще на студенческой скамье, до окончания Петербургского университета в 1892 году, Николай Павлович увлекся популярными в то время социологическими трудами Бокля, Спенсера и других ученых-позитивистов, особенно их идеями о применении историко-сравнительного метода в конкретном исследовании. И тем не менее следует подчеркнуть, что он и позднее испытывал мучительные затруднения, выбирая тему о феодализме в России в качестве главной в своей научной деятельности.

Позднее в письмах Н.П. Павлов-Сильванский упомянет о том, что он «пережил много тяжелых дней и минут в начале своей научной работы» [Павлов-Сильванский, 1988, *549*]. Слова коллег и сослуживцев о его научной деятельности серьезно задевали Николая Павловича. Примером может служить один из эпизодов, оставшихся в памяти историка: «...узнав о научных занятиях по истории русского феодализма, издал какой-то непонятный звук, как в гоголевском “Ревизоре” Христиан Иванович», и это, по мнению Н.П. Павлова-Сильванского, был хотя и «утрированный, но типичный пример отношения тогдашнего ученого к его работам» [Павлов-Сильванский, 1988, *549*].

У Н.П. Павлова-Сильванского после окончания Санкт-Петербургского университета наступило непростое время – «был период полного скепсиса в своих силах», и это вполне понятно. Ведь, когда он писал свою первую статью по истории русского феодализма (о закладничестве), ближайший друг и коллега С.Ф. Платонов предрек ему: «И будут же вас ругать» [Павлов-Сильванский, 1988, *554*]. Как впоследствии истолковал сам историк, этими словами Платонов желал «отклонить его от ненадежного пути».

Поскольку в стенах архива Министерства иностранных дел Н.П. Павлов-Сильванский оказался единственным профессиональным историком, ему совершенно закономерно поручили изучение архивных документов и подготовку обобщающего труда. В рамках этого задания он представил целостную картину внешней политики России эпохи Николая I, когда пост министра иностранных дел бессменно занимал К.Б. Нессельроде. Первоначально задуманный как исследование по истории международных отношений и российской внешней политики, этот труд так и не увидел света [Пресняков, 1908, *16*]. Однако в составе юбилейного сборника «Очерк истории Министерства иностранных дел в 1802–1902 гг.» [Очерк истории Министерства иностранных дел, 1902], выпущенного к столетию ведомства, Павлов-Сильванский как сотрудник архива непосредственно участвовал в сборе материалов и написании разделов. Доступ к архивным документам позволил ему значительно расширить круг своих исследований и открыть для себя совершенно новые увлекательные темы. В значительной мере именно после постигшей его неудачи вся дальнейшая служебная и научная деятельность историка оказалась замкнута в стенах архива Министерства иностранных дел России.

Следует отметить, что несколько раз историк выезжал по служебным делам в Вену, Лондон, Париж, Рим, Стамбул. В период своей деятельности в Министерстве иностранных дел он познакомился и близко сошелся с Г.В. Чичериным, будущим наркомом по иностранным делам РСФСР и СССР, который был племянником известного историка и юриста Б.Н. Чичерина. Между ними велась переписка, которая сохранилась в личном фонде Н.П. Павлова-Сильванского [АВПРИ, ф. 340, оп. 850, д. 7].

Историк был уже награжден четырьмя иностранными орденами, в том числе высшим французским – орденом Почетного легиона, а также австрийским орденом Франца Иосифа, турецким орденом Меджидие [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2526, *10–11*]. А вот за что именно, выяснить крайне трудно. Вероятнее всего, учитывая статус историка в МИДе, за передачу этим странам ценных документов, касающихся отношений с Россией.

Николай Павлович довольно успешно продвигался по служебной лестнице в Министерстве иностранных дел России, о чем убедительно говорят архивные документы. Он был принят на службу в МИД по Департаменту Государственных архивов и внутренних дел в 1896 году на должность коллежского асессора и на протяжении 10 лет последовательно через каждые два-три года получал более высокий чин до 1906 года: коллежский секретарь, титулярный советник, коллежский асессор, надворный советник, коллежский советник, тайный советник [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2526, *1–12*]. Таким образом, Н.П. Павлов-Сильванский дослужился до 4-го ранга по петровской Табели о рангах, то есть высшего. За добросовестную службу он был награжден двумя орденами: Святой Анны Иоанновны III класса и Святого Станислава III степени. Кроме того, он получил серебряную медаль в память Александра II. Его неоднократно награждали денежной премией в размере от 800 до 1900 рублей [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2526, *4*].

В МИДе его ценили не только как руководителя архива, но и как историка. Об этом говорит тот факт, что он за участие в написании труда «Очерки истории Министерства иностранных дел в 1802–1902 гг.» был награжден крупной денежной премией в размере 3000 рублей [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2526, *11*].

Только за год до своей смерти Н.П. Павлов-Сильванский выступил в качестве преподавателя высшего учебного заведения. Революция 1905–1908 годов в России вызвала к жизни ряд новых учебных заведений, открывая перед сторонником до этого времени живой преподавательской деятельности дорогу к ней, поэтому Николай Павлович с удовольствием взялся за новое для него дело.

Первым учебным заведением, где началась преподавательская деятельность ученого, была самая демократическая тогда так называемая Высшая школа П.Ф. Лесгафта. Затем последовали курсы для народных учителей, Коммерческие курсы и Высшие Бестужевские женские курсы, где Н.П. Павлов-Сильванский, читая историю русского права в течение 1907 года, мог бы со

временем полнее и глубже раскрыть свои научные взгляды и преподавательские способности. Ко всем лекциям и занятиям он всегда готовился крайне тщательно и серьезно. В его личном фонде сохранились не только краткие конспекты всех прочитанных лекций, но даже иногда их тексты [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 22; Муравьев, 1971, *247–258*].

Анализ текстов лекций показывает, что он уже в это время придерживался демократических общественно-политических взглядов, которые в течение революции 1905–1907 годов становились все более радикальными. Первой из всех прочитанных лекций Николая Павловича стала вступительная лекция, которую он провел в Высшей вольной школе 21 февраля 1906 года. На обложке рукописи она озаглавлена как «История и современность». Сама тема была весьма необычна для тогдашнего лекционного курса, и такой выбор показывает, что лектор был потрясен происходящими в России революционными событиями [Муравьев, 1972, *337–364*].

К сожалению, преждевременная трагическая смерть помешала историку полностью раскрыться как выдающемуся ученому, лектору и преподавателю. При жизни через свои лекционные практики он стремился донести до общественности радикализм собственных взглядов в преддверии грядущих перемен в России. Именно с этой целью Н.П. Павлов-Сильванский обратился к новым для себя научно-исследовательским темам: истории революционного освободительного движения в России XVIII–XIX веков и политической истории Российского государства в XIX – начале XX века.

В 1907 году Н.П. Павлова-Сильванского избрали по конкурсу профессором высших женских курсов, созданных по инициативе известного историка В.И. Бестужева-Рюмина. Это было первое в России высшее учебное заведение для женщин.

Весьма непросто сложилась личная семейная жизнь Николая Павловича. Первый церковный брак его состоялся по настоянию отца в 1897 году с мещанкой из Кронштадта Владимировой Александрой Александровной, от которой у него был сын, погибший в блокадном Ленинграде в 1943 году [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2526, *9*]. После смерти Н.П. Павлова-Сильванского воспитанием его сына занималась сестра историка Зинаида Павловна, после подачи заявления в МИД [АВПРИ, ф. 159, оп. 464, д. 2526, *6–7*]. Вторично он женился по любви в 1902 году на белошвейке – дочери швейцара и охранника здания МИДа России.

Ему не исполнилось и 39 лет, он был полон сил и энергии, находясь в творческом расцвете, но умер в мучениях. Как вспоминали друзья, 16 сентября 1908 года вечером Н.П. Павлов-Сильванский с женой поужинал в ресторанчике на Невском проспекте, недалеко от дома и места своей службы в МИДе. Там он выпил бутылку бордо и съел поджаренный на огне свиной карбонат, который оказался зараженным холерой. Ночью ему стало плохо, он весь почернел; холера протекала скоротечно, с разложением внутренних органов.

Утром историк сам вызвал санитарную карету, спустился со второго этажа квартиры, запретив жене и прислуге приближаться к нему, и уехал в холерный барак, где и скончался [Клочков, 1908, *643*]. Неизвестно, как сложилась бы его судьба дальше, если бы не эта преждевременная смерть.

После смерти Николая Павловича его сестры – Александра, Зинаида и Софья – по ходатайству в МИД получили усиленные пенсии [РГИА, ф. 1014, оп. 1, д. 2]. Род Павловых-Сильванских продолжался в советское время по линии дяди Н.П. Павлова-Сильванского.

Ценность научного вклада историка оценивается не тем, как относились к нему современники, а более всего тем, какую ценность представляют его труды для последующего поколения ученых. Вне всякого сомнения, его работы оказали существенное влияние на формирование взглядов советских историков. Становление Николая Павловича Павлова-Сильванского проходило в семье русской интеллигенции с глубокими культурными и просветительскими традициями. Значительное влияние оказала на него историческая научная среда Санкт-Петербургского университета. Его раннее образование было связано с личным трудолюбием и настойчивостью, что впоследствии позволило преодолеть академические трудности и выстроить самостоятельный научный путь. Ключевым элементом в его научной деятельности становится также дружба с единомышленниками, участие в научных сообществах того времени, что влияло на его взгляды по проблемам феодализма. В итоге Павлов-Сильванский сформировался как представитель либеральной историографии с новаторским подходом, интегрирующим классические традиции и передовые идеи своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Алаев Л.Б. Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2. С. 46–72.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 159. Оп. 464. Д. 2526.

АВПРИ. Ф. 340. Оп. 850. Д. 7.

Гоголев И.Б. История феодализма в работах Н.П. Павлова-Сильванского // Емельяновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 21 мая 2010 года). Курган: Курганский государственный университет, 2010. С. 24–26.

Историография истории России: учебник для вузов / под ред. А.А. Чернобаева. М.: Юрайт, 2025. 429 с. URL: https://urait.ru/bcode/560271/p.255 (дата обращения: 28.11.2025).

Кареев Н.И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского. СПб.: Тип. Шредера, 1910. Т. IV. 145 с.

Клочков М.В. Николай Павлович Павлов-Сильванский (некролог) // Исторический вестник. 1908. Т. 114. С. 633–645.

Мининкова Л.В. Н.П. Павлов-Сильванский о теории вотчинного государства в русской историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 1(185). С. 50–55.

Муравьев В.А. Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография») // История и историки: историографический ежегодник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 337–364.

Муравьев В.А. Лекционные курсы Н.П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга // Археографический ежегодник за 1969 год. М.: Наука, 1971. С. 247–258.

Муравьев В.А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX вв. Серия: Исторические исследования. М.: Квадрига, 2016. 404 с.

Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1902. 206 с.

Павлов-Сильванский П.Н. Обская водная система и Северный морской путь. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895. 10 с.

Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С.

Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): информационный ресурс / редкол.: Т.Н. Жуковская, А.Ю. Дворниченко (рук. проекта, отв. ред.), Е.А. Ростовцев (отв. ред.), И.Л. Тихонов. СПб., 2016. URL: https://bioslovhist.spbu.ru/person/2390-pavlov-silvanskij-nikolaj-nikolaevic.html?ysclid=mij3yvqbvq855338707 (дата обращения: 28.11.2025).

Пресняков А.Е. Н.П. Павлов-Сильванский (некролог) // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. XVIII. СПб., 1908. Ноябрь. С. 11–18.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1014. Оп. 1. Д. 1.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 2.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 6.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 7.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 8.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 9.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 10.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 11.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 22.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 29.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 67.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 73.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 92.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 93.

Свак Д. «Дурно» ли говорить о «русском феодализме»? (К историографии вопроса) // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 5–55.

Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 137–143.

Соловьев К.А. Павлов-Сильванский Николай Павлович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX вв.: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 691–693.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9321.

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 26 525.

ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 42.

A.E. Denisov
PhD in Pedagogical Sciences (Associate Professor),
Head of the Military training center at Smolensk State University,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

I.V. Nevzorova
PhD in History, Associate Professor,
Chair of History of Russia,
Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russia

The Life of the Historian N.P. Pavlov-Silvansky

The work analyzes the biographical data and key stages in the formation of Pavlov-Silvansky as a scholar in the context of the cultural and educational conditions of his life and historical era. The research material includes archival data, biographical sources, and an analysis of the scholar's academic environment. The article aims to identify the characteristics of the professional development of N.P. Pavlov-Silvansky, showing the influence of family traditions, the educational environment of St. Petersburg University, and scholarly schools on the development of his historical method and views. Ha Pavlov-Silvansky were influential deep cultural and educational family traditions. As a person, he was quite reserved and introverted, persistent and diligent in achieving his goals. During his student years, he demonstrated the ability for independent and critical thinking. The scholar was able to innovatively combine the traditions of the state school of historians with a new comparative-historical research method. While working as an employee of the archive of the Ministry of Foreign Affairs, he distinguished himself as a professional source specialist and archaeographer. The work shows that Pavlov-Silvansky developed into an independent scholar who combined liberal views with scientific rigor and a new approach to historical problems of feudalism in Russia. His works became an important contribution to the development of domestic historical science in the early 20th century.

Keywords: *N.P. Pavlov-Silvansky; biography; liberal historiography; history of historical science; Saint-Petersburg Historical School.*

REFERENCES

Alaev L.B. What is a «Russian community» and what is «Russian collectivism» [Chem byla «russkaya obshchina» i chto takoe «russkaya obshchinnost'»]. *History and contemporary time,* 2014. No. 2.Pp. 46–72 (in Russian).

Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire [Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii]. Form 159, inventory 464, paper 2526 (in Russian).

AVPRI, form 340, inventory 850, paper 7. (in Russian).

Gogolev I. B. The History of Feudalism in the works of N.P. Pavlov-Silvansky [Istoriya feodalizma v rabotakh N.P. Pavlova-Sil'vanskogo]. *Yemelyanov readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference.* Kurgan State University: Kurgan, 2010, Pp. 24–26 (in Russian).

Historiography of the history of Russia: textbook for universities. Edited by A.A. Chernobaev [Istoriografiya istorii Rossii: uchebnik dlya vuzov /pod red. A. A. Chernobaeva]. Moscow: Publisher Yurayt, 2025. 429 p. Available at: https://urait.ru/bcode/560271/p.255 (accessed on November 11, 2025) (in Russian).

Kareev N.I. In what sense can we talk about the existence of feudalism in Russia? Regarding the Pavlov-Silvansky theory [V kakom smysle mozhno govorit' o sushchestvovanii feodalizma v Rossii? Po povodu teorii Pavlova-Sil'vanskogo]. Saint-Petersburg: Schroeder's Printing House, 1910. Vol. IV. 145 p. (in Russian).

Klochkov M.V. Nikolay Pavlovich Pavlov-Silvansky (obituary) [Nikolaj Pavlovich Pavlov-Sil'vanskij (nekrolog)]. *Historical bulletin,* 1908. Vol. 114. Pp. 633–645 (in Russian).

Mininkova L.V. N.P. Pavlov-Silvansky on the theory of the patrimonial state in Russian historiography [N. P. Pavlov-Sil'vanskij o teorii votchinnogo gosudarstva v russkoj istoriografii]. *News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences,* 2015. No. 1(185). Pp. 50–55 (in Russian).

Muraviev V.A. Two lectures by N.P. Pavlov-Silvansky ("History and modernity", "Revolution and russian historiography") [Dve lekcii N. P. Pavlova-Sil'vanskogo («Istoriya i sovremennost'», «Revolyuciya i russkaya istoriografiya»)]. *History and Historians: a historiographical yearbook.* 1972. Moscow, 1973. Pp. 337–364 (in Russian).

Muravyov V.A. N.P. Pavlov-Silvansky lecture courses in higher free educational institutions of St. Petersburg [Lekcionnye kursy N. P. Pavlova-Sil'vanskogo v vysshih vol'nyh uchebnyh zavedeniyah Peterburga]. *The Archeographic Yearbook for 1969.* Moscow, 1971. Pp. 247–258 (in Russian).

Muravyev V.A. Theories of Feudalism in Russia in russian historiography of the late 19th – early 20th centuries [Teorii feodalizma v Rossii v russkoj istoriografii konca XIX – nachala XX vv.]. *Series: Historical research.* Moscow: Quadriga, 2016. 404 p. (in Russian).

An essay on the history of the Ministry of Foreign Affairs. 1802-1902. [Ocherk istorii Ministerstva inostrannyh del. 1802—1902.]. Saint-Petersburg, 1902. 206 p. (in Russian).

Pavlov-Silvansky P.N. The Ob water system and the Northern Sea Route [Obskaya vodnaya sistema i Severnyj morskoj put']. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin Printing House, 1895. 10 p. (in Russian).

Pavlov-Silvansky N.P. Feudalism in Russia [Feodalizm v Rossii.]. Moscow, 1988. 696 p. (in Russian).

Saint-Petersburg Historical School (XVIII – early XX century): an information resource [Peterburgskaya istoricheskaya shkola (XVIII — nachalo XX v.): informacionnyj resurs]. Saint-Petersburg, 2016. Available at: https://bioslovhist.spbu.ru/person/2390-pavlov-silvanskij-nikolaj-nikolaevic.html?ysclid=mij3yvqbvq855338707 (accessed on November 28, 2025) (in Russian).

Presnyakov A.E. N.P. Pavlov-Silvansky (obituary) [N.P. Pavlov-Sil'vanskij (nekrolog)]. *Journal of the Ministry of Public Education.* Part XVIII. Saint-Petersburg, 1908. November. Pp. 11–18 (in Russian).

Russian State Historical Archive [Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv]. Form 1014, inventory 1, paper 1. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 2. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 6. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 7. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 8. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 9. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 10. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 11. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 22. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 29. (in Russian).

RGIA, form 1014, inventory 1, paper 67. (in Russian).
RGIA, form 1014, inventory 1, paper 73. (in Russian).
RGIA, form 1014, inventory 1, paper 92. (in Russian).
RGIA, form 1014, inventory 1, paper 93. (in Russian).
Svak D. Is it "bad" to talk about "Russian feudalism"? (To the historiography of the question) ["Durno" li govorit' o "russkom feodalizme"? (K istoriografii voprosa)]. *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,* 2000. No. 2. Pp. 5–55 (in Russian).
Sverdlov M. B. The social system of Ancient Russia in Russian historical science of the XVIII – XX centuries [Obshchestvennyj stroj Drevnej Rusi v russkoj istoricheskoj nauke XVIII – XX vekov]. Saint- Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House, 1996. pp. 137–143 (in Russian).
Solovyov K. A. Pavlov-Silvansky Nikolai Pavlovich [Pavlov-Sil'vanskij Nikolaj Pavlovich]. *Russian liberalism in the middle of the XVIII – early XX centuries: An Encyclopedia.* Moscow: Rosspan, 2010. Pp. 691–693 (in Russian).
Central State Historical Archive of Saint Petersburg [Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga]. Form 14, inventory 1, paper 9321. (in Russian).
CGIA SPb., form 14, inventory 3, paper 26525. (in Russian).
CGIA SPb., form 119, inventory 1, paper 42. (in Russian).

Г.А. Жигалова

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 94(47).084.9

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-173-185

ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛАХ «FOREIGN AFFAIRS» И «FOREIGN POLICY» (1985–1991)

Ключевые слова: *перестройка; «Foreign Affairs»; «Foreign Policy»; западное экспертное сообщество; советское общество; политическая активность; гражданское общество; М.С. Горбачев; политическое лидерство.*

Предметом изучения в статье является репрезентация политической активности советского общества в дискурсах американских аналитических журналов «Foreign Affairs» и «Foreign Policy» в период перестройки (1985–1991). Целью исследования является анализ того, как советское общество и его политическая активность репрезентировались в публикациях «Foreign Affairs» и «Foreign Policy» в годы перестройки, а также характеристика различий в интерпретации социальной динамики в рамках этих журналов. Методологической основой работы служат дискурс-анализ и компаративный подход к публикациям журналов. В результате автором были описаны различия в репрезентации политической активности советского общества в изданиях. «Foreign Affairs» в большей степени отражал «элитоцентричный» дискурс, в

котором политическая активность советского общества трактовалась через восприятие фигуры М.С. Горбачева и его политической стратегии. Напротив, «Foreign Policy», публиковавший статьи о развитии гражданского общества в СССР и работы советских общественных деятелей, создавал более плюралистическую картину социальной динамики и в отдельных случаях признавал за обществом роль самостоятельного фактора перемен. Тем не менее подобные оценки носили, скорее, исключительный характер. В целом западный экспертный дискурс, опираясь на нормативный идеал гражданского общества и фокусируясь на роли политического лидерства, скептически оценивал субъектность советского общества, репрезентируя его как вторичный элемент трансформации.

Проблематика политической активности советского общества занимает важное место в исследовании позднесоветской трансформации, поскольку позволяет по-новому осмыслить соотношение политической системы, лидерства и социальной динамики в условиях кризиса «недемократического режима». В 1985–1991 годах она приобрела особую значимость: политика гласности, расширение публичного пространства и рост социальной активности поставили вопрос о том, в какой мере происходившие изменения могли рассматриваться как проявления общественной субъектности, а не исключительно как результат управляемых преобразований сверху.

Целью настоящего исследования является анализ того, как советское общество и его политическая активность репрезентировались в публикациях «Foreign Affairs» и «Foreign Policy» в годы перестройки, а также характеристика различий в интерпретации социальной динамики в рамках этих журналов. Особое внимание уделяется тому, каким образом и в каких контекстах в публикациях данных журналов затрагивалась проблематика гражданского общества.

Выбор периодических изданий обусловлен их значимостью для западного экспертного сообщества. Происходившие события осмысляли крупнейшие советологи, политики, историки и политологи, эмигранты из СССР. История создания и институциональное положение периодических изданий были тесно связаны с трансформацией взглядов внутри американского истеблишмента. Если «Foreign Affairs» (основан в 1922 году), печатный орган Совета по международным отношениям, скорее, отражал взгляды политико-академического истеблишмента, то «Foreign Policy» (основан в 1970 году) изначально формировался как более критическая площадка, ориентированная на расширение границ допустимого обсуждения внешней и внутренней политики [Vaïsse, 2021]. В самой первой статье, опубликованной в журнале, его основатели С. Хантингтон и У. Мэншелл писали: «Наша цель – журнал о внешней политике, который был бы серьезным, но не научным, живым, но не бойким и критичным, но не негативным» [Huntington, Manshel, 1970, *5*].

Несмотря на то, что некоторые аналитики публиковались в обоих изданиях, различия редакционной политики, стилей издания формировали собственное отражение событий. В то же время архивные документы (переписка редакции «Foreign Affairs» с представителями советской эмиграции и оппозиционных организаций, пригласительные материалы редакции, а также переписка ведущих американских и зарубежных политических деятелей с советскими адресатами, включая А.Н. Яковлева) свидетельствуют о включенности обоих журналов в широкую сеть экспертного и политического общения [ГАРФ, ф. 10 092, оп. 1, д. 497, *1–4*; ГАРФ, ф. 10 063, оп. 2, д. 570, *1–6*; ГАРФ, ф. Р-9217, оп. 3, д. 20, *1–7 об.*]. «Foreign Affairs» и «Foreign Policy» выступали важными институтами интеллектуальной коммуникации. Хотя материалы журналов привлекались историками и политологами для изучения репрезентации отдельных событий, образа СССР и России [Буранок, Нестеров, 2020, *224–229*; Ковригина, 2020; Кошкин, 2019, *477–499*; Никифорова, 2022, *59–68*; Феоктистов, 2007, *1–22*; Юнгблюд, Рычкова, 2012, *88–93*], они не получили достаточного осмысления в литературе в контексте анализа политической активности советского общества, что определяет новизну данного исследования.

Методологическая основа исследования опирается на совокупность взаимодополняющих подходов. Важное место занимает имагологический подход, направленный на изучение репрезентаций «своего» и «чужого» и позволяющий рассматривать формирование образа Советского Союза в западном экспертном дискурсе в контексте более широкой традиции восприятия России. По замечанию историка В.И. Журавлевой, конструктивистская оптика имагологии дает возможность анализировать данные представления как результат дискурсивного конструирования, воспроизводящего устойчивые интерпретационные модели [Журавлева, 2024, *21*]. Кроме того, журналы «Foreign Affairs» и «Foreign Policy» рассматриваются как особые дискурсивные пространства, в рамках которых формировались и артикулировались интерпретации политической активности советского общества. Применение элементов дискурс-анализа позволяет выявить ключевые лексические и риторические конструкции, а также способы описания соотношения общества, государства и политического лидерства. Учитывается двойственная природа данных изданий, находящихся на пересечении академического и политического дискурсов, что позволяет рассматривать их публикации не только как аналитические тексты, но и как инструмент формирования экспертных представлений. Применяемые компаративный анализ и историко-генетический метод дают возможность сопоставить интерпретационные стратегии журналов «Foreign Affairs» и «Foreign Policy», а также проследить динамику репрезентаций советского общества в контексте трансформаций периода перестройки (1985–1991). В работе особое внимание уделяется способам описания советского общества и объяснения причинно-следственных связей трансформаций перестройки (инициируются ли изменения «сверху» или выводятся из социальной динамики).

В рамках западной традиции советское общество на протяжении длительного времени рассматривалось преимущественно сквозь призму тоталитарной модели, что ограничивало признание за ним политической субъектности [Шубин, 2008]. Так, М. Малиа отмечал, что сталинизм не только подавил независимые социальные структуры, но и полностью вытеснил гражданское общество, вследствие чего СССР подошел к реформам 1980-х годов без социального слоя, способного стать их носителем [Malia, 1999, *333*]. В то же время к 1970-м годам появляются работы, ставящие под сомнение тезис о полной социальной пассивности позднесоветского общества и подчеркивающие значение образования, профессиональных групп и ограниченных форм участия и дискуссий [Cohen, 1979, *187–202*; Hough, 1979; Soviet Politics and Society, 1974]. Они указывали на поверхностность представлений о советском обществе как о полностью лишенной субъектности массе. Промежуточной представляется позиция известного историка, автора монографии, посвященной М.С. Горбачеву, А. Брауна, признававшего значимость таких факторов, как рост высшего образования, но считавшего, что в целом советское общество не инициировало совокупность произошедших перемен.

В отечественных работах проблематика политического активизма, гражданского общества в СССР также находила свое осмысление. По мнению известного социолога О.Н. Яницкого, гражданское общество, активизм были в СССР всегда, поскольку это «прежде всего люди, их моральные устои, мотивация, профессиональные качества, а потом уже институты и организации» [Яницкий, 2007]. Историк и участник общественных движений перестройки А.В. Шубин отмечал, что в СССР развивались секторы гражданского общества и высокий уровень политической активности, но для полноценного его формирования не хватало системы взаимодействия этих ядер, ограниченных авторитарным политическим режимом [Шубин, 2006, *14*]. В.С. Незнанова считала, что в «советский период сложилась модель ограниченного общественного (негосударственного) самоуправления, которая включила в себя ряд важнейших элементов гражданского общества» [Незнанова, 2022, *6*].

Л.К. Рябова показала, что в эмигрантской аналитике 1970–1980-х годов существование гражданского общества, как правило, отрицалось, хотя само понимание данного термина не было четким [Рябова, 2022, *318–328*]. При этом в не так давно вышедшей антологии по Л.И. Брежневу исследовательница подчеркнула важность изучения советского общества в контексте западного восприятия, выделяя издание «Foreign Affairs» как авторитетный источник, где аналитически рассматривались характеристики советского общества и государства (экономика, политическая сфера и культура) [Брежнев: pro et contra, 2023]. Отметим, что и в англо-американской политической традиции разнообразие подходов также размывает определенность и конкретность данного понятия [Остроумов, 2013].

В первой половине перестройки авторы «Foreign Affairs» и «Foreign Policy» описывали советское общество как пассивного агента, зависимого от инициатив сверху. В публикациях подчеркивались апатия, отсутствие веры и целеустремленности после эпохи застоя [Bialer, Afferica, 1986, *607*]. Вместе с тем ряд авторов выделял группы интеллектуалов, научно-технической интеллигенции как потенциальный источник критики режима, но избегал признания за ними весомой политической субъектности [Leonhard, 1987, *407*; Simes, 1987, *481*]. Показательной является позиция экономиста М.И. Голдмана и историка М. Голдман, подчеркивавших в «Foreign Affairs», что политика демократизации и гласности была направлена не на создание демократического общества («democratic society»), а на ограничение злоупотреблений властью и мобилизацию общественной поддержки реформ [Goldman, Goldman, 1988, *570*]. С. Бялер в статье журнала «Foreign Policy», ссылаясь на традицию А. Токвиля, признавал авторитарный характер демократизации и рассматривал элементы гражданского общества как сознательно конструируемые М.С. Горбачевым инструменты контроля бюрократии, не обладавшие автономностью [Bialer, 1987, *65*]. Таким образом, несмотря на фиксацию частичного перераспределения политической власти в сторону средств массовой информации («Огонек», «Московские новости»), аналитики не фиксировали формирования в СССР системы устойчивых общественно-политических движений. В качестве ключевого актора политического процесса продолжали рассматриваться политическая элита и, прежде всего, сам политический лидер.

Ревизионистской в данном плане стала статья Ф. Старра «Soviet Union: A Civil Society» в журнале «Foreign Policy». Еще в своей монографии, посвященной развитию джаза и музыки в Советском Союзе, он отмечал, что СССР никогда не был организованным и тоталитарным монолитом [Starr, 1983, *319*]. В другой своей работе Ф. Старр писал, что после 1950-х произошла «диффузия инициативы и ответственности» («diffusion of initiative and responsibility») [Starr, 1988, *3–35*]. По мнению аналитика, в условиях развитого индустриального общества политическая элита утратила монополию на генерацию перемен и была вынуждена выступать скорее выразителем идей, уже созревших в недрах образованного общества. Старр также ссылался на А. Токвиля как основоположника развития концепта гражданского общества, но пришел к иным выводам. Урбанизация, рост образования и коммуникационная революция создали предпосылки для формирования автономных объединений, не поддающихся полному контролю со стороны государственных структур. М.С. Горбачев представал не авангардом перемен, а политиком, вынужденным реагировать на уже происходящие социальные сдвиги [Starr, 1988, *35*]. Несмотря на признание незавершенности процесса, статья Старра легитимировала рассмотрение советского общества как самостоятельного политического фактора. Работа оказалась настолько значимой для журнала «Foreign Policy», что ее несколько раз упоминал сам редактор Ч. Мейнс [Maynes, 1989, *53*;

Maynes, 1990, *8*], призывавший изучать Советский Союз и его трансформацию за пределами личности М.С. Горбачева.

Радикальный тезис Старра остался скорее интеллектуальным исключением. В мейнстриме западного дискурса политико-аналитической периодической печати, особенно на страницах «Foreign Affairs», доминировала иная перспектива, где даже признание социальных предпосылок не отменяло центральной роли лидера. Политолог Д. Хоуф, разделявший взгляд на советское общество как на способное к модернизации, в статье «Gorbachev's Politics» журнала «Foreign Affairs» отмечал, что общественная активность эпохи перестройки имела глубокие корни, поскольку ее подготовило формирование образованного «среднего класса», усвоившего гуманистические ценности русской классики и утратившего прежний страх перед Западом [Hough, 1985, *31*]. Однако, в отличие от Ф. Старра, который в «Foreign Policy» фокусировался на внутренних социальных механизмах, Дж. Хоуф сместил акцент на роль лидера, чья стратегия определяла динамику перемен в первую очередь. Аналогичным образом Д. Киркпатрик, говоря о гражданском обществе [Kirkpatrick, 1990, *2*], связывала этот процесс прежде всего с действиями руководителя СССР, а диссидентское движение рассматривала скорее как источник морального примера, нежели как самостоятельную политическую силу. Таким образом, если у Старра активное общество подталкивало лидера к реформам, то у данных авторов «Foreign Affairs» реформы мыслились как условие, при котором общество лишь начинало проявлять себя. Наиболее приближенной позицией по отношению к Ф. Старру стала точка зрения гарвардского профессора С. Хоффмана, представленная в журнале «Foreign Policy» в статье «The Case of Leadership» [Hoffman, 1990, *25–32*]. Хотя автор больше уделил внимания роли политического лидерства, он остановил свое внимание на развивающемся гражданском обществе как на критическом факторе, определившем пределы и направление реформ, инициированных сверху. Таким образом, далеко не все эксперты были согласны рассматривать искусственность формирования низовых форм политической активности.

Одновременно во второй половине перестройки, как отмечает Д. Энгерман, в западной советологии усиливались скептические оценки трансформации СССР [Engerman, 2009, *322*]. В обоих журналах фиксировалась двойственная роль гласности, содействовавшей как активизации общественной жизни, так и росту межнациональных конфликтов [Brzezinski, 1989, *1–26*; Cockburn, 1989, *168–184*; Lapidus, 1989, *92–108*]. Возрастали сомнения в способности советского общества усвоить западные политические ценности [McNeill, 1990, *158*]. Во многом общественные установки нередко интерпретировались как фактор, ограничивающий восприятие и принятие реформ. Согласно наиболее пессимистичным оценкам Дж. Карвера и Р. Пайпса, ослабление тоталитарного каркаса не создало полноценных горизонтальных связей, а высвободило архаичные, досоветские формы мобилизации: этническую рознь, ксенофобию и

имперский ресентимент [Carver, 1990, *150*; Pipes, 1991, *83*]. По замечанию политического психолога С. Кулла в журнале «Foreign Policy», в обществе сохранялось состояние глубокой амбивалентности сознания: часть советских граждан продолжала идентифицировать себя с ленинским проектом и мессианской ролью русского народа, тогда как другая утратила эту веру, не выработав устойчивых альтернативных ориентиров [Kull, 1990, *177*].

К 1991 году в «Foreign Affairs» интерес к советскому обществу уступает место анализу лидерства и кризиса коммунистической системы [Kaiser, 1991, *160–174*; Mandelbaum, 1992, *164–183*]. Хотя в работах аналитиков подчеркивались такие аспекты, как «утрата страха общества», ключевыми политическими акторами признавались М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин, а не советское общество. Журналист «The Washington Post» Р. Кайзер подчеркивал, что именно М.С. Горбачев «разбудил спящего гиганта», народ Советского Союза («a sleeping giant, the people of the Soviet Union»), и дал ему политические свободы [Kaiser, 1991, *182*]. Как отмечал М. Мандельбаум, толпа, окружившая здание российского парламента, состояла в основном из студентов и интеллигенции; вряд ли это был срез российского общества [Mandelbaum, 1992, *182*]. В то же время в статьях журнала «Foreign Policy» внимание к аспекту «общества» было чуть более расширенным. Такой дискурс складывался отчасти по причине публикации текстов не только советологов, но и непосредственных участников процессов перестройки, политических активистов, акцентировавших внимание на роли советских граждан в преодолении коммунистического прошлого. Так, по мнению известного журналиста А. Боровика, в этот период происходила уникальная трансформация: «У молодых людей формируется новое представление о ценности личности и осознание того, что государство должно служить личности, а не наоборот» [Borovik, 1989, *59*]. Схожую мысль высказывал писатель М. Стуруа, считавший, что у советского общества уже после «позорной смены власти» (Брежнев – Андропов – Черненко) осталось совсем немного страха [Sturua, 1991, *64*]. По мнению политика Д. Саймса, несмотря на кризисное состояние идентичности русского общества, исторически оно обладало демократическим опытом (республики Новгорода и Пскова, декабризм, достижения Первой русской революции) [Simes, 1991a, *98*; 1991b, *45*]. Аналитик считал, что непосредственно после распада Советского Союза русские могут использовать свой предыдущий демократический опыт. Кроме того, власть Б.Н. Ельцина, по мнению Д. Саймса, сдерживалась формирующимся гражданским обществом, новыми предпринимателями и миллионами молодых людей. С одной стороны, такие оценки придавали субъектность обществу. С другой – эксперты подчеркивали недостаток правовой и политической культуры, вероятность того, что люди жертвуют свободой во имя безопасности, рост популизма. Например, американский политик Д. Шлезингер в своей статье отражал более пессимистичный взгляд на будущее советского общества, приведя в при-

мер сцены в «Братьях Карамазовых», где человечество было готово пожертвовать свободой ради хлеба насущного («Великий инквизитор») [Schlesinger, 1991–1992, *12*]. Журналист А. Боровик подчеркивал столетнюю усталость российского народа и склонность общества ориентироваться в политике на личность, а не на конкретные пункты программы партий.

Таким образом, анализ публикаций журналов «Foreign Affairs» и «Foreign Policy» показывает, что в 1985–1991 годах политическая активность советского общества репрезентировалась западными аналитиками как важный, но вторичный элемент позднесоветской трансформации. Западные аналитики чаще рассматривали советское общество либо как объект мобилизации со стороны лидера, либо как носителя моральных и психологических черт, характера. В интерпретации «Foreign Affairs» социальная активность преимущественно подчинялась фигуре лидера, тогда как «Foreign Policy» рисовал более объемную картину: наряду с западными экспертами публиковались представители советского политического и общественного движения, фиксировались проявления активности «снизу», а в отдельных статьях – элементы гражданского общества. Тем не менее политическая система, репрезентируемая сквозь призму политических элит, оставалась главным объектом рассмотрения. В статьях журналов отражался общий скептицизм в отношении субъектности советского общества. Отдельные утверждения о наличии гражданского общества оставались исключениями, во многом потому, что сама эта категория была нормативным идеалом западного дискурса, плохо применимым к советским реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

Буранок С.О., Нестеров Д.А. Гражданская война в Китае по материалам журнала «Foreign Affairs» // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 3. С. 224–229.

Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. № 15(1). С. 20–45.

Ковригина М.С. Особенности отражения образов России в прессе США в период холодной войны (1946–1991): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 272 с.

Кошкин П.Г. Формирование нового образа России в прессе Запада с 2014 по 2019 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 477–499.

Л.И. Брежнев: pro et contra, антология / сост., коммент., указатель имен Л.К. Рябовой, А.В. Вороновича; вступ. ст. Л.К. Рябовой. 2-е изд., испр. СПб.: РХГА, 2023. 800 с. (Русский Путь).

Незнанова В.С. Особенности взаимодействия государственной власти и гражданского общества в СССР // Социодинамика. 2022. № 10. С. 1–9.

Никифорова М.В. Образ России в американских СМИ 2021 года (на материале статей журнала Foreign Affairs) // Политическая лингвистика. 2022. № 1(91). С. 59–68.

Остроумов С.В. История идеи гражданского общества в англо-американской либеральной политической традиции = History of idea of civil society in Anglo-American liberal political tradition. Montreal: Accent Graphics Communications, 2013. 128 с.

Переписка Б.С. Пушкарева с главным редактором журнала «Foreign Affairs» P. Grose о пересылке в журнал материалов телевизионной передачи об НТС от 30 июля // ГАРФ. Ф. 10 092. Оп. 1. Д. 497.

Письма А.Н. Яковлеву Г.Ф. Кеннана, профессора Принстонского университета, США; Ким Ен Сама, Председателя Либерально-демократической партии Южной Кореи; Родрика Брейтвейта, английского посла в СССР; издателей «Foreign policy» и «Нью-Йорк таймс мэгэзин», США. На английском и русском яз. // ГАРФ. Ф. 10 063. Оп. 2. Д. 570.

Пригласительные билеты и уведомления, присланные Николаевскому Б.И. редакцией журнала «Foreign Affairs». На английском языке // ГАРФ. Ф. Р-9217. Оп. 3. Д. 20.

Рябова Л.К. «Гражданское общество» в СССР в эмигрантской аналитике 1970–1980-х годов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23, № 4. С. 318–328.

Феоктистов Д.В. Особенности формирования образа «русского национализма» в прессе США (середина 1980-х – начало 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. С. 1–22.

Шубин А.В. Эволюция гражданского общества в России: разрыв и преемственность // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2008. URL: https://informacional.ru/articles/alexander_shubin_evolution_society_russia.php (дата обращения: 24.01.2026).

Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989 г.г.). М.: Европа, 2006. 339 с.

Юнгблюд В.Т., Рычкова О.В. «Foreign Affairs»: освещение войны на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, № 4. С. 88–93.

Яницкий О. Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас // Неприкосновенный запас. 2007. № 2(52). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/dlinnye-1970-e-grazhdanskoe-obshhestvo-togda-i-sejchas.html (дата обращения: 24.01.2026).

Bialer S. Gorbachev’s Move // Foreign Policy. 1987. No. 68. P. 59–87.

Bialer S., Afferica J.M. The Genesis of Gorbachev’s World // Foreign Affairs. 1986. Vol. 64, No. 3. P. 605–644.

Borovik A. Waiting for Democracy // Foreign Policy. 1989. No. 74. P. 51–60.

Brzezinski Z.K. Post-Communist Nationalism // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68, No. 5. P. 1–26.

Carver G.A. Intelligence and Glasnost // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69, No. 3. P. 147–166.

Cockburn P. Dateline USSR: Ethnic Tremors // Foreign Policy. 1989. No. 74. P. 168–184.

Cohen S. The Friends and Foes of Change: Reformism and Conservatism in the Soviet Union // Slavic Review. 1979. Vol. 38, No. 2. P. 187–202.

Engerman D.C. Know your enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2009. 459 p.

Goldman M.I., Goldman M. Soviet and Chinese Economic Reform // Foreign Affairs. 1988. Vol. 66, No. 3. P. 551–573.

Huntington S.P., Manshel W.D. Why «Foreign Policy»? // Foreign Policy. 1970. No. 1. P. 3–5.

Hoffman S. The Case for Leadership // Foreign Policy. 1990. No. 70. P. 25–32.

Hough J.F. Gorbachev’s Strategy // Foreign Affairs. 1985. Vol. 64, No. 1. P. 33–55

Hough J.F. How the Soviet Union is Governed. Cambridge: Harvard University Press, 1979. 679 p.

Kaiser R.G. Gorbachev: Triumph and Failure // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70, No. 2. P. 160–174.

Kirkpatrick J.D. Beyond the Cold War // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69, No. 1. P. 1–16.

Kull. S. Dateline Moscow: Burying Lenin // Foreign Policy. 1990. No. 78. P. 168–184.

Lapidus G.W. Gorbachev's Nationalities Problem // Foreign Affairs. 1989. Vol. 68, No. 4. P. 92–108.

Leonhard W. The Bolshevik Revolution turns 70 // Foreign Affairs. 1987. Vol. 66, No. 2. P. 388–409.

Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 514 p.

Mandelbaum M. Coup de Grace: The End of the Soviet Union // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71, No. 1. P. 164–183.

Maynes C.W. Coping with the ’90s // Foreign Policy. 1989. No. 74. P. 42–62.
Maynes C.W. The New Decade // Foreign Policy. 1990. No. 80. P. 3–13.
McNeill W.H. Winds of Change // Foreign Affairs. 1990. Vol. 69, No. 4. P. 152–175.
Pipes R.E. The Soviet Union Adrift // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70, No. 1. P. 70–87.
Schlesinger J. New Instabilities, New Priorities // Foreign Policy. 1991–1992. No. 85. P. 3–24.
Simes D. Gorbachev's Time of Troubles // Foreign Policy. 1991. No. 82. P. 97–117.
Simes D. Russia Reborn // Foreign Policy. 1991. No. 85. P. 41–62.
Simes D.K. Gorbachev: a New Foreign Policy? // Foreign Affairs. 1987. Vol. 65, No. 3. P. 477–500.
Soviet Politics and Society in the 1970’s / ed. by Henry W. Morton, Rudolf L. Tokes. New York: Praeger Publishers, 1974. 322 p.
Starr S.F. The Changing Nature of Change in the USSR // Gorbachev's Russia and American Foreign Policy / ed. by S. Bialer, M. Mandelbaum. Boulder: Westview Press, 1988. P. 3–35.
Starr F. Soviet Union: A Civil Society // Foreign Policy. 1988. No. 70. P. 26–41.
Starr S.F. Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union, 1917–1980. New York: Oxford University Press, 1983. 368 p.
Sturua M. The Real Coup // Foreign Policy. 1991. No. 85. P. 63–72.
Vaïsse J. Consensus Lost: How FP set out to change the world // Foreign Policy. URL: https://foreignpolicy.com/2021/01/15/foreign-policy-magazine-history-1970s-liberal-internationalism-journalism-vietnam-carter/ (дата обращения: 24.12.2025).

G.A. Zhigalova
Postgraduate Student,
the Institute of History of Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

Assessment of the Political Activity in Soviet Society: A Comparative Analysis of Publications in the American Magazines «Foreign Affairs» and «Foreign Policy» (1985–1991)

Subject of the article is the representation of Soviet society's political activity in the discourse of the American analytical journals «Foreign Affairs» and «Foreign Policy» during the Perestroika period (1985–1991). The aim of the study is to analyze how Soviet society and its political activity were represented in the publications of «Foreign Affairs» and «Foreign Policy» during Perestroika, as well as to identify differences in the interpretation of social dynamics within these journals. The methodological basis of the work is discourse analysis and a comparative approach to the journals' publications. As a result, the author identified differences in the representation of Soviet society's political activity between the publications. The journal «Foreign Affairs» largely reflected an elitist discourse, in which the political activity of Soviet society was interpreted through the prism of M.S. Gorbachev and his political strategy. In contrast, «Foreign Policy», which published articles on the development of civil society in the USSR and works by Soviet public figures, created a more pluralistic picture of social dynamics and in some cases recognized society's role as an independent factor of change. However, such assessments were rather exceptional. In general, the

Western expert discourse, relying on the normative ideal of civil society and focusing on the role of political leadership, viewed the agency of Soviet society with skepticism, representing it as a secondary element of the transformation.

Keywords: *Perestroika; «Foreign Affairs»; «Foreign Policy»; Western expert community; Soviet society; political activity; civil society; M.S. Gorbachev; political leadership.*

REFERENCES

Buranok S.O., Nesterov D.A. The Civil War in China Based on Materials from the Journal "Foreign Affairs" [Grazhdanskaya voyna v Kitaye po materialam zhurnala «Foreign Affairs»]. *Samara Scientific Bulletin*, 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 224–229 (in Russian).

Zhuravleva V.I. Russia and the USA as Significant Others in National Identity Discourses [Rossiya i SShA kak znachimy`e Drugie v nacional`ny`x diskursax identichnosti]. *International Analysis*, 2024. No. 15 (1). Pp. 20–45 (in Russian).

Kovrigina M.S. Features of the Representation of Images of Russia in the US Press during the Cold War (1946–1991) [Osobennosti otrazheniya obrazov Rossii v presse SShA v period kholodnoy voyny (1946–1991)]. *Dissertation ... Candidate of Philology*. Moscow, 2020. 272 p. (in Russian).

Koshkin P.G. Formirovaniye novogo obraza Rossii v presse Zapada s 2014 po 2019 g. [Formation of a New Image of Russia in the Western Press from 2014 to 2019]. *Bulletin of Saint-Petersburg University*, 2019. Vol. 12. Issue 4. Pp. 477–499 (in Russian).

L.I. Brezhnev: pro et contra, antologiya [L.I. Brezhnev: pro et contra, antologiya]. Compiled, annotated, and with an index of names by L.K. Ryabova and A.V. Voronovich; introductory article by L.K. Ryabova. The 2nd, revised edition. Saint-Petersburg: RKhGA, 2023. 800 p. (*Russian Path*) (in Russian).

Neznanova V.S. Specifics of the Interaction Between State Power and Civil Society in the USSR [Osobennosti vzaimodejstviya gosudarstvennoj vlasti i grazhdanskogo obshhestva v SSSR]. *Sociodynamics,* 2022. No. 10. Pp. 1–9 (in Russian).

Nikiforova M.V. The Image of Russia in the American Media in 2021 (Based on Articles from Foreign Affairs Magazine [Obraz Rossii v amerikanskikh SMI 2021 goda (na materiale statey zhurnala Foreign Affairs)]. *Political Linguistics*, 2022. No. (91). Pp. 59–68 (in Russian).

Ostroumov S.V. History of the Idea of Civil Society in the Anglo-American Liberal Political Tradition [Istoriya idei grazhdanskogo obshchestva v anglo-amerikanskoy liberal'noy politicheskoy traditsii]. Montreal: Accent Graphics Communications, 2013. 128 p. (in Russian).

Correspondence of B.S. Pushkarev with the Editor-in-Chief of "Foreign Affairs" P. Grose about Sending Materials of a TV Program about the NTS on July 30 [Perepiska B.S. Pushkareva s glavnym redaktorom zhurnala «Foreign Affairs» P. Grose o peresylke v zhurnal materialov televizionnoy peredachi ob NTS ot 30 iyulya]. The State Archive of the Russian Federation. File 10092. Inventory 1. Case 497. List 1–4 (in Russian).

Letters to A.N. Yakovlev from G.F. Kennan, Professor at Princeton University, USA; Kim Young Sam, Chairman of the Liberal Democratic Party of South Korea; Rodric Braithwaite, British Ambassador to the USSR; Publishers of "Foreign Policy" and "The New York Times Magazine", USA. In English and Russian [Pis'ma A.N. Yakovlevu G.F. Kennana, professora Prinstonskogo universiteta, SShA; Kim Yon Sama, Predsedatelya Liberal'no-demokraticheskoy partii Yuzhnoy Korei; Rodrika Breytveyta, angliyskogo posla v SSSR; izdateley "Foreign policy" i "N'yu-York tayms megazin", SShA. Na angliyskom i russkom yaz]. The State Archive of the Russian Federation. File 10063. Inventory 2. Case 570. Lists 1–6 (usual) (in Russian).

Invitation Cards and Notices Sent to B.I. Nikolaevsky by the Editorial Office of "Foreign Affairs". In English [Priglasitel'nyye bilety i uvedomleniya, prislannyye Nikolayevskomu B.I.

redaktsiyey zhurnala "Foreign Affairs". Na angliyskom yazyke]. The State Archive of the Russian Federation. File R-9217. Inventory 3. Case 20. List 1–7 (in Englsih).

Ryabova L.K. "Civil Society" in the USSR in Emigre Analytics of the 1970s-1980s ["Grazhdanskoye obshchestvo" v SSSR v emigrantskoy analitike 1970-1980-kh godov]. *Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 2022. Vol. 23. No. 4. Pp. 318–328 (in Russian).

Feoktistov D.V. Features of the Formation of the Image of "Russian Nationalism" in the US Press (mid-1980s – early 1990s) [Osobennosti formirovaniya obraza "russkogo natsionalizma" v presse SShA (seredina 1980-kh - nachalo 1990-kh gg.)]. *The abstract of the dissertation ... Candidate of History*. Kursk, 2007. Pp. 1–22 (in Russian).

Shubin A.V. The Evolution of Civil Society in Russia: Rupture and Continuity [Evolyutsiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: razryv i preyemstvennost']. *Historical Space. Issues in the History of CIS Countries*. Moscow, 2008. Available at: https://informacional.ru/articles/alexander_shubin_evolution_society_russia.php (accessed on January24, 2026) (in Russian).

Shubin A.V. Betrayed Democracy. The USSR and Informals (1986-1989) [Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly (1986-1989 g.g.)]. Moscow: Yevropa, 2006. 339 p. (in Russian).

Yungblyud V.T., Rychkova O.V. "Foreign Affairs": Coverage of the War on the Soviet-German Front in 1941–1945 ["Foreign Affairs": osveshcheniye voyny na sovetsko-germanskom fronte v 1941–1945 gg.]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin,* 2012. Vol. 1. No. 4. Pp. 88–93 (in Russian).

Yanitskiy O. The Long 1970s: Civil Society Then and Now [Dlinnyye 1970-ye: grazhdanskoye obshchestvo togda i seychas]. Emergency reserve, 2007. No. 2 (52). Available at: https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/dlinnye-1970-e-grazhdanskoe-obshhestvo-togda-i-sejchas.html (accessed on January 24, 2026) (in Russian).

Bialer S. Gorbachev's Move. *Foreign Policy,*1987. No. 68. Pp. 59–87 (in English).

Bialer S., Afferica J.M. The Genesis of Gorbachev's World. *Foreign Affairs,* 1986. Vol. 64. No. 3. Pp. 605–644 (in English).

Borovik A. Waiting for Democracy. *Foreign Policy,* 1989. No. 74. Pp. 51–60 (in English.

Brzezinski Z.K. Post-Communist Nationalism. *Foreign Affairs,* 1989. Vol. 68. No. 5. Pp. 1–26 (in English).

Carver G.A. Intelligence and Glasnost. *Foreign Affairs*, 1990. Vol. 69. No. 3. Pp. 147–166 (in English).

Cockburn P. Dateline USSR: Ethnic Tremors. *Foreign Policy,* 1989. No. 74. Pp. 168–184 (in English).

Cohen S. The Friends and Foes of Change: Reformism and Conservatism in the Soviet Union. *Slavic Review.* Vol. 38. No. 2. Pp. 187–202 (in English).

Engerman D.C. Know your enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2009. 459 p. (in English).

Goldman M. I., Goldman M. Soviet and Chinese Economic Reform. *Foreign Affairs,* 1988. Vol. 66. No. 3. Pp. 551–573 (in English).

Huntington S. P., Manshel W. D. Why "Foreign Policy"? *Foreign Policy,* 1970. No. 1. Pp. 3–5 (in English).

Hoffman S. The Case for Leadership. *Foreign Policy,* 1990. No. 70. Pp. 25–32 (in English).

Hough J. F. Gorbachev's Strategy. *Foreign Affairs*, 1985. Vol. 64. No. 1. Pp. 33–55 (in English).

Hough J. F. How the Soviet Union is Governed. Cambridge: Harvard University Press 1979. 679 p. (in English).

Kaiser R. G. Gorbachev: Triumph and Failure. *Foreign Aff*airs, 1991. Vol. 70. No. 2. Pp. 160–174 (in English).

Kirkpatrick J.D. Beyond the Cold War. *Foreign Affairs,* 1990. Vol. 69, No. 1. Pp. 1–16 (in English).

Kull. S. Dateline Moscow: Burying Lenin. *Foreign Policy,* 1990. No. 78. Pp. 168–184 (in English).

Lapidus G.W. Gorbachev's Nationalities Problem. *Foreign Affairs,* 1989. Vol. 68. No. 4. Pp. 92–108 (in English).

Leonhard W. The Bolshevik Revolution turns 70. *Foreign Affairs,* 1987. Vol. 66. No. 2. Pp. 388–409 (in English).

Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA ; London : The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 514 p. (in English).

Mandelbaum M. Coup de Grace: The End of the Soviet Union. *Foreign Affairs,* 1992. Vol. 71, No. 1. Pp. 164–183 (in English).

Maynes C.W. Coping with the '90s. *Foreign Polic,*. 1989. No. 74. Pp. 42–62 (in English).

Maynes C.W. The New Decade. *Foreign Policy,* 1990. No. 80. Pp. 3–13 (in English).

McNeill W.H. Winds of Change. *Foreign Affairs,* 1990. Vol. 69. No. 4. Pp. 152–175 (in English).

Pipes R.E. The Soviet Union Adrift. *Foreign Affairs,* 1991. Vol. 70. No. 1. Pp. 70–87 (in English).

Schlesinger J. New Instabilities, New Priorities. *Foreign Polic,* 1991-1992. No. 85. Pp. 3–24 (in English).

Simes D. Gorbachev's Time of Troubles. *Foreign Policy,* 1991. No. 82. Pp. 97–117 (in English).

Simes D. Russia Reborn. *Foreign Policy,* 1991. No. 85. Pp. 41–62 (in English).

Simes D.K. Gorbachev: a New Foreign Policy? *Foreign Affairs,* 1987. Vol. 65. No. 3. Pp. 477–500 (in English).

Soviet Politics and Society in the 1970's. Edited by Henry W. Morton, Rudolf L. Tokes. New York: Praeger Publishers, 1974. 322 p. (in English).

Starr F. Soviet Union: A Civil Society. *Foreign Policy,* 1988. No. 70. Pp. 26–41 (in English).

Starr S. F. Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union, 1917–1980. New York : Oxford University Press, 1983. 368 p. (in English).

Sturua M. The Real Coup. *Foreign Policy*. 1991. No. 85. Pp. 63–72 (in English)..

Vaïsse J. Consensus Lost: How FP set out to change the world [Electronic resource] // Foreign Policy. Available at: https://foreignpolicy.com/2021/01/15/foreign-policy-magazine-history-1970s-liberal-internationalism-journalism-vietnam-carter/ (accessed on December 24, 2025).

С.В. Ананьев

Главный центр научных исследований
Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации
Москва, Россия

УДК 93/94

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-186-200

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗАПАДНЫХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1900–1907)

Ключевые слова: *русификация; унификация; интеграция; безопасность; конфессиональный вопрос; аграрный вопрос; национальная политика; революция*.

Статья посвящена особенностям организации и проведения правительственной политики по обеспечению государственной и общественной безопасности в Привислинском крае и Северо-Западном крае Российской империи в 1900–1907 годах. Отмечены основные направления политики, и показаны ее результаты. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, а также общенаучные методы исследования. Данное исследование углубляет имеющиеся в отечественной историографии сведения по изучаемому вопросу. На основе проведенной работы сделан вывод, что национальная политика царского правительства на западных окраинах Российской империи по обеспечению государственной и общественной безопасности имела преимущественно социальную и конфессиональную направленность, отличалась непостоянством и зависела от меняющегося курса государственной политики и политической конъюнктуры того времени. Административно-полицейские меры не способствовали решению проблем обеспечения безопасности региона.

Вопросы обеспечения государственной и общественной безопасности имеют непосредственную взаимосвязь как с правоохранительными органами государства, так и с органами центральной власти, определяющими направление правительственной политики, ставящими задачи региональным органам власти по их исполнению на местах. Российская империя в начале XX века – монархия во главе с императором, осуществлявшая законодательную, исполнительную и судебную власть при помощи государственного аппарата, который представлял собой систему тесно взаимосвязанных основных элементов государственного механизма, соответствующих им учреждений и органов.

Цель исследования – анализ деятельности органов государственной власти Российской империи в решении вопросов обеспечения государственной и общественной безопасности в Привислинском и Северо-Западном краях Российской империи начала XX века.

Актуальность исследования заключается в том, что сегодня, с обострением военно-политической обстановки на западных рубежах Российского государства, изучение исторического опыта деятельности органов власти по обеспечению внутренней безопасности приобретает особое значение и позволяет извлечь необходимые уроки.

В процессе изучения правительственной политики на западных окраинах Российской империи начала XX века применялись как исторические исследования, так и исторические источники: архивные материалы, нормативные акты, воспоминания современников событий. В частности, в работе были использованы воспоминания одного из лидеров польского национального движения – Р. Дмовского [Дмовский, 1909], генерал-майора Отдельного корпуса жандармов П.П. Заварзина [Заварзин, 1924] и товарища министра внутренних дел, начальника Отдельного корпуса жандармов генерала П.Г. Курлова [Курлов,1992].

Особенности правительственной политики по обеспечению государственной и общественной безопасности в Северо-Западном крае и польских губерниях Российской империи начала XX века в отечественной историографии рассматриваются впервые, однако определенные сведения автором были почерпнуты в трудах дореволюционных [Грибовский, 1912], советских [Липинский, 1978] и особенно современных отечественных [Дякин, 1996; Агаджанов, 1997; Курицын, 1998; Горизонтов, 1999; Бахтурина, 2004; Кондратенко, 2005; Ананьич, 2006; Долбилов, 2006; Долбилов, 2010; Крот, 2020] и зарубежных [Бендин, 2010; Гронский, 2013; Вех, 2021] исследователей.

Конец XIX – начало XX века являлись переломным периодом не только для Российской империи, но и для ее западных окраин, которые к началу XX века представляли собой территорию с целым комплексом не решенных в течение прошлого столетия проблем: национальных, религиозных, языковых, социальных, аграрных и т.д. [Долбилов, 2006, *343*]. Правительственная политика второй половины XIX столетия, чередовавшая репрессивные и либеральные меры, убедила правящий режим в необходимости практического внедрения именно консервативной модели управления окраинами государства при помощи военно-полицейской силы. Определяющим вектором царской политики стало стремление к полному интегрированию западного региона в структуру Российской империи.

В Привислинском крае[1] к этому времени сложилась система управления, характеризующаяся военно-полицейской направленностью. О милитаризации Варшавского военного округа, сформированного на территории польских губерний с 1864 года, к началу XX века свидетельствуют данные о расположении в генерал-губернаторстве до 240 тыс. солдат, причем только в одной Варшаве – более 40 тыс.[2] В апреле 1900 года варшавскому генерал-губернатору были временно предоставлены особые полномочия по изданию обязательных постановлений по предметам, относящимся к предупреждению нарушения государственного порядка и общественного спокойствия [Собрание узаконений, 1863–1917, *ст. 1320*]. Кроме того, была введена должность помощника генерал-губернатора по полицейской части.

Одним из направлений правительственной политики, имеющей целью обеспечение государственной и общественной безопасности в регионе, стала его унификация и русификация. Варшавские наместники во всеподданнейших докладах на имя императора между тем констатировали наличие сильного влияния семейного воспитания на польское общество, функционирования тайных польских школ, сводивших на нет просветительскую работу русской школы в Привислинском крае. Усугубляли положение польская и литовская политическая пропаганда среди местного населения [ГАРФ, ф. 265, оп. 1, д. 1167, *100–102*].

Политическая стратегия царского правительства в отношении губерний Северо-Западного края со времен 1860-х годов изменений не претерпела и в целом характеризовалась отношением к ним как к исконно русским территориям. Характер правительственной политики в крае определялся тем, что «принимаемые и проводимые в настоящее время меры не могут иметь характера насилия, а представляют законные средства для восстановления утраченного в прошлом» [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 472, *34 об.*]. Официально отмечалось, что имевшаяся степень интеграции Северо-Западного края все еще не позволяла поставить данный регион «в одинаковые политические и правовые условия с внутренними губерниями России» [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 472, *34 об.*].

Основные усилия правительство сосредоточило на решении конфессионального и аграрного вопросов, наличие которых несло угрозу общественному порядку. После смерти начальника Северо-Западного края В.Н. Троцкого 21 июня 1901 года виленское генерал-губернаторство временно упразднялось и обязанности по управлению краем императором были возложены на министра внутренних дел. Временное прекращение административной обособленности Северо-Западного края от остальных губерний государства вызвало

[1] Польские территории в составе Российской империи, до 1874 года носившие название «Царство Польское».

[2] Показатель 43 солдата на одну тысячу жителей делал Варшавский военный округ наиболее насыщенным войсками во всей Российской империи.

негативный резонанс у католического населения региона, что вынудило правительство вернуться к прежней политической линии.

6 сентября 1901 года министр внутренних дел Д.С. Сипягин направил губернаторам Северо-Западного края «руководящие указания» в отношении римско-католического духовенства и вопроса строительства в крае католических церквей. В данных указаниях требовалось «упрочение в крае еще не вполне окрепших русских начал». Применительно к римско-католической церкви признавалось необходимым «строгое отношение ко всем проявлениям со стороны приходского римско-католического духовенства резкого фанатизма и враждебности к православию» [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 472, *10–11*]. Сипягин также предлагал не ограничиваться применением системы взысканий в отношении ксендзов, а использовать и практику поощрения сотрудничавших с местными властями католических духовников.

Анализ местной администрацией всех изданных после 1863 года распоряжений генерал-губернаторов позволял скорректировать дальнейшее применение мер, «направленных на укрепление не только русской государственности, но и русской народности в Северо-Западном крае, составляющей древнее достояние России» [РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 298б, *2.*]. При решении аграрного вопроса лицам польского происхождения разрешалось в пределах девяти западных губерний арендовать земельные владения. 27 января 1901 года было отменено утвержденное императором Положение Комитета министров об ограничениях для крестьян католического вероисповедания в приобретении ими земельной собственности.

В условиях нарастания нового революционного кризиса в начале XX века, активизировались социал-демократические организации и на западных окраинах Российского государства. С 1902 года начала действовать Белорусская революционная социалистическая партия, расширился численный состав еврейского Бунда, в состав которого уже к 1903 году входило 25 тыс. членов. В связи с этим правительством были усилены административно-полицейские меры. С ростом революционного движения в стране охранные отделения создаются повсеместно в крупных региональных городах Российской империи, в том числе на западных окраинах. Другим направлением правоохранительной деятельности стал контроль за рабочей средой со стороны фабричной инспекции. Фабричные инспекторы должны были наблюдать за соблюдением порядка и законов на фабриках [Грибовский, 1912, *230*].

Новый виленский генерал-губернатор князь П.Д. Святополк-Мирский, назначенный 15 сентября 1902 года, предпочел решать сложные проблемы дальнейшей интеграции края в состав Российского государства на условиях принципиально иного характера, отличающегося применением либеральных, а не ограничительных мер. Его всеподданнейшая записка 1903 года [Святополк-Мирский, 1903] по вопросу применения «латино-ли-

товского шрифта» в литовском языке была положительно воспринята императором и затем утверждена решением Комитета министров в апреле 1904 года. Еще большая свобода литовскому языку предоставлялась Постановлением Совета министров от 7 мая 1904 года, разрешавшим использование в печати литовской и жмудской грамот. 12 ноября 1904 года высочайшим указом разрешалось обучение польскому языку в низших и средних учебных учреждениях, но только на правах необязательного предмета, после установленных уроков и за дополнительную плату.

Подобные решения распространились и на территории Привислинского края в отношении польского языка, на котором с 12 декабря 1904 года разрешалась переписка частных обществ и лиц. В дальнейшем Святополк-Мирский планировал осуществление целой серии либеральных преобразований в культурно-языковом направлении [Крот, 2020, *205–221*]. Кроме того, он предлагал смягчить закон от 10 декабря 1865 года о запрете на приобретение земли в западных губерниях лицами польского происхождения.

Таким образом, центральная власть обратила большее внимание на этнические особенности населения края, наметилась тенденция расширения религиозных свобод населения края. Однако правительство все еще полагало, что именно православное духовенство должно заниматься религиозно-нравственным просвещением народа.

В этой связи главный идеолог польской Национально-демократической партии Роман Дмовский изложил свою программу дальнейших взаимоотношений между двумя народами путем выстраивания диалога и проведения более дифференцированной национальной политики на западных окраинах. Впоследствии Дмовский пытался убедить председателя Совета министров графа С.Ю. Витте: «Поляков нельзя ставить наравне с другими “инородцами” в российском государстве, в отношении которых максимумом уступок считается терпимость к их религии… все нужды должны быть удовлетворяемы на родном языке... ею должны править люди, взращенные этим обществом, понимающие его уклад, потребности и заботящиеся о его будущем» [Дмовский, 1909, *138*]. Однако не стоит забывать и о том, что «Национальная лига» во главе с Дмовским пошла дальше, выступив за автономию польских территорий в составе Российской империи. Фактически Дмовский повторял тактику А. Велепольского начала 1860-х годов, обратившись к представителям верховной власти с предложением польской автономии, которое и в этот раз было отвергнуто[3].

Усиление тенденций роста национальных движений, выступающих под лозунгами уравнения народностей в правах, обучения на родном языке,

[3] Польская социалистическая партия во главе с Ю. Пилсудским и вовсе предлагала японцам организовать польский легион против России в Русско-японской войне 1904–1905 годов, создавала боевые дружины в Варшаве для противостояния царским войскам.

свободы вероисповедания, потребовало от правящего режима принятия новых решений по ограничению подобных явлений. В 1904 году в дополнение к Уголовному уложению 1903 года в действие была введена глава «О государственной измене» применительно к преступлениям, которые угрожают существованию государства, таким как проявления сепаратизма. Еще одна глава «О смуте» указывала на признаки государственных преступлений, а именно: участие в публичных антиправительственных собраниях, ведение пропаганды, распространение различных провокационных слухов, самозванство и т.д. [ПСЗ РИ, собр. 3, т. 23, *ст. 120–137*]. За все подобные проявления грозила каторга или тюремное заключение.

19 июня 1904 года в действие вступили «Временные правила о взысканиях за тайное обучение в северо- и юго-западных губерниях». Данный документ регламентировал право возбуждения инспекторами народных училищ дел о незаконном тайном обучении детей в польских частных школах и право наложения взысканий губернаторами. За непосещение детьми народных училищ с крестьян взимались штрафы, правда, данная мера оказалась не слишком эффективной. Не заставили себя ждать и административные меры, направленные на укрепление центральной власти в губерниях. Так, с 24 июня 1904 года губернаторы Привислинского края по делам особой важности, политическим и личного свойства были обязаны обращаться за руководством к варшавскому генерал-губернатору. Тем самым усиливалась централизация управления польских губерний и их интеграция с другими территориями Российской империи, а также осуществлялась окончательная ликвидация остатков их самобытной обособленности [Вех, 2021, *106*].

В августе 1904 года, после убийства В.К. Плеве эсерами-террористами, на пост министра внутренних дел был назначен известный своими либеральными взглядами князь П.Д. Святополк-Мирский, что свидетельствовало о смягчении правительственного курса. 12 декабря 1904 года императором Николаем II был издан указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [ПСЗ РИ, собр. 3, т. 24, *№ 1197*], в основу которого была положена политическая программа князя Святополк-Мирского, ставившая амбициозную задачу «приступить к всестороннему реформированию всех сторон государственной жизни, предпринятую через 40 лет после реформ 1860-х гг.» [Ананьич, 2006, *465*].

Одним из узловых вопросов оставался вопрос вероисповедания, в разрешении которого предполагалось лавирование между либеральными и консервативными решениями. На практике старые, 1860-х годов, административные меры контроля деятельности католического духовенства уже не действовали, а введение новых мер исключалось законом от 12 декабря 1904 года. Николай II одобрил проекты нового руководителя Министерства внутренних дел и поручил ему составить подробную докладную записку о сущно-

сти предстоящих преобразований. Однако свои коррективы в задуманные преобразования внесли развивающиеся в этот период революционные события.

Начавшаяся Первая русская революция 1905–1907 годов способствовала продолжению начавшегося курса по смягчению политического режима. 21 января 1905 года императором было утверждено Положение Комитета министров о сокращении административно-карательных прав в отношении печати. Вместе с тем высшие правительственные круги внесли существенные коррективы в прежний курс конфессиональной политики, пытаясь выявить грань между проповедью католицизма и проповедью полонизма. 19 февраля 1905 года циркуляром министра внутренних дел были отменены меры взысканий в виде денежных штрафов, увольнения с должности, смещения виновных духовных лиц и заключения их в монастыри за католическую пропаганду. Все эти нововведения были приняты Государственным советом и утверждены императором несколько позже – 26 декабря 1905 года [РГИА, ф. 821, оп. 150, д. 5, *19*].

Значимым событием в религиозной жизни западных окраин империи стало издание указа 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости», вызвавшего одобрительную реакцию со стороны католического духовенства в виде демонстрации своих верноподданнических чувств правительству. По указу 17 апреля разрешался переход из православия в другие христианские вероисповедания, гарантировалась свобода вероисповедания даже старообрядцам и некоторым умеренным сектам. Легализация перехода из православия в другие конфессии в дальнейшем привела к массовому возвращению местных жителей под покровительство католической церкви [Долбилов, 2010, *457*]. Правительство пришло к убеждению, что расширение религиозных свобод станет неким инструментом в деле «укрепления традиционной религиозности и политической лояльности, как среди духовенства и мирян терпимых исповеданий, так и среди ранее дискриминируемых групп российского общества, чем поспособствует консолидации российского общества» [Бендин, 2010].

Под влиянием революционных событий царское правительство пошло на уступки национальным меньшинствам империи в деле организации образования на их родном языке. С июня 1905 года Постановлением Комитета министров было разрешено преподавание на польском языке по всем учебным дисциплинам, кроме русского языка, истории и географии. Были приняты и другие послабления в отношении польского населения западных окраин Российской империи. В польских губерниях разрешалось преподавание родного языка, а ученикам дозволялось разговаривать на переменах по-польски. Следует отметить, что под влиянием революции 1905–1907 годов количество тайных польских школ значительно увеличилось. В конечном итоге указом императора Николая II от 24 августа 1906 года были отменены правила о наказаниях за обучение в них.

Определенная степень свободы с 1904 года была предоставлена и литовскому языку. С конца 1905 года литовский язык вводился в муниципальное самоуправление и образовательный процесс в начальных школах в двух губерниях Северо-Западного края. При этом закон 17 октября 1905 года разрешил употребление литовского языка наряду с русским в делопроизводстве негосударственных организаций [Кондратенко, 2005, *43*]. Другим последствием данной политики стал начавшийся бойкот российского образования со стороны польского населения Привислинского края, что повлекло за собой закрытие властями Варшавского университета и ряда других высших учебных заведений Варшавы.

События Первой русской революции и начавшиеся в стране демократические преобразования усилили общественно-политическое движение за восстановление польской автономии. В мае 1905 года Комитет министров постановил, что лица польского происхождения впредь допускаются к покупке земельных угодий, но только у своих соотечественников – поляков [Дякин, 1996, *40*]. Правительство было вынуждено расширить допуск представителей польской национальности к административной деятельности, правда, на низшие должности [Агаджанов, 1997, *391*].

Манифест 17 октября 1905 года, как известно, даровал населению Российской империи гражданские свободы и обещал расширить его избирательные права. Он провозгласил принцип равноправия всего населения страны, в том числе и поляки получали возможность легальной борьбы за свои национальные права. В I Государственной думе начали действовать национальные фракции: Польское коло, литовская группа, группа западных окраин. С изданием императорского указа о выборах в I Государственную Думу в декабре 1905 года в регионе стали возникать новые политические партии, которые требовали польской автономии в составе Российской империи. Законопроект «Об автономии Царства Польского» был внесен во II Государственную Думу польской фракцией «Коло». В дальнейшем, с началом работы III Государственной думы в ноябре 1907 года, представительство польских губерний было сокращено вследствие повышения ценза для нерусских народностей западных окраин. Председатель Польского коло Р. Дмовский прокомментировал введение данной меры: «Польский народ никогда не примирится с положением граждан второго сорта» [Дмовский, 1909, *370*].

В период Первой русской революции 1905–1907 годов, несмотря на послабления в политическом, конфессиональном и социальном аспектах царской политики, сложившаяся обстановка потребовала от правительства усиления карательных функций правительственного и административного аппарата. В области государственного устройства польских губерний правительство на уступки не пошло. 8 июня 1905 года без предварительного обсуждения в Государственном совете император Николай II утвердил «Положение о Совете гос-

ударственной обороны», которое ставило задачи по усилению обороноспособности страны в связи с ростом угроз ее государственной безопасности. 25 июня 1905 года императором было издано Положение об охране 1881 года, продленное указами от 5 августа 1906 и 5 августа 1907 годов. Кроме этого, 10 августа 1905 года императорским указом город Варшава и 10 губерний Привислинского края объявлялись на военном положении, действовавшем в период с 28 октября по 18 ноября 1905 года. На основании введенного военного положения местными органами власти закрывались органы печати, общественные собрания и союзы [Дмовский, 1909, *131*].

Императорским указом от 2 декабря 1905 года «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках на предприятиях, имеющих общественное или государственное значение» вводилась уголовная ответственность за участие в забастовках: тюремное заключение сроком от одного года до четырех лет [ПСЗ РИ, т. 25, отд. 1, *№ 26 987, ст. 1*]. Законом от 14 декабря 1905 года «О чрезвычайных мерах на железных дорогах» расширялось право местных органов власти на введение чрезвычайного или военного положения, железных дорог в отдельных местностях империи на положении охраны. Властью губернаторов и начальников железных дорог разрешалось подавление забастовок телеграфистов и железнодорожников. В декабре того же года Совет министров принял постановление о предоставлении губернаторам права разрешать наем исполнительной полиции на частные средства землевладельцев, а также команд пешей или конной стражи для поддержания порядка, спокойствия и безопасности. В данном случае можно говорить о появлении первых прототипов вневедомственной охраны в дореволюционный период развития отечественных правоохранительных структур. Кроме этого, было принято высочайшее постановление об ужесточении порядка хранения и продажи огнестрельного оружия в связи с его распространением среди гражданского населения в период революции. За нарушение постановления грозило взыскание в виде штрафа в 500 рублей или трехмесячного ареста [Законодательные акты, 1906, *281–296*]. Таким образом, к концу 1905 года власть варшавского и виленского генерал-губернаторов еще более усилилась.

После поражения Первой русской революции правительство вернулось к прежней консервативно-охранительной политике. В начале февраля 1906 года на территории Российской империи распространялись одобренные Государственным советом и утвержденные императором «Правила о призыве войск для содействия гражданским властям», в которых рекомендовалась стрельба боевыми патронами в митингующую или протестующую толпу после троекратного предупреждения. Стрельба вверх холостыми патронами запрещалась [ПСЗ РИ, собр. 3, т. 26, *№ 27 371*]. Объяснялось это решение тем, что холостые выстрелы провоцировали протестантов на продолжение незаконных акций политического характера.

Вследствие участившихся покушений и убийств должностных лиц 20 августа 1906 года правительством за террористическую деятельность в отношении гражданских лиц были введены военно-полевые суды, которые просуществовали до 19 апреля 1907 года. Эти учреждения формировались в местностях, объявленных на военном положении или на положении чрезвычайной охраны распоряжением главнокомандующего либо командующих армиями, командующего войсками или генерал-губернатора. Виновные лица предавались суду в течение суток, столько же давалось на исполнение приговора после его объявления в суде. Военно-полевые суды состояли из председателя и четырех офицеров [Собрание узаконений, 1906, *№ 206, ст. 1363*].

4 декабря 1906 года министром внутренних дел П.А. Столыпиным было утверждено «Положение о районных охранных отделениях» в поддержку розыскной деятельности в регионах. Районные охранные отделения сосредотачивали в своих руках розыскную деятельность, подчинив своему влиянию охранные отделения, губернские жандармские управления, полицейские управления и пограничные пункты. Так, в июне 1907 года одним из первых в регионе появилось Варшавское районное охранное отделение. Однако их создание привело лишь к кратковременному успеху в борьбе с революционным движением. В декабре того же года был издан указ «Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати», который усиливал полицейский контроль за публичной и издательской деятельностью[4].

Революционные события 1905–1907 годов вызвали необходимость нового расширения обязанностей правоохранительных органов в структуре административно-полицейского управления. По проекту П.А. Столыпина предполагались новые преобразования полиции, но он так и не был реализован по причине бюрократии управленческого аппарата империи и нехватки финансовых средств, влияния либеральной общественности, требовавшей принять законы, гарантирующие права и свободы личности, прежде чем осуществлять реформу полиции [Курицын, 1998, *42–43*]. Данные обстоятельства не могли позитивно сказаться на системе обеспечения внутренней безопасности как западных окраин империи, так и империи в целом.

Принцип равноправия национальностей империи, провозглашенный в годы Первой русской революции Манифестом 17 октября 1905 года, не способствовал разрешению существовавших в западных окраинах государства «польского», «еврейского» и других национальных вопросов. Представители местных национальностей получили легальное право бороться за свои права, чем не преминули воспользоваться. Официальная идеология, публицистика и печать по сложившейся традиции продолжали идентифи-

[4] Свод Законов Российской империи. В 4 т. Т. 2. М., 1910.

цировать местные национальности с «русскими» и «западнорусскими» этническими группами [Бендин, 2010, *9*]. Польские националистические и революционные партии (Польская социалистическая партия, «Пролетариат», Бунд, военно-революционные организации РСДРП и др.), усилив свою идеологию, выступили с лозунгами ликвидации монархии. Надо признать, что белорусский национализм был более лояльным по отношению к имперской власти, выступая в первую очередь с культурно-просветительских позиций. Началась мифологизация белорусской истории и создание культа ее национальных героев. Одним из таких персонажей с подачи белорусских националистов стал Кастусь Калиновский, имя которого было интерпретировано на белорусский лад, при этом он сам никогда не отождествлял себя с лидерством в белорусском национальном движении [Гронский, 2013, *192*].

Председатель правительства Российской империи П.А. Столыпин продолжал придерживаться прежней русификаторской позиции по отношению к полякам, которым адресовал следующее высказывание: «Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо – это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права» [Бахтурина, 2004, *16*]. Столыпинская риторика в отношении поляков впоследствии получила развитие на заседаниях III Государственной Думы в рамках полемики с Польским коло, где им было заявлено: «Вот сплотитесь общенациональным цементом и тогда, господа, требуйте от нас децентрализации» [Государственная дума, 1908, *стлб. 420*.]. Правительство полагало, что такой исключительный порядок управления западными окраинами империи, как генерал-губернаторство, должен быть сохранен для эффективного выполнения задач «обрусительной» политики [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 470, *9*].

Другим внутриполитическим событием первых лет после окончания революции 1905–1907 годов, затронувшим белорусские и литовские губернии, стало проведение столыпинской аграрной реформы. В целом эта реформа носила непоследовательный и нерешительный характер. Одним из проявлений реформы стала политика переселения крестьян за Урал. 11% из них, согласно статистике, являлись выходцами из белорусских губерний [Липинский, 1978, *220*]. Все эти меры не способствовали решению проблем в регионе. Товарищ министра внутренних дел генерал П.Г. Курлов, говоря о невозможности ассимилировать Польшу и интегрировать ее в структуру империи, в качестве главной причины назвал следующую: «Нельзя подчинить себе народности с высшей культурой при условии, что государство, желающее этого подчинения, стоит на низшей. Этим, по-моему мнению, объясняется тщетность всех попыток ассимилировать России Финляндию и Польшу» [Курлов, 1992, *111–112*].

Таким образом, имперская политика русификации и унификации западных окраин Российской империи хотя и имела конечной целью «обрусение»

данных территорий в целях воспитания лояльного правящему режиму населения и обеспечения внутренней безопасности, но при этом являлась отчасти непоследовательной и противоречивой. Репрессии по отношению к польскому населению и национальным меньшинствам не способствовали долговременному положительному эффекту, так же как и политика уступок, которая принималась за слабость и нацеливала их на дальнейшую борьбу за автономию, что, по словам современного исследователя Л.Е. Горизонтова, являлось «бесконечным тупиком» [Горизонтов, 1999, *47*]. Русская православная церковь наряду с русским землевладением так и не стала каркасом, который смог бы прочно связать западные окраины государства с его имперским ядром.

Итак, национальная политика царского правительства в западных окраинах Российской империи по обеспечению государственной и общественной безопасности имела преимущественно социальную и конфессиональную направленность, выбивая почву из-под ног местного польского дворянства и католического духовенства. Что касается политической направленности, то она отличалась непостоянством и зависела от меняющегося курса государственной политики и политической конъюнктуры.

ЛИТЕРАТУРА

Агаджанов С.Г., Мухамедьяров Ш.Ф., Трепавлов В.В. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1997. 415 с.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Панеях В.М. Власть и реформы. От самодержавия к советской России. М.: Олма-Пресс, 2006.734 с.

Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы I Мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. 439 с.

Вех С. Западный край («захваченные земли») во внутренней политике Российской империи // Wshodni rocznik humanistczny. 2021. Т. XVIII, № 2. С. 93–127.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1167.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470.

ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 472.

Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999. 270 с.

Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империи. Одесса, 1912. 258 с.

Государственная дума. III созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908.

Гронский А.Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника Польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский Сборник. М., 2013. С. 189–208.

Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Изд-во Н.П. Карбасникова, 1909. 292 с.

Долбилов М.Д., Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 39–53.

Заварзин П.П. Работа тайной полиции. Париж: Франко-русская печать, 1924. 174 с.

Законодательные акты переходного периода. Сборник законов, манифестов, указов Правительственному Сенату, рескриптов, и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 1904–1906 гг. СПб., 1906.

Кондратенко Д.П. Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX – начале XX века. Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2005. 238 с.

Крот М.Н. Поставить литовскую народность на правильный путь развития: записка князя Петра Святополк-Мирского о латино-литовском шрифте // Quaestio Rossica. 2020. № 1. С. 205–221.

Курицын В.М. История полиции России. Краткий очерк и основные документы: учебное пособие. М.: Щит-М, 1998. 200 с.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. 256 с.

Липинский Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск: БГУ, 1978. 224 с.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 23. СПб., 1885–1916.

ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 24. СПб., 1885–1916.

ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 25. СПб., 1885–1916.

ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 26. СПб., 1885–1916.

ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 27. СПб., 1885–1916.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298б.

РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5.

Свод Законов Российской империи. В 4 т. Т. 2. М., 1910.

Святополк-Мирский П.Д. Записка виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора по вопросу о латино-литовском шрифте. Вильна, 1903. 10 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1863–1917.

S.V. Ananyev
PhD in History, Associate Professor,
Main Center for Scientific Research
of the Federal Service of the National Guard
of the Russian Federation
Moscow, Russia

Government Policy to Ensure State and Public Security in the Western Outskirts of the Russian Empire (1900–1907)

The article is devoted to the peculiarities of the organization and implementation of government policy to ensure state and public security in the Privislinsky Territory and the North-Western Territory of the Russian Empire in 1900–1907. The main directions of the policy are noted and its results are shown. The work uses retrospective, problem-chronological, historical-comparative, as well as general scientific research methods. This study deepens the information

available in Russian historiography on the issue under study. Based on the work carried out, it was concluded that the national policy of the tsarist government in the western outskirts of the Russian Empire to ensure state and public security had a predominantly social and confessional orientation, was distinguished by inconsistency and depended on the changing course of state policy and the political situation of that time. Administrative and police measures did not contribute to solving the problems of ensuring the security of the region.

Keywords*: russification; unification; integration; safety; confessional issue; the agrarian question; national policies; revolution.*

REFERENCES

Agadzhanov S.G., Mukhamedyarov Sh. F., Trepavlov V.V. National outskirts of the Russian Empire. Establishment and development of the management system [Nacional'nie okrainy Rossiyskoy imperii. Stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya]. Moscow: Slavic dialogue, 1997. 415 p. (in Russian).

Ananyich B.V., Ganelin R.S., Paneiakh V.M. Power and reforms. From autocracy to Soviet Russia [Vlast' i reformy. Ot samoderschaviya k sovetskoy Rossii]. Moscow: Olma Press, 2006, 734 p. (in Russian).

Bakhturina A.Yu. Outskirts of the Russian Empire: public administration and national policy during the First World War (1914-1917) [Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nazional'naya politika v gody I Mirovoy voiny (1914-1917 gg.)]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 392 p. (in Russian).

Bendin A.Yu. Problems of religious tolerance in the Northwestern Territory of the Russian Empire (1863-1914) [Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiyskoy imperii (1863-1914 gg.)]. Minsk: BSU, 2010. 439 p. (in Russian).

Vekh S. Western Territory ("captured lands") in the domestic policy of the Russian Empire [Zapadniy krai («zachvachennye zemli») vo vnutrenney politike Rossiyskoy imperii]. *Wshodni rocznik humanistczny*. Vol. XVIII (2021). No. 2. Pp. 93−127 (in Russian).

GARF − State Archives of the Russian Federation. File 265. Inventory 1. Case 1167 (in Russian).

GARF − State Archives of the Russian Federation. File 543. Inventory 1. Case 470 (in Russian).

GARF − State Archives of the Russian Federation. File 543. Inventory1. Case 472 (in Russian).

Horizontov L.E. Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland [Paradoksy imperskoy politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'sche]. Moscow: Indrik, 1999. 270 p. (in Russian).

Gribovsky V.M. State structure and management of the Russian Empire [Gosudarstvennoe ustroystvo i upravlenie Rossiyskoy imperii]. Odessa, 1912. 258 p. (in Russian).

State Duma. III convocation. Verbatim records [Gosudarstvennaya duma. III soziv. Stenograficheskie otchety]. Session I. Part I. Saint-Petersburg, 1908. (in Russian).

Gronsky A.D. Construction of the image of the Belarusian national hero from the participant of the Polish uprising of 1863-1864. Vincent Konstantin Kalinovsky [Konstruirovanie obraza belorusskogo nazional'nogo geroya iz pchastnika Pol'skogo vosstaniya 1863-1864 gg. Vikentiya Konstantina Kalinovskogo]. *Russian Collection*. Moscow, 2013. Pp. 189−208 (in Russian).

Dmowski R. Germany, Russia and the Polish Question [Germaniya, Rossiya i pol'skiy vopros]. Saint-Petersburg: Publishing house N.P. Karbasnikova, 1909. 292 p. (in Russian).

Dolbilov M.D., Miller A.I. Western outskirts of the Russian Empire [Zapadnie okrainy Rossiyskoy imperii]. Moscow: New Literary Review, 2006. 608 p. (in Russian).

Dolbilov M.D. Russian region, someone else's faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II [Russkiy kray, chuschaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II]. Moscow: New Literary Review, 2010. 1000 p. (in Russian).

Dyakin V.S. The national question in the internal policy of tsarism (beginning of the 20th century) [Nacional'niy vopros vo vnutrenney politike carizma (nachalo XX v.)]. *Issues of History*, 1996. No. 11–12. Pp. 39–53 (in Russian).

Zavarzin P.P. The work of the secret police [Rabota taynoy policii]. Paris: type. Franco-Russian seal, 1924. 174 p. (in Russian).

Transitional legislation. A collection of laws, manifestos, decrees to the Government Senate, rescripts, and provisions of the committee of ministers related to the transformation of the political system of Russia, with an alphabetical index attached. 1904-1906 [Zakonodatel'nye akty perehodnogo perioda. Sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pravitel'stvennomu Senatu, reskriptov, i poloscheniy komiteta ministrov, otnosyaschichsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s priloscheniem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya. 1904-1905 gg.]. Saint-Petersburg, 1906. (in Russian).

Kondratenko D.P. Autocracy, liberals and the national question in Russia in the late XIX – early XX centuries [Samoderschavie, liberaly i nacional'niy vopros v Rossii v konce XIX – nachale XX veka]. Kirov: Publishing House of Vyatka State University for the Humanities, 2005. 238 p. (in Russian).

Krot M.N. Put the Lithuanian people on the right path of development: a note by Prince Peter Svyatopolk-Mirsky on the Latin-Lithuanian font [Postavit' litovskuyu narodnost' na pravil'niy put' razvitiya: zapiska knyazya Petra Svyatopolk-Mirscogo o latino-litovskom shrifte]. *Quaestio Rossica*, 2020. No. 1. Pp. 205–22 (in Russian).

Kuritsyn V.M. History of the Russian police. Brief outline and main papers. Tutorial [Istoriya policii Rossii. Kratkiy ocherk i osnovnie dokumenty. Uchebnoe posobie]. Moscow: Shield-M, 1998. 200 p. (in Russian).

Kurlov P.G. Death of Imperial Russia [Gibel' Imperatorskoy Rossii]. Moscow: Contemporary, 1992. 256 p. (in Russian).

Lipinsky L.P. Stolypin agrarian reform in Belarus [Stolipinskaya agrarnaya reforma v Belorussii]. Minsk: BSU, 1978. 224 p. (in Russian).

PSZ RI – Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 23. Saint-Petersburg, 1885-1916. (in Russian).

PSZ RI – Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Collection 24. Saint-Petersburg, 1885-1916. (in Russian).

PSZ RI – Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 25. Saint-Petersburg, 1885-1916. (in Russian).

PSZ RI – Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 26. Saint-Petersburg, 1885-1916. (in Russian).

PSZ RI – Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 27. Saint-Petersburg, 1885-1916. (in Russian).

RGIA – Russian State Historical Archive. File 821. Inventory 125. Case 298b. (in Russian).

RGIA – Russian State Historical Archive. File 821. Inventory 150. Case 5. (in Russian).

Code jf laws of the Russian Empire: in 4 vols. [Svod zakonov Rossiyskoy imperii: v 4 tomach]. Vol. 2. Moscow, 1910. (in Russian).

Svyatopolk-Mirsky P.D. Note of the Vilnius, Coven and Grodno Governor-General on the issue of Latin-Lithuanian font [Zapiska vilenskogo, kovenskogo i grodnenskogo general-gubernatora po voprosu o latino-litovskom shrifte]. Vilna, 1903. 10 p. (in Russian).

Collection of legalizations and orders of the government, issued under the Governing Senate [Sobranie uzakoneniy i rasporyascheniy pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyuschem Senate]. Saint-Petersburg, 1863–1917 (in Russian).

М.А. Голаев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(438)

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-201-210

СМОЛЕНСК И ЕГО КРЕПОСТЬ В ПОЛЬСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XVII ВЕКА[1]

Ключевые слова: *Смоленская осада; Смоленская крепость; Речь Посполитая; Российское государство; легитимизация.*

Статья анализирует отображение Смоленска и его крепости в польских стихотворных текстах XVII века, а также особенности их восприятия авторами документов. Для этого был отобран ряд поэтических произведений, созданных на протяжении столетия.

В результате исследования данных текстов выявлен ряд закономерностей, связанных со временем создания произведения, личностью автора и политическими реалиями Польско-Литовского государства первой половины XVII столетия. Так, исследованные тексты сконцентрированы вокруг событий Смутного времени и уделяли много внимания сложностям осады города и «героизму» польских солдат и шляхты, а также роли Сигизмунда III в этих процессах. События, происходившие после взятия города, получили гораздо меньше внимания. Польских авторов не интересовали повседневная жизнь горожан или трудности, с которыми им пришлось столкнуться после перехода города под власть Речи Посполитой. Описывая судьбу Смоленска и его жителей, они чаще всего использовали слова и выражения, уподобляющие их «добыче» или «трофею». При этом, несомненно, сам факт захвата города считался весьма важным. Можно утверждать, что он стал своеобразным «местом памяти» для Речи Посполитой исследуемого периода.

Исследование посвящено изображению Смоленска и его крепости в поэтических произведениях XVII столетия. Объектом работы является образ Смоленска и крепости в стихах того периода, а предметом – специфика их восприятия и дискурс упоминания авторами текстов.

Смоленск в XVII столетии прошел через множество событий, значительно изменивших город и его жителей. Среди таковых – строительство Смоленской крепостной стены в начале столетия, польская осада 1609–1611 годов, последующий период польского владычества и, наконец, возвращение в состав Российского государства в 1654 году. Все вышеперечисленные

[1] Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 26-28-20323).

события были важны не только для Смоленска, но и для всей Восточной Европы, потому что являлись частями более крупных явлений и процессов. Так, оборона города в 1609–1611 годах была частью Смутного времени 1598–1613 годов, в ходе которого в Московском царстве разразилась первая в отечественной истории гражданская война [Флоря, 2005, *372*]. Время нахождения Смоленска в составе Речи Посполитой в 1611–1654 годах выпало на период наибольшего могущества этого государства, его расцвет. Присоединение города обратно к Российскому государству в сентябре 1654 года обозначило окончание региональной гегемонии Польско-Литовского государства и возвышение России. По этим причинам Смоленск, его крепость и затронувшие их события не раз становились предметом отображения в различных произведениях и документах периода, причем как с русской, так и с польской стороны. Мы отобрали несколько литературных произведений, выполненных в стихотворной форме и относящихся к событиям начала и середины XVII столетия.

Исследователи давно отмечали связь литературы и политики применительно к истории Речи Посполитой [История польской литературы, 1968, *22, 25*]. Однако лишь относительно недавно идея исследовать поэтические произведения эпохи для составления более полной картины восприятия тех или иных событий стала использоваться применительно к Польше раннего Нового времени. Так, И. Прохоренков исследовал поэтические произведения, посвященные событиям Смутного времени [Прохоренков, 2013; 2021]. Важнейшим результатом его исследований стало выявление специальной пропагандистской компании в печати Речи Посполитой, проведенной на средства короля Сигизмунда III [Прохоренков, 2024]. Благодаря публикации Д. Хэмперэка мы также имеем доступ к поэме Яна Куновского, в которой поэт описывает Смоленск под польской властью [Хэмпэрэк, 2009]. Поэма содержит ценные сведения о польском идеале правления государством, основанном на сильной власти монарха-католика. В ней подчеркивается роль Смоленского воеводства как политического проекта прокоролевских кругов Речи Посполитой того периода. Формированию образа короля как «заботливого хозяина» государства и средствам глорификации образа Сигизмунда посвящен очерк Л. Ивониной [Ивонина, 2019]. Связь поэзии и политики, выражавшаяся в частом соединении этих сфер выдающимися деятелями раннего Нового времени (на примере Англии соответствующего периода), рассмотрена в монографии этого же исследователя [Ивонина, 2023]. Заметим, что для Речи Посполитой XVI–XVII веков также характерно совмещение многими интеллектуалами политической и литературной карьер. Однако эти работы далеко не исчерпывают тему. Существует множество текстов, пока еще не получивших должного внимания историков. Несколько из них исследованы в рамках данной работы.

Начнем освещение обозначенной проблемы со знакового произведения, посвященного истории Польши в первой четверти столетия, включая и период Смутного времени, – «Zbior rytmow: wedle wydania z.r. 1622 w Poznaniu» Каспера Мясковского. Произведение представляет собой сборник стихов, написанных в разное время и посвященных различным событиям. В нем достаточно подробно описываются события первой гражданской войны в России и участие в ней подданных Речи Посполитой. Разумеется, уделяется внимание и «смоленскому» сюжету. Однако автора интересуют не сами события осады и обороны города. В большей степени данный эпизод нужен для выстраивания Мясковским образа короля-победителя для Сигизмунда III. Смоленск появляется в этом сочинении буквально на первой странице:

Смоленск там же добытый, а кто посчитает
Битвы и пленных в самой… столице?[2]
[Miaskowski, 1861, *1*]

Как мы видим, Смоленск в данном случае употребляется как пример политического триумфа («Смоленск там же добытый…»), наравне с покорением русской столицы («…а кто посчитает битвы и пленных в самой… столице?»). С одной стороны, это подтверждает большое значение захвата Смоленска для Польско-Литовского государства в целом и Сигизмунда III в частности. С другой – можно вспомнить, что из всех приобретений польского оружия по итогам войны с Россией только Смоленск можно назвать значимым успехом.

Интересен фрагмент, идущий сразу после упоминания Смоленка:

Откройте, трубы, пеан – пеан северной славы!
Чтоб и резвый Аквилон, и ветры побочные
Разносили сарматскую доблесть повсюду, а Твоему
Воздали хвалу по всей Европе, почтенный монарх, за доспех!
[Miaskowski, 1861, *1*]

В нем поэт описывает последствия захвата города королем: весть разносится по всей Европе. Особого внимания здесь заслуживает использование слова «Аквилон» для обозначения России. Так в римской традиции назывался северный или северо-восточный регион мира [Чекин, 1999, *19–20*]. Интересно, однако, что в период Средневековья там располагалась таинственная и дикая Скифия. Эта страна была не столько конкретным географическим пространством (границы данной территории европейцы долгое время представляли весьма смутно), сколько границей христианской ойкумены, где-то на просторах которой были заперты Александром Великим мифические народы Гог и Магог [Кревченко, 2020, *47–48*]. Данная часть света считалась средоточием зла, о ней говорили: «…питомник скор-

[2] Перевод наш. – *М. Г.*

пионов, рассадник змей, источник демонов…» [Чекин, 1999, *20*]. Из контекста этого и еще одного отрывка позднее понятно, что речь идет о попытке утверждения Сигизмунда в Московском царстве. А значит, последнее уподобляется тому самому фронтиру христианской цивилизации, населенному язычниками-варварами. Роль поляков в формировании образа «диких московитов» хорошо известна [Филюшкин, 2013, *293, 296*], и здесь мы видим очередное подтверждение существовавшего в Речи Посполитой дискурса.

Второй раз город упоминается в части произведения, посвященной Сейму 1615 года, и снова цель его упоминания – прославление заслуг польского монарха:

Не минул бы Аквилона, то и там набрал добычи, если б овладел!
Знать, тогда на этом
не висел бы Смоленск крюке…
[Miaskowski, 1861*, 201*]

В этом небольшом отрывке мы снова видим знакомое нам именование России «Аквилоном». Автор замечает, что если бы Сигизмунд покорил Московское царство, то получил бы там множество богатств (хотя кажется более правильным для передачи духа строк сказать «награбил бы»). Но есть и другая заслуживающая внимания метафора. Она связана с образом города как охотничьего трофея или добычи; по всей видимости, именно к этому отсылает «крюк». Она тематически продолжает выражение про Аквилон, который точно так же автором воспринимается как объект охоты или грабежа. Заметим, что подобные метафоры встречаются в целом ряде произведений, созданных по горячим следам после захвата города. Так, в произведении 1611 года, посвященном взятию Смоленска (его автором считается уроженец Малой Польши Мартин Пашковский [Прохоренков, 2013, *29*]), содержатся следующие строки: «Пленных много там забрали, С ними ценностей набрали» [Прохоренков, 2013, *30*].

В третий раз Смоленск появляется в стихах памяти Войжека Гаевского:

Кто ни руки не щадит, ни здоровья в нужде ратной,
достоин, хоть пулей сражен смоленской…
[Miaskowski, 1861, *266*]

В данном случае речь идет об убившей пана «пуле смоленской», так как Гаевский погиб от рук смоленских защитников в ходе осады города. Примечательно, что пуля однозначно идентифицируется как смоленская, то есть выпущенная смолянином, а не «Москвою», как, например, у Мартина Пашковского: «Лишь Москвы боеготовность…»; «Зорко за врагом следил, чтоб Москаль не навредил»; «Бой Москва уж проиграла…»; «…всю Москву перебороли…» [Прохоренков, 2013, *30*]. По всей видимости, обезличивание

жителей Смоленска через именование их «московитами» или «Москвою» было частью пропагандистского дискурса Речи Посполитой.

Далее в «Zbior rytmow…» следует эпитафия все тому же Гаевскому. В строках, посвященных обстоятельствам гибели пана, содержится четвертое интересующее нас упоминание, но уже касающееся смоленских стен:

Ради славы, ради отчизны, ради вольности златой,
Доколе меня пуля со смоленских стен не сразила…
[Miaskowski, 1861, *268*]

В итоге Смоленск в «Zbior rytmow…» Мясковского выступает лишь в двух ипостасях: как место действия (как в случае с Гаевским) и для прославления Сигизмунда III, то есть фактически как аргумент в политических дебатах. Особого акцента на событиях осады города польскими войсками в 1609–1611 годах автор не делает, касаясь темы Смоленска лишь мельком.

Далее обратимся к поэме «Przeważna legacyja Krzysztofa Zbaraskiego od Zygmunta III do sołtana Mustafy», написанной Самуэлем Твардовским и впервые изданной в 1633 году, то есть в годы Смоленской войны. Произведение представляет собой описание посольства Речи Посполитой в Османскую империю (сам автор исполнял обязанности секретаря этого посольства). И хотя основной темой в нем являются переговоры между главой делегации Кшиштофом Збараским и султаном Мустафой, там также есть краткое упоминание Смоленска:

Оттого он и крепкий Смоленск, давно утраченный, держит ныне в узде…
[Twardowski, 2000, *38*]

Чрезвычайно примечателен контекст: посол Польско-Литовского государства перечисляет подвиги и успехи своего суверена Сигизмунда III, отдельно помещая в качестве заслуги возвращение «давно утраченного» Смоленска. Здесь мы снова встречаем мотив, характерный для пропагандистских польских произведений, созданных в годы Смутного времени: король Сигизмунд – достойный правитель, потому что смог вернуть Польско-Литовскому государству давно отторгнутые у него земли. Интересно и используемое по отношению к Смоленску прилагательное: «twardy». По всей видимости, называя город «крепким», автор имеет в виду его мощные оборонительные сооружения. Едва ли польский поэт стал бы прославлять долгую оборону смолян против королевских войск. Подтверждением этого соображения может выступать риторика польско-литовской шляхты на сеймиках того периода: послы от самых разных воеводств (не только от Смоленского!) называли город «оплотом всей отчизны» и «первой крепостью Великого княжества Литовского» [Амброзяк, 2021, *10–13*].

Резюмируя содержание «Przeważna legacyji…», можно сказать следующее. Хотя Смоленск упомянут в нем всего раз, но даже это единствен-

ное упоминание весьма ценно. Во-первых, оно подтверждает тезис о большой значимости захвата Смоленска в государственной риторике. «Przeważna legacyji…» показывают, что глорификация смоленской победы Сигизмунда использовалась также в общении на межгосударственном уровне. Ведя переговоры с правителем самой могущественной державы в Европе (а Османская империя, безусловно, была таковой в XVII веке), послы сочли Смоленск достаточно весомой победой для упоминания. Во-вторых, здесь мы видим небольшую, но важную метафору. Смоленск именуется «крепким», что, по всей видимости, отсылает именно к его крепости, так как отмечать героизм смолян в период осады города польскими войсками в Речи Посполитой было не принято.

Следующим произведением, заслуживающим внимания, является «Transackcja wojny chocimskiej» Вацлава Потоцкого, созданная в 1670-х годах, но опубликованная только в XIX столетии. Поэма посвящена Хотинской битве между войсками Речи Посполитой и Османской империи, но в тексте автор совершает значительные отступления, размышляя о судьбе и проблемах Польско-Литовского государства. Затрагивает Потоцкий в том числе и Смуту в Московском царстве. Упоминания Смоленска встречаются в поэме трижды.

Королевич наш – царь в Москве и господин,
Могло бы что-то выйти – да худые те советы
Три года у смоленской осады раздавались,
А Москва тем временем глупое
доверие совета Смоленском окупит…
[Potocki,1924, *73*]

Описывая события интервенции в Россию Сигизмунда III, автор сетует на упущенную возможность, имея в виду перспективу воцарения Владислава IV на царский трон. По мнению Потоцкого, провал кандидатуры польского королевича и трехлетняя осада Смоленска стали следствием «худых советов» («złe rady»), которым следовал Сигизмунд. Интересно, что взятие города Вацлав представляет как нечто «окупающее» неудачу на выборах. Здесь в очередной раз видно подтверждение тезиса о значении города и его «возвращения» для польско-литовских политических элит. Важно, что «Transackcja wojny chocimskiej» была создана более чем полвека спустя после описываемых событий. В отличие от произведений Яна Куновского и Мартина Пашковского, которые были частью пропагандистской политики, осознанно проводимой Сигизмундом Вазой, поэма Потоцкого передает более искреннее отношение шляхты к описываемым событиям. Показательно, что даже по прошествии многих лет с «Московской авантюры» приобретение Смоленска виделось вполне оправдывающим ее фактором.

Следующие два упоминания Смоленска делаются Потоцким вскользь в контексте описания событий Смоленской войны 1632–1634 годов, но и в этих случаях есть несколько интересных деталей. Так, Потоцкий вспоминает о Смоленске, рассуждая о высоких боевых качествах польской шляхты, приводя город как пример ее военных успехов:

Видел их твердый Смоленск, как под его стенами
Бояр московских сокрушали тучами.
[Potocki,1924, *280*]

Здесь мы встречаем уже знакомую метафору: Смоленск снова назван «крепким» («twardy Smoleńsk»). Возможно, Потоцкий отсылает нас к идентичному выражению Твардовского, точно так же имея цель подчеркнуть мощь городских оборонительных сооружений. Кроме того, на миг в повествование врываются смоленские стены – «mury», под которыми шляхтичи побили «bojar moskiewskich… chmury»». Этим упоминания Смоленской крепости исчерпываются – далее следует лишь описание печальной судьбы войска Шеина и унизительной процедуры капитуляции.

В качестве промежуточного вывода отметим, что риторика Потоцкого схожа с риторикой его предшественников. Это касается и характера упоминания Смоленска. Более того, наблюдается некая преемственность в используемых автором выражениях («twardy Smoleńsk»).

Подведем краткие итоги анализа избранных польских произведений. Для них всех характерен ряд особенностей. Во-первых, польско-литовские авторы чаще всего вспоминали о Смоленске в контексте событий начала века. При этом упоминания города весьма краткие. В них Смоленск выступал как «крепкий город», осада которого была сложной задачей, а взятие стало результатом невиданного мастерства и проявленного героизма шляхты. Героизм защитников города в этих произведениях не упоминался либо подвергался искажению. Однако важно, что упоминания Смоленска в рассмотренных стихах имели конкретную цель – способствовать поднятию престижа королевской власти. Многие из них создавались в рамках осознанной политики Сигизмунда III по пропаганде собственных достижений с целью укрепления личного авторитета в Польско-Литовском государстве. Добиться этого Сигизмунду удалось лишь частично: сейм так и не одобрил его экспансионистских планов, точно так же и шляхетское общество не спешило наделять своего сюзерена абсолютной властью в контексте общей тенденции развития государств Европы того времени [Davies, 2005, *344*]. Однако позиции престола все же на некоторое время усилились и позволили королю в союзе с католической партией [Дмитриев, 1996, *167*] проводить жесткую политику прозелитизации в отношении православных и протестантских поданных [Kotljarchuk, 2006, *52–53*]. Отметим еще одну важную закономерность, выявленную историком И.А. Прохоренковым. Используя

смоленские события, и в особенности захват города, польско-литовские поэты проводили линию преемственности от королей династии Ягеллонов к Сигизмунду Вазе [Прохоренков, 2024, *150–151*]. Фактически Смоленск и события вокруг него играли роль своеобразного стержня, вокруг которого выстраивался историко-политический нарратив Речи Посполитой.

ЛИТЕРАТУРА

Амброзяк Т. Граница между Речью Посполитой и Московским государством в выступлениях литовских сеймиков в первой половине XVII в. // Метаморфозы истории. 2021. № 19. С. 7–26.

Дмитриев М.В. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. I: Брестская уния 1596 г.: Исторические причины. М.: Индрик, 1996. 202 с.

Ивонина Л.И. Дипломатия и поэзия. Английские поэты Джордж Степни и Мэттью Прайор на дипломатической службе. СПб.: Нестор-История, 2023. 144 с.

Ивонина Л.И. Смоленск в поэзии и жизни Яна Куновского // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3. С. 324–336.

История польской литературы. В 2 т. Т. 1 / Л.В. Разумовская [и др.]. М.: Наука, 1968. 616 с.

Кревченко Е.В. Символика mappae mundi: генезис и эволюция исторических образов // Культура и искусство. 2020. № 1. С. 43–55.

Прохоренков И.А. «Наши в сумраке багровом к стенам с бомбами пришли». Штурм Смоленска глазами польского поэта // Родина. 2013. № 9. С. 29–30.

Прохоренков И.А. Военная и политическая печатная пропаганда Речи Посполитой в конце XVI – начале XVII века: Печатники на королевской службе // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 2(30). С. 53–63.

Прохоренков И.А. Польско-литовская антироссийская литературная пропаганда периода Смутного времени: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2024. 210 с.

Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция и русское общество. М.: Индрик, 2005. 416 с.

Хэмпэрэк Д. Польская поэма XVII века о великолепии Смоленска в XV–XVII вв. С. 229–249. [Без выходных данных – оставлено по оригиналу.]

Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Вост. лит., 1999. 365 с.

Davies N. God’s playground: a history of Poland. In two vols. Vol. I: The Origins to 1795. New York: Columbia University Press, 2005. 497 p.

Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Stockholm: Södertörns högskola, 2006. 347 p.

Miaskowski K. Zbiór rytmów: wedle wydania z.r. 1622 w Poznaniu. Krakow: Wyd. Turowskiego, 1861. 326 s.

Potocki W. Wojna chocimska. Kraków: nakł. Krakowska Spółka Wydawnicza, druk. W.L. Anczyca i Spółki w Krakowie, 1924. 288 s.

Twardowski S. Przeważna legacyja Krzysztofa Zbaraskiego od Zygmunta III do sołtana Mustafy. Warzawa: Wydawnictwo IBL PAN, 2000. 469 s.

M.A. Golaev
Postgraduate Student, Assistant Lecturer,
Chair of Universal History and International Relations,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Smolensk and his Fortress in the Polish Poetry of the 17th Century

The article analyzes the depiction of Smolensk and its fortress in Polish poetic texts of the 17th century, as well as the peculiarities of their perception by the authors of the documents. We selected a number of poetic works written by Polish-Lithuanian authors for our analysis.

As a result of the study of these texts, it became possible to identify some patterns related to the time of creation of the work, the author's personality, and the political realities of the Polish-Lithuanian state in the first half of the 17th century. The works of Polish authors are concentrated around the events of the Time of Troubles and pay much attention to the difficulties of the siege of the city and the «heroism» of Polish nobles, as well as the role of Sigismund III in these processes. Events that took place after the capture of the city have received considerably less attention. Polish authors showed little interest in the daily life of the citizens or the difficulties they had after the city came under the rule of the Polish-Lithuanian Commonwealth. When they described the fate of Smolensk and its inhabitants, they employed words and expressions likening them to «prey» or «trophy». At the same time, the very fact of the city's capture was undoubtedly regarded as highly significant. It can be argued that it became a distinctive «site of memory» for the Polish-Lithuanian Commonwealth during the period that is researched.

Keywords: *Siege of Smolensk; Smolensk fortress; Polish–Lithuanian Commonwealth; Russian State; legitimization.*

REFERENCES

Ambroziak T. The Border between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Muscovite State in the Speeches of Lithuanian Sejmiks in the First Half of the 17th Century [Granitsa mezhdu Rech'yu Pospolitoy i Moskovskim gosudarstvom v vystupleniyakh litovskikh seymikov v pervoy polovine XVII v.]. *Metamorphoses of History*, 2021. Pp. 7–26 (in Russian).

Chekin L.S. Cartography of the Christian Middle Ages of the 8th–13th Centuries: Texts. Translation. Commentary [Kartografiya khristianskogo srednevekov'ya VIII–XIII vv.: Teksty. Perevod. Kommentariy]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999. 365 p. (in Russian).

Dmitriev M.V. The Brest Union of 1596 and the Socio-Political Struggle in Ukraine and Belarus in the Late 16th – Early 17th Century. Part I: The Brest Union of 1596: Historical Causes [Brestskaya uniya 1596 g. i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba na Ukraine i v Belorussii v kontse XVI – nachale XVII v. Ch. I: Brestskaya uniya 1596 g.: Istoricheskie prichiny]. Moscow: Indrik Publ., 1996. 202 p. (in Russian).

Filyushkin A.I. Inventing the First War of Russia and Europe: The Baltic Wars of the Second Half of the 16th Century through the Eyes of Contemporaries and Descendants [Izobretaya

pervuyu voynu Rossii i Evropy: Baltiyskie voyny vtoroy poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov]. Saint-Petersburg: DMITRIY BULANIN Publ., 2013. 880 p. (in Russian).

Florya B.N. The Polish-Lithuanian Intervention and Russian Society [Pol'sko-litovskaya interventsiya i russkoe obshchestvo]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 416 p. (in Russian).

Ivonina L.I. Diplomacy and Poetry. English Poets George Stepney and Matthew Prior in Diplomatic Service [Diplomatiya i poeziya. Angliyskie poety Dzhordzh Stepni i Mettyuy Prayor na diplomaticheskoy sluzhbe]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2023. 144 p. (in Russian).

Ivonina L.I. Smolensk in the Poetry and Life of Jan Kunowski [Smolensk v poezii i zhizni Yana Kunovskogo]. *Proceedings of Smolensk State University*, 2019. No. 3. Pp. 324–336 (in Russian).

Khemperek D. A 17th-Century Polish Poem on the Magnificence of Smolensk in the 15th–17th Centuries [Pol'skaya poema XVII veka o velikolepii Smolenska v XV–XVII vv.]. Pp. 229–249 (in Russian)

Krevchenko E.V. The Symbolism of Mappae Mundi: Genesis and Evolution of Historical Images [Simvolika mappae mundi: genezis i evolyutsiya istoricheskikh obrazov]. *Culture and Art*, 2020. No. 1. Pp. 43–55 (in Russian).

Prokhorenkov I.A. "Our Men in the Crimson Twilight Came to the Walls with Bombs." The Assault on Smolensk through the Eyes of a Polish Poet ["Nashi v sumrake bagrovom k stenam s bombami prishli". Shturm Smolenska glazami pol'skogo poeta]. *MOTHERLAND,* 2013. No. 9. Pp. 29–30 (in Russian).

Prokhorenkov I.A. Military and Political Printed Propaganda of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Late 16th – Early 17th Century: Printers in Royal Service [Voennaya i politicheskaya pechatnaya propaganda Rechi Pospolitoy v kontse XVI – nachale XVII veka: Pechatniki na korolevskoy sluzhbe]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana,* 2021. No. 2 (30). Pp. 53–63 (in Russian).

Prokhorenkov I.A. Polish-Lithuanian Anti-Russian Literary Propaganda during the Time of Troubles [Pol'sko-litovskaya antirossiyskaya literaturnaya propaganda perioda Smutnogo vremeni]. *Dissertation ... Candidate of History*. Saint-Petersburg, 2024. 210 p. (in Russian).

Razumovskaya L.V., Stakheev B.F., Lipatov A.V. et al. A History of Polish Literature. In 2 vols. Vol. 1 [Istoriya pol'skoy literatury: v 2 t. T. 1]. Moscow: Nauka Publ., 1968. 616 p. (in Russian).

Davies N. God's Playground: A History of Poland. In two vols. Vol I: The Origins to 1795. New York: Columbia University Press, 2005. 497 p. (in English).

Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century. Stockholm: Södertörns högskola, 2006. 347 p. (in English).

Miaskowski K. Zbiór rytmów: wedle wydania z.r. 1622 w Poznaniu. Krakow: Wyd. Turowskiego, 1861. 326 p. (in Polish).

Potocki W. *Wojna chocimska*. Kraków, nakł. Krakowska Spółka Wydawnicza, druk. W.L. Anczyca i Spółki w Krakowie, 1924. 288 p. (in Polish).

Twardowski S. Przeważna legacyja Krzysztofa Zbaraskiego od Zygmunta III do sołtana Mustafy. Warzawa: Wydawnictwo IBL PAN, 2000. 469 p. (in Polish).

И.И. Жигунова

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
Брянск, Россия

УДК 94, 271.5

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-211-230

«ВЕЛИКИЙ МОНРЕАЛЬСКИЙ МИР 1701 ГОДА»: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОЗИЦИИ СТОРОН

Ключевые слова: *Ирокезская лига; гуроны; алгонкины; франко-индейский союз; Новая Франция; Новая Англия; Монреальский мир; колониальные противоречия; генерал-губернатор.*

В эпоху колонизации Северной Америки началась борьба за контроль над мехоторговлей, которая оказалась игрой с высокими ставками для индейских племен, поскольку все они хотели стать посредниками в торговле с европейцами. В ходе «Бобровых войн» гуроны и алгонкины, которых поддерживали французы, выступили против ирокезов из могущественной Лиги пяти наций, которых сначала поддерживали голландцы, а затем англичане. В течение XVII века ирокезы значительно расширили свое влияние на территории индейцев, находившихся в союзе с французами, и часто угрожали французским поселениям. Интересы французских и английских колонистов сталкивались на североамериканском континенте, и затяжные войны за сферы влияния велись не без помощи их индейских союзников. Почти вековая война французов и ирокезов истощила ресурсы сторон и сделала возможными поиски компромисса и заключение в Монреале «Великого мира» 1701 года, позволившего возобновить мехоторговлю, являвшуюся важным источником дохода для Новой Франции. Это способствовало дальнейшему продвижению французов вглубь континента. Для английских колоний мир имел ограничительные последствия, однако договорная цепь между англичанами и Ирокезской лигой не была нарушена, что позволяло английским колониям и дальше конкурировать с французами за гегемонию в Северной Америке.

Европейскую колонизацию Северной Америки изначально связывают с рыбным промыслом и торговлей пушниной, начало которой было положено на реке Св. Лаврентия [Biggar, 1901, *28–29*]. Однако вскоре экономические мотивы привели к конфликтам и войнам, глубоко изменившим жизнь местных народов.

В начале XVII века на территории североамериканского континента проживало множество племен (гуроны, алголкины, эри, майами, оттава, шауни, чероки, делавары и другие), относящихся к различным языковым группам, отличавшихся друг от друга образом жизни (во многом зависел от места

обитания) и разными культурными аспектами. К этому времени своего расцвета достигли ирокезы, союз которых уже вырос в многочисленную и мощную конфедерацию и быстро шел к главенству над всей северо-восточной частью континента [Морган, 1983, *14*].

Методы исследования. Исследование опирается на историко-генетический метод и показывает эволюцию отношений европейских держав с индейцами: от первых контактов и конфликтов до заключения Великого Монреальского мира 1701 года. Сравнительно-исторический метод позволяет сопоставить политику метрополий (Англии и Франции) в отношении индейцев и между собой. Объектом исследования являются историко-политические процессы в Северной Америке XVII века, показывающие характер и динамику взаимодействия коренных народов с европейскими колонизаторами, а также европейскую конкуренцию за территориальное и экономическое доминирование в регионе.

В отечественной историографии специальных трудов, посвященных Великому Монреальскому миру 1701 года нет. Однако данное событие упоминается исследователями в контексте изучения колониальной истории Северной Америки, межэтнических конфликтов и роли европейских держав в регионе в исследуемый период [Акимов, 2005, *327*]. Зарубежная историография описывает данное событие более подробно и охватывает исследования, посвященные дипломатическим переговорам, политическим мотивам сторон, последствиям соглашения и его роли в истории колониальной Северной Америки [Havard, 2001; Beaulieu, 2001].

Ирокезская лига – союз пяти индейских племен – сложилась на североамериканском континенте еще до первых контактов с европейцами. Доподлинной информации о времени и месте образования союза нет [Canfield, 1902, *9*], сами же ирокезы не стремились к фиксации собственной истории и связывали создание племенного союза с легендой о Дегановеде, пророке, который создал Лигу «длинного дома», положив тем самым начало периода Конфедерации племен.

После окончательного занятия Канады и основания Квебека французами алголкины и гуроны стали их союзниками. Но покровительства, оказываемого французскими колонизаторами, было недостаточно для защиты индейских союзников от враждебных нападений их исконного врага – ирокезов.

В эпоху голландских открытий Лига владела теми же территориями между реками Гудзон и Дженеси, на которых племена впоследствии продолжали жить почти до конца XVIII столетия, а с основанием голландского торгового поста в Оранже (Олбани) в 1615 году для ирокезов наступает новый этап взаимоотношений как с местным населением, так и с европейцами.

Впоследствии между ирокезами и голландцами установились дружественные отношения, продолжавшиеся до 1664 года, пока последние не уступили своих владений на Гудзоне англичанам. В этот период между

ними велась торговля мехами, на которые ирокезы выменивали европейские изделия, главным образом огнестрельное оружие. Англичане, в свою очередь, поддерживали с ними такие же дружественные отношения, какие были заведены голландцами. Между ними была установлена «договорная цепь», которую ирокезы хранили нерушимо с исключительной лояльностью, пока независимость американских штатов не положила конец господству англичан в стране [Морган, 1983, *14*].

Отношения с французами складывались иначе. С начала и до самого конца они встречали непримиримую и давнюю враждебность со стороны Лиги. Французы за особую жестокость и варварские нравы смотрели на ирокезов как на неких дьяволов, но все же в 1624 году заключили с Лигой свой первый мир. Мотивы «дружбы» европейцев с индейцами вполне закономерно носят экономический характер.

Захват англичанами Новых Нидерландов и последовавший за этим переход в их руки голландского пушного бизнеса сразу же поставил перед ними задачу распространения своего влияния на как можно большие территории, что, в свою очередь, немедленно столкнуло их лицом к лицу с французами, также стремившимися к расширению границ своей мехоторговой империи. С обеих сторон в конфликт были втянуты индейские племена, пытавшиеся в то же время проводить самостоятельную политику, преследуя собственные интересы [Акимов, 2005, *212*]. В руках у англичан, ставших преемниками голландцев, оказалось мощное орудие в лице Лиги, которое можно было легко использовать в антифранцузских целях.

С освоением огнестрельного оружия начался не только быстрый подъем, но и абсолютное превосходство ирокезов над другими индейскими племенами. Начатая Лигой в середине 1640-х годов крупномасштабная война против союзных французам гуронов, алгонкинов и монтанье быстро перешла в войну против самой французской колонии, нанеся ей большой урон [Акимов, 2005, *193*]. Гуроны были повержены, и к 1654 году Пять наций овладели всей территорией Западного Нью-Йорка и северной частью Огайо, а к 1670 году, окончательно завершив покорение алгонкинов, вступили во владение всей областью между оз. Гурон, Эри и Онтарио и северным берегом р. Св. Лаврентия до устья р. Оттавы, близ Монреаля [Морган, 1983, *19–20*].

Непрерывные войны между ирокезами и французами, перемежавшиеся переговорами и краткими перемириями, велись вплоть до 1700 года. Владея обширными территориями, ирокезы преградили пути меховой торговле, которую стремились поддерживать французы с западными племенами. От этой торговли в значительной степени зависело благосостояние Новой Франции, так как она составляла главную статью экспорта и давала наибольшие прибыли. Страх перед набегами ирокезов был настолько велик, что и торговцы, и миссионеры вынуждены были добираться в регион Великих Озер длинным обходным путем.

С 1667 года между ирокезами и французами был заключен мир, позволивший последним свободно торговать с индейцами в Верхней стране (регионе Великих озер). Однако раньше главными поставщиками меха в Новую Францию были гуроны, а после того, как Лига разгромила их и тем разрушила их торговую сеть, французы изменили свою политику. Они стремились наращивать присутствие в регионе, в результате чего началась французская экспансия на запад, что неминуемо вело к столкновению интересов Франции как с Англией, так и с Лигой ирокезов.

Между 1666 и 1701 годами французы построили почти 30 фортов и укрепленных постов в бассейне реки Св. Лаврентия и Великих озер [Charlevoix Vol.1, 1976, *120*]. Из них по меньшей мере семь были расположены вокруг озер Онтарио и Эри – земель, на которые претендовали ирокезы и которые использовались ими для охоты. Так, в 1672 году губернатором Новой Франции стал Луи де Бюад де Фронтенак, который уже в 1673 году решил посетить самые отдаленные уголки «своей» колонии, познакомиться с индейцами и заверить их в «защите Его Величества при условии, что они будут соблюдать мир» [Documents relative to the colonial history of the State of New York (далее – NYCD), vol. 9, 1855, *95–104*]. Сведения, полученные им от миссионеров, проживавших среди ирокезов, говорили о возможности переориентации торговли индейцев севера в пользу англичан, чего Франция допустить не могла.

Во время нелегкого путешествия летом 1673 года Фронтенак нашел подходящее место для строительства в устье реки Катаракви, где река Св. Лаврентия впадает в озеро Онтарио. Там и был основан французский форт, получивший название в честь его основателя.

На встрече с прибывшими представителями Лиги губернатор заявил о намерении ратифицировать мир, заключенный его предшественниками [Ibid.]. Строительство форта, которое насторожило ирокезов, граф объяснял желанием поддерживать торговые отношения. «Я поручил моим племянникам доставлять сюда товары, чтобы избавить вас от необходимости нести ваши меха так далеко... Здесь вы найдете всевозможные товары, которые я постараюсь предоставить вам по самой низкой из возможных цен…» [Ibid.]. Речи Фронтенака сопровождались соответствующими подарками.

Ирокезы смирились со строительством форта, потому как в это время вели войну с племенами сусквеханнок и могикан и не могли позволить себе отказаться от поставок французского оружия ввиду того, что голландцы и англичане находились в состоянии конфликта и ограничили продажу огнестрельного оружия своим индейским союзникам, прежде всего ирокезам, позиция которых в данном конфликте была неясна. На той же встрече с Фронтенаком Лига попросила французов о военной помощи против своих врагов [Ibid.].

Но в то же время ни одно французское поселение во второй половине XVII века не вызывало такого гнева ирокезов, как форт Фронтенак, который

был построен на землях сенека, что расценивалось как посягательство на их территорию. К тому же ирокезы сами стремились к контролю торговых путей, а попытки договориться о разграничении торговых и промысловых сфер между ирокезами и союзниками французов зачастую не приносили результата. Заключенные договоры вновь и вновь нарушались, антифранцузские настроения среди ирокезских племен крепли. К 1675 году, после завершения конфликта с Голландией, Лига вновь стала получать мушкеты от англичан, что позволяло им эффективно противостоять тем, кого считали врагами. Это стимулировало продолжение конфликта, так как ирокезы видели в англичанах потенциальных союзников в борьбе против французского влияния.

По ряду объективных причин Новая Франция стремилась к тому, чтобы или изолировать ирокезов от англичан, которые снабжали их всем необходимым для ведения боевых действий, и добиться союза с ними, или привести их к покорности, победив их. Они последовательно испробовали обе возможности, но потерпели неудачу. Несговорчивые и проницательные ирокезы не были расположены к союзу с французами и оказались слишком сильны, чтобы быть покоренными. Посланцы Лиги часто бывали в Монреале и Квебеке с целью переговоров с французами об улаживании недоразумений и обмене пленными; иногда во время этих переговоров договаривались об условиях мира [Ibid.] или по крайней мере перемирия; но эти передышки в войне были непродолжительными. Опустошения, производимые ирокезами в поселениях французов, были столь часты и так разрушительны, что грозили колонии неминуемой гибелью.

С 1684 года Новая Франция была вовлечена в очередную войну с Ирокезской лигой, которая вскоре переросла в борьбу не на жизнь, а на смерть. Чтобы отомстить за частые набеги и предотвратить их повторение, французы нередко вторгались в страну ирокезов. В отдельных случаях для разрушения ирокезских деревень они мобилизовали все силы колонии.

Нарастающая напряженность, вызванная увеличившимся числом вторжений французов на территорию ирокезов, побудила последних к более жестоким действиям. В отместку за разорение сенека осенью того же года грозное войско ирокезов внезапно напало на форт Шамбли на реке Сорель близ Монреаля. Не имея возможности взять форт, который стойко защищал гарнизон, они разорили прилегающие поселки и вернулись с большим количеством пленных. Примерно в то же время 800 ирокезов атаковали форт Фронтенак, разрушили незащищенные сооружения французов и опустошили их посевы.

А в августе 1689 года произошел инцидент, получивший название «Резня в Лашине» [Ibid., *22–23*], результатом которого стали значительные разрушения в поселении Лашин (современный район Монреаля). Многие дома были сожжены, а жители либо погибли, либо попали в плен. Данный эпизод усилил напряжение между сторонами конфликта и привел к продолжению вооруженного противостояния.

Начавшаяся в это же время война между англичанами и французами сосредоточила внимание последних прежде всего на защите Квебека от нападения англичан, но, после того как все разрешилось, граф Фронтенак, вновь ставший генерал-губернатором Новой Франции, опять попытался наказать грозного врага. Зимой 1692–1693 годов он послал против мохоков отряд из 600 французов и индейцев, который застал эти селения врасплох и занял три из них, захватил 300 пленных и возвратился, потеряв 30 человек. В 1696 году губернатор сам повел против онондага и онейда экспедицию, состоявшую из тысячи французов и стольких же индейцев, а также он высоко оценил «невероятное усердие» в решающей кампании 1696 года против ирокезов [Ibid., *639–640*] Филиппа де Риго де Водрея.

Это было последнее французское вторжение на ирокезские территории. Военные столкновения не давали желаемого результата, а лишь ослабляли колонию. Для самого факта существования Новой Франции были необходимы союзы. Союзы означали торговлю, а «торговля и мир – это одно и тоже», как позже будет заявлено ирокезами [Wraxall, 1915, *40*].

Так как позиции соперничающих в Северной Америке колоний Франции и Англии в течение многих лет находились почти в равновесии, очевидно, что вражды и могущества Пяти наций (выступающих тем не менее как самостоятельный субъект международных отношений) было достаточно, чтобы перетянуть чашу весов в пользу Англии, которая являлась союзником ирокезов. А это означало бы крах Франции на североамериканском континенте [Морган, 1983, *15*].

Ирокезы продолжали традиционную борьбу с алголкинскими племенами и их союзниками. Они стремились защитить свои промысловые угодья от экспансии других наций, особенно французов, одновременно обеспечивая себя мехами для активной торговли с европейскими колониями ради получения товаров, в особенности огнестрельного оружия. В то же время Лига стремилась не допустить проникновения французов на запад, так как это вело к усилению их традиционных туземных врагов благодаря включению последних во французскую торговую сеть, а значит, получению оружия, направленного уже против ирокезов.

Таким образом, в XVII веке в Канаде сложилась сложная система военно-политических альянсов. С одной стороны – французы и индейские племена долины Св. Лаврентия и региона Великих озер, которые заключали союзы для защиты интересов, торговли и противостояния ирокезам. Западный альянс включал в себя гуронов, которые после нанесенного им Лигой поражения переселились на запад (виандоты) либо в Лорет (Квебек) под защиту французов; алгонкинов и монтанье, проживавших в районе реки Св. Лаврентия; оттава в районе Великих озер; также торгово-экономическое сотрудничество велось с племенами кри, что открывало потенциально огром-

ный рынок мехов в районе Гудзонова залива. Немаловажную роль в укреплении этих союзов играли миссионеры, которые изучали языки племен, адаптировались к их культуре, способствуя взаимопониманию, а также выступали посредниками в переговорах и помогали консолидировать индейцев вокруг французских интересов.

Миссионеры предлагали крещение и дальнейшее проживание вблизи французских фортов индейцам ирокезских племен, которые в результате голода, эпидемий и военных набегов находились в плачевном состоянии. Крещение давало им статус «подданных короля», что формально включало их в правовую систему Новой Франции и открывало доступ к привилегированной торговле. Стремление создать «буферные» поселения из лояльных крещеных индейцев вдоль границы с английскими колониями, а также желание обратить ирокезов в католицизм, видя в этом путь к долгосрочному влиянию Франции, привело к образованию ирокезских редукций.

Попытки разместить крещеных ирокезов вблизи Квебека и Монреаля предпринимались примерно с середины 1660-х годов, но носили временный характер. Около 1673 года группа мохоков получила разрешение селиться на южном берегу реки Св. Лаврентия, недалеко от Монреаля. Поселение получило название Со-Сен-Луи (Канаваке) и стало первым устойчивым центром для крещеных ирокезов под французским контролем. Его создание закрепило модель редукции: оседлое поселение с церковью, сельскохозяйственными наделами и элементами самоуправления под надзором миссионеров. Редукции позволили Франции частично нейтрализовать угрозу со стороны Ирокезской лиги, превратив часть ее членов в лояльных союзников.

С другой стороны, на североамериканском континенте в XVII–XVIII веках сложились три региона английских колоний: южные колонии (Виргиния, Мэриленд, Северная и Южная Каролина, Джорджия), северо-восточные колонии, или колонии Новой Англии (Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гэмпшир), и центральные колонии (Нью-Йорк, Пенсильвания, Нью-Джерси и Делавэр). При этом значительную роль в развитии английских колоний играли торговцы, которые задавали тон экономической жизни, связывали колонии с метрополией и мировым рынком, влияли на политику и социальную структуру. Для них, особенно торговцев Нью-Йорка, выходы на западные рынки мехоторговли были так же важны, как и для французских. Тем более английские товары в целом были дешевле и разнообразнее, хотя и менее качественные, чем французские.

Англия и Франция понимали, что рано или поздно их интересы и борьба за господство на континенте приведут к столкновению и от того, чью сторону займут ирокезы, будет зависеть исход этой борьбы. Французы стремились воспользоваться своим успехом 1696 года и заключить союз с Лигой, чтобы заручиться если не поддержкой, то хотя бы нейтральной позицией ирокезов в случае войны с англичанами. Фронтенак передал ирокезам

предложение о заключении мира с Новой Францией. Таким образом, французы взяли курс на всеобщий мир с коренным населением и больше не совершали военных экспедиций, направленных против Лиги, в отличие от их индейских союзников с Великих озер и даже некоторых алгонкинов, которые, подстрекаемые французами, не прекращали военных действий и своими набегами наносили значительный урон Лиге.

Уже в 1696 году часть ирокезов выступала за проведение переговоров и заключение мира с Новой Францией, и в июне 1697 года на Совете Конфедерации всерьез обсуждалось предложение французов [Trealease, 1960, *322*]. Однако Лига была намерена продолжать войну против индейских союзников Франции, что категорически было отвергнуто Фронтенаком [Parkman, 1983, vol. 2, *303*].

В самом конце XVII века в политической жизни ирокезов существовало три фракции. Прежде всего, это были профранцузски настроенные индейцы, которые были полны решимости принять французские условия мира, даже если это означало разорвать цепи, связывавшие их с Новой Англией. На другом полюсе проанглийская фракция была крайне враждебна к Новой Франции и хотела сохранить союз с англичанами, который был важен для всей Лиги. В 1700 году они все еще отвергали идею мира с французами. Посередине находились сторонники нейтралитета, желавшие гарантировать политическую независимость Ирокезской лиги посредством стратегии баланса между двумя соперничающими империями.

К концу XVII столетия напряженность между европейскими державами достигла пика, особенно на фоне войны Аугсбургской лиги. В апреле 1698 года в Нью-Йорк прибыл новый губернатор колонии Кут Ричард Белломонт. В Канаде Луи Эктор де Кальер занимает должность губернатора Новой Франции после смерти Фронтенака. К весне 1699 года, после заключения Рисвикского мира, между Англией и Францией была достигнута договоренность, что подданные обеих держав в Америке прекратят всякие враждебные действия по отношению друг к другу, будут удерживать индейцев от нарушения мира, а в случае необходимости даже объединят свои силы для их усмирения и разоружения [Parkman, 1983, vol. 2, *316*]. Соответствующие инструкции страны-метрополии направили в свои колонии. Однако события в Америке развивались не совсем так, как предполагали в Европе. И английская, и французская колониальная администрация трактовала полученные инструкции по-своему.

Новая Англия, преследуя цель ослабить влияние Франции в Северной Америке и увеличить собственное присутствие в регионе, стремилась и дальше использовать Лигу в своих целях, а значит, предотвратить заключение договора между ирокезскими племенами и французами; более того, Белломонт настаивал на укреплении оборонительных позиций английской колонии Нью-Йорк, предлагая увеличить численность регулярных войск и

построить новый крупный форт рядом с поселением племени онондага [Акимов, 2005, *327*]. Однако английское правительство отказалось поддержать его инициативы и приняло решение сократить контингент королевских войск в Нью-Йорке, а торговый форт колонии предлагалось строить на свои собственные средства.

Кальер, в свою очередь, не слишком старался отговорить индейских союзников французов от войны с ирокезами, вероятнее всего, сознательно нарушая приказ, пришедший из Парижа. Такая политика была направлена на то, чтобы заставить Пять наций заключить всеобщий мир. Парадокс заключался в следующем: чтобы принудить ирокезов к миру, пришлось взять их в тиски, подстрекая индейских союзников к войне с Лигой.

Однако по мере приближения 1700 года ирокезы все больше склонялись к нейтральной позиции. Военная мощь Лиги была подорвана непрерывными войнами с французами и их союзниками. В период между 1687 и 1698 годами ирокезы понесли огромные потери в численности своих воинов. Произошло сокращение боевых сил Лиги на 51% [NYCD, 1853, vol. 4, *337*], не считая тех, кто умер от болезней. Немалое значение имело и то, что, несмотря на многочисленные обращения лидеров союза ирокезов к англичанам с просьбой о помощи в конфликтах с враждебными племенами, от столкновения с которыми Лига несла значительный урон, английская сторона оказывала недостаточную, по мнению ирокезов, поддержку, что вызывало недовольство Пяти наций, поскольку их ожидания оставались неудовлетворенными.

В результате вокруг ирокезов сложилась непростая ситуация. Англичане опасались, что если ирокезы выйдут из-под их влияния, то Нью-Йорк поменяется ролями с Канадой, и не долина реки Св. Лаврентия, а долина Гудзона станет главным объектом индейских атак [Акимов, 2005, *328*]. Соответственно, англичане всеми силами пытались удержать ирокезов от прямых контактов с французами и не допустить заключения мира, притом не оказывая индейцам должной военной помощи.

Французы стремились воспользоваться сложившейся ситуацией, проявляя гибкость, дабы склонить Лигу к нейтралитету. Они не преследовали цели отобрать или вытеснить Пять наций с занимаемой ими земли, их главной целью было добиться нейтрализации ирокезов, чтобы ограничить влияние Новой Англии и ослабить потенциальную угрозу для колонии с этой стороны.

Лишенные английской военной поддержки, ирокезы были вынуждены договариваться с французами, хотя переговоры шли весьма непросто. Французы стремились привлечь всех индейских союзников к переговорам в Монреале, в то время как индейцы не прекращали междоусобные войны, как не прекращали и Пять наций своих контактов с Нью-Йорком. Кальер также продолжал удерживать пленных ирокезов, несмотря на заявления англичан, что эти индейцы являются подданными английской короны.

В действительности вопрос о заключении мира ирокезов и французов заключался для первых в том, чтобы наилучшим образом управлять интересами Лиги, более или менее поддерживая стратегии колониальных игроков. Должны ли они принять французские условия мира, должны ли западные народы быть включены во всеобщий мир – эти вопросы разделили Лигу и составляющие ее народы. Кайюга и онондага не пришли к единому мнению, в то время как онейда, не говоря уже о мохоках, продолжали отвергать предложения Кальера. Только сенека, измученные войной, казалось, были готовы положительно ответить на французские требования. Весной 1700 года консенсус среди ирокезов еще не был достигнут, некоторые из них все еще отказывались заключать договор с Новой Францией.

На подготовку и заключение предварительных соглашений у Новой Франции ушло более двух лет. 12 марта 1700 года два делегата от ирокезов отправились в Монреаль, чтобы встретиться с Ононтио и начать переговоры. Оба эмиссара выступали за мир, но они не являлись представителями всей конфедерации. Главный оратор пообещал французскому губернатору, что делегаты от каждой нации ирокезов прибудут в Монреаль в июне. Перед этими двумя делегатами встала довольно деликатная задача – убедить своих соотечественников приехать в Монреаль летом [Havard, 2001, *92*].

Частичный консенсус между пятью нациями к лету был достигнут. 18 июля 1700 года делегация ирокезов прибыла, как и было согласовано, в Монреаль и встретилась с Кальером на конференции, которая стала поворотным моментом в мирном процессе. Эта делегация, однако, по-прежнему не представляла Пять наций. Она состояла из шести делегатов – четырех сенека и двух онондага [NYCD, 1885, vol. 9, *708–711*], которые утверждали, что действуют от имени четырех западных наций Лиги, но фактически представляли только фракцию внутри этих наций, которая была полна решимости принять французские условия. Ни кайюга, ни онейда, похоже, не были готовы поддержать эту политику, и даже некоторые сахемы сенека и онондага остались при своем мнении.

Спустя несколько дней после прибытия ирокезских послов начались переговоры с участием представителей алгонкинов, ирокезов из Со и Ла-Монтани, а затем и гуронов из Лорет и абенаки. Ирокезский оратор, вручив поочередно восемь поясов и три нити вампума, призвал западные народы прекратить войну. Он также поддержал идею обмена всеми пленными, включая французов и представителей западных народов. Для этого он попросил Ононтио отправить с ними назад трех французов: Ж. Брюйя, П. Лемуан де Марикура и Л.-Т. Шабера де Жонкера.

Через два дня губернатор Кальер ответил ирокезам шестью поясами вампума, выразив недовольство по поводу отсутствия делегатов от кайюга и онейда. Однако он согласился отправить трех французских послов в

Онондага, но при условии, что четверо из шести ирокезских делегатов останутся в Монреале в качестве заложников. Кальер назначил следующую встречу на конец августа в Монреале и потребовал присутствия на ней представителей четырех западных народов.

Таким образом, впервые ирокезы, казалось, были готовы уступить французским требованиям и согласиться на включение народов Великих озер в общие мирные переговоры в Монреале. Для Пяти Наций теперь стоял вопрос о работе по объединению фракций.

Поиски консенсуса, возглавляемые нейтральной фракцией во главе с Теганиссоренсом (вождем онондага), получили решающий импульс во время конференции в Онондага в августе 1700 года. Не случайно послы сенека и онондага попросили отца Брюйя, Жонкера и Марикура сопровождать их в Ирокезию в качестве представителей французов. Сенека усыновили Жонкера, Марикур также считался полноправным членом народа онондага, а отец Брюйя служил миссионером у онейда и мохоков. Таким образом, все трое были уважаемыми и влиятельными фигурами, «культурными посредниками», которые сыграли важную роль в примирении пяти наций с французами.

На заключительном заседании Теганиссоренс заявил в присутствии Брюйя, Марикура и Ван Эпса, направленного к онондага Белломонтом с целью срыва переговоров, что делегаты от каждой страны отправятся в Монреаль. Он сказал Ван Эпсу: «Вы скажете моему брату Корлаэру, что я поеду в Монреаль, где мой отец Ононтио зажег огонь мира. Я также поеду в Олбани; мой брат зовет меня…» [Bacqueville de La Potherie, 1753, vol. 4, *159*].

Слова Теганиссоренса ясно показали, что Лига не собиралась разрывать договорную цепь с англичанами. Политика ирокезов заключалась в том, чтобы держать открытым путь к Олбани и поддерживать мирные отношения, но при этом держать англичан на расстоянии [Fenton, 1998, *343*]. Французская делегация в августе 1700 года тем не менее достигла оглушительного успеха. Ирокезы всецело поддержали заключение мирного соглашения с французами и их союзниками независимо от Нью-Йорка, тем самым отвергая любую форму английского суверенитета над Ирокезией. Неспособность Нью-Йорка выполнить военный аспект Цепи Ковенанта [Richter, 1992, *206–207*] все больше склонял ирокезов к следованию независимому, нейтральному курсу.

Девятнадцать сахемов ирокезов прибыли в Монреаль 31 августа в сопровождении Брюйя, Жонкера и Марикура. Это были вожди сенека, кайюга и онондага, но они также выступали от имени онейда. Некоторые представители союзников Новой Франции уже были там, другие должны были прибыть несколькими днями позже. Конференция началась через три дня после прибытия послов ирокезов, и оратор-сенека открыл дебаты. Принципиально новым для мирного процесса стало то, что он говорил от имени большинства ирокезов и занял позицию нейтралитета [Richter, 1992, *395*]. Централь-

ным в его предложениях было включение всех народов Великих озер в мирный договор. «В прошлый раз, когда мы были здесь, – заявил он, – мы посадили Древо Мира; теперь мы распространяем его корни, чтобы достичь народов верхней части страны, чтобы дерево было прочно посажено…» (цит. по: [Havard, 2001, *98*]).

Подкрепляя каждое из своих предложений поясом из вампума, оратор затем обратил внимание на освобождение тринадцати французских пленных и настоял на том, чтобы Кальер вернул ирокезам «всех пленных, содержавшихся народами Великих озер и дикарями этого региона (ирокезами Монреаля)» [Ibid.]. Делегат сенека завершил свою речь просьбой к французскому губернатору разрешить ирокезам торговать мехами в форте Фронтенак по той же цене, за какую они продавали бы их в Монреале [Havard, 2001, *98*].

Кальер, несмотря на указ 1696 года, запрещавший торговлю за пределами колонии, согласился на эту просьбу. В присутствии ирокезов, гуронов и оттава он обещал быть главным гарантом всеобщего мира и, согласно франко-индейской традиции союза, взял на себя роль арбитра и посредника в случае конфликта между коренными народами, в частности между ирокезами и союзниками. Если какое-либо государство нарушает мир, сказал он, то атакуемая сторона не должна никоим образом контратаковать, а должна обратиться к Ононтио, который позаботится о получении компенсации и при необходимости применит силу, соединившись с пострадавшей стороной, чтобы наказать непокорного нападавшего [NYCD, 1885, vol. 9, *722*].

Это условие могло только порадовать ирокезов, но оно не установило мир окончательно. Кальер продолжил требовать возвращения всех пленных, как французов, так и индейцев, оставшихся в Ирокезе, и назначил дату обмена пленными в августе следующего года в присутствии делегатов ирокезов и делегатов всех народов Запада.

На конференции в сентябре 1700 года присутствовало немного послов с Великих озер, но их присутствие имело большое значение, учитывая дипломатический вес гуронов и оттава. Вождь гуронов, первый из союзников Новой Франции, заявил: «Ононтио… забирает топоры всех народов; что касается меня, то я бросаю свой к его ногам. Кто осмелится пойти против его воли, того, кто здесь наш отец? Я нисколько не сомневаюсь, что люди верхней страны последуют его воле; это зависит и от вас, ирокезских народов» (цит. по: [Havard, 2001, *99*]).

8 сентября каждый представитель коренных народов подписал различные статьи, с которыми они согласились, и даже подписи онейда и мохоков присутствуют среди тринадцати индейских пиктограмм на мирном договоре [Bacqueville de La Potherie, 1753, vol. 4, *174*]. Этот договор был явным успехом для французов: он означал наконец мир с ирокезами, и, прежде всего, он был заключен вопреки дипломатическому давлению из Нью-

Йорка. Английские претензии на суверенитет над Ирокезией были сведены на нет. Кальер утверждал, что важно воспользоваться ситуацией, чтобы обеспечить нейтралитет ирокезов между двумя колониями, предоставив им «свободу в духовных вопросах, в уверенности, что они предпочтут наших миссионеров английским священникам» [NYCD, 1885, vol. 9, *711–713*].

Гуроны-петуны и оттава, присутствовавшие на этой конференции, еще только должны были превратить шаткое перемирие во всеобщий мир. В результате одиннадцать месяцев, предшествовавших великой конференции лета 1701 года, были отмечены интенсивной дипломатической активностью.

Ирокезам договор 1700 года был на руку. Мир с западными племенами был уже на подходе, и возможность торговли в форте Фронтенак позволила бы им избежать экономической зависимости от Олбани. Кроме того, французы негласно позволяли им поддерживать торговые и даже религиозные связи с англичанами. Однако им было приказано вернуть других пленных, и, поскольку не все народы Великих озер были включены в этот договор, военное давление на западе сохранялось [Richter, 1992, *403–404*].

Для Новой Франции еще одним положительным аспектом мира с ирокезами было то, что открывался путь к строительству форта на реке между озером Эри и озером Сент-Клер. Форт в Детройте мог стать местом сбора для всех народов Запада, что позволило бы Новой Франции сдержать английскую экспансию в районе Великих озер, обеспечить больший контроль над деятельностью ирокезов на западе и оказывать преобладающее влияние на союзные страны. Оставалось убедить народы Великих озер, и особенно ирокезов, одобрить строительство.

В конце июня в Онондага состоялись последние предварительные переговоры перед большой конференцией августа 1701 года. И французы, и англичане отправили в Ирокезию своих посланников. Осуждая отсутствие военной помощи со стороны англичан в войне против франко-индейских сил, ирокезы обозначили намерение продолжить переговоры с Новой Францией. Таким образом, нейтральный лагерь был укреплен в ущерб фракции, благосклонной к англичанам, Пять Наций достигли консенсуса.

Три дня спустя Теганиссоренс объявил о решениях Совета Лиги, которые выявили нейтралистский уклон его политики. «Я держу своего отца за одну руку, а своего брата Корлаэра – за другую – кто осмелится напасть на меня? – я ценю их обоих одинаково и не хочу никогда разлучаться с ними» [Bacqueville de La Potherie, 1753, vol. 4, *190*]. По вопросу о миссионерах Теганиссоренс заявил, что ирокезы получат священника либо от англичан, либо от французов в зависимости от того, кто продаст их товары по лучшей цене, и, таким образом, отложил вопрос на потом, к великому неудовольствию англичан.

Хотя сложная проблема пленных осталась нерешенной к концу конференции в Онондага, ирокезы тем не менее подтвердили свою готовность

принять французские условия и взять на себя обязательство придерживаться политики баланса и нейтралитета в будущем. Делегаты каждой из Пяти Наций, как и делегаты Великих озер, готовились отправиться в Монреаль [Ibid., *101–103*].

Французские делегаты, посланные к онондага Кальером в июне 1701 года, вернулись в Монреаль 21 июля в сопровождении двухсот ирокезов. Мохоки, которые заявили, что будут присутствовать на конференции, в составе делегации не были. Однако четыре посла мохоков прибыли в Монреаль «через несколько дней после отъезда» делегатов и приняли «те же условия, что и другие» (цит. по: [Havard, 2001, 119]).

Делегация стран Великих озер, которая сформировала флотилию из почти двухсот каноэ, прибыла в Монреаль 22 июля. Численность делегатов составляла от семисот до восьмисот человек, и, по-видимому, они представляли тридцать различных стран, являющимися союзниками Франции.

Помимо французов, ирокезов Лиги и около тридцати стран Великих озер, в конференции августа 1701 года также приняли участие представители алгонкинов, абенаки, ирокезы, поселившиеся в окрестностях Монреаля, в том числе ирокезы из Со-Сен-Луи, всего около 1300 человек, представителей примерно 40 племен. Некоторые группы коренных народов не принимали участия в конференции, хотя входили в альянс с Францией.

С 21 июля по 7 августа Монреаль был оживленной, красочной ареной, где культуры, языки и обычаи смешивались в атмосфере примирения, но и местом скорби, поскольку конференция была омрачена разразившейся эпидемией. Каждый день был наполнен дипломатическими ритуалами, официальными конференциями, торговыми мероприятиями, празднествами, речами и выступлениями делегатов. В течение почти двадцати дней Монреаль, как никогда ранее, жил в ритме местной цивилизации.

С 23 июля по 7 августа проходили ежедневные политические советы между французским губернатором и различными послами коренных народов. Кальер по очереди принимал многочисленных индейских представителей во дворе своей резиденции. Эти частные заседания, продолжавшиеся до 1 августа, способствовали тайным обсуждениям, и каждый делегат заботился о защите конкретных интересов своей нации, выходя за рамки более общих проблем, связанных с торговлей и обменом пленными [Bacqueville de La Potherie, 1753, vol. 4, *201–202*].

Большая летняя встреча 1701 года также была подобна возрождению огромных ежегодных ярмарок, и параллельно с мирными переговорами 25 июля официально началась торговля. В целях безопасности был издан указ, запрещающий продажу алкоголя во время конференции. Войска, размещенные в городе Кальером, были уполномочены следить за его исполнением [Lettre de Callière et Champigny au minister. Québec, 5 octobre 1701].

Данная мера была положительно оценена индейцами: «Во время нашего собрания не было ни драк, ни убийств, ни каких-либо других беспорядков, которые обычно случаются, когда мы пьяны» (цит. по: [Havard, 2001, *128*]).

Конференция 1701 года была во многих отношениях исключительной, и французы, для которых роскошь и пышность были лучшими символами политической власти, организовали ее как подобает случаю, с размахом, достойным Людовика XIV.

Ко всеобщему сожалению, Монреальскую конференцию омрачила эпидемия, которая, вероятно, имела европейское происхождение, но, по словам Кальера, была занесена с Великих озер индейцами [Lettre de Callière et Champigny au minister. Québec, 5 octobre 1701]. Это объясняет, почему некоторые представители индейских народов, отправившись на конференцию, так и не явились в Монреаль, а вернулись обратно домой.

Эпидемия распространялась, и это заставило Кальера ускорить переговоры, что создало некоторую напряженность между французами и их союзниками – делегатами из числа коренных народов, особенно вождями гуронов и майами. «К сожалению, придя послушать ваши слова… мы заболели» (цит. по: [Havard, 2001, *131*]). Индейцы, в частности гуроны, долгое время связывали эпидемии, периодически поражавшие их страну, с присутствием европейцев, особенно миссионеров, которых они считали могущественными колдунами. Напряжение было настолько велико, что распространился слух – явно ложный – о том, что французы собрали столько народов на своей территории, чтобы уничтожить их.

1 августа во время совета между французами и гуронами у вождя последних, Кондиаронка, началась сильная лихорадка, и вскоре он скончался. Эта смерть вызвала всеобщее горе и, вероятно, способствовала примирению и взаимопониманию. Похороны вождя гуронов состоялись 3 августа. Французы хотели, чтобы они были пышными, чтобы все знали, как глубоко они переживают потерю союзника [Bacqueville de La Potherie, 1753, vol. 4, *234–236*].

Мирный договор был ратифицирован уже на следующий день, 4 августа, на собрании, организованном французскими властями, которое насчитывало от двух до трех тысяч человек. В нем участвовали представители коренных народов, французские уполномоченные, офицеры, писцы, переводчики, а также фермеры, торговцы и священнослужители. Большой совет представлял собой зрелище, порожденное многообразием культур, что служило ярким примером «колониального» мультикультурализма Канады.

В этом контексте переводчики оказали незаменимую услугу. Их было пятеро, четверо из них были иезуитами. Отец Гарнье переводил для Кальера и гуронов; отец Биго – для алгонкинов и абенаков; отец Анжальран – для оттава; отец Бруйя – для ирокезов; наконец, Николя Перро – для большинства народов Великих озер. Губернатор Кальер, как хозяин конфе-

ренции, произнес первую речь, стоя на трибуне с бумагой в руке: «С величайшей радостью я вижу всех моих детей, собравшихся здесь… Вложив все ваши интересы в свои руки, чтобы вы все жили в спокойствии, я сегодня ратифицирую мирное соглашение, которое мы заключили… поскольку я полон решимости, чтобы больше не было разговоров о нападениях, совершенных во время войны, и я снова собираю все ваши топоры и все ваши другие орудия войны, которые я кладу вместе со своими в яму настолько глубокую, чтобы никто не мог забрать их обратно и нарушить спокойствие, которое я восстановил среди моих детей, и я рекомендую вам, когда вы встретитесь, относиться друг к другу как к братьям и договариваться о совместной охоте, чтобы не было между вами ссор…» [NYCD, 1885, vol. 9, *722*].

Отправив своих лучших ораторов, все народы смогли высказать свои позиции. Завершил раунд речей представитель ирокезов. Затем губернатор приказал принести мирный договор, который сам же и подписал первым, после чего индейские вожди оставили свои подписи, сделав личные отличительные пиктограммы [Ibid., *283*], и собрание, несмотря на эпидемию, завершилось празднеством и ликованием. Чтобы «подтвердить этот великий Союз… и сделать это со всей возможной осмотрительностью», французы и индейцы совершили ритуал калюмета. Один за другим Кальер, Шампиньи, Водрей и все делегаты от коренных народов долго курили большую трубку мира [Bacqueville de La Potherie, 1753, vol. 4, *252*; Charlevoix, 1976, vol. 2, *275, 283*].

6 и 7 августа наконец состоялись два заключительных заседания. На первом Кальер вел переговоры со всеми союзными делегациями, занимаясь в основном вопросами Детройта и войны на западе. На следующий день он встретился с делегатами ирокезских народов, с которыми обсудил вопросы возвращения пленных, Детройта и их нейтралитета [Charlevoix, 1976, vol. 2, *283–284*].

Временное мирное соглашение, заключенное в сентябре прошлого года, теперь было распространено на все народы Великих озер. Мир, символизируемый Древом Мира, основывался на общем доступе к охотничьим угодьям и обмене пленными.

Когда конференция закончилась, индейцы с запада, все еще ослабленные «простудой», вернулись домой: одни по реке Оттава до Мишилимакино, другие – по реке Св. Лаврентия и южным озерам до Детройта. Перед тем как покинуть Монреаль, индейцы Великих озер обратились к Кальеру: «Молитесь Владыке Жизни, чтобы он сохранил нас в нашем путешествии, избавил от болей в животе и головных болей, чтобы наши родственники увидели нас всех счастливыми» (цит. по: [Havard, 2001, *145*]). На следующий день ирокезы также попрощались. Монреаль вернулся к нормальной жизни, но долгий визит уполномоченных Великих озер и Ирокезии оставил свой отпечаток в истории города и истории Новой Франции в целом.

Индейцы Северной Америки играли ключевую роль в истории континента, что ясно продемонстрировали события 1701 года. Многие вожди коренных народов были заинтересованы и участвовали вместе с французскими лидерами в построении мира, что уже было колоссальным достижением. Собрать в Монреале делегатов около сорока племен, от Миссури до севера озера Верхнее и от Ирокезии до Акадии, – одни из них были кочевыми, другие – оседлыми, одни привыкли к использованию каноэ, а для других это было необычно. Преодолеть межплеменную ненависть и страсть к войне столь многих, побудить их подписать мирный договор – непростое дело, удавшееся французам, поэтому Монреальский мир в историографии назван «Великим».

После подписания мирного договора прекратились затяжные, периодические войны между Новой Францией и ирокезами, начавшиеся в 1609 году. «Ирокезская угроза» перестала быть таковой для французов, что положительным образом сказывалось на жизни колонии, а достижение нейтралитета Ирокезской лиги в потенциально возможном колониальном конфликте с англичанами явилось победой Новой Франции. Мир ослабил позиции англичан в регионе и укрепил позиции Новой Франции, восстановил торговлю и открыл путь для дальнейшей французской экспансии в бассейне Великих озер. Также французы получили право выступать посредниками и разрешать споры между подписавшими договор племенами, что усилило политическое влияние Новой Франции на северо-востоке континента.

Для Ирокезской лиги Великий Монреальский мир был вынужденным, но стратегически оправданным шагом, позволившим выйти из затяжного кризиса. Пять Наций сохраняли свой суверенитет и выступали не побежденной, а равной стороной договора. Нейтралитет позволил им избежать территориальных потерь и прямого подчинения Новой Франции, притом сохранял договорную цепь с англичанами. Ирокезы перешли к стратегии балансирования между основными державами, преследуя собственные интересы: они вновь могли торговать с европейцами и при этом меньше зависеть от английских торговцев благодаря использованию и французского, и английского рынков. Договор также открыл путь к мирному урегулированию отношений между Пятью нациями и коренными народами западных территорий. Это дало Конфедерации передышку на полтора десятилетия, прежде чем новые конфликты вновь обострили ситуацию в регионе.

Несмотря на попытки Англии помешать переговорам в Монреале, конференция прошла успешно, ознаменовав собой крупную дипломатическую победу Новой Франции. Монреальский мир для английских колоний, прежде всего Новой Англии и Нью-Йорка, имел в массе своей негативные и ограничительные последствия, но были и свои положительные моменты. Хотя Англия была вынуждена принять договор и согласиться с нейтральным положением ирокезов и, как следствие, с потерей основного союзника

в регионе, она не отказалась от использования конфедерации в своей дальнейшей колониальной политике, что в конечном итоге и показало проанглийский характер нейтралитета Лиги. Английские купцы лишились части рынков и доступа к мехам через посредников-ирокезов, но торговля и экономические связи в целом не были запрещены, чем англичане и пользовались, предлагая индейцам более лояльные цены с целью переориентации торговли в сторону Англии. Нью-Йорк продолжил получать меха и другие товары от ирокезов, сохраняя канал доступа к ресурсам бассейна Великих озер, хотя и через посредничество ирокезов (причем в основном французских союзников из редукций [Федин, Сагимбаев, 2024, *76–80*]), что позволяло конкурировать с французами, пусть и на менее выгодных условиях.

Прекращение крупных столкновений снизило напряженность на северо-восточных рубежах, а мир на французском направлении временно уменьшал вероятность большой войны, что, соответственно, давало колониям передышку и возможности для своего хозяйственного развития: укрепления поселений, расширения хозяйств, роста портов, развития судостроения и ремесел.

Договор не ликвидировал английские интересы в регионе – он лишь отсрочил борьбу за Великие озера и долину Огайо, которую колонии позже возобновили в ходе войн XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА

Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. 571 с.

Морган Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М.: Наука, 1983. 301 с.

Федин А.В., Сагимбаев А.В. Торговля с врагом: иезуиты и контрабандная торговля в Северной Америке в XVII – первой половине XVIII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2024. № 4. С. 76–80.

Bacqueville de La Potherie, M. de Claude-Charles Le Roy. Histoire de l'Amerique Septentrionale: divisée en quatre tomes. T. 4. A Paris: Chez Nyon fils, 1753. 430 p.

Beaulieu A. La Grande Paix: chronique d'une saga diplomatique. Montréal: Libre expression, 2001. 127 p.

Biggar H.P. The Early Trading Companies of New France. A contribution to the history of commerce and discovery in North America. Toronto: University of Toronto Library, 1901. 334 p.

Brandão J.A. Your Fyre Shall Burn No More: Iroquois Policy toward New France and Its Native Allies to 1701. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997. 408 p.

Canfield W.W. The Legends of the Iroquois, told by «the Cornplanter». New York, NY: Wessels, 1902. 236 p.

Charlevoix P.F.X. Histoire et description générale de la Nouvelle-France, avec le journal historique d'un voyage fait par ordre du Roi dans l'Amérique septentrionale. Ottawa: Éditions Élysée, 1976 (1744). 3 Vols. Vol. 1. 810 p.

Documents relative to the colonial history of the State of New York / ed. by J.R. Brodhead, B. Fernow. Vols. 15. Albany: Weed, Parsons and Company, Printers, 1856–1887.

Fenton W.N. The Great Law and the Longhouse: A Political History of the Iroquois Confederacy. Norman: University of Oklahoma Press, 1998.

Havard G. The Great Peace of Montreal of 1701: French-native diplomacy in the seventeenth century. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001. 312 p.

Lettre de Callière et Champigny au minister. Québec, 5 octobre 1701. URL: https://central.baclac.gc.ca/.redirect?app=fonandcol&id=3050230&lang=eng&ecopy=e000790804/ Bibliothèque et Archives Canada (дата обращения: 11.11.20025).

Parkman P. France and England in North America. In 2 vols. New York, 1983. Vol. 2. 397 p.

Richter D.K. The ordeal of the longhouse: the peoples of the Iroquois League in the era of European colonization. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1992. 460 p.

Trealease A.W. Indian Affairs in Colonial New York: The Seventeenths Century. Cornell University Press. Ithaca, N.Y., 1960. 416 p.

Wraxall Peter. An Abridgement of the Indian Affairs Contained in Four folio Volumes, Transacted in the Colony of New York, From Year 1678 to Year 1751 / ed. by Charles H. McIlwain. Cambridge: Harvard University Press, 1915. 390 p.

I.I. Zhigunova
Postgradute Student, Assistant,
Chair of World History and International Relations,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky
Bryansk, Russia

«The Great peace of Monreal of 1701»: background and positions of the parties

During the era of North American colonization, there was a struggle for control of the fur trade, which became a high-stakes game for Native American tribes, as they all wanted to become middlemen in trade with Europeans. During the Beaver Wars, the Hurons and Algonquians, who were supported by the French, fought against the Iroquois of the powerful League of Five Nations, who were initially supported by the Dutch and later by the British. During the 17th century, the Iroquois significantly expanded their influence over the territories of the French-allied Indians and often posed a threat to French settlements. The interests of the French and English colonists clashed on the North American continent, and protracted wars for spheres of influence were waged with the assistance of their Indian allies. The nearly century-long war between the French and the Iroquois had depleted the resources of both sides, making it possible to find a compromise and conclude the «Great Peace» of 1701 in Montreal, which allowed for the resumption of the fur trade, an important source of income for New France.

Keywords: *Iroquois League; Hurons; Algonquins; Franco-Indian Alliance; New France; New England; Montreal Peace; colonial conflicts; Governor-General.*

REFERENCES

Akimov Y.G. From Intercolonial Conflicts to the Battle of Empires: The Anglo-French Rivalry in North America in the 17th and Early 18th Centuries [Ot mezhkolonial'nyh konfliktov k bitve imperij: anglo-francuzskoe sopernichestvo v Severnoj Amerike v XVII – nachale XVIII v]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Press, 2005. 571 p. (in Russian).

Morgan L.G. (1983). The League of the Hodenosaunee, or Iroquois [Liga hodenosauni, ili irokezov]. Moscow: Nauka, 1983. 301 p. (in Russian).

Fedin A.V., Sagimbayev A.V. (2024). Trading with the enemy: The Jesuits and smuggling in North America in the 17th and first half of the 18th century [Torgovlya s vragom: iezuity i kontrabandnaya torgovlya v Severnoj Amerike v XVII – pervoj polovine XVIII veka]. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology.* No. 4. Pp. 76–80 (in Russian).

Bacqueville de La Potherie, M. de C.-C.L.R. Histoire de l'Amerique Septentrionale: divisée en quatre tomes. Histoire de l'Amérique Septentrionale: divisée en quatre tomes . Vol. 4. Paris: Chez Nyon fils, 1753. 430 p. (in French).

Beaulieu A. The Great Peace: chronicle of a diplomatic saga. Montreal: Libre expression, 2001. 127 p. (in English).

Biggar H. P. The early trading companies of New France: A contribution to the history of commerce and discovery in North America. Toronto: University of Toronto Library, 1901. 334 p. (in English).

Brandão J.A. Your fire shall burn no more: Iroquois policy toward New France and its native allies to 1701. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997. 408 p. (in English).

Canfield W.W. The legends of the Iroquois, told by «the Cornplanter». New York, NY: Wessels, 1902. 236 p. (in English).

Charlevoix P.F.X. Histoire et description générale de la Nouvelle-France, avec le journal historique d'un voyage fait par ordre du Roi dans l'Amérique septentrionale. Ottawa: Éditions Élysée, 1976 (Original work published in 1744). In 3 vols. Vol. 1. 810 p. (in French).

Documents relative to the colonial history of the State of New York (Vol. 15). (1856–1887). Edited by J. R. Brodhead, B. Fernow. Albany: Weed, Parsons and Company, Printers, 1856–1887 (in English).

Fenton W.N. The great law and the longhouse: A political history of the Iroquois Confederacy. University of Oklahoma Press, 1998 (in English).

Havard G. The Great Peace of Montreal of 1701: French-native diplomacy in the seventeenth century. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001. 312 p. (in English).

Lettre de Callière et Champigny au ministre. Québec, 5 octobre 1701. Available at: https://central.bac-lac.gc.ca/.redirect?app=fonandcol&id=3050230&lang=eng&ecopy=e000790804(accessed on November 11, 2025) (in French).

Parkman F. France and England in North America. In 2 Vols. New York, 1983. Vol. 2. 397 p. (in English).

Richter D. K. (1992). The ordeal of the longhouse: the peoples of the Iroquois League in the era of European colonization. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1992. 460 p. (in English).

Trealease A.W. Indian affairs in colonial New York: The seventeenths century. Cornell University Press. New York. 1960. 416 p. (in English).

Wraxall P. An Abridgement of the Indian Affairs Contained in Four folio Volumes, Transacted in the Colony of New York, From Year 1678 to Year 1751. Edited by Charles H. McIlwain. Cambridge: Harvard University Press, 1915. 390 p. (in English).

Т.В. Алентьева

Курский государственный университет
Курск, Россия

УДК 94(73):081

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-231-244

ВИЗУАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА В США ВО ВРЕМЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1812–1815 ГОДОВ

Ключевые слова: *XIX век; Англия; США; Англо-американская война 1812–1815 годов; имагология; визуальная пропаганда; карикатура; Уильям Чарльз.*

В статье анализируется роль визуальной пропаганды в Англо-американской войне 1812–1815 годов. Она включала политические карикатуры (гравюры, ксилографии, литографии), которые изображали врага в сатирическом и негативном свете, часто преувеличивая его варварство или подчеркивая его предполагаемые неудачи. Актуальность изучаемой проблемы подтверждается значением, которое визуальная пропаганда имеет в современных военных конфликтах и международных отношениях в целом. Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать задачи, формы и методы визуальной пропаганды, ее роль и степень ее влияния на общественное мнение американцев. Это тем более важно в свете визуального и иконического поворотов в современной исторической науке. Методологическая основа статьи носит междисциплинарный характер. Проведенное исследование опирается на историзм, объективность, системность, диалектический подход, философские и социологические теории, изучающие природу общественного сознания и факторов, влияющих на него: теорию К. Юнга о коллективном бессознательном и архетипических образах, теорию социального конструктивизма П. Бергера и Н. Лукмана, достижения имагологии и дискурсивный анализ. Как в американской, так и в российской историографии попытка исследовать визуальную пропаганду в условиях англо-американской войны 1812–1815 годов не предпринималась. Источником изучения поставленной проблемы послужили визуальные материалы: карикатуры, гравюры, рисунки, хранящиеся в Библиотеке Конгресса США. Визуальная пропаганда была весьма действенной, нацеленной на эмоциональное восприятие, понятной и доходчивой, активно влияющей на самые широкие слои населения. И в силу этого добивалась поставленных целей.

Хронологические рамки англо-американского военного конфликта начала XIX века до сих пор остаются дискуссионными, так как концом войны традиционно считается подписание Гентского мирного договора 24 декабря 1814 года. Однако военные действия продолжались с обеих сторон, 8 января

1815 года была одержана блестящая победа Э. Джексона под Новым Орлеаном [Алентьева, 2024, *182–202*]. Ратификация мирного договора в американском сенате состоялась в феврале, и 17 февраля 1815 года он был подписан президентом Мэдисоном. Этот день и считается в США официальной датой окончания войны. В отечественной историографии англо-американская война 1812–1815 годов была предметом изучения академика Н.Н. Болховитинова, конфликт определялся им как имеющий экспансионистские цели со стороны США, направленные на захват Канады и Флориды, в то время как Англия стремилась подорвать американскую экономику и торговлю, укрепить свой диктат на морях, нарушая права нейтральных стран [Болховитинов, 1967, *142–154*]. В то же время он подчеркивал, что США стремились защитить свой суверенитет от посягательств как Англии, так и Франции в сложный период наполеоновских войн в Европе. Особое внимание Н.Н. Болховитинов уделял русско-американским отношениям и попытке России стать посредником в мирном урегулировании конфликта [Болховитинов, Дивильковский, 1961, *35–41*; Болховитинов, 1966]. Важный вклад в изучение проблем происхождения англо-американской войны не только в связи с наполеоновскими войнами, но и с учетом подъема национально-освободительного движения в Латинской Америке внес В.В. Яровой [Яровой, 1987]. Проблемы дипломатического и военного руководства США анализировал в обстоятельной биографии президента Дж. Мэдисона С.А. Исаев [Исаев, 2006]. Он также изучал роль русского посредничества в конфликте [Исаев, 2008, *31–39*]. М.О. Трояновская анализировала англо-американскую войну в контексте международных отношений [Трояновская, 2010, *203–246*]. Военно-морские аспекты конфликта рассматривались в работе С. Махова [Махов, 2018]. Отдельные формы пропаганды были предметом исследования в монографии Т.В. Алентьевой и А.И. Тимченко [Алентьева, 2018], а также в монографиях [Алентьева 2020; 2024] и статьях [Алентьева 2016, *41–43*; Алентьева, 2019. *316–333*; Алентьева, 2022, *15–24*]. Однако проблема визуальной пропаганды остается недостаточно изученной в российской историографии. То же самое можно отметить и для американской историографии. Несмотря на то, что англо-американская война 1812 года основательно изучена американскими историками и написаны сотни работ, споры и дискуссии не утихают до сих пор, даже по вопросу, кто стал победителем в войне [Hickey, 2006]. Специальные работы, посвященные визуальной пропаганде в этот период, в американской историографии отсутствуют.

Методологической основой в исследовании поставленной проблемы являлись, наряду с необходимой опорой на историзм, объективность, системность, диалектический подход, философские и социологические теории, изучающие природу общественного сознания и факторов, влияющих на него. В связи с этим методологическая основа статьи носит междисциплинарный характер. Исследование опирается на теорию К. Юнга о коллективном бессозна-

тельном и архетипических образах. Архетипы сознания постоянно трансформируются и транслируются в культуре, особенно в визуальности. Для изучения визуальной пропаганды не менее существенное значение имеет теория социального конструктивизма П. Бергера и Н. Лукмана. Визуальные образы, создаваемые пропагандой, следуют общепринятым социальным конструктам, включая типизацию явлений, что было характерно и для американской пропаганды XIX столетия. Достижения исторической имагологии явились необходимой основой для анализа образов и символов, создаваемых визуальной пропагандой. Имагология предполагает изучение различных аспектов этнотипов, конструирования образов в дихотомии «свой / чужой», что представляет особый интерес в условиях пропагандистской войны.

Англо-американская война 1812–1815 годов потребовала мобилизации усилий всех каналов пропагандистского воздействия на население. Прежде всего, это было необходимо, чтобы представить цели войны как справедливые и морально оправданные со стороны США. Тем более что в стране имелись активные противники войны в лице партии федералистов, защищавших интересы торгово-промышленных и финансовых кругов Северо-Востока. Эта часть американского общества выступала против политики эмбарго, проводимой республиканскими администрациями президентов Джефферсона и Мэдисона, и ратовала за продолжение активной торговли с Великобританией. В то же время к войне активно подталкивали политики-республиканцы, прозванные «военными ястребами» (Г. Клей, Д. Кэлхун, Ф. Грунди), выступавшие за присоединение к США Канады и Флориды. Партия джефферсоновских республиканцев представляла главным образом интересы аграриев южных и западных штатов, заинтересованных в экспансии на новые земли. Они рассчитывали, что Великобритания не сможет вмешаться в события за океаном, целиком поглощенная борьбой с Наполеоном. Военные действия англичан в Португалии и Испании были в том числе отражением стремления Великобритании проникнуть на латиноамериканский рынок, где находились обширные колонии этих стран. С 1810 года началась Война за независимость Латинской Америки от колониального господства, которую англичане надеялись использовать в своих интересах. Это не устраивало американских торговцев, имевших собственные интересы в регионе.

США первыми объявили войну Великобритании 18 июня 1812 года. Расчет республиканской администрации Дж. Мэдисона состоял в том, что Наполеон занят подготовкой вторжения в Россию, в связи с чем и Англия будет поглощена европейскими делами. Эти расчеты оказались несбывшимися мечтаниями, поскольку Наполеон потерпел в России сокрушительное поражение, а разгром наполеоновской армии во время заграничного похода русских войск в 1813–1814 годах позволил Великобритании высвободить значительные воинские контингенты для борьбы против своей бывшей колонии.

Незадолго до начала военных действий президент США Мэдисон в обращении к Конгрессу утверждал, что «поведение британского правительства представляет собой серию актов, враждебных США как независимой и нейтральной нации». В этом документе он привел четыре причины, объяснявшие, почему США намерены вступить в войну с Великобританией: захват моряков с американских судов; блокада портов; меры, ограничивающие внешнюю торговлю бывших колоний, и подстрекательство индейцев к военным действиям против американских поселенцев [Annals, *454–457*]. За пределами воинственной патриотической риторики тщательно скрывались экспансионистские планы. Задачи пропаганды в начавшемся конфликте состояли в том, чтобы доказывать, что цели США в войне справедливы и оправданны, что американская нация, уже продемонстрировавшая свою способность сражаться с англичанами в Войну за независимость, непременно победит. Американская пропаганда подчеркивала необходимость войны для защиты свободы торговли, прав нейтральных стран, американских моряков и судов.

Важнейшей задачей также являлось конструирование образа врага, отвратительного, трусливого и варварски жестокого, сражаться с которым – дело чести каждого американца. Наряду с правдивой информацией пропаганда неизбежно прибегала к утаиванию неприятных фактов, их искажению, прямой лжи, нагнетанию всякого рода фобий, распространению слухов и сплетен, возбуждению ненависти к врагу. В дихотомии «мы / другие», «свой / чужой» создавались взаимоисключающие социальные конструкты американцев и англичан.

Для мобилизации населения широко использовались патриотические песни и стихи. Именно в период войны 1812–1815 годов появились слова национального гимна США «Усеянное звездами знамя», которые написал поэт Ф.С. Ки. Первоначально это была поэма, называвшаяся «Защита форта Макгенри» и восхвалявшая героическую защиту гавани Балтимора, одну из немногих побед американцев на суше в ходе данной войны [Leepson, 2014, *20–24*; Encyclopedia, 2010, *149*]. Немаловажный вклад в оправдание целей войны, придание ей справедливого характера вносили публичные выступления видных политиков-республиканцев и религиозных деятелей. Так, например, Д. Кэлхун, не колеблясь, заявлял на заседании Конгресса: «Я верю, что в течение 4 недель после объявления войны нами будет завоевана британская Канада» [Annals, *461*]. Война уже тогда позиционировалась республиканцами как Вторая война за независимость [The War of 1812, 2013].

Все возможные средства и каналы пропагандистского воздействия были нацелены на мобилизацию населения, пропагандисты конструировали ментальные образы «себя» и «других», «своих» и «чужих», создавая негативные стереотипы и клише, способствуя укоренению дискурса врага. Но наибольшего эффекта могла достичь в тех условиях только визуальная про-

паганда, наглядно и доходчиво объяснявшая населению, за что и с кем необходимо сражаться. Она оказывала глубокое психоэмоциональное воздействие, так как обращалась не к рациональному мышлению, а к зрительному восприятию, создавая ментальные образы. Американская визуальная пропаганда уже имела в своем арсенале образы, сложившиеся во время Войны за независимость (образ Колумбии, образ простого фермера брата Джонатана, образы отцов-основателей, первого президента США Джорджа Вашингтона). Важным средством пропаганды патриотизма было обращение к национальным символам: символике американского флага (звезды и полосы), американского герба (орел, лавровые ветви и др.). Весьма востребованным в пропагандистском дискурсе оказался концепт Свободы, завоеванной американцами в борьбе с британским колониальным гнетом (храм Свободы; фригийский колпак). Данные символы являлись выражением формирующейся национальной идентичности американцев. В период этой войны появляется и образ дяди Сэма, ставший впоследствии расхожим стереотипом для США [Morgan, 1988, *81*; Hickey, 2015, *681*–692].

Для визуального воздействия на население широко использовались пропагандистские плакаты и листовки, литографии и карикатуры, обширная коллекция которых хранится в Библиотеке Конгресса США, а также в библиотеках отдельных университетов. Литографии выпускались по поводу достигнутых побед или выдаваемых за таковые событий. В ходе войны американцам удалось одержать победы на суше только в сражениях при Платсбурге, Балтиморе и Новом Орлеане. Художник Д. Боуэр создал цветную литографию «Бомбардировка форта Макгенри британцами», пользующуюся огромной популярностью. По большей части американцы терпели одну неудачу за другой. Попытки завоевать Канаду позорно провалились. Британцы подвергли побережье США морской блокаде, разоряли приморские селения. Наиболее позорной страницей войны стали захват и сожжение англичанами столицы США – города Вашингтона. Пострадал от огня и главный символ президентской власти Белый дом, и оплот законодательной власти – Капитолий [Алентьева, 2024, *164–167*]. Большой популярностью в то время пользовались литографии, изображавшие сожжение Белого дома и его плачевное состояние после пожара. Они должны были подчеркивать варварство и жестокость врага. Похвастаться американцы могли только успехами генералов У.Г. Гаррисона и Э. Джексона в сражениях с индейцами, в связи с чем в пропаганде проводилась апологетическая героизация этих деятелей.

В сложившихся условиях главной целью визуальной пропаганды являлась героизация войны, возвеличивание отдельных военачальников, хотя таковых был явный недостаток. Тем не менее широко распространялись литографии, изображавшие отдельных генералов и флотоводцев. Поскольку главные лавры победителей в этой войне снискали моряки, то с наибольшим размахом печатались рисунки и литографии, посвященные морским победам и героям-морякам. В период войны американские каперы потопили 1200 английских судов. Однако благодаря солидному объему британского

торгового флота американские захваты затронули только 7,5% кораблей, что не привело к нехватке снабжения или подкреплений для британских сил в Северной Америке.

Свой важный вклад в визуальную пропаганду вносила карикатура. Печатные издания начала XIX столетия еще не имели достаточных технических возможностей для публикации рисунков, поэтому всякого рода иллюстрации, в том числе карикатуры, чаще всего печатались в виде литографий и продавались наряду с газетами. Они клеились на стенах домов, выставлялись в лавках, тавернах, холлах гостиниц, покупались для оживления интерьера домов и в значительной степени способствовали росту патриотических настроений.

Огромной популярностью у публики пользовались карикатуры, призванные обличать, высмеивать, осуждать изображаемых персонажей. Это был один из наиболее действенных видов политической пропаганды. Для США жанр карикатуры был сравнительно новым, поэтому довольно часто художники опирались на опыт, образы и сюжеты признанных мастеров карикатуры – англичан: Дж. Гилрея, Т. Роулендсона, И. Крукшенка с их грубоватым юмором. Считается, что основы американской политической карикатуры заложил шотландец Уильям Чарльз (1776–1820), эмигрировавший в Америку. Его карикатуры американского периода имели личную подпись, поэтому они легко атрибутируются. Именно он является автором большинства карикатур периода англо-американской войны 1812–1815 годов [Алентьева, 2020, *29–40*] По мнению историка Л. Ланмон, «Чарльз должен рассматриваться как ключевая фигура в передаче техники и языка английских карикатуристов в американский контекст» [Lanmon, 1976, *1–51*].

В целом же изобразительный язык карикатуры того времени не отличался особой реалистичностью изображений. Фигуры персонажей были нарочито шаржированы, отличались примитивностью изображения, позы были статичными, жесты условными. Детали, как правило, не были тщательно прорисованы. Но для целей карикатуристов это и не требовалось. Для репрезентации Англии и англичан использовался ставший уже стереотипом в английской карикатуристике образ Джона Буля. Он изображался краснолицым низкорослым толстяком, а иногда в образе быка (*John Bull* – буквально *Джон Бык*). Был востребован и образ британского монарха Георга III, которого рисовали в самом комическом, иногда даже непристойном виде, без всякого уважения к его статусу. Изображались также офицеры и солдаты в красных мундирах (американцы придумали им смешное прозвище – «вареные раки»).

Довольно ярко и образно эта символика представлена в карикатуре Уильяма Чарльза «Колумбия дает новый урок Джону Булю» [Columbia teaching John Bull…]. США на ней представлены в виде девушки с копьем, с фригийским колпаком на нем, как олицетворение Свободы. У ее ног сидит орел и стоит щит с американскими «звездами и полосами». Карикатура служила

наглядным пособием для разъяснения целей войны со стороны США. Это находило свое отражение в расположении фигур на карикатуре, их жестах. Колумбия стоит, гордо выпрямившись, протягивая левую руку в поучающем жесте в сторону французского императора и Джона Буля. Наполеон расположен в центре, и, хотя его голова повернута в сторону основного врага – англичанина, сжатые кулаки направлены к Колумбии. Художник этим подчеркивает, что Франция для американцев такой же враг, как и Великобритания. Поэтому Наполеон изображен нарочито маленьким, в огромной двууголке с роскошным пером (намек на его хвастливость). Джон Буль стоит как бы в стороне, левой рукой нервно теребя подбородок. В правой он держит книгу. Из кармана у него выглядывают знаменитые «Указы в Совете», запрещавшие любую торговлю с Францией и ставшие для американцев поводом к войне. По иронии истории, «Указы» были отменены как раз перед объявлением войны Соединенными Штатами, но известие об этом запоздало. Если французский император изображен в нарядном военном мундире, белых бриджах и сапогах, то Джон Буль показан простоватым фермером. Он толстяк, в домотканом сюртуке, простой шляпе, бриджах в обтяжку и полосатых гетрах, а также в грубых башмаках с пряжками. Этим художник хочет подчеркнуть различие между военной мощью Франции и «неспособностью» англичан воевать, поскольку одной из целей визуальной пропаганды было показать слабость и никчемность врага. Вербальная составляющая карикатур должна была разъяснять зрителям скрытый смысл карикатур, дополнять визуальный ряд. В то время речи персонажей заключались в своеобразные «пузыри-баллоны». Колумбия объясняет зрителям цели их справедливой войны. На карикатуре она гневно втолковывает толстяку Джону Булю: «Я говорю вам, Джонни! Вы должны выучиться говорить эти слова: “Уважение”, “Свобода торговли”, “Морские права”». Французского императора она тоже сердито поучает. Таким образом, конструировался образ непреклонной и героической страны-Колумбии, опирающейся на архетип матери-Родины. Одновременно высмеивались противники США.

В визуальной пропаганде одной из важнейших задач была героизация войны и создание пантеона героев. Таким отважным героем изображает американского президента Дж. Мэдисона У. Чарльз в карикатуре «Георг III и Мэдисон на ринге. Боксерский матч, или Расквашенный нос Джона Буля» [George III and Madison in the Ring]. Здесь явно видна отсылка к архетипу защитника, спасителя страны. При этом совершенно не берется во внимание отнюдь не героическое поведение самого Мэдисона, который не стал защищать свою столицу и покинул ее одним из первых. Кроме того, художник явно использует популярную английскую спортивную забаву – бокс, чтобы на данном примере показать перевес американцев. На карикатуре оба персонажа представлены в боксерской стойке. Их кулаки наготове и явно были пущены в ход, поскольку у британского монарха уже подбит один глаз и ручьем льется кровь из носа. Оба соперника изображены примерно одинаковыми, хотя в реальности это было не так. Американский президент

Джеймс Мэдисон не отличался ни высоким ростом (163 см), ни богатырским телосложением – был довольно щуплым (вес 50 кг). Карикатурист его таким и изобразил, чтобы еще больше подчеркнуть весомость его победы в боксе над тучным (вес короля был 105 кг), достаточно высоким (рост 183 см) Георгом III. Символична одежда персонажей. Президент США одет в простой скромный сюртук, что должно подчеркивать гражданскую скромность, республиканскую добродетельность. Фактически Мэдисон олицетворяет простого американского фермера брата Джонатана. На короле Англии военный мундир и корона, которая готова свалиться с головы. Георг III здесь не просто король – по замыслу У. Чарльза, сама Британия в его лице терпит сокрушительное поражение.

На заднем плане два корабля заняты артиллерийской дуэлью. В карикатуре содержался намек на то, что в морском бою у берегов Мэна американский корабль «Энтерпрайз» потопил британский «Боксер» 5 сентября 1813 года. Название британского корабля и дало сюжет и название для карикатуры. В сражении были смертельно ранены британский командир С. Блат и его американский противник лейтенант У. Берроуз. Но, поскольку победу одержал американский корабль, название которого означало «Предприимчивость», это должно было внушать американцам оптимизм и уверенность в будущей победе. Поэтому на карикатуре главные персонажи не капитаны и не сами корабли, а именно главы государств. Примечателен диалог между персонажами. Король Георг говорит брату Джонатану (Мэдисону): «Стоп, стоп, стоп, брат Джонатан, или я упаду бездыханным от потери крови. Но я должен признать ваше высокое спортивное мастерство – два удара против одного моего! И так хорошо сработано, даже слишком!» Мэдисон отвечает: «Ах-ах, Джонни! Вы думали о себе, что вы “Боксер”! (здесь обыгрывалось название английского корабля). Я доказал вам, что мы “предприимчивая” нация (здесь был намек на название американского корабля). Я готов встретиться с вами и помериться силой в любой день». В карикатуре в смешном и жалком виде был представлен британский король, что отвечало задаче дегероизации противника. Мэдисон, человек скромных физических качеств, был представлен достойным соперником. Карикатура также должна была внушать уважение к главе американской исполнительной власти и к политике возглавляемой им партии.

Поскольку яркие и значимые победы американцы одержали на море и на Великих озерах, большинство карикатур были посвящены именно этой тематике. Ярким примером может служить карикатура неизвестного автора, обыгрывавшая названия американских кораблей «Оса» и «Шершень». Она называлась «“Оса” и “Шершень” закусали Джона Буля до полусмерти» [John Bull Stung to Agony by Insects]. Художник прибегает к утрированию образа врага. Англия символически изображена в ставшем уже стереотипным образе Джона Буля. Он смешной, пузатый, коротконогий человек в

красном военном мундире, удирающий со всех ног и размахивающий саблей, чтобы отогнать зловредных насекомых, готовых зажалить его до смерти. На заднем плане видны сражающиеся корабли.

Чтобы еще больше высмеять врага и придать ему нелепый вид, американские художники изощрялись в фантазиях относительно образа Джона Буля. Он появляется на карикатурах то в зооморфном образе быка, то наполовину в антропоморфном образе. Так, в карикатуре У. Чарльза «”Петушиный” поединок, или Другой “укус” гордости Джона Буля» [The Cock Fight, or another Sting to the Pride of John Bull] и Э. Дулитла «”Шершень” и “Павлин”, или Джон Буль в бедственном положении» [The Hornet and Peacock Or John Bull in Distress] Джон Буль изображен в фантастическом симбиозе быка и павлина, пронзенного огромным осиным жалом как копьем. В карикатуре «Русское посредничество в мирных переговорах» [Bruin Become Mediator] Джон Буль показан в виде быка с человеческой головой, но с рогами, стоящим на коленях перед Колумбией. Россия изображена в традиционном образе медведя, но довольно добродушного, желающего примирить Британию и США (Джона Буля и Колумбию). Медведь Бруин пытается соединить их руки.

Довольно часто в карикатурах обыгрывались имена и фамилии капитанов, прославившихся своими победами, например О.Х. Перри, фамилию которого можно перевести как «грушевый сидр». Он получил почетное прозвище «герой озера Эри», удостоился благодарности Конгресса, был награжден золотой медалью [Skaggs, 2006, *302*]. В самом смешном и даже гротескном виде британский монарх Георг III представлен на карикатуре У. Чарльза «Королева Шарлотта и Джонни Буль получают свою порцию “Перри”» [Queen Charlotte and Johnny Bull Got their Dose of Perry]. В этой карикатуре обыгрывались названия кораблей, участвовавших в сражении, один из которых носил имя королевы Шарлотты. На карикатуре тучный Георг III восседает на троне, в одном из вариантов вместо трона изображен ночной горшок. Возможно, здесь намек на медвежью болезнь, поскольку король с болезненным видом держится за живот. На полу валяются разорванные бумаги. Это намек на донесения о поражениях британских моряков. У короля самое унылое выражение лица и подбитый глаз. Он пытается оттолкнуть от себя то, что предлагает ему супруга Шарлотта. Королева протягивает ему бутылку сидра с надписью «Перри», из которой во все стороны разлетаются брызги с названиями американских кораблей, участвовавших в сражении на озере Эри. Она говорит: «Джонни, почему бы тебе не выпить немного этого сидра?» Король угрюмо отвечает: «О, этот Перри!!! Проклятье этому Перри! Одно несчастье за другим! Я даже еще не оправился от потери крови, когда мне в боксерском поединке расквасили нос». Здесь содержался намек на карикатуру, посвященную боксерскому поединку Георга и Мэдисона.

Дегероизации противника и возвеличиванию защитников Родины посвящена популярная карикатура У. Чарльза под названием «Джон Буль и

балтиморцы» [John Bull and the Baltimoreans]. На ней мэрилендские ополченцы со штыками наперевес гонят незадачливых британских вояк со своей земли. Англичане изображены в самом смешном виде, толстыми и неуклюжими горе-вояками. Сзади толпы англичан шествует сам Джон Буль в штатской одежде с головой быка, увенчанной рогами. В его зад упирается штык американского ополченца, который говорит: «Ой! ой! Джонни, ты думал, что справился и проучил александрийцев... но мы проучим тебя, ты узнаешь, что такое порка!!!» Здесь намек на то, что жители города Александрии проявили трусость и не оказали никакого сопротивления англичанам. Чтобы Джон Буль выглядел еще более жалко, его явно одолела «медвежья болезнь». Карикатуристы этого периода не чурались грубости и непристойности в своем творчестве. На карикатуре У. Чарльза Джон Буль пытается задобрить американских солдат. Он говорит: «Милосердия! Пощады мне! Какие молодцы вы, балтиморцы! Я думал, что после примера с александрийцами мне нечего будет делать, кроме как войти в ваш город и утащить добычу. И вот ничего, кроме поражения и позора!!!»

Помимо дегероизации противника не менее важной задачей была его дегуманизация и демонизация. Британцы изображались как люди, жаждущие реванша за поражение в Войне за независимость, как оккупанты, нарушающие права американцев, а также как союзники индейских племен, нападавших на американские поселения. Американские политические карикатуры часто показывали британских солдат и их союзников из числа коренных американцев дикими и нецивилизованными, подчеркивая акты насилия и разрушения. На одной из карикатур британские солдаты грабили и оскверняли церковь, даже ворошили кости умерших. Другая изображала британцев и их союзников-индейцев как варваров и дикарей, ведущих войну нецивилизованными методами. Популярный карикатурист Уильям Чарльз отразил индейскую угрозу в красноречивой карикатуре «Сцена на фронтире, или Гуманная практика британцев и их “достойных” союзников» [A Scene on the Frontiers…]. На ней изображены кровожадные индейцы, которые снимают скальпы с убитых американцев, а британский офицер с удовлетворением принимает из рук индейца кровавый трофей. Этим художник подчеркивал, что англичане взяли на вооружение самые варварские обычаи ведения военных действий у «дикарей-индейцев». Для карикатуриста было неважно, что такие ситуации были исключением из правил. Считается, что за основу он взял события августа 1812 года, расправу индейцев над американцами в Чикаго и покупку американских скальпов британским полковником Проктором.

Визуальная пропаганда в период англо-американской войны 1812–1815 годов была разнообразной по форме, имела множество каналов транслирования контента, она была доходчивой, понятной и эффективной. Ее задачи состояли в мобилизации и сплочении населения, героизации защитников страны, в конструировании образа врага, создании опирающихся на

исторические корни и традиции социальных конструктов. Визуальная пропаганда выполнила свою задачу демонизации врага, изображая его жестоким, варварским и трусливым, способствуя его негативному восприятию. Обращение карикатуристов к архетипу злодея, бандита, использование негативных ассоциаций и психолого-эмоционального воздействия играло важную роль в формировании общественного мнения в антибританском дискурсе. Дихотомия «свой / чужой» конкретизировалась как противопоставление варварства и дикости союзников англичан – индейцев, жестокости, насилия и грабежей со стороны самих британцев героизму и стойкости американцев, готовых защищать свою Родину, служила мобилизации поддержки военных действий населением.

ЛИТЕРАТУРА

Алентьева Т.В. «Свой» / «Чужой» в англо-американской войне 1812–1815 гг. // «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / под ред. Т.Л. Лабутиной. СПб.: Алетейя, 2019. С. 316–333.

Алентьева Т.В. Англо-американская война 1812–1815 гг. в отражении американской карикатуры // Мир культуры: культуроведение, культурография, культурология. Вып. 5. Курск, 2016. С. 41–43.

Алентьева Т.В. Мифы англо-американской войны 1812–1815 гг. // Мифологос. Серия: Миф и общество: история, политика, социология. 2022. № 4. С. 15–24.

Алентьева Т.В. Разящее оружие смеха. Американская политическая карикатура XIX века (1800–1877). СПб.: Алетейя, 2020. 458 с.

Алентьева Т.В. Эндрю Джексон и его эпоха. СПб.: Алетейя, 2024. 484 с.

Алентьева Т.В., Тимченко А.И. Англо-американская война 1812–1815 гг. и американское общество. СПб.: Алетейя, 2018. 234 с.

Болховитинов Н.Н. Происхождение и характер англо-американской войны 1812 г. // От Аляски до Огненной Земли. М.: Наука, 1967. С. 142–154.

Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М.: Наука, 1966. 639 с.

Болховитинов Н.Н., Дивильковский С.И. Русская дипломатия и англо-американская война 1812–1814 годов // Новая и новейшая история. 1961. № 4. С. 35–41.

Исаев С.А. Джеймс Мэдисон: политическая биография. СПб.: Наука, 2006. 531 с.

Исаев С.А. Попытка российского посредничества в англо-американском конфликте 1812–1815 гг. // Российско-американские отношения: конец XVIII – начало XX вв. М., 2008. С. 31–39.

Махов С.П. Операция «Сжечь Белый дом». Британский Королевский флот против американских фрегатов в войне 1812–1815 годов. СПб.: Изд-во Сидорович, 2018. 320 с.

Трояновская М.О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М.: Весь мир, 2010. 328 с.

Яровой В.В. Происхождение англо-американской войны 1812–1815 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 384 с.

A Scene on the Frontiers as Practiced by the Humane British and their Worthy Allies! URL: http://www.loc.gov/pictures/resource/ppmsca.10752 (дата обращения: 17.03.2025).

Annals of Congress. 12th Congress. 1st Session.

Bruin Become Mediator or Negotiation for Peace. William Charles, 1813. URL: http://webapp1.dlib.indiana.edu/images/item.htm?id=http://purl.dlib.indiana.edu/iudl/lilly/VAC1755/VAC1755-03075. (дата обращения: 11.03.2025).

Columbia Teaching John Bull his New Lesson. URL: http://www.loc.gov/pictures/resource/cph.3g05643 (дата обращения: 16.04.2025).

Encyclopedia of Media and Propaganda in Wartime America / ed. by M.J. Manning, C.R. Wyatt. In 2 vols. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2010. Vol. I. 1024 p.

George III and Madison in the Ring. A Boxing Match, or Another Bloody Nose for John Bull. URL: http://www.teachushistory.org/node/407 (дата обращения: 12.03.2025).

Hickey D.R. A Note on the Origins of «Uncle Sam», 1818–1820 // The New England Quarterly. December 2015. Vol. 88, No. 4. P. 681–692.

Hickey D.R. Don't Give Up the Ship! Myths of The War of 1812. Urbana: University of Illinois Press, 2006. 460 p.

John Bull and the Baltimoreans. URL: www.loc.gov/pictures/item/2002708989 (дата обращения: 20.03.2025).

John Bull Stung to Agony by Insects. URL: http://www.teachushistory.org/node/397 (дата обращения: 21.03.2025).

Lanmon L.W. American Caricature in the English Tradition: the Personal and Political Satires of William Charles // Winterthur Portfolio. 1976. Vol. 11. P. 1–51.

Leepson M. What so Proudly We Hailed: Francis Scott Key, a Life. N.Y.: St. Martin's Press, 2014. 256 p.

Morgan W. An American Icon: Brother Jonathan and American Identity. Newark, De: University of Delaware Press, 1988. 225 p.

Skaggs D.C. Oliver Hazard Perry: Honor, Courage, and Patriotism in the Early U.S. Navy. Annapolis, Md: Naval Institute Press, 2006. 569 p.

The Cock Fight, or Another Sting for the Pride of John Bull. URL: http://digitallibrary.hsp.org/index.php/Detail/Object/Show/idno/12051 (дата обращения: 20.03.2025).

The War of 1812: Writings from America's Second War of Independence / ed. by D.R. Hickey. N.Y.: Library of America, 2013. 928 p.

Queen Charlotte and Johnny Bull Got their Dose of Perry. URL: http://digitalhistory.hsp.org/hint/politics-graphic-detail/doc/queen-charlotte-and-johnny-bull-got-their-dose-perry (дата обращения: 20.03.2025).

T.V. Alentieva
PhD in History, Doctor, Professor,
Universal History Chair,
Kursk State University
Kursk, Russia

Visual Propaganda in the USA during the Anglo-American War of 1812–1815

The article analyzes the role of visual propaganda in the Anglo-American War of 1812–1815. It included political cartoons, prints, and illustrations that portrayed the enemy in a negative light, of ten exaggerating his barbarity or highlighting his perceived failures. The relevance of the problem under study is confirmed by the importance that visual propaganda has in modern military conflicts and international relations in general. The purpose of the article is to analyze the goals, forms and methods of visual propaganda, its role and the degree of its influence on American public opinion. This is all the more important in the light of the visual and iconic turns in modern historical science and the achievements

of imagology. The methodological basis of the article is interdisciplinary. The conducted research is based on historicism, objectivity, systematicity, dialectical approach, philosophical and sociological theories that study the nature of social consciousness and the factors influencing it: the theory of Ung's theory of the collective unconscious and archetypal images, P. Bergerand N. Lukman's theory of social constructivism, achievements of imagology and discursive analysis. An important role in the field of interaction of visual and verbal methods is played by the iconological method, which studies and describes the image. In both American and Russian historiography, there has been no attempt to explore visual propaganda in the context of the Anglo-American War of 1812–1815. The source of the study of the problem was visual materials: cartoons, engravings, drawings stored in the Library of Congress of the USA. Visual propaganda was very effective, aimed at emotional perception, understandable and intelligible, actively influencing the broadest segments of the population. It achieved her goals.

Keywords: *19th century; England; USA; Anglo-American War of 1812–1815; imagology; visual propaganda; caricature; William Charles.*

REFERENCES

Alentieva T.V. “Own”/“Alien” in the Anglo-American War of 1812–1815 [“Svoi”/“Chuzhoi” v anglo-amerikanskoi voine 1812–1815 gg.]. *“Us” vs. “Them” in Cross-Cultural Communication between Western Countries and Russia.* Edited by T.L. Labutina. Saint-Petersburg: Aletēia, 2019. Pp. 316–333 (in Russian).

Alentieva T.V. The Anglo-American War of 1812–1815 in American Caricature [Anglo-amerikanskaia voina 1812–1815 gg. v otrazhenii amerikanskoi karikatury]. *The world of culture: cultural studies, cultural studies, cultural studies*, 2016. Vol. 5. Pp. 41–43 (in Russian).

Alentieva T.V. Myths of the Anglo-American War of 1812–1815 [Mify anglo-amerikanskoi voiny 1812–1815 gg.]. *Mythologos. Series “Myth and Society: History, Politics, Sociology”*, 2022. No. 4. Pp. 15–24 (in Russian).

Alentieva T.V. The Striking Weapon of Laughter: American Political Caricature of the 19th Century (1800–1877) [Razjashchee oruzhie smekha. Amerikanskaia politicheskaia karikatura XIX veka (1800–1877)]. Saint-Petersburg: Aletēia, 2020, 458 p. (in Russian).

Alentieva T.V. Andrew Jackson and His Era [Endriu Dzhekson i ego epokha]. Saint-Petersburg: Aletēia, 2024. 484 p. (in Russian).

Alentieva T.V., Timchenko A.I. The Anglo-American War of 1812–1815 and American Society [Anglo-amerikanskaia voina 1812–1815 gg. i amerikanskoe obshchestvo]. Saint-Petersburg: Aletēia, 2018. 234 p. (in Russian).

Bolkhovitinov N.N. The Origin and Character of the Anglo-American War of 1812 [Proiskhozhdenie i kharakter anglo-amerikanskoi voiny 1812 g.]. *From Alaska to Tierra del Fuego*. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 142–154 (in Russian).

Bolkhovitinov N.N. The Formation of Russian-American Relations. 1775–1815 [Stanovlenie russko-amerikanskikh otnoshenii. 1775–1815]. Moscow: Nauka, 1966. 639 p. (in Russian).

Bolkhovitinov N.N., Divil’kovskii S.I. Russian Diplomacy and the Anglo-American War of 1812–1814 [Russkaia diplomatiia i anglo-amerikanskaia voina 1812–1814 godov]. *Modern and Contemporary History*, 1961. No. 4. Pp. 35–41 (in Russian).

Isaev S.A. James Madison: A Political Biography [Dzheims Mədison: politicheskaia biografiia]. Saint-Petersburg: Nauka, 2006. 531 p. (in Russian).

Isaev S.A. An Attempt at Russian Mediation in the Anglo-American Conflict of 1812–1815 [Popytka rossiiskogo posrednichestva v anglo-amerikanskom konflikte 1812–1815 gg.]. *Russian-American relations: late 18th – early 20th centuries*. Moscow, 2008. Pp. 31–39 (in Russian).

Makhov S.P. Operation "Burn the White House": The British Royal Navy Against American Frigates in the War of 1812–1815 [Operatsiia "Szhech' Belyi dom". Britanskii Korolevskii flot protiv amerikanskikh fregatov v voine 1812–1815 godov]. Saint-Petersburg: Publishing house of Sidorovich, 2018. 320 p. (in Russian).

Troianovskaia M.O. Debates on U.S. Foreign Policy Issues (1775–1823) [Diskussii po voprosam vneshnei politiki v SShA (1775–1823)]. Moscow: The Whole World, 2010. 328 p. (in Russian).

Iarovoi V.V. The Origins of the Anglo-American War of 1812–1815 [Proiskhozhdenie anglo-amerikanskoi voiny 1812–1815 gg.]. Irkutsk: Irkutsk University Press, 1987. 384 p. (in Russian).

A Scene on the Frontiers as Practiced by the Humane British and their Worthy Allies! Library of Congress. Available at: http://www.loc.gov/pictures/resource/ppmsca.10752 (accessed on March 17, 2025) (in English).

Annals of Congress. 12th Congress. 1st Session (in English).

Charles W. Bruin Become Mediator or Negotiation for Peace. 1813. Available at: http://webapp1.dlib.indiana.edu/images/item.htm?id=http://purl.dlib.indiana.edu/iudl/lilly/VAC1755/VAC1755-03075 (accessed on March 11, 2025).

Columbia Teaching John Bull his New Lesson. Library of Congress. Available at: http://www.loc.gov/pictures/resource/cph.3g05643 (accessed on April 16, 2025).

Encyclopedia of Media and Propaganda in Wartime America. Edited by M.J. Manning, C.R. Wyatt. In 2 vols. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2010. Vol. I, 1024 p. (in English).

George III and Madison in the Ring. A Boxing Match, or Another Bloody Nose for John Bull. Available at: http://www.teachushistory.org/node/407 (accessed on March 12, 2025) (in English).

Hickey D.R. A Note on the Origins of "Uncle Sam", 1818–1820. *The New England Quarterly*, 2015. Vol. 88. No. 4. Pp. 681–692 (in English).

Hickey D.R. Don't Give Up the Ship! Myths of the War of 1812. Urbana: University of Illinois Press, 2006. 460 p. (in English).

John Bull and the Baltimoreans. Library of Congress. Available at: www.loc.gov/pictures/item/2002708989 (accessed on March 20, 2025).

John Bull Stung to Agony by Insects. Available at: http://www.teachushistory.org/node/397 (accessed on March 21, 2025) (in English).

Lanmon L.W. American Caricature in the English Tradition: the Personal and Political Satires of William Charles. *Winterthur Portfolio*, 1976. Vol. 11. Pp. 1–51 (in English)

Leepson M. What So Proudly We Hailed: Francis Scott Key, a Life. New York: Saint Martin's Press, 2014. 256 p. (in English).

Morgan W. An American Icon: Brother Jonathan and American Identity. Newark, DE: University of Delaware Press, 1988. 225 p. (in English).

Skaggs D.C. Oliver Hazard Perry: Honor, Courage, and Patriotism in the Early U.S. Navy. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2006. 569 p. (in English).

The Cock Fight, or Another Sting for the Pride of John Bull. Available at: http://digitallibrary.hsp.org/index.php/Detail/Object/Show/idno/12051 (accessed on March 20, 2025) (in English).

The War of 1812: Writings from America's Second War of Independence. Edited by D.R. Hickey. New York: Library of America, 2013. 928 p. (in English).

Queen Charlotte and Johnny Bull Got their Dose of Perry. Available at: http://digitalhistory.hsp.org/hint/politics-graphic-detail/doc/queen-charlotte-and-johnny-bull-got-their-dose-perry (accessed on March 20, 2025) (in English).

Н.А. Мязин

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Калуга, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2026-75-246-257

ХРИСТИАНСТВО В НЕПАЛЕ: МИССИЯ В СТРАНЕ БОГОВ

Ключевые слова: *Непал; протестантизм; пятидесятничество; миссионерство; буддизм; индуизм; традиционные религии*.

В статье рассматривается проникновение христианства в Непал после свержения династии наследственных премьер-министров Рана в 1951 году и распространение новой религии в стране, в которой до 1990 года миссионерская деятельность была запрещена и официальная деятельность христианских миссий ограничивалась гуманитарными проектами. Анализируются особенности первоначального распространения христианства в прежде закрытой стране, в которой до 2006 года индуизм сохранял статус государственной религии. На примере Непала можно рассмотреть процесс, который в других странах происходил значительно раньше. Распространение христианства показано как целостное явление во взаимосвязи с изменениями в обществе и размыванием социальных норм, вызванным глобализацией и гражданской войной. К настоящему времени христиане составляют 2% населения, большинство из них – протестанты. Исследование показало, что быстрее всего росли пятидесятнические церкви: вера в божественное исцеление и защиту от злых духов оказалась близка мировоззрению местных жителей. Сделан вывод, что рост христианства будет продолжаться до тех пор, пока в Непале не усилятся позиции ортодоксального индуизма и буддизма за счет ослабления традиционной религии или не уменьшится религиозность по причине секуляризации.

Непал как страна, до последних десятилетий закрытая от остального мира и обладающая богатой историей и национальными традициями, привлекает отечественных антропологов, историков и религиоведов. Заслуживает внимания монография сотрудников Института востоковедения РАН А.А. Ледкова и С.И. Лунева [Ледков, Лунев, 2011], посвященная истории Непала в XX веке. В работах сотрудников музея антропологии и этнографии РАН М.Ф. Альбедиль [Альбедиль, 2019], СПбГУ Л.А. Стрельцовой [Альбедиль, Стрельцова, 2022] и музея истории религий В.Н. Мазуриной [Мазурина, 2014] рассмотрено развитие индуизма, буддизма и традиционных религий. Данная статья рассматривает христианство и его место в обществе

Непала. Актуальность обусловлена тем, что в отечественной науке распространение христианства в Непале отдельно не изучалось. Процессы, которые антропологи фиксируют в Непале, похожи на те, которые происходили в XIX – первой половине XX века, когда христианские миссионеры работали в странах со значительной ролью традиционной религии. Изучение Непала позволяет в какой-то степени заглянуть в прошлое.

Непал представляет собой удаленную от остального мира страну: с севера его отделяет от соседних государств горный хребет больших Гималаев, вдоль южной границы расположена узкая равнинная полоса – *терai*. До конца XIX века терai были покрыты заболоченными джунглями, зараженными малярией, которые можно было пересечь только в зимние месяцы.

К началу формирования государства только один тибето-бирманский этнос – невары – имел развитую государственность с центром в долине Катманду. Население исповедовало буддизм или индуизм и поклонялось местным божествам, в том числе Кумари. Индуистские брахманы и буддистские жрецы имели равный кастовый статус, кастовая система не была настолько жесткой, как в Индии [Ледков, Лунев, 2011, *27*]. В долине Катманду с 1715 года действовала католическая миссия капуцинов, в которой работали от трех до пяти монахов. За полвека они не добились успеха: в христианство было обращено 80 человек [Beltramini, 2020, *12–14*].

В 1769 году княжество Горкха, захватило долину Катманду, завершив объединение страны и образовав королевство Непал. В 1814–1816 годах Непал проиграл войну Ост-Индской компании, лишился возможности проводить самостоятельную внешнюю политику, но сохранил независимость. Англичане ограничились тем, что стали вербовать непальских добровольцев – гуркхов на службу в армию.

В 1846 году власть захватил Джанг Бахадур, ставший основателем династии премьер-министров Рана, которая правила страной до 1951 года, король исполнял исключительно церемониальные функции. Роль индуизма и кастовой системы при династии Рана значительно возросла [Новинский, 2023, *41*], индуизм был подчинен государству и стал частью государственной идеологии. В 1854 году издан свод законов «Мулуки Айн», который действовал более столетия. Касты разделены на четыре основные группы, наказание за преступление зависело от кастовой принадлежности преступника и потерпевшего [Ледков, Лунев, 2011, *60–61*]. В 1923 году издан указ о том, что обращение индуиста в буддизм является преступлением, впоследствии это было распространено и на другие религии. Под влиянием политических установок касты двойной религиозной идентичности увеличивали индуистские практики, но индуизация практически не затрагивала высокогорные районы, в которых преобладали традиционные религии в сочетании с буддизмом [Ibid., *82–83*].

Религиозная политика Непала в XX веке. К середине XX века клану Рана принадлежало более 40% обрабатываемых земель в тераях, которые стали житницей страны. Бóльшая часть доходов государства присваивалась кланом, который не вкладывал деньги в развитие экономики. Непал являлся одной из самых бедных стран мира, с аграрной экономикой и преобладанием примитивных форм хозяйствования [Ibid., *117*].

Попытки протестантов проникнуть в Непал начались в конце XIX века, когда миссионеры встретили непальцев в северной Индии. В 1892 году в приграничном с Непалом городе Дарджилинге создана миссия Горкха для координации работы среди непальцев, в 1914 году завершен перевод Библии на непальский язык. Некоторые миссионеры пересекали границу, после чего были депортированы. К 1950 году миссии, направленные на непальцев, действовали в нескольких пограничных городах Индии [Shrestha, Harper, 2020, *34*].

В 1951 году режим Рана пал, власть вернулась к королю, создан парламент, страна вышла из режима самоизоляции. В 1960 году король совершил государственный переворот, распустил парламент и установил режим прямого правления, который продолжался до 1990 года. Власть продолжала поддерживать индуизм, в Конституции 1962 года Непал получил статус индуистского королевства.

После открытия Непала в страну стали прибывать протестантские миссии, которым разрешалось работать только в социальной сфере; миссионерство было запрещено, нарушителей-иностранцев депортировали, местным жителям грозило лишение свободы [Kim, 2014, *224*]. Первые церковные здания возведены в начале 1950-х годов. Двойственная политика власти была связана с тем, что, с одной стороны, правительство не хотело распространения христианства, с другой – было заинтересовано в иностранной помощи [Shrestha, Harper, 2020, *34–35*]. Крупнейшим миссионерским объединением стала межденоминационная протестантская организация Объединенная миссия в Непале, образованная в 1954 году. Часть миссионеров действовали независимо, среди них – пятидесятническая организация «Ассамблеи Бога». Некоторые новообращенные получили богословское образование в Индии. Иезуитский орден в 1951 году основал первую школу-интернат, в католических образовательных учреждениях учились в том числе представители правящей и деловой элиты [Sharma, 2001, *299–303*].

Масштабы деятельности миссионеров возрастали: в 1990 году Объединенная миссия в Непале насчитывала 420 иностранных сотрудников и более 2 тыс. сотрудников-непальцев [Shrestha, Harper, 2020, *35*]. Вследствие крайней бедности Непала организация миссий обходилась направляющей стороне сравнительно дешево. Миссии открывали школы, больницы, развивали сельское хозяйство. Сложнее всего было обратить в христианство пер-

вых непальцев, в дальнейшем они рассказывали о христианстве соплеменникам. Если новообращенные принадлежали к высшим кастам, их проповедь воспринималась с большим вниманием [Gibson, 2017, *773*].

Количество обращенных медленно росло. В 1978 году «Ассамблеи Бога» организовали учебный центр в Катманду, который проводил богословские курсы продолжительностью несколько месяцев, в 1990-е годы он преобразован в Непальский теологический колледж [History of NTC], со второй половины 1980-х годов создавались богословские учебные заведения других деноминаций. Распространению христианства также способствовали отставные солдаты-гуркхи, часть из которых приняла христианство во время воинской службы в Великобритании [Kim, 2014, *243*].

В 1990 году король был вынужден отказаться от единоличного правления и восстановить конституционную монархию. Законодательный запрет на обращение сохранился, но репрессивные законы более не применялись, были амнистированы 29 христиан, осужденных за миссионерство, прекращено следствие в отношении 140 других христиан [Nepal: Religious Prisoners, *1990*]. В переписи 1991 года стало возможно указать принадлежность к христианству. Смягчение ограничений привело к активизации работы христианских миссионеров, которые получили возможность открыто вести проповедь, хотя это и встречало противодействие консервативной индуистской общественности.

На выборах 1991 года коммунистические партии набрали 36% голосов, часто происходили смены кабинетов. В 1996 году маоисты, опираясь на бедное крестьянство и представителей низших каст, начали гражданскую войну и взяли под контроль часть сельских территорий. Гражданская война продолжалась 10 лет и унесла жизни 18 тыс. человек. Маоисты выступали за построение секулярного государства, но, учитывая ошибки революционеров других стран, воздерживались от закрытия индуистских и буддистских храмов и преследования священнослужителей [Ледков, Лунев, 2011, *327–329*]. При этом некоторые христианские церкви в контролируемых маоистами районах были временно закрыты.

Гражданская война закончилась в 2006 году. Непал стал демократической республикой, король был лишен власти, а маоисты вошли в состав парламента и получили министерские портфели. Конституция 2007 года гарантировала религиозную свободу, но уголовная ответственность за миссионерство сохранилась в законодательстве [Shrestha, Harper, 2020, *45–46*]. Попытки маоистов сократить государственные расходы на проведение религиозных фестивалей и ритуальные жертвоприношения встретили сопротивление. Отказ выдать танцорам трех буйволов за участие в фестивале Индра Джатра в долине Катманду привел к массовым беспорядкам, и старая политика была продолжена [Gellner, Letizia, 2018].

В 2006 году индуизм потерял статус государственной религии. В этих условиях у неваров (5% населения), имеющих двойную религиозную

идентичность, усилились позиции буддизма, четкая религиозная идентификация свойственна только высшим кастам. Исследование, проведенное на юге Катманду, где половина населения относила себя к индуизму, а половина к буддизму, показало, что для выполнения ритуалов к буддистским священникам обращаются 72% опрошенных, к индуистским 15%, неприкасаемые приглашают священников собственной касты [Рыбакова, 2016, *209*]. Многие священные места общие для буддистов и индуистов; отправляясь в паломничество, верующие часто включают в свой маршрут «чужие» святыни [Мазурина, 2014, *288–289*]. Непальский индуизм отличается от общеиндийского сохранением архаичных черт в ряде индуистских культов, местные божества формально включены в состав пантеонов индуизма и буддизма [Альбедиль, 2019, *81*].

Таблица 1

Конфессиональный состав населения Индии

	1981	1991	2001	2011	2021
Индуисты, %	89,5	86,5	80,6	81,3	81,2
Буддисты, %	5,3	7,8	10,7	9	8,2
Мусульмане, %	2,7	3,5	4,2	4,4	5,1
Кираты, %		1,7	3,6	3	3,2
Христиане, %		0,2	0,4	1,4	1,8
Население, млн	15	18,5	22,7	26,5	29,2

Составлено по: [Population, 2014, *8*; Online Khabar, 2023].

В последние три десятилетия выросла доля христиан, мусульман и киратов[1]. Рост доли мусульман связан преимущественно с индийцами, которые переселялись в тераи, этим же объясняется прекращение уменьшения доли индуистов.

Рост числа христиан происходил за счет обращения коренного населения. Большинство христиан – протестанты, католики составляют менее 0,1% населения. В условиях запрета миссионерства иерархически организованной католической церкви было сложнее действовать в сравнении с децентрализованными протестантскими организациями. По данным метаисследования американских ученых Дэвиса Брауна и Джеймса Патрика, в 2015 году наиболее успешная протестантская деноминация – пятидесятничество – составила 0,5% населения [Brown, James]. Наиболее крупным протестантским межденоминационным объединением является «Национальное церковное братство Непала» (National Churches Fellowship of Nepal), которое объединяет 3 тыс. церквей [About NCF Nepal].

Протестантское миссионерство. Особенностью протестантских церквей является отказ от дискриминации по кастовому признаку (кастовая система отменена в 1963 году, но продолжает влиять на общество): по данным полевых исследований, обращение в христианство характерно для всех

[1] Религия киратов создана в XX веке в результате санскритизации шаманистического анимизма нескольких народов Восточного Непала [Альбедиль, Стрельцова, 2022, *62*].

каст непальского общества [Niwa, 2014, *69*]. Христианство воспринимается местными жителями как целостное явление. Нередко новообращенные уже после крещения узнавали о существовании многочисленных деноминаций и принимали решение, в какую именно церковь ходить.

В Непале действуют миссионерские организации со всего мира, поэтому открыто множество протестантских церквей, порой очень небольших [Poletti, 2021a, *80*]. Имелись случаи, когда крещенные протестантским пастором в дальнейшем определяли свою деноминационную принадлежность через католицизм. [Friske, 2008, *38–39*]. Прозелитизм – переманивание христиан другой деноминации в свою церковь – в большей степени характерен для пятидесятников. В последние годы этого стараются избегать, поскольку прозелитизм порождает враждебность [Poletti, 2021a, *95*]. Большинство протестантских церквей относится к фундаменталистскому направлению, они запрещают употребление алкоголя и курение.

Полевые исследования показывают, что 50–70% обращений в христианство связаны с выздоровлением от болезни самого верующего или членов семьи и друзей [Gibson, 2017, *772*; Niwa, 2014, *69*; Poletti, 2022, *79–80*]. В Непале очень слабый доступ к медицине: 80% населения живут в сельской местности, где чаще всего нет медпунктов. Понятие болезни включает в себя алкоголизм и психические расстройства, которые часто приписываются одержимости демонами. Распространение получили церкви пятидесятнического направления, они уделяли внимание чудесам и молитвам за исцеление, а также обещали защиту от злых духов.

Христианству необходимо соответствовать мировосприятию, в котором боги участвуют в жизни людей. Во время богослужения большое внимание уделяется рассказам о библейских чудесах, таких как хождение Иисуса по воде или умножение хлебов и рыб. Пастор приглашает прихожан делиться своими историями о чудесах и исцелениях. Считается, что божественное исцеление означает нечто большее, чем исчезновение физического недуга. Оно заключается в умиротворении, нормализации сложных семейных отношений, вновь обретенное благополучие приходит на смену трудной жизненной ситуации [Poletti, 2022]. Обращение в христианство облегчает тревожность, связанную с необходимостью соответствовать социальным ожиданиям. Христианство дает чувство экзистенциального спокойствия, которое многие обращенные считают основным результатом обращения, но учение Христа сокращает продолжительность жизни до одной человеческой жизни, поскольку отвергает возможность реинкарнации. Чудеса играют фундаментальную роль для пятидесятников, потому что считаются знаком присутствия Святого Духа в жизни. Обыденные события признаются чудесами, когда сопоставляются с тем, что написано в Библии [Poletti, 2021a, *79–80*].

Обращение в христианство сопряжено со значительными сложностями в семейном и социальном плане. Новообращенные часто подвергаются давлению и порицанию. В большей степени это касается молодежи и

женщин, которые находятся в подчиненном положении в патриархальном обществе [Poletti, 2022].

Многие переходят в христианство после личностного кризиса. Исследования показали, что у большинства новообращенных к моменту знакомства с христианством имелись проблемы в семейных отношениях [Gibson, 2019, *56*]. Христианство также было привлекательно для тех, кто оказался неспособен соответствовать общественным ожиданиям. Нередко это были представители высших каст, за репутацией которых пристально следит общество и чьи неудачи обсуждаются особенно активно [Poletti, 2021a, *78*]. Таким образом, болезнь и последующее выздоровление ложились уже на подготовленную почву.

Распространению христианства способствовало размывание социальных норм, вызванное глобализацией и гражданской войной. Большинство церквей располагаются в ветхих зданиях, прихожане никогда не встречали миссионеров [Gibson, 2019, *54–55*] (рис. 1). Миссия осуществляется силами самих непальцев, им, в отличие от иностранцев, не требуется тратить силы на преодоление культурного барьера.

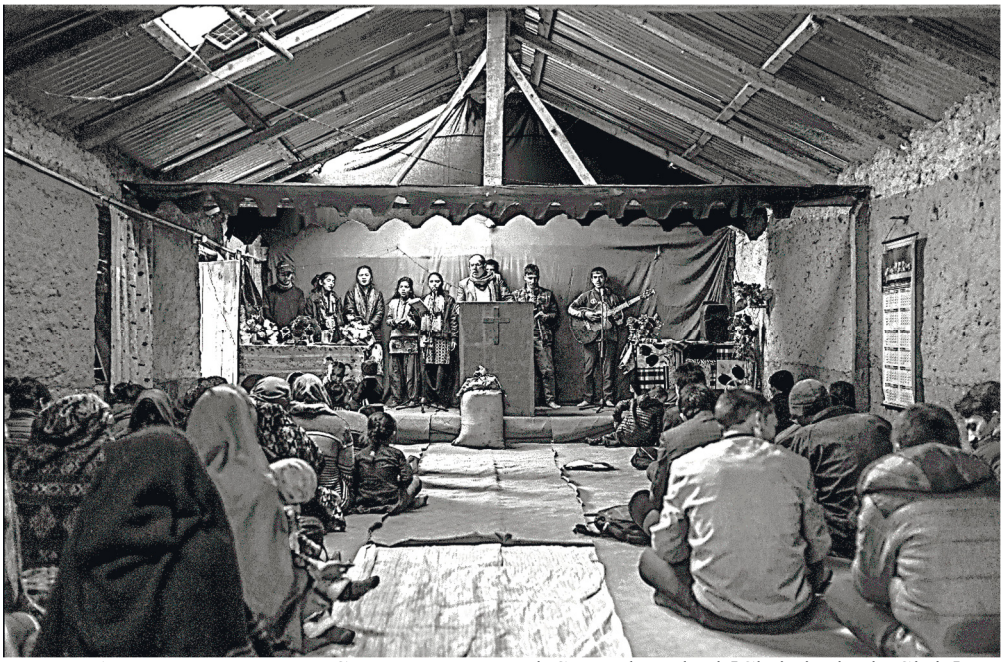

Рис. 1. Церковь в долине Синджа. Фотограф Samuele Poletti [Christianity in Sinja]

Антропологи описывают путь обращения в христианство через выздоровление следующим образом. Человек заболевает и в соответствии с местными представлениями считает, что причиной болезни является колдовство, насланное на него обиженным родственником, другом или соседом. Для выздоровления он обращается к знахарям и приносит животных в жертву божествам. Обнаружив, что эти средства неэффективны, непалец

обвиняет божества в жадности, так как в обмен на жертву не получил просимое. Происходит встреча с христианином, который говорит, что Иисус может исцелить и Ему не нужно приносить жертвы. Больной начинает ходить в церковь, или к нему в дом регулярно приходят другие христиане, чтобы молиться об исцелении. Состояние больного улучшается, и ему обещают полное исцеление после крещения. Обращение приводит к конфликту с семьей и соседями, социальная жизнь новообращенного сосредотачивается на церковной общине [Gibson, 2017, *765–766*; Poletti, 2021b, *120*].

Уверовавший глава семьи быстро оставлял индуизм и принимал крещение. Женщины часто откладывали крещение на годы или навсегда, стремясь избежать раскола в семье, при этом они уменьшали или прекращали практику жертвоприношений божествам [Gibson, 2019, *60*]. Со временем семейные конфликты из-за обращения сглаживались, близкие примирялись с новой верой родственника или обращались в христианство сами. Поначалу новообращенные христиане подвергались остракизму, в настоящее время это происходит существенно реже.

При обращении в протестантизм непальцы должны отказаться от нехристианских форм поклонения, к каковым часто относят участие в индуистских праздниках и поминовение предков. Последнее наносит ущерб отношениям с родственниками и соседями. Молодые пасторы нередко разрешали христианам участвовать в семейных праздниках во время праздника сбора урожая – Дашайна, несмотря на то что еда, подаваемая на празднике, предлагается в подношение индуистским божествам. Более мягкая позиция связана с большей теологической образованностью молодых пасторов, которая дает им возможность маневра, и с желанием прихожан поддерживать нормальные отношения со своими семьями [Gibson, 2019, *56*].

Пятидесятнические союзы обучают пасторов, распространяют Библию и богословскую литературу. Местные церкви чаще всего самодостаточны, они финансируются за счет десятины – прихожане жертвуют 10% дохода церкви, что сопоставимо с затратами, связанными с индуистскими праздниками и ритуалами, или обходится дешевле. После службы проводится коллективная трапеза, это дает возможность прихожанам больше общаться друг с другом, укрепляя чувство принадлежности к религиозному сообществу. За счет десятины финансируются общие трапезы и праздники и оказывается помощь нуждающимся. Пасторы небольших церквей чаще всего имеют мирскую профессию и не получают денежного вознаграждения за служение.

Христианами являются люди разного возраста и кастовой принадлежности. Женщин в церкви больше, чем мужчин. В районе Джумла на западе Непала в богослужении используется барабан (мадал), под ритм которого танцуют, это заимствовано из индуистских праздников. Дома и магазины, принадлежащие христианам, часто можно идентифицировать по знаку креста, который служит в качестве декоративного элемента [Poletti, 2021a, *85–87*].

Христианская миссия проводится и среди непальцев, работающих за рубежом, число которых очень велико – треть домохозяйств получает денежные переводы из-за рубежа, это приносит стране 25% ВВП. В Малайзии находится до полумиллиона трудовых мигрантов, среди них работают около ста непальских пасторов и миссионеров, 60 малазийских церквей проводят специальные служения для непальцев [Aryal, 2020, *207*].

На примере Непала можно увидеть, как распространяется христианство в стране, которая на протяжении веков была закрыта для иностранцев. По мнению автора, успешное распространение христианства возможно в случае, если население исповедует традиционную или народную религию; если в стране закрепилась мировая религия, обращения будут отдельными историями и не получат массового характера. В Непале традиционные религии играют не меньшую роль, чем индуизм и буддизм, это дает возможность успешной миссионерской деятельности до тех пор, пока не усилятся позиции ортодоксального индуизма и буддизма или на население не повлияет секуляризация. В соседнем штате Индии Сиккаме, населенном преимущественно исповедующими индуизм и буддизм непали, христианское население в период с 1991 по 2011 год выросло с 3,3% до 9,9% [Sikkim, 2011]. Вероятно, доля христиан в Непале превысит среднюю по Индии (2,6%) [Мязин, 2023, *68*], но не сможет достичь показателя современного Сиккама.

ЛИТЕРАТУРА

Альбедиль М.Ф. Страна, где богов больше, чем людей // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 80–83. DOI: 10.31857/S032150750007662-0.

Альбедиль М.Ф., Стрельцова Л.А. Непал. Как сохранить веру предков? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 6. С. 58–65. DOI: 10.31857/S032150750020423-7.

Ледков А.А., Лунев С.И. История Непала. XX век. М. Институт востоковедения РАН, 2011. 384 с.

Мазурина В.Н. О взаимовлиянии индуизма и буддизма в Непале (Легенды. иконография, личные наблюдения) // Зографский сборник. Вып. 4. СПб., 2014. С. 288–299.

Мязин Н.А. Христианство в Индии: от апостола Фомы до нашего времени // Азия и Африка сегодня. 2023. № 1. С. 66–73. DOI: 10.31857/S032150750020551-8.

Новинский Э.Э. Дискуссия о политическом статусе индуизма в современном Непале // Концепт: философия, религия, культура. 2023. № 1(7). С. 38–46.

Рыбакова А.Г. К вопросу о проблемах этнической и религиозной демаркации на примере современного Непала. Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: сб. материалов Третьего конгр. рос. исследователей религии (7–9.10.2016, Владимир, ВлГУ). Владимир: Аркаим, 2016. Т. 2. С. 199–212.

About NCF Nepal. National Churches Fellowship of Nepal. URL: https://ncfnepal.org/about-us/about-ncf-nepal/ (дата обращения: 19.01.2024)

Aryal K. Migration and Mission: Ministry among Nepali Migrant Workers in Malaysia // Journal of Asian Mission. 2020. Vol. 24, no 2. P. 199–219.

Beltramini E. Roman Catholic Government and Mission to Nepal in the 17th and 18th Centuries: an Assessment // Journal of Asian Mission. 2020. Vol. 24, no 2. P. 11–28.

Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0). Countries only. Center for Open Science. URL: https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage (дата обращения: 08.02.2024).

Christianity in Sinja (Postdoctoral project). Samuele Poletti. URL: https://www.samuele-poletti.com/Christianity-in-Sinja-Postdoctoral-project.

Fricke T. Tamang Conversations: Culture, Politics, and the Christian Conversion Narrative in Nepal // Contributions to Nepalese Studies. 2008. Vol. 35, no 1. P. 35–62.

Gellner D., Letizia C. Religion and Identities in Post-Panchayat Nepal // Religion, Secularism, and Ethnicity in Contemporary Nepal / eds. D. Gellner, L. Hausner. Oxford University Press: New Delhi, 2018.

Gibson I. Pentecostal Peacefulness: Virtue Ethics and the Reception of Theology in Nepal // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2017. Vol. 23. P. 765–782.

Gibson I. Praying for Peace: Family Experiences of Christian Conversion in Bhaktapur // Himalaya. 2019. Vol. 39, no 1. P. 53–68.

Kim H.S. A Missiological Assessment of the State and Christianity in Nepal // Gospel and Mission. 2014. Vol. 27, no 3. P. 213–255.

Nepal: Religious Prisoners Freed. Christianity Today. 16.07.1990. URL: https://www.christianitytoday.com/ct/1990/july-16/nepal-religious-prisoners-freed.html (дата обращения: 01.02.2024).

Niwa M. Deepening and Spreading Suspicion: On the accusation of 'cunning' observed among Protestants in the Kathmandu Valley // European Bulletin of Himalayan Research. 2014. Vol. 45. P. 60–82.

Poletti S. A Promise of Unconditional Acceptance: Conversion to Christianity and the Struggle for being in Sinja, Nepal // European Bulletin of Himalayan Research. 2021. Vol. 56. P. 76–98.

Poletti S. Blessed by the Lord: A Visual Portrait of a Jumli Pentecostal Congregation // Himalaya. 2021. Vol. 40, no 2. P. 119–133.

Poletti S. Miracles Matter and the Matter of Miracles. The Miraculous Reshaping of World and self among Nepali Pentecostal Christians. Terrain // Anthropologie & Science Humaine. 2022. URL: https://journals.openedition.org/terrain/23528 (дата обращения: 22.01.2024).

Population Monograph of Nepal. Vol. II. Central Bureau of Statistics. Kathmandu, 2014. 402 p.

Sharma B.K. A History of the Pentecostal Movement in Nepal // Asian Journal of Pentecostal Studies and APTS Press. 2001. Vol. 4, no 2. P. 295–305.

Shrestha R.P., Harper G. Macfarlane's Harvest: A Short History of the Nepali Protestant Community // Journal of Asian Mission. 2020. Vol. 24, no 2. P. 29–59.

Sikkim Population. Population Census 2011. URL: https://www.census2011.co.in/census/state/sikkim.html (дата обращения: 15.01.2024)

The History of NTC. Nepal Theological College. URL: https://nepaltheologicalcollege.org/the-history-of-ntc (дата обращения: 09.02.2024).

नेपालमा ८१ प्रतिशत हिन्दु, क्रिश्चियन २ प्रतिशत भन्दा कम. (81% Hindus, less than 2% Christians in Nepal). (In Nepali) // *Online Khabar*. 19.06.2023. https://www.onlinekhabar.com/2023/06/1316876 (дата обращения: 20.01.2024).

N.A. Miazin
PhD in History, Associate Professor,
Chair of History,
Kaluga State University
Kaluga, Russia

Christianity in Nepal: Mission in the Country of Gods

The article examines the penetration of Christianity into Nepal after the overthrow of the Rana dynasty of hereditary prime ministers in 1951 and the spread of the new religion in a country where, until 1990, missionary activity was prohibited and the official activities of Christian missions were limited to humanitarian projects. We analyze the peculiarities of the initial spread of Christianity

in a formerly closed country in which Hinduism retained the status of the state religion until 2006. The example of Nepal is used as an example of a process that took place much earlier in other countries. The spread of Christianity is shown as a holistic phenomenon in relation to changes in society and the erosion of social norms caused by globalization and civil war. By now, Christians constitute 2% of the population, the majority of whom are Protestants. The study showed that Pentecostal churches grew the fastest; their belief in divine healing and protection from evil spirits proved to be close to the worldview of local residents. It is concluded that the growth of Christianity will continue until orthodox Hinduism and Buddhism become stronger in Nepal by weakening traditional religion or religiosity decreases due to secularization.

Keywords*: Nepal; Protestantism; Pentecostalism; missionaryism; Buddhism; Hinduism; traditional religions.*

REFERENCES

Albedil M.F. Country, where the Gods are more than people [Strana, gde bogov bol'she, chem ljudej]. *Asia and Africa Today*, 2019. No. 12. Pp. 80–83. DOI: 10.31857/S032150750007662-0 (in Russian).

Albedil M.F., Streltsova L.A. How to preserve the beliefs of ancestors? [Kak sohranit' veru predkov?]. *Asia and Africa Today*, 2022. No 6. Pp. 58–65. DOI: 10.31857/S032150750020423-7 (in Russian).

Ledkov A.A., Lunev S.I. History of Nepal. XX century [Istorija Nepala. XX vek.]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2011. 384 p. (in Russian).

Mazurina V.N. On the Mutual Influence of Hinduism and Buddhism in Nepal (Legends. Iconography, Personal Observations) [O vzaimovlijanii induizma i buddizma v Nepale (Legendy. ikonografija, lichnye nabljudenija)]. *Zograf Collection.* Vol. 4. Saint-Petersburg, 2014. Pp. 288–29 (in Russian).

Miazin N.A. Christianity in India: From the Apostle Thomas to Present [Hristianstvo v Indii: ot apostola Fomy do nashego vremeni]. *Asia and Africa Today*, 2023. No 1. Pp. 66–73. DOI: 10.31857/S032150750020551-8 (in Russian).

Novinsky E.E. Discussion on the Political Status of Hinduism in Modern Nepal [Diskussija o politicheskom statuse induizma v sovremennom Nepale]. *Concept: philosophy, religion, culture,* 2023. Vol. 7. No 1. Pp. 38–46 (in Russian).

Rybakova A.G. To the question about the problems of ethnic and religious demarcation on the example of modern Nepal [K voprosu o problemah jetnicheskoj i religioznoj demarkacii na primere sovremennogo Nepala]. *Academic research and conceptualization of religion in the 21st century: traditions and new challenges: collection of materials from the Third Congress of Russian researchers of religion (7–9 October 2016, Vladimir, Vladimir State University).* Vol. 2. Vladimir: Arkaim, 2016. Pp. 199–212 (in Russian).

About NCF Nepal. National Churches Fellowship of Nepal. https://ncfnepal.org/about-us/about-ncf-nepal/ (accessed on January 19, 2024) (in English).

Aryal K. Migration and Mission: Ministry among Nepali Migrant Workers in Malaysia. *Journal of Asian Mission,* 2020. Vol. 24. No 2. Pp. 199−219 (in English).

Beltramini E. Roman Catholic government and mission to Nepal in the 17th and 18th centuries: an assessment. *Journal of Asian Mission,* 2020. Vol. 24. No 2. Pp. 11–28 (in English).

Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0). Countries only. Center for Open Science. Available at: https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage (accessed on February 8, 2024) (in English).

Christianity in Sinja (Postdoctoral project). Samuele Poletti. Available at: https://www.samuelepoletti.com/Christianity-in-Sinja-Postdoctoral-project (in English).

Fricke T. Tamang Conversations: Culture, Politics, and the Christian Conversion Narrative in Nepal. *Contributions to Nepalese Studies,* 2008. Vol. 35. No 1. Pp. 35–62 (in English).

Gellner D., Letizia C. Religion and Identities in Post-Panchayat Nepal. Religion, Secularism, and Ethnicity in Contemporary Nepal. Edited by D.Gellner, L.Hausner. Oxford University Press: New Delhi. 2018. (in English).

Gibson I. Pentecostal Peacefulness: Virtue Ethics and the Reception of Theology in Nepal. *Journal of the Royal Anthropological Institute,* 2017. Vol. 23. Pp. 765–782 (in English).

Gibson I. Praying for Peace: Family Experiences of Christian Conversion in Bhaktapur. *Himalaya*. 2019. Vol. 39. No. 1. Pp. 53–68 (in English).

Kim H.S. A Missiological Assessment of the State and Christianity in Nepal. *Gospel and Mission,* 2014. Vol. 27. No 3. Pp. 213–255 (in English).

Nepal: Religious Prisoners Freed. Christianity Today. 16.07.1990. https://www.christianitytoday.com/ct/1990/july-16/nepal-religious-prisoners-freed.html (accessed on February 1, 2024) (in English).

Niwa M. Deepening and Spreading Suspicion: On the accusation of 'cunning' observed among Protestants in the Kathmandu Valley. *European Bulletin of Himalayan Research,* 2014. Vol. 45. Pp. 60–82 (in English).

Poletti S. A Promise of Unconditional Acceptance: Conversion to Chr bistianity and the Struggle for being in Sinja, Nepal. *European Bulletin of Himalayan Research,* 2021. Vol. 56. Pp. 76–98 (in English).

Poletti S. Blessed by the Lord: A Visual Portrait of a Jumli Pentecostal Congregation. *Himalaya,* 2021. No. 2(40). Pp. 119–133 (in English).

Poletti S. Miracles Matter and the Matter of Miracles. The Miraculous Reshaping of World and self among Nepali Pentecostal Christians. Terrain. *Anthropologie & Science Humaine*. 2022. Available at: https://journals.openedition.org/terrain/23528 (accessed on January 22, 2024) (in English).

Population Monograph of Nepal. Volume II. Central Bureau of Statistics. Kathmandu. 2014. 402 p. (in English).

Sharma B.K. A History of the Pentecostal Movement in Nepal. *Asian Journal of Pentecostal Studies and APTS Press,* 2001. Vol. 4. No 2. Pp. 295–305 (in English).

Shrestha R.P., Harper G. Macfarlane's Harvest: A Short History of the Nepali Protestant Community. *Journal of Asian Mission,* 2020. Vol. 24. No 2. Pp. 29–59 (in English).

Sikkim Population. Population Census 2011. Available at: https://www.census2011.co.in/census/state/sikkim.html (accessed on January 15, 2024) (in English).

The History of NTC. Nepal Theological College. Available at: https://nepaltheologicalcollege.org/the-history-of-ntc (accessed on February 9, 2024) (in English).

नेपालमा ८१ प्रतिशत हिन्दु, क्रिश्चियन २ प्रतिशत भन्दा कम. (81% Hindus, less than 2% Christians in Nepal). *Online Khabar*. 19.06.2023. Available at: https://www.onlinekhabar.com/2023/06/1316876 (accessed on January 20, 2024) (In Nepali).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета. E-mail: alent-tv@yandex.ru.

Ананьев Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, старший офицер отдела Главного центра научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru.

Голаев Михаил Александрович – аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. E-mail: golaev2000@mail.ru.

Денисов Александр Егорович – кандидат педагогических наук, начальник Военного учебного центра при Смоленском государственном университете. E-mail: alexandrden13@yandex.ru. ORCID: 0009-0008-5912-3044.

Жигалова Галина Алексеевна – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета по программе «Отечественная история». E-mail: st087416@student.spbu.ru.

Жигунова Ирина Ивановна – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: 9661614@mail.ru.

Заграевская Станислава Михайловна – соискатель кафедры информационных систем отделения интеллектуальных и кибернетических систем и технологий Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт». E-mail: szagraevskaya@yandex.ru.

Заграевская Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Института иностранных языков и международного туризма Пятигорского государственного университета. E-mail: zagraevskaya@yandex.ru.

Карнюшин Владимир Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: 17skva@mail.ru.

Королькова Анна Владиславовна – старший преподаватель кафедры английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета. E-mail: korolkovanura@mail.ru.

Кубарева Ксения Алексеевна – аспирант, ассистент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: kubareva_ksenia@mail.ru.

Кусов Азамат Русланович – соискатель кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Института иностранных

языков и международного туризма Пятигорского государственного университета. E-mail: i@kusov-1.ru@yandex.ru.

Лаптева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета. E-mail: Lapev@mail.ru.

Мязин Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: marknote@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-9819-0732.

Невзорова Инна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: i_nevzorova@mail.ru.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru.

Пасиков Станислав Алексеевич – аспирант кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: stanislavpasikov@yandex.ru.

Подтележникова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета. E-mail: podtelezhnikova@yandex.ru.

Разумных Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка химического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: amilano80@mail.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Ситянина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Брянского государственного технического университета. E-mail: sityaninan@mail.ru.

Скачкова Валентина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций Гомельского филиала Международного университета «МИТСО». (Республика Беларусь) E-mail: valentina.ska4@yandex.by.

Сунь Ихань – аспирант кафедры мировой литературы филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: syh221999@gmail.com.

Шитикова Анжелика Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений. E-mail: a.shitikova@inno.mgimo.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander BorisovichKamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Т.Г. Попова
Татьяна Георгиевна Попова – Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник сферы образования РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) факультета иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

О.Е. Похаленков
Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин
Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков
Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)
Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Departmentof Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)
Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Departmentof History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)
Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev
Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova
Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina
Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

A.V. Korolkova
Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova
Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

T.G. Popova
Tatiana Georgijevna Popova – Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of RF, Doctor of Philology, Professor, Professor of the English Department as the Second Language at the Faculty of Foreign Languages, Military University named after Prince Alexander Nevsky, Russian MoD

O.Y. Pokhalenkov
Oleg YevgenyevichPokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Departmentof Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin
Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov
Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)
L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2025 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс **– ПН182**

Адрес редакции и издателя:
214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2026, № 3(75)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *И.А. Казилина, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 26. 10. 2026. Формат 70x100$^{1}/_{16}$.
Усл. п. л. 21,50 Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная